

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ФРАНК ТИЛЬЕ

ЛЕНТА МЁБИУСА

**Впервые
на русском!**

18+

Франк Тилье заставляет в мгновение ока переходить
от ужаса к отчаянию, от отчаяния к надежде.

Le Parisien

Annotation

В своем первом деле молодой полицейский Вик Маршалль встречается с самой темной стороной профессии следователя. Он погружается в темный мир, сталкивается с настоящими монстрами. Декоратора Стефана Кисмета всегда преследовали видения, смутно предвещающие будущие события, но на сей раз его видения выстраиваются с ужасающей логикой: ему снится мертвая девочка, у него откуда-то взялось оружие, его разыскивает полиция. Пути Стефана и Виктора пересекаются. Но один из них еще ничего не видел, другой не ведает, что уже знает все...

- [Франк Тилъе](#)

-
-
-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)

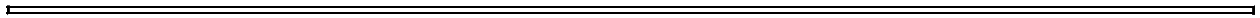
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [Эпилог](#)
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)

- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)

Франк Тилье

Лента Мёбиуса

Посвящается моему отцу

*Лицо твое – пугающая маска —
Навеки ужасом искажено,
Ты стал теперь чудовищем из сказки,
Тебе пугать детишек суждено.*

*Стихотворение неизвестного
автора об изуродованном лице, 14–
18*

Franck Thilliez

L'ANNEAU DE MOEBIUS

Copyright © Le Passage Paris – New York Editions, Paris 2008

© О. Егорова, перевод, 2018

© Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Восхождение Франка Тилье к славе началось с «Комнаты мертвых» (2005). Роман мгновенно стал бестселлером, завоевал читательскую премию «Набережная детектива» (2006), премию за лучший французский детектив компании «Французские железные дороги» (2007), по нему снят фильм с Мелани Лоран, Эриком Каравака, Жилем Лелушем и Жонатаном Заккаи в главных ролях. Триллеры Тилье переведены на десяток языков, за шестизначную сумму куплены британским издательством «Penguin Books». Впервые на русском – его роман «Лента Мёбиуса» (2008), восторженно встреченный европейскими читателями.

В искусстве строить детективную интригу Франку Тилье нет равных. Своих персонажей он погружает в жуткие истории, высвечивающие темные стороны их натуры. Сложный, документально проработанный роман «Лента Мёбиуса» насыщен действием, от которого у читателя мороз по коже.

Elle

Франк Тилье, как Стивен Кинг и Жан-Кристоф Гранже, обожаемые им авторы, любит помещать своих героев в экстремальные ситуации, которые углубляют проблемы их собственной психики.

Маша Се+—

* * *

У чтения есть одно магическое свойство: оно позволяет двигаться во времени вспять. Ничто не мешает вам, уже приблизившись к концу книги, снова вернуться к первым главам и найти героев такими, какими они были час, месяц, а может быть, и годы тому назад.

К сожалению, в жизни все совсем не так. Что прошло – то прошло. Так уж устроено...

В этом повествовании, которое начинается в 6:30 утра в четверг, 3 мая 2007 года, а заканчивается, если не считать эпилога, около 9:00 во вторник, 15 мая 2007 года, время играет ведущую роль. Чтобы вы могли лучше оценить эту историю, вам очень важно обращать внимание на обозначения времени в начале каждой главы.

Вам предстоит пройти и пережить двенадцать дней и двенадцать ночей. И это будет билет в один конец: билет в ад.

Счастливого пути.

Франк Тилье

1

Четверг, 3 мая, 6:30

Сон первый: Винные бутылки

Картинка у него перед глазами дрожала, то вырастая, то уменьшаясь. От этого дико ломило виски. Стефан остановился на середине лестницы и резко обернулся, прежде чем сбежать на первый этаж. Он нашарил выключатель в гостиной и несколько раз нажал. Но свет не зажегся. Не было света, были только кровавые следы, которые его пальцы оставляли на штукатурке. Мгновение он рассматривал свои руки, залитые красной жизнью, красной смертью, а потом снова помчался вниз по лестнице. Карманный фонарик вспарывал темноту. Собственное дыхание обжигало. Было больно. Было страшно.

Все стремительно промелькнуло у него перед глазами. Прямо перед ним, между колоннами, на стене, парадный портрет злобной и язвительной баронессы де Рей. Слева прелестная вьетнамская фарфоровая статуэтка, которую он снес одним движением локтя. На плиточном полу вскрытые упаковочные коробки, груда чемоданов, раскрытый сапожный нож...

Он бросился к двери и одним махом пролетел восемь ступенек, ведущих в подвал. Редкие окна этой холодной части огромного дома находились как раз на уровне сада, как иллюминаторы каменного корабля, идущего ко дну. В ранний утренний час окна пропускали лишь призрачный свет. Потом луч фонарика отразился в зеркале. Стефан замер. Пальцы его потянулись к трем глубоким царапинам на лице и скользнули вверх, к заплывшему, слезящемуся левому глазу.

В глухой ярости он саданул кулаком по зеркалу. И его отражение в рыбацком непромокаемом костюме цвета хаки взорвалось, словно граната.

Он побежал дальше по коридору, вдоль идущих по стенам труб. Желтоватый луч фонарика выхватывал из темноты ряды мясницких крюков, свисавших с потолка. Справа громоздилась груда каких-то

бесформенных волосатых предметов, брошенных на съедение времени.

Головы. Десятки отрубленных голов, десятки застывших в последнем крике лиц.

Стефан в тревоге посмотрел вверх. На первом этаже раздался шум, затопали легкие шаги, кто-то пробежал. Он обернулся, и от него с шипением быстро метнулась в сторону какая-то тень. Кот, его собственный кот не узнал хозяина.

Гонимый страхом, он помчался мимо полутемных комнат, возникавших то справа, то слева. В одной были собраны глазные яблоки, стояли банки с ногтями и прозрачные пакеты, туго набитые волосами. В другой были расклеены афиши фильмов: «Муха» Кроненберга, «Техасская резня бензопилой» Хупера, «Кошмар на улице Вязов» Уэса Крейвена.

Ну вот он и добрался. Вот она, предпоследняя комната. Перепрыгнув через провода, угольные брикеты и битые кирпичи, он бросился к винным бутылкам. И все остальное вокруг него исчезло: не было ни побега, ни смерти, ни крови. Сейчас самое важное – как стоят бутылки.

Стефан застыл перед стеллажом с алкоголем. Луч фонарика осветил первый ряд, и с особой тщательностью – то место, где находилось бордо урожая 1996 года. Во втором ряду стояли бутылки с бургундским урожаем 1999 года.

Бордо сверху, бургундское снизу.

Не может быть.

Он взгляделся еще раз. Бордо сверху, бургундское снизу.

Тогда фонарик выпал у него из руки и снизу, с полу, осветил следы от укусов на правом предплечье. Один след был лиловым, почти черным. Видно, игла сломалась и застряла в теле.

В отчаянии он упал на колени, застонал, как загнанный зверь, и заплакал, уткнувшись лбом в землю, набрав пыли в нос и рот. А потом вдруг вскочил от внезапно охватившей его ярости.

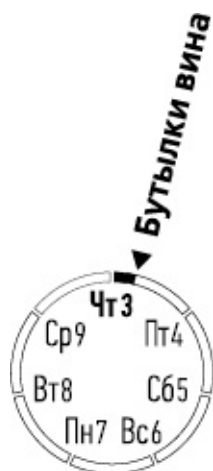
Стефан шагнул к стопке угольных брикетов, на которой лежал кусочек мела, схватил его и принялся вслепую что-то писать на кирпичной стене. Какие-то слова, фразы, еще и еще.

– Когда? Когда же ты все это прочтешь?

Мел быстро раскрошился, и под конец Стефан, казалось, писал голыми пальцами.

Он не увидел, не услышал, как в этот момент у него за спиной возникла чья-то массивная фигура и направила на него пистолет.

Цикл повторился.

Стиснув зубы, Вик Маршалль нажал кнопку мобильного и отсоединился. В темноте маленькой спальни он ощупью нашарил рубашку, черные джинсы, ремень «Леви Страус», кожаную кобуру, висевшую на ручке гребного тренажера, и открыл дверь в гостиную. Волна мягкого света залила линолеум. Булонь-Бийанкур^[1] просыпался под утренним солнышком.

– Звонил Мортье, – сказал он, услышав, что кровать скрипнула.

– Ну и?..

– Хочешь знать, что сказал напоследок этот придурок?

Голос его стал строже и суше:

– «Давай шевелись, V8, дел неупрощен. Но сначала я бы тебе посоветовал как следует позавтракать».

– V8?

Вик в полутьме натягивал джинсы.

– А я тебе не говорил?

– Ты вчера поздно вернулся...

– Это их последняя хохма, они меня так прозвали. V8 – восьмицилиндровый двигатель, где куча клапанов^[2].

Селина зажгла ночник, села на постели и откинула набок длинные черные волосы. Вик смотрел на нее с нежностью. Он любил это чисто женское движение, неуловимый поворот головы, который делал ее такой желанной. Она потянулась, как кошка, подняв руки ладонями к потолку.

– Все путем?

Вик перешагнул через пока не вскрытую коробку с детской коляской, обогнул мраморный шахматный столик и присел на постель рядом с Селиной.

– Несмотря на мерзкую тесноту?

– Несмотря на мерзкую тесноту.

– Нынче знаменательный день. Они подключают меня к делу. Настоящее кровавое преступление в Сент-Уан. Похоже, что...

Перехватив тревожный взгляд жены, он предпочел сменить тему:

– Ты не знаешь, где мои кроссовки?

– Кроссовки?

– Они все носят кроссовки, вся бригада. И постоянно меня подкалывают, все не могут решить, какое у меня будет прозвище: V8 или Малдер.

– Тебе незачем под них подстраиваться в одежде, милый.

– Я просто хочу прижиться в бригаде, только и всего.

Он наклонился и ласково погладил Селину по животу:

– Сегодня ночью я почувствовал, как она шевелится. Ты прижалась ко мне, и эта разбойница пару раз лягнула меня в спину.

– Вик... У меня срок всего четыре месяца, ты ничего не мог почувствовать. Говоришь, разбойница?

– Только девчонки начинают так рано лупить папочку. Еще не родилась, а уже прямо тигрица.

– Это будет мальчик.

Кончиком указательного пальца Вик обвел контур ее груди.

– Но ведь есть же результаты УЗИ, – шепнул он. – Этого достаточно...

– Нет! Надо подождать! Да и все равно ничего там не видно!

– Мне, наверное, будет тебя ни за что не убедить, даже такую полусонную.

Она приподнялась и принялась тереть волосы у него на груди. Он смотрел на ее тонкие, длинные руки. Ему нравилось за ними наблюдать и угадывать по их движениям все ее тайные намерения.

– Знаешь, я передумала насчет имени, – прошептала она.

– Ну-ка, ну-ка.

– Как думаешь, может быть, назвать его Тао, как моего деда?

– Тао? Это ты сегодня ночью придумала?

– Ага, странный сон приснился. Тао по-вьетнамски значит «созидание».

Он крепко прижал ее к груди:

– Хм... Симпатичное имя, Тао, такое мягкое, кругленькое, нежное... Его можно будет переделать в Тео или в Матео. Но все это напрасные хлопоты, потому что будет девочка.

Селина расплылась в улыбке, которая как-то слишком быстро потускнела. Словно защищаясь, она натянула на себя простыню. От матери-вьетнамки она унаследовала маленький рост, холодноватый блеск длинных черных волос, лукавые глаза и мягкий овал лица.

– Мне страшно, Вик.

– Ну пожалуйста, перестань психовать. И уж тем более не с утра.

– Да, но все это так... Крошечная квартира, а снаружи людская толкотня. Как в огромном курятнике.

– А ты что-то имеешь против кур?

Она тихо ответила:

– У меня нехорошее предчувствие, и оно касается ребенка.

Он нежно взял в руки ее маленькие кулачки:

– Предчувствие... Опять...

– Что бы ты ни говорил, а мне все равно так кажется.

Селине все время хотелось, чтобы ее успокаивали. Она с самого начала переживала свою беременность как испытание, как крест, который надо нести. «Ребенок не шевелится, ребенок не дышит, он, наверное, родится неполноценным». Тогда Вик принялся тихонько, нараспев ее уговаривать:

– О'кей, значит, надо сделать еще одно исследование. В четыре месяца бывает, что на УЗИ косточки носа не просматриваются. Маленький укол в живот, чтобы набрать чуть-чуть околоплодной жидкости и удостовериться, что у плода нет врожденных заболеваний. Они же не станут протыкать ему голову или дырывать желудок. В наше время почти все мамочки через это проходят. Договорились?

– Всегда есть крохотная вероятность, что что-то пойдет не так.

– Но она ничтожна!

– Ты отвезешь меня в понедельник?

Вик чуть отстранился:

– Посмотрим, малышка, если смогу. Я ведь всего три недели на службе. Представь себе, что будет, если не явлюсь!

– Значит, не отвезешь. Ладно, понятно. Твои кроссовки в стенном шкафчике в ванной.

И Селина погасила ночник.

Вик хотел было снова начать разговор, но вместо этого вышел ссутулившись. Лучше будет оставить все как есть. Он закончил одеваться,

поднял жалюзи и выглянул в окно. С высоты четвертого этажа была видна Сена, телебашня Первого канала и целая армада безликих домов. Странное полотно, сотканное из стали и бетона. Вик надел кобуру и сунул полицейское удостоверение во внутренний карман куртки. В ванной он снова достал из кобуры свой «зиг-зауэр»^[3], несколько раз нажал на курок и скорчил зверскую гримасу, а потом, не удержавшись, завел руку с пистолетом далеко назад и, стиснув зубы, беззвучно заорал.

Потом погасил свет и снова вошел в спальню:

– До вечера, малышка.

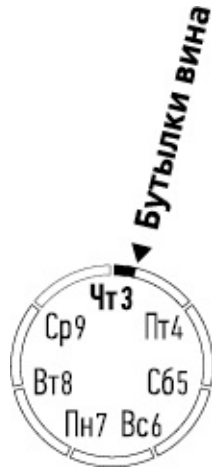
Он наклонился, чтобы поцеловать жену, но она отвернулась. От ее кожи исходил аромат южного солнца.

Вик вышел, ощутив тревожный укол в сердце. Селина останется до вечера в этой тесной конуре и весь день будет размышлять в одиночестве. А потом пролетят пять месяцев, и настанет пора рожать, и на свет появится новая жизнь.

Майор Мортье настоятельно советовал ему плотно позавтракать. Но Вик не последовал лукавому совету: не хватало еще, чтобы его вырвало на месте преступления.

3

Четверг, 3 мая, 6:50

Стефан Кисмет сунул лицо под холодную воду, чтобы удостовериться, что окончательно проснулся. Он внимательно осмотрел правое предплечье перед зеркалом в ванной и не увидел никаких следов от укулов. И никаких царапин и синяка под глазом. Он натянул джинсы, футболку и пуловер, такой же черный, как его длинные, спадавшие на спину волосы. Было начало мая, и мрачные стены дома оживляли лучи весеннего солнышка. В глубине гостиной Стефан включил на полную мощность один из электрических нагревателей, а остальные, еще в упаковках, стояли возле переборки. Повсюду виднелись либо запакованные, либо едва распакованные вещи. Случившаяся катастрофа отбила всякую охоту навести порядок или украсить жилище.

Его жена Сильвия завтракала в одиночестве, склонившись над чашкой кофе. Свет с улицы золотил ее лицо. Окно у нее за спиной выходило на настоящую стену из дубов и буков, охранявших лесное поместье в пятнадцать гектаров, расположенное в Ламорлэ на Уазе.

– Опять началось, – выдохнул Стефан.

Сильвия подняла усталое лицо:

– Где на этот раз?

– В мастерской, в подвале. Я проснулся на голой земле.

– В подвале... Ты опять меня оставил одну на всю ночь.

– Мне надо было закончить манекен Карлы Мартинес. Это очень важная деталь для съемок в Сент-Уане, сроки поджимают. Я, должно быть,

заснул прямо за работой и...

– Понятно... – сухо заметила Сильвия.

Стефан налил себе кофе и отпил глоток.

– Странно все это. Я ведь запомнил свой сон.

– Впервые за тридцать один год. И что тебе пригрезилось?

– Как тебе объяснить? Я словно все это действительно пережил. Все ощущения как наяву: звуки, образы, даже шум собственного дыхания. До сих пор мурашки по коже!

Сильвия быстро на него взглянула:

– Я задала тебе вопрос, но ты, как всегда, ушел от прямого ответа.

Она встала и поставила чашку в раковину. В углу кот самозабвенно лакал из миски молоко.

– Мне пора. Сегодня тяжелый день: надо обойти шесть адресов в Восемнадцатом округе. Раньше десяти вечера меня не жди.

Стефан поправил рукава пуловера и почувствовал, что захмелел от кофеина.

– Опять так поздно?

– Ну и что? Мы тут и так почти не встречаемся. В последние два месяца я все чаще себя спрашиваю, уж не перешла ли я в разряд призраков? – Она бросила на него суровый взгляд и прибавила, поджав губы: – Может, будь у меня голова одного из твоих монстров, ты бы уделял мне больше внимания?

Стефан пожал плечами. Сильвия нанесла удар, как молния, способная разрядить за какую-то долю секунды заряд в тысячи вольт.

– Дело не в этом. Просто мне нужно время, чтобы забыть.

– Забыть? То есть ты полагаешь, дело в том, чтобы забыть?

Стефан двинулся к ней, но она отошла к холодильнику, достала кусочек льда и осторожно провела им по губам.

– Твои таблетки на буфете, – сказала она, глядясь в карманное зеркальце и поправляя макияж. – Я там кое-что оставила в холодильнике на обед, так постарайся все-таки поесть.

Никакой реакции. Стефан не шевелясь впился глазами в свои костлявые руки, и в глубине мутных зрачков мужа Сильвия уловила нечто гораздо более серьезное, чем простая рассеянность. Эту наползающую тень она видела уже много раз и всякий раз пугалась.

Стефан принялся рассказывать:

– Нынче ночью на мне был рыбацкий костюм Поля, который мне сильно велик. Я этого костюма не видел уже лет двадцать, отец его где-то потерял. Я не помню ни его цвета, ни ткани и не уверен вообще, был ли он.

И однако, я сразу узнал заржавленное кольцо на кармане, дырку на клапане и жирное пятно возле воротника. В один миг все это всплыло у меня в памяти.

– И что?

– И что?! Как такое могло случиться? Как я мог вспомнить такие детали, если я обычно забываю свои сны?

Он вдруг схватил жену за руку и потащил за собой.

– Ты чего? – вскрикнула Сильвия.

Они прошли через холл, он впереди, она за ним. Восьмиугольная комната, украшенная великолепными резными балясинами, была самым сокровенным местом в доме, его душой.

– Вот здесь, точно, вот здесь стояла вьетнамская фарфоровая статуэтка. Фигурка сантиметров тридцать-сорок высотой, в длинной, до пят, одежде и в шляпе из пальмовых листьев. Я ее видел, вот как тебя сейчас, словно она всегда здесь была. И – бабах! Я ее разбил, зацепил неосторожным движением. У меня какое-то нехорошее, опасное чувство дежавю!

– У меня тоже ощущение дежавю. Хвост поезда в конце перрона и дура в деловом костюме, которая примчалась запыхавшись и все равно опоздала. Что мне говорить своим клиентам, чтобы объяснить опоздание?

Стефан выпустил руку жены и взгляделся в синеву ее глаз, где плясали золотистые искорки.

– Еще пару секунд. Только две секунды, ладно? Я должен... кое-что проверить... Припомни, как ты уложила в погребу винные бутылки, когда мы переехали.

– Бутылки? Зачем тебе?

– Пойдем. Это очень важно.

Она заколебалась, глядя на часы, потом все-таки пошла за ним следом. Они спустились в подвал, освещенный запыленными лампами.

– А в моем сне электричества не было. Я держал в руке фонарик, кстати не мой. И тут было... Ну да, восемь ступенек. Как я мог знать, что их восемь?

Сильвия вздрогнула. Она терпеть не могла спускаться в этот мрачный подвал, с его коридорами и зловещими комнатами, где Стефан оборудовал себе мастерскую. Все в этом доме было каким-то несоразмерно огромным. А она так любила Париж, с его шумом, с его огнями...

Она отозвалась в надежде, что звук собственного голоса придаст ей уверенности:

– Я тебе объяснить не смогу. Надо ехать во Вьетнам. Так вот, та самая

статуэтка – это подарок, сувенир из тех, что тебе всегда нравилось привозить из отпуска. А про ступеньки и отцовский рыбацкий костюм почитай у Фрейда. Может быть, твое подсознание вытаскивает на свет божий кучу деталей из прошлого. Черт возьми, да тут у тебя тонны старых книг, доказывающих, что ты гораздо больше моего знаешь и о Фрейде, и о снах, разве не так?

Они миновали зал, где Стефан держал старые манекены с разобранными телами и отвинченными головами, потом комнату, где хранились бумаги, касавшиеся кино: афиши, листки с титрами фильмов, рабочие чертежи, заезженные Mad Movies^[4] и обрывки раскадровок. Потом они очутились перед закрытой дверью, где чернел омерзительный рисунок, сделанный угольным карандашом: ребенок с источенными болезнью ручками и ножками. Сильвия поспешно отвернулась. Дальше располагался «рабочий кабинет», а над входом в него висел плакат: «Darkland»^[5]. Стефан резко свернул в сторону и опустился на колени перед штабелем винных бутылок:

– Ты точно ставила бургундское 1999 года сверху, а бордо 1996 года – снизу?

Она не колеблясь ответила:

– Конечно. В соответствии со сроком хранения. А что?

Он осторожно взял бутылку бургундского, потом бутылку бордо, поменял их местами и задумчиво на них посмотрел, поглаживая отросшую бородку.

– А в моем кошмаре они стояли вот так.

– И это все? Это и есть то самое «очень важное»?

– Когда я увидел, что бутылки поменялись местами, я закричал и расплакался. Что это могло означать?

– Что ты не любишь, когда трогают твои бутылки и вообще когда лезут в твои дела. Что ты помешан на деталях, на совпадениях, что... эта твоя одержимость становится опасной. Ладно, я пошла!

– И еще... У меня были три глубокие царапины на щеке и подбит глаз. И кто-то целился в меня из пистолета, когда я мелом писал на стене.

– А что ты такое писал?

– Не знаю. Там было темно. Фонарик валялся на полу, и я как-то не подумал его зажечь.

– Вот уж действительно неприятность...

Сильвия поправила на себе бежевый английский костюм и зябко потерла плечи. Прямо перед ней в струе воздуха поблескивала паутина.

– Это всего лишь сон, Стефан. Нелепый сон, каких ты видел множество, разве что раньше ничего не помнил. Немудрено, что он тебе показался странным. Это... это потому, что ты впервые смог его вспомнить.

– Нет! Во сне окружающая обстановка постоянно меняется и невозможно сосредоточиться, читать, писать, считать. Это доказано исследованиями. Но я-то читал этикетки, я писал на стене, и все было логично и связно.

– При условии, что рыдать перед винными бутылками – вполне логичное дело. Я пошла. Не забудь про таблетки.

Стефан с вызовом выпрямился:

– Я больше не стану их принимать. Мне гораздо лучше.

– Лучше? Ты находишь? Никакого улучшения не было. Я не хочу еще раз пережить весь этот ад.

Стефан нахлобучил себе на голову латексную копию маски из фильма «Маска» и загоготал, подражая голосу Джима Керри:

– Нынче ночью, я обещаю, мы займемся любовью, моя цыпочка. Любо-о-овью, со всякими там *хо-хо*, *хи-хи* и *ха-ха*! – И вдруг оборвал маскарад. – Я что, действительно скверно выгляжу?

– Хуже некуда.

Она слегка отстранила его рукой:

– Раньше ты меня смешил, потому что все у тебя получалось легко, естественно, без напряжения. А теперь ты как актер-неудачник, который силится побороть мандраж. До вечера.

Стефан так и остался стоять, словно налитый свинцом, с маской в руках. А за серым от грязи окном возле «ауди» появились стройные ноги жены. Когда хлопнула дверца автомобиля, он вдруг понял, что они его больше не интересуют. И *она* его тоже больше не интересуется.

И в наступившей сумрачной тишине он швырнул на стол зеленую маску. Включил вентиляцию, зажег мощные галогенные лампы и приголубил своих мрачных кукол:

– Ну как ты, приятель? А ты? А ты?

Поговорил с профессором Мабуловым^[6], с Хищной Пастью. Последний монстр, получеловек-полузверь, обладатель огромной пасти (сто восемьдесят острейших зубов – это вам не шуточки), служил для съемок второй серии фильма «Нейронная атака». Немалое количество сделанных им муляжей теперь упокоилось в грузовых тележках. Так кончали жизнь киноперсонажи, впрочем, как и их создатели, в безымянных подвалах.

Среди всех манекенов был один, к которому Стефан относился с

особой заботой: обаятельное создание точно такого же роста, как и он сам, то есть метр семьдесят девять. Чтобы его сделать, он снял маску со своего лица, засунув в нос соломинки, чтобы дышать, пока латекс стекал по гипсовым бинтам. А в открытом черепе монстра вместо мозга виднелось то же самое лицо, только поменьше. Этот персонаж в съемках никогда не участвовал.

Стефан назвал его Darkness. Тьма. Сумрак.

Его сумрак.

Он включил кофеварку, приготовил себе чашку кофе и уселся перед манекеном молодой женщины лет тридцати. Карле Мартинес в фильме «Кровавая лощина» любовник перерезает горло. Съемки шли уже две недели, и манекен надо закончить к понедельнику, то есть через четыре дня. В этой сцене камера наезжает и дает крупным планом сначала глаза, а потом глубокий надрез на шее. К этому моменту Карла Мартинес уже пять дней как мертва.

Значит, надо принять во внимание, что тело уже подверглось деформации и разложению из-за жары и насекомых. Быть гримером, мастером пластики, специалистом по муляжам означает разбираться в медицине, в патанатомии и в тонкостях судебно-медицинской экспертизы. Приходится коллекционировать фотографии трупов обоего пола, и худых и толстых, в разных стадиях разложения.

Стефан отодвинул в сторону электромиксер, машинку для стрижки и защитные маски, развернул полученную по почте афишу «Испорченной Милашки» Тода Браунинга с Лоном Чейни в главной роли и тщательно разместил телескопическую лупу напротив латексного бюста. Выпив кофе, он принялся под психоделические гитарные аккорды «White Zombie»^[7] что-то выщипывать пинцетом из орбиты левого стеклянного глаза муляжа. Ставить на место ресницы было занятием деликатным и требовало немалого времени.

Зачесалось предплечье, и он машинально поднял рукав. Слава богу, никаких следов от уколов. Оторвавшись от работы, он открыл записную книжку, один из множества бесполезных подарков. Он регулярно получал от студии «ZFX Méliés Films» то карандаши, то записные книжки, то калькуляторы.

Когда у него появились приступы сомнамбулизма (а это началось лет с семи), врач посоветовал ему записывать свои сны в записную книжку. Но вот уже двадцать четыре года ее листки так и оставались пустыми.

В эту книжку он подробно записал весь свой кошмар. Ну, по крайней мере все, что запомнил. Измазанные кровью руки, спуск в подвал,

царапины на лице. Ничего не упустил: число ступенек, расположение винных бутылок, вьетнамскую статуэтку, следы от уколов на правом предплечье. И вверху первой страницы вывел название сна: «Винные бутылки».

Потом перечитал то, что получилось. Какой же смысл таился в этом нагромождении несуразностей?

Ему вспомнилось последнее, что он сделал в подземелье. То есть не он, а его виртуальный двойник, но в конечном счете все-таки он: поднял с угольной кучи кусочек мела и принялся писать на кирпичной стене строки, которые нельзя было прочесть. Он все еще слышал скрип белой палочки по кирпичу.

Стефан встал, миновал вереницу масок и пошел по бесконечному коридору с плиточным полом и потрескавшимся потолком, утыканным мясницкими крюками. Он ничего не трогал в этом помещении, оставил все как было. Он и глаз-то положил на этот дом главным образом из-за мертвой зоны пустующего подвала. Здесь у него собственное ателье, здесь он дома, в спокойной колыбели леса. Истинное горнило вдохновения.

Вот и штабель угольных брикетов, он помнил, как перепрыгивал через запыленные куски угля. Но во сне эти куски были разбросаны по полу, а сейчас они лежали аккуратной кучкой.

И никакого мела. Но все-таки тягостное ощущение дежавю его не покидало.

Он машинально ухватился за край одного из ящиков с брикетами и вытряхнул его на пол, чтобы все было как во сне. И вдруг застыл на месте.

Там, посередине кучи.

Белая точка мела.

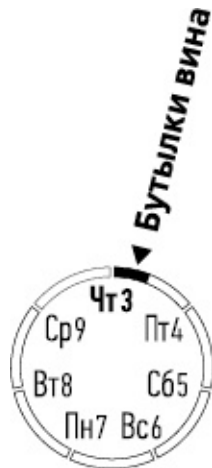
Значит, мел все-таки был.

Ошеломленный, Стефан подошел ближе.

Какого черта на самой макушке горки угольных брикетов торчал кусочек белого мела?

4

Четверг, 3 мая, 10:14

Вик ехал от Булонь-Бийанкур до Сент-Уан час с четвертью. На окружной дороге в районе станции метро «Порт Майо» грузовичок столкнулся с мотоциклом. Естественно, образовалась пробка, которая с невероятной быстротой перекрыла все подъезды к столице с запада. Вот за что он всегда ненавидел Париж.

Руль намок от его вспотевших рук. И никак не предупредить бригаду о том, что он опоздает. Батарейка его мобильного разряжалась очень быстро, а Вик, с тех пор как поступил на службу, все никак не мог найти время, чтобы ее поменять. Вот Мортье разорется... Скверное начало для боевого крещения.

Наконец GPS вывел его к фасаду какого-то пакгауза, приспособленного под мастерскую. Здание находилось на отшибе, вдали от главных улиц, рядом с киностудией «Календрум» и еще какими-то заброшенными домами. Повсюду работали разные подразделения полиции. Хлопали крышки багажников, стрекотали раздвижные дверцы фургонов экспертной службы. Люди в разноцветной униформе – синей, белой, зеленой – исполняли свой печальный балет посреди серой и мрачной территории.

– Тебе «рикар»^[8] с тремя оливками не подать?

Вик обернулся на голос лейтенанта Жоффруа, который с 1988 года служил в Первом дивизионе. С Жоффруа он сталкивался в полицейских участках в Божоне, в Восьмом округе, а потом на бульваре Бесьер,

в Семнадцатом. Он был «из стариков», то есть человеком бывалым, – таких обычно относят к категории «необузданных, с которыми лучше не связываться».

– На Окружной случилась авария, и мой...

– Ты облажался, V8. А мигалка на что?

– Мигалка? Какая еще мигалка?

– Ладно, я понял.

– А что случилось?

– Некогда объяснять. Увидимся в отделении.

Жоффруа, затянутый в потертую кожаную косуху, бросил ему, садясь в машину:

– А обувка твоя никуда не годится.

Вик оглядел свои заношенные до дыр черные кроссовки и поплотнее запахнул куртку. Небо было свинцовое, а температура вовсе не радовала майской приветливостью. Это тебе не Авиньон, какие уж тут оливки.

Массивная фигура майора Мортье возвышалась у входа в пакгауз. Сегодня он явно был не расположен жевать любимые чипсы с паприкой. Мортье перчил любую еду. Может, хотел лишний раз напомнить о своем задиристом, колючем и неуживчивом характере. Вик был с ним знаком всего двадцать дней, но уже понял, что тот способен взорваться в любое время и в любом месте.

Подходя к нему, лейтенант заметил, как напряжены его по-военному вытянутые руки. Это был скверный признак.

– Господин майор, я...

– Ничего не говори, Маршаль. Плевал я на твои оправдания. Посторонись.

Они отошли в сторону и пропустили носилки, на которых виднелся не обычный пакет для перевозки трупов, а тент из плотной ткани, не позволяющей нейлону соприкасаться с телом. Казалось, носильщики в масках несут канадскую палатку. За ними шли сотрудники экспертной службы с запечатанными пакетами в руках. Никто не говорил ни слова, все шли, глядя в землю. В одном из прозрачных пакетов Вик заметил кусочек белого мела. В другом – какой-то странный круглый предмет, покрытый ржавчиной и выпачканный кровью. Были и еще пакеты: в одном лоскуток ткани, в другом волосы...

– Внутри кто-то еще остался? – спросил Мортье.

– Ван и двое из технической службы. Они заканчивают с фотографиями и готовятся забрать постельное белье с кровати и всю эту кучу кукол.

– Кукол? – переспросил Вик.

– Да. Там в изножье кровати старые куклы, ровно восемнадцать штук. Их принес убийца.

Мортье двинулся за носильщиками, не обращая внимания на лейтенанта.

– А я? Что я должен делать, господин майор?

– Ты? Ты сейчас пойдешь туда, в дом, поговоришь с Ваном, а потом вы оба поедете в Аркёй.

– В Аркёй?

– Проинформировать и допросить ее любовницу.

– Любовницу? Так жертва была...

– Вполне вероятно, лесбиянкой.

Вик посмотрел на тент, колыхавшийся на ветру. Мортье протянул ему маску из хлопчатой ткани:

– На, держи, надень ее, когда войдешь внутрь, а то еще расстанешься с завтраком.

– Я ничем не рискую: я не завтракал.

Лысый череп майора чуть дернулся, а губы пошевелились и растянулись, что вполне можно было принять за улыбку.

– Молодец, у тебя хорошая реакция. Правда, если бы ты служил подольше, ты бы знал, что лучше уж поесть, а потом блевануть, чем хлопнуться в обморок.

Вик уже отошел в сторону, но майор его окликнул:

– Ну так как, V8?

– Что?

– Посмотреть хочешь?

– Простите?

– На тело не хочешь взглянуть? Подойди.

У Вика замерло сердце, все мышцы напряглись. Мортье без предупреждения приподнял ткань.

В горле лейтенанта застрял ком.

– О господи... – только и смог он произнести, прижав ладонь к животу.

– Оставь Бога там, где Он пребывает, Он нечасто спускается на землю.

Ни для нас, ни для нее.

Мортье опустил завесу.

– Ну вот ты и прошел посвящение. Тяжкое посвящение. Надеюсь, ты будешь на высоте. Это я настоял, чтобы тебя вызвали сюда.

– Но что же с ней произошло?

– Ну, она нам этого не скажет.

Майор вплотную приблизил лицо к лицу Вика, обдав его запахом табака и паприки.

– И последнее, V8. Еще раз опоздаешь или наложишь в штаны в этом деле – отправлю тебя париться в Аржантёй или в Сен-Дени. И мне плевать на злоупотребление властью и твои связи, о'кей?

– Да... я понял, господин майор. Но только не было никакого злоупотребления. Если я нахожусь здесь, то только благодаря собственным достижениям.

– Это с такими-то паршивыми баллами за стрельбу и рукопашный бой? Послушать твоих инструкторов, так тебя бы одолел и человек без рук и без ног.

– Именно поэтому я и выбрал криминальную полицию, а не отдел по борьбе с наркотиками или опербригаду. Трупы по большей части сопротивления не оказывают.

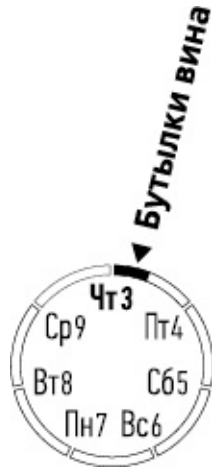
Он мог бы рассказать майору, что Демосфен, один из самых блестящих древнегреческих ораторов, был заикой, а Бетховен создал свои лучшие произведения, лишившись слуха, но почувствовал, что ему будет лучше остаться как есть – полной посредственностью.

Лысый сыщик вытащил сигарету:

– Ну-ну... Иди давай. И возвращайся с новостями. Я люблю, чтобы все делалось быстро.

5

Четверг, 3 мая, 10:26

Вика поразило, что за таким заурядным фасадом, в ряду одинаковых безымянных строений, мог скрываться роскошный светлый интерьер, необычайно просторный и обставленный с большим вкусом. Изобилие хромировки, алебаstra и эбена. На глазок площадь помещения была никак не меньше шестидесяти пяти квадратных метров.

Пройдя через фитнес-зал – беговая дорожка, скамейка для силовых упражнений, велотренажер, – Вик почувствовал сильный резкий запах и остановился. Пожалуй, пора надеть маску. Он ни разу не ощущал, как пахнет смерть, но инстинкт подсказывал, что именно так и пахнет: от нее несет гнилью, как от мяса, оставленного на жаре.

Перед тем как войти в спальню, Вик потер виски и набрал в грудь побольше воздуха. Он сгорал от возбуждения и умирал от страха, как перед партией в шахматы. Сейчас он будет осматривать первое в жизни место преступления. На ум пришел Брэд Питт в фильме «Семь». Ему точно так же хотелось справиться, несмотря на неопытность.

На месте преступления картинки быстро сменяли друг друга. Вот устроился перед ноутбуком лейтенант Ван. Слева от него склонились над своим оборудованием техники. В глубине комнаты справа – матрас, заляпанный кровью, и окровавленные простыни в пластиковых пакетах. Над кроватью постер с нагой женской фигурой, и на нем мелом написано: «78/100». А на полу – куклы, то ли просто сваленные в кучку, то ли обнявшиеся. Среди них попадались куклы-взрослые, они, словно матери,

оберегали своих кукольных детей. В их стеклянных глазах в свете ярких прожекторов плясали синие, зеленые и карие огоньки. У Вика возникло странное впечатление, что каучуковые создания вот-вот закричат.

Сзади, оторвав его от этих мыслей, прозвучал голос:

– Впечатляет, правда? И ведь они не как попало брошены. Этот мерзавец явно не торопился, раскладывал их именно так, а не иначе.

Это сказал Мо Ван, китаец, полцентнера мускулов, рост метр пятьдесят семь, черные, как битум, волосы. Выглядел он лет на тридцать, хотя ему уже перевалило за сорок пять. Он поднял с пола одну из кукол и чуть наклонил, чтобы она закрыла глаза.

Оба полицейских не стали здороваться за руку.

– Странно, – произнес Ван, словно говоря сам с собой. – У нас в Китае у большинства кукол нет век. А если и есть, то без ресниц. Никогда не знал почему.

– А вот волосы, наоборот, очень длинные, черные, как у тебя. У моей жены есть такая кукла, она ей досталась еще от бабушки.

Лицо Вана помрачнело. Маску он надевать не стал и махнул рукой Вику, чтобы тот подошел.

– А вот эту ты видел?

Он указал на куклу-голыша с изуродованным тельцем, раздутыми ручками и ножками и рябым личиком. Одна нога у нее была короче другой, а левое предплечье явно кто-то отрубил.

– Он специально расплавлял каучук, чтобы добиться таких деформаций. Возможно, пустил в ход горелку. Вытянул затылок и правую ногу, а на лице, особенно справа, насажал бугорков. И еще точным ударом отрубил левое предплечье. Кукол восемнадцать, и только одна эта так изуродована.

Глядя на застывших кукольных мамочек и хрупких кукольных детишек, Вик подумал о Селине, о ее животе. Не просматривается носовая кость. Гудящее эхо наследственных заболеваний. Он обернулся к выходу:

– Не понимаю, как ты можешь выносить этот запах. Или ты хочешь сказать, что и к этому постепенно привыкают?

Лейтенант Ван выпрямился и почесал губу. Ноготь у него на левом мизинце выдавался сантиметра на два и прорвал латексную перчатку.

– Мой отец работал в дешевом ресторанчике под названием «Мой Пхуон». Уверяю тебя, по сравнению с вонью у них на кухне здесь просто розы благоухают.

– Вот поэтому я никогда не поеду в Китай.

– Ресторан и теперь открыт. Авеню д'Иври, в Тринадцатом округе.

Вику вдруг стало жарко и очень захотелось пить.

– Я мельком взглянул на труп, – сказал он, облизав губы под маской. – Лица не видел, только тело. Я в этом не особенно разбираюсь, но мне показалось, что оно не разложилось.

– И не должно было. В первом приближении смерть произошла нынче ночью.

– Но тогда откуда эта вонь?

– Про вонь ничего не известно. Как и про этих кукол... Никто ничего не знает. Зачем они здесь? Почему их восемнадцать? Почему тут и пупсы, и куклы-взрослые? И почему одна так изуродована? Не нравится мне все это. Убийца, у которого вместо мозгов черт знает что, – дурной признак.

Вик тоже выпрямился. Его одолевала небольшая слабость, но тошноты не было. Он посмотрел на запачканную кровать, где капли крови уже обрели оттенок тутовых ягод. В конечном счете он был доволен, что опоздал, и теперь испытывал постыдную радость, что избежал самого худшего. Отсутствие тела обезличивало всю сцену.

Обернувшись к Вану, он указал пальцем на костыль в углу:

– Это ее костыль? У нее что, нога была сломана?

– Вскрытие покажет. Самое занятное то, что на костыле отпечатки трех или четырех разных людей.

– А маленькие лужицы воды на каменном полу? Я один такой след видел, когда входил в комнату.

– Значит, ты считаешь...

– Про это тоже ничего не известно?

– Верно. Ты все на лету схватываешь. Просто невероятно.

Вик набрал воздуха в легкие и ринулся в бой:

– Расскажи-ка мне все, что ты увидел, когда вошел. В деталях.

Мо Ван отпустил техников, работавших в спальне.

– Я не знаю, зачем они подключили тебя к этому делу. Пользы тебе с этого не будет.

– Почему?

– Тебе преподнесли отравленный подарочек. Ты очень молод, гладко выбрит, ты женат. Жене твоей это вряд ли понравится.

– Это касается только меня.

– Ты еще зеленый новичок, парень. Японцы в школах сумо с детства бьют учеников палкой по башке, чтобы они совершенствовались и делали успехи. И знаешь, большинство бросают заниматься, едва начав.

Натянув латексную перчатку, Вик направился к выключателю и попытался включить свет.

– А жизнь вообще – сплошное битье палкой по башке, – отозвался он. – Но я умею держать удар.

– У тебя была сладкая жизнь, по-французски сладкая, у тебя были деньги, был дом, куда ты возвращался. О каких ударах ты говоришь? – Он пожал плечами и продолжил: – Не возись со светом, света нет. Его не было, уже когда мы приехали. В этой хибаре не осталось ни одного целого предохранителя. И не говори, что это странно, без тебя знаю.

Ван подошел к луже крови и указал на постер: на нем в солнечных лучах нежилась на белом песке женщина.

– Это жертва. Аннабель Леруа.

– Вот черт...

– Да уж... Бывшая порнозвезда, которая стала независимой путаной класса люкс. Когда я говорю «бывшая», это значит, что ей было двадцать шесть лет, а когда я говорю «класса люкс», то это действительно люкс. Добыча для жирных рыб: администрация президента, бизнесмены, адвокаты.

Он выдержал многозначительную паузу.

Вик разглядывал силиконовые губы и искусственный ультрафиолетовый загар на глянцевой бумаге постера.

– Ох ты черт, ну и бомбочка!

– И теперь она взорвалась. Ее, с раздвинутыми ногами, привязали к кровати.

– Головой вверх? Глаза были завязаны или нет? Она была голая?

– Да, нет, да. Не строй из себя профайлера, парень, ты довольно быстро поймешь: ничего не бывает просто так. Но я тебе не учитель. Ты только что из школы, у тебя еще голод до дел, и это нормально. Но это быстро пройдет. Может, уже завтра ты предпочтешь остаться дома.

Ван похрустел суставами пальцев. Эту процедуру он регулярно проделывал по несколько раз на дню.

– Судмедэксперт насчитал больше ста иголок, повсюду воткнутых в тело: в лоб, в скулы, в плечи, в грудь, в ноги.

Вик поежился:

– Акупунктура? Игры садомазо?

– Просто бойня. Иначе бывает редко. Убийца отрезал ей последние фаланги пальцев, вырезал язык и губы. Она была голая, но он обернул ей бедра простыней: вроде бы одел и срам прикрыл. А вот челюсти были раздвинуты такой заржавевшей штуковиной, наподобие... Ну как ее... Черт, как она называется?

Вик, застыв на месте, глядел на матрас. Жестокие слова Вана стучали

у него в мозгу.

– Эй, лейтенант, как она называется?

– Расширитель челюстей?

– Вот-вот, расширитель. По виду многочисленных резаных ран и по тому, что жертва сильно потела, Демектен полагает, что пытка продолжалась немалое время.

– Демектен?

– Это судмедэксперт.

До Вика с большим опозданием дошел конец фразы: «немалое время». Совсем как в фильмах или романах. Какой преступник задержится на месте преступления, кроме отъявленного садиста?

Он попытался размышлять по правилам. «Никаких эмоций», объясняли им в курсе психологии. Как будто можно контролировать свое нутро.

– Сексуальные услуги?

– Нет, и это тоже нет. Тут что-то другое. У нее в правой руке был зажат обрывок какой-то странной кожи... похожий на шкурку змеи.

Не прерывая объяснений, он указал носком ботинка место возле кровати:

– А вот эти три вмятины, расположенные треугольником, тебе ни о чем не говорят?

Вик присел на корточки:

– Похоже на следы от штатива, от треноги.

– Вот-вот. Возможно, преступление фотографировали.

– Неправда, не может быть.

Мо Ван подошел к выдвижным ящикам:

– По предварительным данным, Леруа сняла это помещение всего два месяца назад. У нее обнаружили счета из агентства по найму помещений, и первый датирован мартом.

Вик стащил с себя маску: в ней стало душно. Потом взглянул на стену за кроватью:

– Тут на постере написано: «78/100». Что думаешь по этому поводу? Семьдесят восемь из ста? Семьдесят восемь процентов? Семьдесят восемь сантиметров?

Он ближе подошел к постеру. Четкий, уверенный почерк не выдавал ни страха, ни паники, ни гнева.

– Пока рано говорить. Может, какая-нибудь пометка? Лично я дал бы сто из ста. Такие грудастые блондинки в моем вкусе. Но проблема в том, что концы с концами не сходятся в другом плане.

– Он оставил мел?

– Мел упал на пол, раскололся, и кусочек закатился под шкаф. Похоже, тут он и лопухнулся, потому что на кусочке остались фрагментарные отпечатки. Правда, вряд ли из них что удастся вытянуть для картотеки, но посмотрим... И вообще, отстань со своими вопросами, я уже ими сыт по горло.

В группе у Вана была репутация сангвиника. Как только они с Виком оказались рядом – не по своей воле, просто у них был один рабочий кабинет, – Вик сразу подумал о Селине, с ее вьетнамскими корнями. А когда он показал китайцу фото жены, тот резко сменил тон.

– Ладно, поехали, – приказал Ван. – Нам предстоит Панама^[9], вольный край наслаждений.

– Чтобы допросить ее... любовницу, ты так сказал?

– Жюльетта Понселе. Она подвизается в порно.

– Актриса?

– Это как посмотреть. Подожди-ка... Вот, пара минут фильма.

Вик подошел к ноутбуку.

– Мы порылись в бумагах, – объяснил Ван. – Эта Жюльетта Понселе уже наверняка получила сообщение и теперь намылится переезжать.

Он включил видео, которое сразу потрясло Вика.

– Вот мерзость, да выключи ты это!

– Что, грязная штука? Одного не пойму: как такая красотка, как Леруа, могла знаться с этой бабищей?

Ван выключил ноутбук и показал Вику записную книжку:

– Похоже, у нашей шлюхи высокого полета имелся еженедельник, куда она записывала адреса всех клиентов.

– Если убийца его не прихватил с собой, значит он не был клиентом.

– Посмотрим. Или он просто умный человек. Такое редко, но бывает. И он оставил еженедельник на месте, чтобы отвести от себя подозрения.

– А как он вошел?

Ван грозно нахмурился. Вик поднял руки вверх:

– Ладно, не буду. Думаю, он взломал дверь. Я видел, когда заходил.

– Вот видишь, когда ты начинаешь думать... А надо всякий раз подумать, прежде чем что-то брякнуть. Ладно, пошли отсюда. Я сегодня без машины, едем на твоей.

– Я бы с радостью, да она без мигалки.

– Черт возьми, парень, я вижу, мы с тобой не договоримся.

Вик окликнул его:

– Эй, Мо!

– Чего тебе еще?
– Спасибо, что не назвал меня V8! После двадцати дней мне даже просто «парень» как маслом по сердцу.

Ван так резко обернулся, что у него хрустнула шея:

– У меня на весь Париж всего один кореш, да и тот карликовый сомик. Вик ускорил шаг, чтобы поравняться с ним.
– Мне никто не помогал, не было у меня никакого блата.
– И тебя приняли с первого захода? Это что, приколы такой?
– Я показал лучший результат по психологии.
– Ах, по психологии... Ну и шел бы в психологи. Зато, кажется, в стрельбе и в рукопашном ты провалился с треском.
– Быстро же разносятся слухи.
– Знаешь, на одной психологии далеко не уедешь. А вот если у тебя предок сидит в Межрегиональном управлении судебной полиции, тогда...
– Я уже сказал, не было никакого блата.

Ван махнул рукой:

– У меня тоже. Тебе не нравится прозвище V8. А меня целых три года называли Мо Вьетнамец.
– Полиция и деликатность действительно вещи разные. Но ты ведь китаец?

– Китаец, кореец, японец... Для них все едино.

Перед тем как они залезли в «пежо», Вик хотел положить руку коллеге на плечо, но тот прожег его таким взглядом, что руку пришлось убрать.

– И последнее... Что ты почувствовал, когда входил сегодня утром в ту комнату?

– А тебе зачем?

– А я хочу знать... каким я буду через несколько лет. Отец мне дома ничего такого не рассказывал. И тот образ сыщика, что он создал у меня в голове, наверное, никогда не существовал.

– Ты что, только сейчас это понял?

– Можно сказать, что так. Так что насчет твоих ощущений?

Устроившись на сиденье, Ван провел пальцем по длинной трещине на ветровом стекле.

– А никаких ощущений. Абсолютно никаких. Вроде бы для меня это ненормально. Вроде бы я парень общительный и всегда готов позубоскалить... А тут...

Он вытащил из кармана пачку сигарет и сказал:

– Я заметил, ты все время таскаешь в кармане коробок спичек. Старая привычка, что-то вроде соски или леденца от рака?

Вик вытащил и открыл старый коробок:

– Тут две спички. Одну я зажег, когда выкурил последнюю сигарету в день свадьбы.

– А другая?

– Другая целая и много что означает. Если мне когда-нибудь захочется закурить, я открою коробок, чиркну спичкой, и тогда ко мне придет осознание серьезности этого поступка.

Ван нажал на колесико зажигалки.

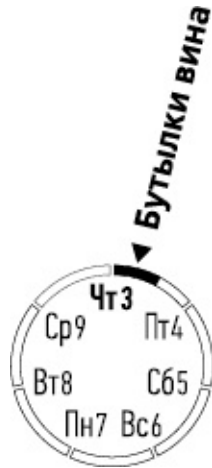
– А твой старик курит?

– Смолит целыми днями.

– Все мы смолим. Это отбивает желание без конца до крови оттирать руки. И если отец ничего тебе не рассказывал, так это для твоего же блага. Чтобы ты поверил, какая у нас замечательная работа.

6

Четверг, 3 мая, 12:58

- Можно я зажгу свет? – спросил Вик.
- Не надо. Оставьте как есть, я не люблю света.

Жюльетта Понселе уютилась в тесной квартирке на юге Парижа. На три четверти закрытые ставни погружали гостиную в холодный полумрак. Мо Ван устроился на неудобном металлическом стуле и, сложив руки на коленях, внимательно разглядывал собеседницу.

– Вы собирались вот-вот переехать в квартиру Аннабель Леруа, я правильно понял?

Жюльетта была накрашена а-ля Мерилин Мэнсон, и лицо ее выглядело болезненно-белым. Когда Ван посмотрел ей в глаза, у него возникло впечатление, что он проваливается в две мрачные пещеры, выдолбленные в меловой скале. Странно, но это создание, с повадками и макияжем готы, не пролило ни одной слезы, узнав о смерти подруги.

– У нас все было серьезно. Мы познакомились в январе, и Анна сразу на меня запала.

Ван не смог скрыть удивления, и его выпуклый лоб перерезали три недобрые морщины. Жюльетта это заметила:

– Вас поражает, что девушка с ее внешностью обратила внимание на такую жирную корову, как я?

– Это уж кому что нравится...

Жюльетта наморщила нос:

– Это от вас так воняет?

– Из китайского ресторана, – парировал Ван.

Стоя позади него в полумраке, Вик едва заметно улыбнулся. Краем глаза он изучал обстановку в гостиной. Преобладали кожа, металл и винил. Имелись CD-диски «Gradle of Filth», «Paradise Lost», «Opeth»^[10], много «дет-метала»^[11]. Но не было в этом логове никаких признаков того, что его хозяйка снималась в садомазохистских порно.

– А вы? Вы тоже на нее запали? – поинтересовался Ван.

Стоило ей отвести глаза, как сыщик буквально впивался в нее взглядом, стараясь уловить каждую деталь: неподвижно стиснутые руки в кожаных перчатках, движения плеч, напряженную шею, трепетание век.

– Поначалу Анна была не в моем вкусе.

– А какой он, ваш вкус?

Жюльетта наклонилась и провела рукой в перчатке по его лицу, словно давая понять, что с ее вкусом и так все ясно, и кресло при этом движении скрипнуло под ее необъятной тушей.

– А как по-вашему?

Ван обернулся к Вику и приглашающе постучал пальцами по соседнему стулу. Тот уселся и вытянул ноги.

– Тогда зачем вам была Аннабель, если она не в вашем вкусе? – продолжал Ван.

Жюльетта ответила не сразу.

– У нее водились деньги. И эти деньги позволили бы мне вылезти из дерьма, в котором я живу.

У Вана нарастало чувство, что он разговаривает с холодным куском мяса. Холодным и алчным. Под густым слоем макияжа лицо ее было довольно-таки безобразно.

– Разве ваше занятие не приносит дохода?

– А какое такое мое занятие?

Для допроса Ван, по его словам, выбрал форму «no limit», иными словами, «никаких границ». При таком допросе можно было, как в покере, идти ва-банк.

– Я тут немного пошарил по Интернету... Так вот, вы связываете мужиков, мочитесь на них, а потом бьете ногой по яйцам. Я правильно излагаю?

Видимо, слова Вана сработали, потому что Жюльетта адресовала тонкую улыбку уже не ему, а Вику.

Молодого лейтенанта эта улыбка просто пронзила. Он сглотнул слюну и, сию секунду говорить решительным голосом, повторил вопрос коллеги:

– То, чем вы занимаетесь, не приносит дохода?
– Это к делу не относится.
– Как это «не относится»? – снова вступил Ван.
– Анну убили, а вы меня спрашиваете о вещах, которые не имеют к этому никакого отношения. Пользуетесь случаем, чтобы удовлетворить свое нездоровое любопытство?
– Ну вы же знаете, каковы мужчины.
– Ищите засранца, который ее убил, а меня оставьте в покое. Я тут ни при чем.
– И это все, что вы почувствовали, узнав о ее смерти?
– Ну вот зачем вы так говорите?
– Не знаю. Обычно люди плачут, узнав о смерти того, кто им дорог.
– Слезы – для кого другого, но не для меня.
– Плачут все, даже самые стойкие, самые богатые, даже те, у кого и слез-то уже не осталось. Даже камень разревется, если умело его заставить, уж поверьте мне.

Жюльетта пожала жирными голыми плечами, сплошь покрытыми татуировкой. На сильно подведенные брови упали пряди волос.

– А я не из тех, кого можно разжалобить. Анна хотела меня приютить у себя. Она давала мне деньги. Мы трахались, и это было здорово.

Она встала, налила себе текилы и залпом выпила. На ней была какая-то ужасающая черная хламида и сапоги с молнией, на платформе.

Вик разглядел татуировку в виде кельтского креста с обвившейся вокруг змейкой, идущую от затылка вдоль по позвоночнику.

Сыщики обменялись вопросительными взглядами, а Жюльетта снова уселась в кресло.

Низко опустив голову, она замкнулась в молчании. Ван это молчание нарушил:

– Перед тем как познакомиться с вами, Аннабель видела ваши шедевры?

– Видимо, мои фильмы и привели ее к сближению со мной. Мы не на ступеньках Каннского фестиваля познакомились.

– Ее привлекал стиль soft в садомазо?

Она стиснула руки коленями:

– Нет.

– Почему же тогда она любовалась на ваши «подвиги»?

– Да так, по чистой случайности...

– Странная случайность, – заметил Ван.

– Со мной, например, бывает, что хочется посмотреть мультик. А

с вами не бывает?

– Только манги. Про Альбатора, Гольдорака^[12]... Обожаю мультики про пиратов. Так, значит, ваши «внебрачные» отношения ее не смущали?

Жюльетта с недовольным видом уставилась в потолок. Вик не знал, как реагировать, а потому просто слушал.

– А она-то сама? – злобно бросила толстуха. – Спала с кучей мужиков, сосала все, что торчало, она-то чем лучше?

– Ну, с той только разницей, что предварительно не дробила им яйца острым каблуком.

– Грязный козел, – прошипела она.

Вику все больше и больше становилось не по себе. Эта женщина его заворачивала, леденила. А Ван, пропустив мимо ушей ее выходку, очень профессионально продолжал:

– Когда вы видели Аннабель в последний раз?

Жюльетта слизнула с губ капли текилы.

– Позавчера вечером.

– Где?

– У нее.

– А вчера?

– Я всю ночь была занята. Мы снимаем фильм для интернет-сайта.

Ван спросил себя, какой смысл она вкладывает в слово «занята».

– Отлично. И где снимаете?

– В одной усадьбе, в Фонтенбло.

Она повернулась к Вику и прибавила:

– У меня есть фотки с той вечеринки, если тебе, конечно, интересно.

– Я не люблю фото, – резко ответил Вик, вертя на пальце обручальное кольцо.

– Назови нам точный адрес, и мне будет достаточно, – сказал Ван, укоризненно покосившись на коллегу.

Жюльетта угадала слабинку Вика и окрысилась:

– Нельзя принимать людей в штыки, это нехорошо. Бери пример с китайца, он спокоен, что твой менгир. Вот только не пойму, трахался он уже или нет.

Она нацарапала на листке бумаги адрес и протянула Вику. Когда он брал листок, она чуть коснулась его пальцев своей перчаткой. Он отпрянул.

– Были у нее враги? – спросил Ван.

– Враги? А у кого их нет?

– Пожалуйста, отвечайте на вопрос.

Она, казалось, задумалась. Вик не смог удержаться и представил себе

эту женщину «в деле». Вот она, стиснув зубы, затянута в виниловый костюм, склоняется над типом в наручниках, которого ведет на поводке, как собаку.

– ...Куча паскудных продюсеров, с которыми она раньше работала. Другие актрисы, что завидовали ее успеху. Потом еще все эти хреновы поклонники, кому удалось раздобыть ее адрес, и теперь они пишут ей и мастурбируют над письмами. Да еще богатые клиенты, которые не просекают, что путана – не супруга.

– Поэтому она так часто и переезжала?

– Думаю, да.

– Она получала серьезные угрозы?

– Она никогда мне не говорила.

– А о чем вы разговаривали?

– Мы вообще много не разговаривали.

Ван и Вик украдкой переглянулись.

– Были у вас общие друзья?

– Нет. Никто не был в курсе наших отношений, мы их скрывали. Мы жили в разных мирах.

– Речь идет о сексе. Тут круг поуже.

Она ухмыльнулась:

– Да ничего подобного, шире некуда. Секс затрагивает всех. И меня, и вас, и этого парнишку. Целой тетради не хватит, чтобы описать все извращения, которые кроются в каждом из нас. Стоит только копнуть...

Она повернулась к Вику:

– Самые скверные – не те, на кого ты думаешь. Открой глаза – и поймешь.

Вик нахмурил брови. О ком это она? О нем? О Ване? Об Аннабель Леруа? Она встала и налила себе еще стакан. Мо похлопал Вика по плечу, словно ободряя и призывая активнее включиться в игру.

Жюльетта сжала ладонь в кулак и заговорила, словно сама с собой:

– Черт возьми, Анна... Как же тебя угораздило?

Вик заметил, что вторая ладонь осталась раскрытой, напряженной и неподвижной. И он вдруг почувствовал, как живот обдало горячей волной.

А девушка повернулась к Вану:

– И что теперь с ней будут делать? Я имею в виду... с телом...

– Мы пытаемся понять, как именно ее убили.

– Короче, вы собираетесь разрезать ее на куски.

– Можно и так сказать.

Она залпом осушила стакан. По подбородку побежала прозрачная

струйка.

- Это довольно-таки смешно.
- Не вижу ничего смешного.
- Да вы просто не просекаете.

Вик колебался, и верхняя губа у него дергалась от волнения. Наконец он решился:

- Я...
- Что – ты?
- Я понял...

Жюльетта в упор посмотрела на него и повела головой в сторону Вана, чтобы тот продолжал.

- Потом прокурор или следователь выдаст тело родственникам...
- У нее нет родственников.
- В этом случае она останется в морге. Пока не отправится на кладбище.

Жюльетта еще приспустила жалюзи, и свет в комнате совсем померк.

- Может быть, она хотела бы, чтобы ее кремировали.

Ван поднялся и с хрустом потянулся.

– Мадемуазель Понселе, вас, возможно, очень скоро вызовут в полицию. Пожалуйста, не уезжайте из Парижа.

- Почему?

Сыщик заметил у нее за спиной трубку для курения опиума.

- «Бенарес»? «Юнан»? [\[13\]](#)

- Простите...

- Я спрашиваю, вы курите «Бенарес» или «Юнан»?

- Я вообще не курю. Это так лежит, для красоты.

Ван длинным ногтем поскреб себе кончик носа:

- Ну да, как рождественские елочные шары.

Вик, не вставая со стула, потер себе щеки и спросил уже гораздо более уверенным голосом:

– Если бы вам надо было оценить сексуальность мадемуазель Леруа в процентах, сколько бы вы ей дали?

Скрестив руки на груди, Жюльетта смерила его вызывающим взглядом:

– Что? Чего ты добиваешься? Хочешь выслужиться перед начальником? Произвести впечатление? Вы что, за сосунка его держите? – обратилась она к Вану.

- Он вовсе не мой начальник, – парировал Вик.

Она вдруг опустила перед ним на колени:

– Да ведь ты ничего этого еще и не нюхал, небось? Мерзость человеческую, мрак, сырые подземелья. Вот китаеза – он знает. Всеми потрохами знает... А ты – ты еще девственно-чистый.

Не сводя с Вика глаз, она встала, скрипнув кожаными сапогами.

– Интересно, что ты расскажешь про сегодняшний день своей благоверной?

– Правду.

– Сомневаюсь. Я мужиков хорошо знаю. Ничего ты не расскажешь, все станешь держать в себе. Ты не хочешь, чтобы твое грязное ремесло замарало твою жену. И на твой вопрос я не отвечу. Тебя это расстраивает?

Ван положил руку на плечо товарища:

– Пошли!

Вик тоже поднялся с места, но не сдался:

– Вы – полная противоположность Леруа. И внешностью, и вкусами, и финансовым положением. Здесь все мрачно и темно, там – повсюду свет. Она – день, а вы – ночь.

– Джекил и Хайд, так?

– Нет. Хайд и Хайд.

Жюльетта прикрыла глаза:

– Неплохо, малыш. Ты что, мозговой центр в вашем дуэте? А ну, валите отсюда оба!

А Вик продолжил:

– И сблизить вас могло только ваше сексуальное родство. Когда вас спросили, была ли Аннабель склонна к садомазохизму, вы спрятали левую руку, зажав ее в коленях. Может, тут и темно, но ваш протез предплечья заметен так же явно, как у собаки пятая нога. Ты тоже видел, Мо?

– Видел...

– В спальне у вашей подружки нашли костыли. Это вам ни о чем не говорит?

– Абсолютно.

– На костылях остались отпечатки пальцев. Я знаю, что там найдут и ваши. Предпочитаете уладить этот вопрос в участке перед односторонним зеркалом?^[14]

Ван ничего не понял в истории с костылями. Жюльетта ведь тоже не хромала.

– Да отстаньте вы от меня! – не выдержала она. – Да, я пользовалась этими костылями. Как и все остальные. И что с того? Будете жаловаться на рукоприкладство?

– Мадемуазель Леруа страдала акротомофилией?^[15]

– Чем?!

Это выкрикнула не Жюльетта, а Ван. Посмотрев на девушку, Вик догадался, что она поняла. Она быстро отошла в тень и спряталась в глубине гостиной, как летучая мышь прячется в глубине пещеры.

– А ты проницательный. Нет, ты и в самом деле проницательный, проныра ты этакий. И часто ты наблюдаешь за руками?

– Руки – продолжение эмоций. Так страдала или нет?

– Страдала...

Жюльетта налила себе еще порцию текилы. Видимо, так она хотела подчеркнуть свою скорбь.

– И не такой уж и зеленый, если подумать.

– Эй, мне кто-нибудь объяснит, что это такое? – завелся Мо Ван. – Эта ваша акрото...

– Может, мадемуазель Понселе нам объяснит... – отозвался Вик.

Жюльетта поставила стакан на стол и включила галогенную лампу на малый режим. И глаза ее оказались не черными, а темно-синими, почти красивыми.

– Слушай, скажи честно, откуда ты все это знаешь? У тебя есть жена, может, есть ребенок. Ты ведь еще только начинаешь, еще молоко на губах не обсохло. Азиат и тот не знает. А ты-то откуда?

Теперь Ван не отрываясь смотрел на искусственную руку с растопыренными, как свечки, пальцами.

– Ну? – повторила она. – Мы застеснялись?

Вик не решался взглянуть на коллегу:

– Я... я занимался исследованием наследственных болезней. И постепенно на это набрел.

– Набрел он... И ты думаешь, я клюнула? Я знаю, когда мужик врет.

– Хотите верьте, хотите нет, но это правда.

Жюльетта была почти одного с ним роста: около метра восьмидесяти. Она ненадолго отвернулась, и полицейские услышали щелчок. Потом положила на стол массивный предмет: литой резиновый протез предплечья. Тяжело ступая, Жюльетта подошла к Вику и задрала рукав своей хламиды. Под ним оказалась гладкая, как лысый череп, культия.

– Знаете, для чего были нужны костыли? Анна хотела, чтобы я хромала и опиралась на них, перед тем как лечь с ней в постель. Ей нравились врожденные хвори, всякие уродства, вроде шестипалых ног или искривленных больших пальцев. Она сама была путаной, но платила таким увечным, как я, за возможность трахаться с ними. Ей нравилось спать с

такими вот несчастными уродами, со случайными ошибками природы. С теми, кого жизнь не баловала.

Она подошла ближе, и Вик услышал ее тяжелое дыхание.

– Так кто же хуже? Такие, как я, что выражают свои сексуальные наклонности манерой себя вести, манерой одеваться, как бы предупреждая: «осторожно, вы ступаете на опасную территорию», или суккубы^[16], которые, как она, прячутся за шикарной внешностью? Поверьте мне, такие женщины ходят по грани сумрака. Видимо, на этот раз она зашла слишком далеко.

Она выдержала паузу и продолжила, поглубже забившись в кресло:

– Ты меня спросил, как я ее оценила бы... Ну, ты бы ей, конечно, влепил пару, ведь Анна любила делать больно. По-свински больно. А я это обожала. Как оценила бы? Ну, не знаю... Может, дала бы восемьдесят из ста.

Выведенный из себя, Ван схватил Жюльетту за руку:

– Поехали в участок. Там все и расскажете: с кем она встречалась, где, когда и как.

– Вы что, издеваетесь?

Она попыталась вырваться, но сыщик держал ее крепко.

– А что, похоже? Можно все уладить, не делая шума. Поговорить с ответственными персонами у меня в отделении. Иначе придется вызывать конную полицию.

Жюльетта пожала плечами:

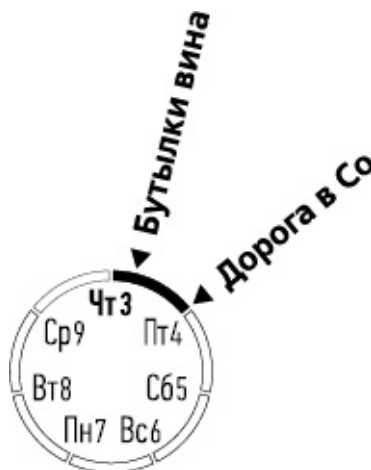
– Да в конце концов, мне плевать. Вот только вечером я занята. У меня съемка.

– Очередная «Золотая пальмовая ветвь»?^[17]

7

Четверг, 3 мая, 23:26

Сон второй: Дорога в Со

Посмотрев на себя в зеркало заднего вида, Стефан снова увидел на лице три глубокие царапины, которые доходили до самого подбородка. Пальцы у него дрожали. Наверное, ничто сейчас не могло бы унять эту нервную дрожь.

Он до предела утопил в пол педаль акселератора и включил радио на полную мощность.

Под аккомпанемент дикой мешанины звуков взгляд его упал на желтый билет, лежавший на приборной панели. Он взял билет в руку: музей Дюпюитрена^[18].

– Дюпюитрен... Дюпюитрен... Дюпюитрен...

В приступе внезапного гнева он выпустил руль из рук и в клочья порвал билет.

В лобовое стекло светила полная луна, истаявшая до полной прозрачности. Солнце уже окрашивало золотом горизонт. Стефан посмотрел на оба светила и загрузил и вдруг разрыдался.

Потом он глубоко вздохнул и крепко потер руками бритую голову. Глаза были мокры от слез, он достал носовой платок, который лежал вместе с машинкой для волос, латексной маской и запачканной кровью одеждой. Платочек был розовый, с вышитым мишкой. Детский платочек.

По радио журналистка зачитывала новости.

«...Невероятное стечение обстоятельств, в результате которого в руках вот этого человека оказался выигрышный билет лото. Давайте послушаем его...»

Стефан прислушался.

«...Я никогда не езжу через Мери, но в этот раз мне нужно было в Понтуаэ. И тут моя колымага бац! – и заглохла. Вот невезуха! Я же работаю по воскресеньям, а в выходные, даже когда очень нужно, помощи ждать неоткуда. Ну, расстроился, конечно, еще один скверный денек на мою голову... Что было делать? Пошел в табачный киоск, мобильника-то у меня нет. И что я вижу? Из киоска вылетает какой-то тип, причем билет лото он купил, а взять забыл. Ну, я его сразу и забрал, ведь он уже оплачен. Знаете, я не верю во всякие там совпадения, в шанс, в удачу и прочую ерунду. Ну, в общем, сам не знаю... Я себе говорю: никогда же не угадаешь... И потом, сегодня тираж, я пошел к приятелю, телефон у меня разбился. И представляете? Номера! 4-5-19-20-9-14, так я же... черт, я, наверное, брежу. Правда, я не единственный угадал, был еще один парень, кажется из Парижа. Ну, с моим количеством угаданных номеров ему тягаться не выходило. Может, это и свинство так говорить, но спасибо тому типу, что забыл билет. Моя развалюха заглохла именно тогда, когда он покупал билет, и я думаю, это был знак судьбы. Если ты меня сейчас слышишь, парень...»

Стефан оторвал пальцы от руля и пошарил по приборной панели «форда».

После указателя «Со» он свернул направо и въехал в узкую улочку. Пот и слезы заливали ему глаза, и это доводило его до бешенства. Не отрываясь от руля, он вытащил из бардачка пистолет и положил его рядом с собой. Указательный палец улегся на курок, где было выгравировано: «зиг-зауэр».

– Ты не сумасшедший. Нет, никакой ты не сумасшедший.

А звуковые колонки орали:

«...об очень печальном совпадении. Несколько часов назад спелеологи, собираясь взять пробы грунта, обнаружили в карьере труп маленькой Мелинды. Согласно последней информации, малышке раскроили череп, а потом утопили в одной из галерей пещеры, на глубине нескольких десятков метров. Надо заметить, что карьер закрыт для посещений публики из-за серьезных наводнений, случившихся там в прошлом марте, но это не мешает спелеологам проникать туда с риском для жизни...»

Стефан весь обратился в слух и чуть не пропустил поворот.

«...а теперь послушаем, что сказал капитан Лафарг из жандармерии Мери-сюр-Уаз. Ему поручено вести расследование».

Стефан потер лоб, схватил вышитый носовой платочек, выпачканный кровью, опустил оконное стекло и выпустил платочек из рук, а потом следил в зеркало заднего вида, как легкий кусочек ткани уносит ветер. Точно так же он избавился и от окровавленной одежды, в том числе и от рыбацкого костюма цвета хаки.

«...Поимкой подозреваемого уже занимается группа сыска в составе более десяти человек. Приметы его достаточно четки: мужчина европейской наружности, тридцати – тридцати пяти лет, рост около метра восьмидесяти, глаза черные, длинные черные волосы. Он...»

Стефан прибыл на место и выключил двигатель.

– Совпадения... Все это просто совпадения...

Ключи выскользнули у него из рук, он нагнулся их поднять и стукнулся о руль. Сбоку на коврике под бардачком валялась отломанная ручка пассажирской дверцы. Он какое-то время на нее смотрел, потом стиснул пистолет и бесшумно вылез из машины.

Притаившись за кузовом «Порше-911», он внимательно оглядел номерной знак и несколько раз повторил вслух:

– 8866 BCL 92... 8866 BCL 92... 8866 BCL 92...

Потом поднялся.

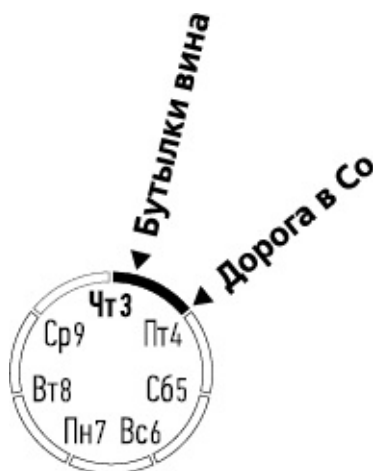
На первом этаже зажегся свет, и его сразу загородил чей-то силуэт, по-кошачьи гибкий и в то же время мощный. Мужской силуэт.

Стефан растворился в кипарисовой аллее.

– 8866 BCL 92... 8866 BCL 92... 8866 BCL 92...

Он прижался к входной двери, держа пистолет наготове возле правой щеки.

Раздался ужасающий грохот, словно взорвался хрустальный Тадж-Махал. И все погрузилось во тьму.

Раздался ужасающий грохот, словно взорвался хрустальный Тадж-Махал. И все залило белым светом.

Сияние вспорол тьму. Стефан поднял руку, чтобы загородиться от яркого света. На него смотрела удивленная и встревоженная Сильвия.

– Боже мой, да ты весь мокрый!

Свернувшийся на полу калачиком, как собака, Стефан вскочил и снова чуть не упал – настолько он был оглушен. Налитыми кровью глазами он огляделся вокруг. Вот его монстры. Вот оборудование. Вот письменный стол.

– Сильвия?

– Нет. Дед Мороз. А ты, как вижу, опять заснул за работой.

Пошатываясь, Стефан подошел к ней и снова придиричиво осмотрел все вокруг. На стене висели фото знаменитых наркоманов: Грейс Мак-Дэниелс, Мери Энн Биванс, Билл Дёркс, трехглазый человек. Напротив стоял законченный бюст Карлы Мартинес, широко улыбаясь разрезанным горлом.

– Обалдеть! Поразительно!

Он бросился к зеркалу. Ничего. Ни царапин, ни синяка под глазом. Стефан подскочил к жене:

– Ты не поверишь!

Она заткнула нос:

– От тебя за километр разит потом. Подожди, попробую угадать...

Снова приснился кошмар?

– Не кошмар, а...

– А что?

Стефан не знал, с чего начать. Он с трудом сдерживал нетерпение, словно гончая перед охотой.

– Я был он! Я был на его месте! Я сидел за рулем своего «форда»!

– В этом и есть принцип сновидений. Быть на месте самого себя.

– Да нет, ты не понимаешь! Я...

Сильвия вынула из волос шпильку, и они рассыпались по ее плечам.

– Ты прав, я не понимаю. Если ты взглянешь на часы, ты заметишь, что уже почти полночь, что я вернулась после долгого рабочего дня, проведя два часа в поезде и в метро из-за какого-то типа, бросившегося на пути. Ты сегодня хоть раз вылезал из своего подвала? Просто чтобы увидеть дневной свет?

Стефан бросил быстрый взгляд на свой блокнот. Ему хотелось записать, пока он не забыл, понять, почему в этом втором сне его щеку пересекали те же царапины. Почему на сиденье возле него валялся все тот же рыбацкий костюм цвета хаки. Зачем он ехал по незнакомым, но реально существующим улицам. Почему при нем было огнестрельное оружие, розовый детский носовой платок, окровавленная одежда... Кто вырвал дверную ручку.

– Да, разумеется, я поднимался. Чтобы прогуляться по лугам.

Сильвия, улыбаясь, потеряла виски:

– Я оставила для тебя в холодильнике рис с карри. Ты к нему не притронулся.

– Совсем не хотелось есть. А сейчас с удовольствием.

– Ну конечно, полночь – самое время обедать. Логично.

Стефан, словно не в себе, не находил себе места.

– Надо пойти в жандармерию.

– Зачем? Что случилось?

Стефан затряс головой. Лоб пересекли горестные морщины.

– 8866 BCL 92. Цифры номерного знака, которые я непрестанно твердил. Необходимо найти автомобиль и его владельца. Все в этом сне чересчур конкретно...

Он указал на одного из своих монстров:

– На мне была одежда Сумрака, его рубашка в черно-белую клетку, штаны. А мои вещи, заляпанные кровью, лежали на пассажирском сиденье! А потом я действительно отправился с пушкой к владельцу автомобиля. И... думаю, сейчас я сделаю какую-то глупость.

Терпение молодой женщины лопнуло. Она схватила мужа за футболку:
– Глупость? Ты их еще недостаточно сделал? Тебе что, на всех плевать?

Он тоже принялся кричать:

– Нет, мне не плевать! Мне дважды снились кошмары с одинаковыми деталями. Я их прекрасно запомнил, они здесь, буквально засели у меня в кишках! Мне снится кусок мела посреди кучи угля, и я нахожу мел!

– Когда мы переехали, я собрала среди угольных брикетов целую коробку мелков и школьные доски. И все выкинула. Что тут необыкновенного?

– Ты мне ничего не говорила!

– А должна была?

Стефан обхватил голову руками:

– Есть еще столько подробностей, которые кажутся мне реальными!

– Настолько реальными, что заставят тебя выскочить из идущего поезда? Или... лучше уж я промолчу. Все это в прошлом, просто не хочу, чтобы все началось сначала.

– Я убежден, что номерной знак существует и что дом в Со сущ...

Стефан застыл на месте.

– Что с тобой? – неуверенно спросила Сильвия. – Почему ты на меня так смотришь? Иногда ты меня просто пугаешь. Я так боюсь, что твои прошлые демоны снова на тебя нападут.

Она отпрянула шага на три, но Стефан ее остановил:

– Со. Когда я сказал «Со», ты изменилась в лице.

– Нет-нет, просто...

– Что? Что – просто?

Она ответила не сразу. Глаза ее забегали.

– Этот... этот город, Со, мне кое о чем говорит. Мы с тобой уже обсуждали, когда...

– Когда что?

Она тряхнула головой:

– Черт! Не помню... Какая-то вечеринка, коктейль перед съемкой, что-то в этом роде... Слушай, я сегодня устала. Забудь ты, ради бога, все свои кошмары и совпадения.

Но Стефан настаивал. Он явно нащупал какую-то деталь, набрел на след, который мог бы доказать, что он не сумасшедший.

– Номерной знак 8866 BCL 92! Красный «порше»! Красивый богатый дом с остроконечной крышей, покрытой синей с черным черепицей, с большими овальными окнами! Скажи, что ты вспомнила!

Сильвия погасила одну из ламп.

– Вспомнила? Но я же не сумасшедшая! Мне все это абсолютно ни о чем не говорит!

Она застыла в дверном проеме, усталая, с красными от напряжения глазами.

– Пойдем лучше спать. Завтра это обсудим, ладно? Если ты настаиваешь, то я возьму отгул и мы пойдем в жандармерию. Там все и выясним. Но не сегодня, только не сегодня, пожалуйста...

Она прижалась к нему и долго дышала во впадинку на его шее, еле сдерживая слезы.

– Я так боюсь, что все снова начнется...

Стефан тоже обнял ее. Зрачки его расширились в темноте. Ему все еще виделся розовый носовой платочек, запачканный кровью. В ушах звучали ужасы, услышанные по радио. Утопленная девочка... Мери-сюр-Уаз... Город всего в полчаса езды от Ламорлэ.

Не шевелясь, Сильвия принялась его тихонько уговаривать:

– Во всем, что случилось, твоей вины нет. Твоей вины нет...

Стефан почувствовал, как его охватывает боль: картины прошлого, крики, кровь... А Сильвия все говорила и говорила, но он воспринимал только обрывки слов.

– ...Кошмары, предчувствия, твое бесплодие – все это терзает тебя, а потом вырывается на поверхность. Я не хочу, чтобы тебя загружали лекарствами. Не хочу еще раз пережить ад.

Она порывисто и нежно приникла к нему и прошептала:

– Ты должен сказать мне, почему мы переехали сюда, Стефан. Должен довериться. Ну что ты ищешь в этом заброшенном доме, в этом всеми забытом городке?

Стефан вздохнул. С каким наслаждением он бы крепко прижал ее к себе и замучил бы ласками, пока они шли до спальни. Но желание не приходило. Не приходило, и все тут. Слишком много ужасов колотилось в его мозгу. Они уже давно съедали его, душили и давили.

– Ничего я не ищу. Совсем ничего.

Сильвия шептала, и голос ее прерывался всхлипами:

– Я хорошо помню, как ты меня в первый раз ночью привел к себе в мастерскую в Баньоле, где ты еще только начинал. Помнишь?

– Я... прости, но бордо мне выжгло все нейроны.

Она прикрыла глаза:

– Ты тогда напялил какую-то латексную маску человека лет восьмидесяти, встал передо мной на колени, протянул мне букет

искусственных цветов и спросил, буду ли я тебя любить, даже когда ты превратишься в старого сварливого хрыча.

– И... что ты ответила?

– Я вырвала у тебя из рук букет, отшвырнула его в сторону и повалила тебя на пол. И мы любили друг друга посреди муляжей каких-то обгорелых трупов. Я была совсем голая, а ты не снял маску и ботинки. И я тебе тогда сказала: «Как бы ты ни выглядел, мне важно только то...»

– «...что у тебя в душе».

У Сильвии сжалось сердце.

– Пойдем наверх, прошу тебя. Сейчас ведь все почти как тогда.

Стефан зажег лампы, и монстры осветились красноватым светом. В этом театре ужаса он ласково провел рукой по нежному лицу жены:

– Я только кое-что запишу и сразу приду, ладно? Мне это очень важно. Я уже забыл некоторые детали предыдущего сна, и мне надо все зафиксировать, если я хочу сохранить все следы, если хочу все понять.

– Понять, что понимать нечего?

– Прошу тебя...

Она молча покачала головой, поджала губы и вышла, не сказав ни слова и не поворачиваясь к нему спиной.

В длинном коридоре еще стучали ее каблуки, а Стефан уже буквально набросился на записную книжку и лихорадочно открыл страницу 3.

Он отметил дату и предполагаемое время последнего сна: четверг, 3 мая, 23:25, и озаглавил его: «Дорога в Со». Потом тщательно записал все: каждую деталь, все зрительные и слуховые впечатления. Он ощущал себя свидетелем, камерой, которая регистрирует все события, не умея их осмыслить. Он видел то, что видел воображаемый Стефан, слышал то, что слышал он. Но не более того. Но здесь он был уже не тем всезнающим персонажем других снов, который действовал в изменчивой и невероятной обстановке. Здесь он бы сам собой, персонажем из реального мира. Даже слишком реального.

Затем он попытался сравнить оба кошмара. В обоих он рыдал. В обоих его била дрожь. В обоих было расцарапано лицо, причем во втором кошмаре гораздо глубже, чем в первом. Были следы от укусов на правом предплечье. Было оружие. И кровь. Кровь на руках, на одежде, на розовом детском платочке. А что, если обе истории стояли в одном ряду, обе представляли собой логичную последовательность событий? Но что это за события?

Стефан опустил в любимое кресло на колесиках. Странное дело... Ведь обычно он никогда не помнил снов! Ни в детстве, ни в юности. Как и

большинство людей, страдающих сомнамбулизмом, он знал о сновидениях только из книг. Или из чужих рассказов.

Почему же теперь образы обрели такую отчетливость? Из-за полученной в аварии черепно-мозговой травмы? Из-за того, что он резко перестал принимать антидепрессанты и нейролептики? Может, оба этих фактора, объединившись, спровоцировали нарушения в определенных зонах мозга? Или же... это симптомы внезапно возникшей шизофрении.

Стефан посмотрел на свои ладони, проследил линию жизни. Он никогда не был ни шизофреником, ни психологически неуравновешенным человеком. Никогда. Все это совпадения, ужасные совпадения.

Он снова пролистал записную книжку, из которой уже начали выпадать страницы.

Оружие.

В первом сне, когда в него кто-то целился, он говорил о «черном одноствольном пистолете с обоймой». А во втором сне уточнял название: «зиг-зауэр».

Такой пистолет часто используют при съемках детективов.

Значит, речь шла об оружии сыщика.

Он встал и провел рукой по лбу. Футболка промокла от пота.

– Спокойно... Без паники...

Может, «зиг-зауэр» ему приснился просто потому, что другого оружия он не знал? Логично. А Со? Обрывки глубоко запрятанных воспоминаний? Почему у Сильвии тоже возникло ощущение, что она знает этот городок?

Он залпом выпил с четверть бутылки воды и бросился к ноутбуку, стоявшему позади гигантского монстра по имени Хищная Пасть, чьи акульки зубищи отбрасывали на экран угловатые тени.

В Гугле он набрал номер, стоявший во сне на номерном знаке: 8866 BCL 92. Никакого результата.

Потом поинтересовался Мери-сюр-Уаз. Слово «энок» ему смутно о чем-то напоминало, он где-то его уже слышал. Но когда? Вспомнить не удавалось, память шутила с ним шутки.

Он набрал «Енок», «Енос», «Еппок», «Непос». Ничего. Но когда на вариант «Хеннок» он получил результат, сердце у него сжалось. Карьер Хеннока существовал на самом деле. В Мери-сюр-Уаз. Там, где тот тип из радио угадал цифры в лото. Там, где была убита малышка Мелинда. В городе в тридцати километрах от его дома.

С дурным предчувствием Стефан кликнул сайт любителей спелеологии.

Карьер Хеннока... Согласно статьям в Интернете, этот загадочный

карьер разделялся на две части: на помещение для выращивания шампиньонов и подземный немецкий гараж, построенный во время Второй мировой войны. Карьер имел естественный свод, и в некоторых галереях вода была так прозрачна, что в ней, как в зеркале, отражались стены. Эта вода стояла с мартовского половодья, как утверждал сайт.

Мелинду нашли утонувшей. Снова совпадение?

На веб-сайте указывалось также, что в 1988 году в карьере Хеннока был снят фильм «Тайны пропасти». Несомненно, это могло объяснить, почему название карьера показалось ему знакомым. Вполне возможно, что подсознание снова сослужило ему службу.

Когда Стефан закрыл сайт, его била дрожь. Он решительно ничего не понимал.

Подойдя к кофейнику, он налил себе чашку холодного кофе. Ночь еще только начиналась. Ему предстояло докапываться, разбирать по косточкам, отыскивать. Может, попадется информация об этой Мелинде? О похищении? О капитане жандармов Лафарге? О последовательности чисел 4-5-19-20-9-14?

Ему подумалось о «Предчувствиях», о «Дежавю», о «Пропавшем», наконец, то есть о той серии американских фильмов, где один из героев играет в лотерею на номера, которые без конца повторяет сумасшедший. Эти цифры прокляты.

Предчувствие... Слово это все быстрее и быстрее завертелось у него в мозгу. Предчувствие не раз спасало ему жизнь и не раз приводило к фиаско. Прошли годы, и это понятие на крутом повороте его снова чуть не убило. Двенадцать букв, из-за которых его считали «психологически неуравновешенным». Так думали даже его приемные родители, с которыми он после восемнадцати лет порвал все связи.

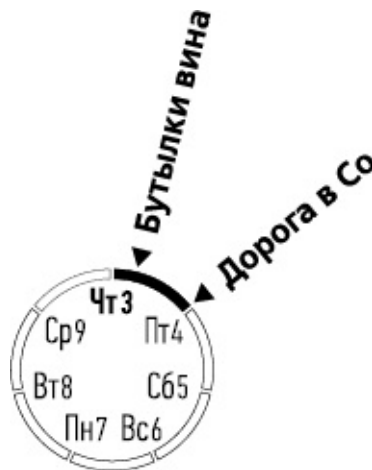
Стрелка часов показывала три часа ночи, когда он, еле живой от усталости, набрал в поисковике слово «Дюпюитрен». Это знаменитое имя было напечатано на желтом билете, который он во сне порвал и выбросил в окно.

Появился ответ.

Стефан попятился и бухнулся в свое кресло, откинув назад голову, а потом еще раз взглянул на экран.

Музей Дюпюитрена.

Музей врожденных заболеваний.

Вик неподвижно стоял под уличным фонарем и вглядывался в здание из красного кирпича, отражавшееся в мокром асфальте. Как странно было оказаться лицом к лицу с этим сооружением, печально известным каждому полицейскому подразделению Парижа! В тусклом лунном свете парижский Институт судебной медицины, что на набережной Рапе, смотрелся как крепость.

Отвезя Вана в отделение – видимо, его коллега мало спал и много работал, – Вик вполне мог вернуться домой, к Селине, погладить ее по животику. Но что-то привело его сюда: любопытство, стремление докопаться, сделать дело как можно лучше, утвердить свое присутствие здесь, а самое главное – властное желание ни за что не спать. Не спать в эту первую ночь. В эту ночь он попытается стать сыщиком. Попытается.

Войдя в старое здание, Вик ощутил давящее присутствие смерти. Он прошел сквозь пустынные залы, где выстроились большие столы из нержавеющей стали. Стены пропитались гнилостным запахом. За долгие годы здесь производилось столько вскрытий...

Ему еще ни разу не приходилось входить в прозекторский зал, где вскрывали трупы. Только он собрался толкнуть дверь, как из нее, опустив голову, вышел майор Мортье. Заметив молодого лейтенанта, он вытаращил глаза. Потом стащил с себя маску, защитные очки и шапочку.

– Маршаль? А ты что здесь делаешь?

Дверь в тамбур за его спиной с шипением прикрылась, но Вик успел

услышать за дверью женский голос. Значит, судмедэксперт – женщина?

– Я узнал, что экспертиза начнется в двадцать один тридцать. Вана я отвез в отделение, а потом подумал, что у меня еще есть шанс...

– Шанс?

– Ну, это просто такой оборот речи.

Мортье покачал массивной бритой головой:

– Я вышел покурить. Покурю и пойду обратно. Мы уже почти закончили. Пошли, выйдем вместе.

Стоя на асфальте перед входом, он нервно затянулся сигаретой.

– Грязная история. Чертовски грязная история.

– А что показывает вскрытие?

Майор медленно выпустил струю дыма в небо. Атмосфера была наэлектризована до предела, напряжение хоть рукой трогай.

– А эта садомазо, Жюльетта Понселе, что говорит?

– Она встречалась с Леруа два-три раза в неделю. Исключительно ради секса. Махровый садомазохизм, а главное – с уклоном в акротомофилию.

– Это ты докопался?

– Ван устроил ей в отделении такое шоу, что она хочешь не хочешь, а заговорила.

– Он это умеет, если надо. Можно подумать, у него природный дар развязывать языки.

Вик кивнул. Они только что обедали с Ваном вместе в закусочной, и он рассказал ему всю свою жизнь. А когда выходили, Вик вдруг осознал, что ничего не знает о коллеге, не знает даже, где тот живет. Зато узнал, как зовут его рыбку, карликового сомика: Пуаша, Сомик-крошка.

– По словам Понселе, жертва всегда питала склонность к разного рода ампутантам. Стоило ей на улице встретить человека с ампутированной ногой или рукой, у нее сразу же возникало страстное желание вступить с ним в сексуальный контакт.

– Да она просто чокнутая!

– И да и нет. Склонность и даже страсть к изуродованным телам – на самом деле не новость. Тут дело в образе, гораздо более распространенном, чем кажется. Леруа зарегистрирована на множестве интернет-форумов под ником «Bareleg», «Голоножка». Там ищут контактов те, кто именует себя *преданными* или *поклонниками*. Кого там только нет: подростки, замужние дамы с детьми, адвокаты, профессора. И все чувствуют тягу к ампутантам. Есть там и инвалиды, которые выходят на сайт, и, бывает, образуются пары поклонник – ампутант.

– Леруа и Понселе так и познакомились?

– Нет, Жюльетта Понселе в этих форумах не участвует. Это Леруа, увидев фильмы с Понселе и заметив, что у нее нет руки, сделала все, чтобы ее разыскать. И это ей удалось.

Мортье сделал три глубокие затяжки. Вдоль забора пес выгуливал своего старого хозяина, как выгуливал его каждый день, в одно и то же время. Согнутый старостью силуэт приветственно кивнул им.

– Что еще?

Вик вертел в руках свой разряженный мобильник. Мортье всегда говорил очень твердым и жестким тоном. И никаких тебе «спасибо, славно сделано, Маршалль» или «хорошая работа». Видимо, для него Вик был действительно хорош в плане добывания информации, как и всякий новичок, которому никто ничего не должен.

– Компьютер жертвы напичкан омерзительными фото и видео.

– Это Ван тебе рассказал?

– Почему опять Ван?

– Потому что обычно ему поручают все это дерьмо: его скотскими штучками не проймешь. Даже полиция нравов зовет его, чтобы просматривать фото, фигурирующие в делах педофилов. Ему от них ни жарко ни холодно. Как, впрочем, и от всего остального. Грустно об этом говорить, но парни с его закалкой ой как нужны. Так что там разглядели, в компе?

Вик слегка поморщился:

– Фотографии с хирургических операций, крупные планы окровавленных тел, отпиленных костей. Она снимала на видео вскрытия. Иногда сама появлялась в кадре, лаская отрубленные части мертвых тел. Судя по всему, у нее был либо приятель, либо клиент из судебных медиков.

– Из судебных медиков? Ты хочешь сказать, что...

– Не здесь ли это снимали? Не знаю. Я в жизни не был в зале, где происходит вскрытие. Однако, судя по следам от треноги на ковре, можно заподозрить, что убийца запечатлевал свою... работу, чтобы сдельно отчитаться для оплаты.

– А на тех видео в компьютере появляется судебный медик?

– Нет. Но поблизости нет и тридцати шести институтов судебной медицины.

– Но зато полно судебных медиков.

Мортье загасил сигарету каблуком.

– Все это объясняет, почему ты здесь ошиваешься, верно? Хотел узнать по виду помещения, не здесь ли снимали?

– Отчасти. Но есть еще куча вещей, которые мне хотелось бы узнать.

– То-то ты скачешь как блоха.
– А мне любопытно. Я же ведь проныра, мне все интересно.
– А ты в курсе, что тебе повезло расследовать такое дело, будучи еще зеленым новичком?

– Надо быть полицейским, чтобы считать это везением.

– А ты полицейский?

Вик не задумываясь ответил:

– Пока не знаю.

– Это хорошо. Для блатного ты хоть умника из себя не корчишь. Не то что некоторые.

– Никакой я не блатной.

Мортье о чем-то задумался, потом сказал:

– Слушай, V8, я все думаю о том изуродованном пупсе, что валялся возле кровати.

Вик громко, не таясь, с шипением втянул в себя воздух: это прозвище выводило его из себя.

– И что?

– У него ведь была отрублена рука. Как думаешь, почему?

– Я весь вечер об этом думал. Это должно быть как-то связано с *поклонниками*. Наш убийца нарочно изуродовал пупса. А это означает, что он был осведомлен о фантазмах Леруа. Может, это кто-нибудь из пользователей Интернета, с кем она входила в контакт...

– Или один из миллионов парней, с которыми она трахалась с самого рождения. Можно брать всех без разбора.

– Не так уж и без разбора, если мы имеем дело с ампутантом.

Мортье покачал головой:

– Судя по тому, что он с ней сделал, вряд ли он инвалид.

– В наши дни делают хорошие протезы. На шарнирах, ну и все такое... Некоторые легкоатлеты бегают на протезах стометровку быстрее, чем вы пробежите пятьдесят.

– А ты не так-то легко сдаешься, а?

Вик почувствовал, как в нем зашевелилась гордость. Нет, не напрасно он сюда приехал и хорошо, что встретил майора, даже если завтра его сочтут жополизом.

– Это как в шахматах. Сдаваться никогда нельзя.

– Ну, это вряд ли тебе поможет скорее стать хорошим сыщиком.

Мортье чуть прищурился:

– Ты объехал все ортопедические магазины и больницы, находящиеся поблизости?

– К сожалению, время не растягивается. Я займусь этим завтра.

– Ладно, завтра так завтра.

Вик вытащил из кармана леденец, развернул прозрачную обертку и отправил конфету в рот.

– Но это не объясняет, зачем туда положили еще семнадцать кукол, – продолжил он. – И почему их разложили именно так, как они лежали? Что за мизансцена? Матери бросаются защищать своих детей, словно им угрожает гнев Господень.

Мортье разглядывал фантик. Вик порылся в кармане и вытащил спичечный коробок, который сразу же сунул обратно, и целую пригоршню конфет.

– Хотите? Это Ван мне насыпал. Они с перцем. Здорово дерет! Он их называет «дыхание дракона».

Лицо Мортье озарилось улыбкой.

– Никогда не слышал. Должно быть, это большая редкость. А откуда они?

– Из супермаркета.

Вик прокашлялся.

– Скажите... я только что в отделении обнаружил у себя в ящике стола одну странную штуку.

– Презерватив, что ли?

– Намокший рулон пипифакса. Как вы думаете, чьих это рук дело?

– Спроси у Вана.

– Ван? Ну а если не он, тогда кто?

– Ты, должно быть, единственный не знаешь, кто это. Слабовато для следователя.

– Может, Жоффруа?

Майор направился к Институту судебной медицины, оставив Вика там, где тот стоял. Потом обернулся:

– Ну так ты идешь или будешь дожидаться, пока все мертвецы разбегутся?

Вик потихоньку выплюнул забористую конфетку и пошел следом за ним.

– У тебя есть жена? – спросил Мортье, которому конфетка очень понравилась, судя по тому, как резво он ее гонял во рту.

Вик улыбнулся, потом ответил:

– Есть. Селина. Мы ждем ребенка. Определенно будет девочка.

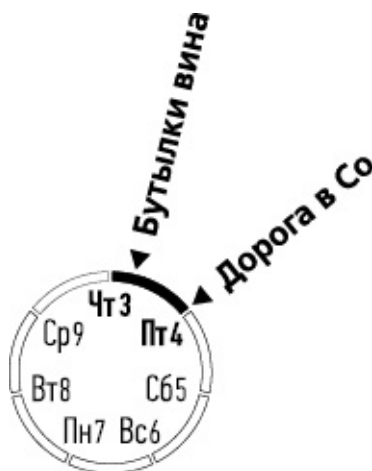
– Ну да, ну да, это хорошо.

Мортье вздохнул и прибавил:

– Малышка, может быть, позволит твоей семье не развалиться.

10

Пятница, 4 мая, 0:10

Того, кто рискнет войти в прозекторский зал, больше всего шокирует открывающийся с порога прямой, откровенный вид распростертого тела под яркой, не дающей тени хирургической лампой. И разрезанное, выпотрошенное человеческое тело производит впечатление некоей окровавленной ложбины, где после перенесенных потрясений плоть – уже и не плоть вовсе, а просто органическая руина.

Под маской Вик старался сохранять самообладание. Он не знал, то ли подойти, то ли отступить... Справа он заметил офицера криминальной полиции, который сидел за дверцей с окошечком. Оттуда он боязливо протягивал руку за очередной порцией материала для экспертизы. Самого вскрытия он не видел и сидел в укрытии для тех, кто не выносит подобных зрелищ.

– Ну что? – шепнул Мортье. – Похоже на помещение из видео?

Вик помедлил с ответом. Запах кишечных газов и прочие ароматы, носившиеся по залу, начали заползать под маску.

– Не знаю. Думаю, все прозекторские залы похожи один на другой.

– Новичок? – спросила Демектен.

Ее белый пластиковый передник окрашивали длинные кровавые потеки, плечи были обсыпаны костной пылью. Выглядела она лет на сорок, черты лица резкие и суровые.

Молодой лейтенант кивнул.

– Вы неудачно выбрали время. Мы уже почти закончили, смотреть не

на что.

– У него просто мания, – бросил Мортье, – появляться, когда остальные уже домой собираются.

Вик не услышал. Его взгляд был прикован к стальному баку, стоявшему рядом с отобранными для экспертизы материалами. Из него торчали длинные окровавленные иглы.

– Ровно сто одна игла, – уточнила прозекторша. – И были глубоко введены по большей части в мышцы или в нервы. Должно быть, это причиняло сильнейшую боль.

Она покосилась на Мортье, и тот одобритительно кивнул.

– Подходите, лейтенант, – сказала Жизель Демектен. – Вы в порядке? Обычно я ввожу новичков в курс дела, если что... Но вас мы действительно не ждали.

Вик глубоко вдохнул и постарался представить себе кусочек еды. Надо было точно, в деталях, представить кусок холодного жареного мяса. Обонятельные рецепторы носа насытились, и он почти перестал чувствовать вонь. Теперь надо было подойти к огромному застывшему ломтю мяса.

Ему вдруг во всей красе открылась вся эта еще сочащаяся кровью красная глыба, из которой вынули главные органы. Он быстро подумал о говяжьем филе, об отбивной с косточкой. Но потом, когда желчь начала медленно подбираться к горлу, образы тоже становились все хуже. Почки. Потроха. Мозги.

– Вам рассказать подробно или вкратце? – поинтересовалась Демектен.

Вик сделал три крошечных шажка назад и обернулся. Метра два. Отступить всего на два метра, чтобы удрать отсюда и умчаться к Селине. Это нездоровое место, это растерзание плоти вызывало в нем отвращение.

– *Пожалуйста вкратце.*

Он выдохнул это единым духом. И прозекторша адресовала ему истинно прозекторскую улыбку:

– Не знаю почему, но у меня на этот счет есть сомнения. Что-то вы очень бледный. Вы можете...

– Все в порядке.

Демектен взяла сердце, лежавшее на весах для взвешивания органов, упаковала его в пакетик и положила на место внутри скелета. Она заново «укомплектовывала» выпотрошенное тело.

– По номограмме Хенсге^[19] при температуре 18 градусов в секционном зале, где производится вскрытие, по весу тела и температуре

печени я могу заключить, что смерть наступила в ночь со среды на четверг, со второго на третье мая 2007 года, примерно около полуночи, вследствие многочисленных ран, нанесенных потерпевшей. Раны имеются на лице, на груди, а также на нижних и верхних конечностях.

По мере того как Демектен объясняла, Вик внимательно следил за каждой анатомической деталью, о которой шла речь. Все эти синяки, кровоподтеки, гематомы прочно впечатывались ему в память. Образы такого сорта обычно хранят при себе и никогда о них не говорят.

– Верхняя и нижняя губа, а также последние фаланги пальцев и кончик языка, длиной примерно сантиметра два, отрезаны весьма чисто. Убийца пользовался старым расширителем, скорее всего, чтобы жертва его не укусила, пока он режет. Расширитель был ржавый. Думаю, такими пользовались еще до появления челюстно-лицевой хирургии. Стоит проверить.

Демектен обошла труп и легким движением руки пригласила Вика подойти ближе. Мортье так и остался стоять в глубине зала, прислонившись к выложенной кафелем стене.

– Частицы кожного эпителия, найденные в смывах с правой ладони трупа, видимо, принадлежат убийце. Кроме того, я с определенностью могу заявить, что это продолговатые фрагменты высохшей, мертвой кожи, похожей на сброшенную во время линьки кожу змеи. Пробы находятся у меня за спиной. Еще я обнаружила на всей поверхности тела – на груди, на бедрах, на лобке – следы кукурузного крахмала. Обычно этот крахмал наносят на внутреннюю поверхность латексных перчаток.

На левом бедре жертвы Вик заметил татуировку в виде змеи. Что-то вроде питона с широко раскрытой пастью и хорошо видными зубами.

– ...Что говорит о том, что этот говнюк снял перчатки, чтобы ее потрогать, – уточнил Мортье.

– Да, но при этом позаботился стереть отпечатки. И еще одна деталь. Кончики волос жертвы в нескольких местах обожжены. Видимо, он развлекался с зажигалкой или еще чем-то в этом роде.

Она чуть отодвинулась и продолжала:

– А теперь взгляните сюда, на правое предплечье. Тут следы инъекций. Кололи многократно и достаточно агрессивно, даже спровоцировали небольшие гематомы. Видимо, жертва отчаянно сопротивлялась, несмотря на то что была крепко привязана. Пробы предстоит отправить в токсикологическую лабораторию.

Вик взгляделся в предплечье, испещренное лиловатыми следами гематом:

– А что ей вкололи? Наркотик? Седативное средство?

Всякий раз, как он открывал рот, ему казалось, что его сейчас вырвет. Привыкнуть к такому было невозможно.

– Может быть, гемостатик. Кровь в ранах везде свернулась. Видимо, мучитель хотел замедлить кровотечение.

Вик обернулся к Мортье.

– Ага, – вмешался майор, – гаденыш хотел продлить удовольствие. Очевидно, ему это удалось.

Вик заставил себя взглянуть на разможенное лицо, на искривленный, застывший в трупном окоченении рот. Даже мертвая, эта женщина, казалось, еще кричала. Может, она повстречала самого дьявола?

Начинающий сыщик нервно барабанил пальцами по бедру и все спрашивал себя, какого черта он тут делает, в Институте судебной медицины. В Первом дивизионе. В Париже. На какую же каторгу он обрек Селину! И сдаться, повернуть назад он не мог. Что скажет отец? И кем он будет выглядеть перед семьей потомственных сыщиков?

– ...Да вы же...

– Простите?

Видимо, тут Демектен вышла из себя. Обогнув стол, она схватила жертву за запястье и поднесла руку к самому носу Вика:

– Снимите маску и понюхайте!

Вик послушался.

– Уксус?

– И так пахнет почти все тело.

Вик перестал барабанить пальцами по бедру и судорожно скрипнул зубами. По правому предплечью вверх поползла боль.

– И что... И что это означает?

Демектен насмешливо хохотнула почти мужским басом:

– Но это же ваша работа, дорогуша! И это ваше дело – объяснить, откуда взялась гнилостная вонь на месте преступления!

– Из... извините меня...

Вик пустился бегом, толкнул вращающуюся дверь зала, вылетел в коридор и привалился к стене, схватившись за правую руку. Ее, от груди до самых кончиков пальцев, словно огнем прожгло.

Едва он разжал зубы, как его догнал Мортье. Майор искоса на него взглянул и протянул ему визитку судебного медика:

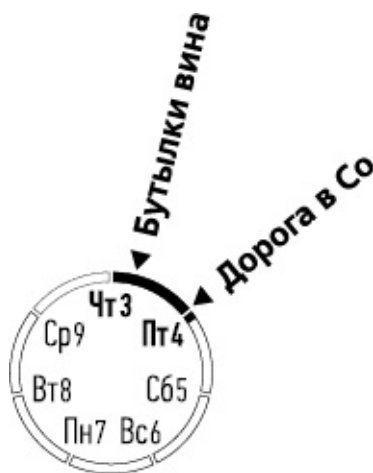
– Вот ее координаты, если возникнут вопросы. Звони в любое время, она часто дежурит. Ты не переживай, V8. В первый раз со всеми так бывает. Ты себя повел не хуже других.

Прежде чем отправиться к выходу, он протянул Вику пакет:

— Здесь фотографии с места преступления... Если захочешь продолжить путешествие в ужас. На темное пятно на снимках внимания не обращай, это дефект пленки. Оставь их себе, у нас в любом случае есть цифровые копии. А Демектен передает тебе привет и говорит «Добро пожаловать в Панаму...».

11

Пятница, 4 мая, 02:26

Подъехав холодной ночью к дому, Вик чувствовал себя скверно. Его словно выпотрошили, и хотелось только одного – выпить чего-нибудь покрепче.

Наверху, на четвертом этаже, светилось окно. Он молча шагнул в безликое замкнутое пространство лестничной клетки, которое уже начал ненавидеть.

Селина сидела за столом, положив голову на руки. Рядом стояли пустая тарелка и прибор, видимо нарочно оставленные на столе. Когда Вик вошел, она даже не обернулась.

Он обнял ее сзади, положив подбородок в ямку на плече:

– Как дела, малыш? Хм, ты надушилась?

– Да уж не то что ты... От тебя пахнет... гнилью какой-то.

Она встала, пригвоздив его к месту взглядом, вылила чай в раковину и удалилась в спальню, вся в волнах великолепного голубого кимоно.

«Не может быть...» – прошептал про себя Вик.

О стаканчике, который приготовился выпить, он сразу позабыл. Не расшнуровывая, он стянул с себя кроссовки, разделся на третьей космической, не глядя бросил одежду на гребной тренажер, нырнул на пару минут под душ и сразу залез под одеяло. Жена лежала, повернувшись к нему спиной. Он нежно к ней прижался, ласково провел рукой по тазу и уже подобрался к пупку, когда она схватила его руку и отпихнула назад.

– Вот, значит, какова теперь будет моя жизнь? Покорно дожидаться

вместе с ребенком, когда мой муж изволит явиться домой в немыслимое время? Хоть бы позвонил!

– Я тебе звонил из отделения! У нас было вскрытие!

Он помолчал, потом снова заговорил:

– Мой коллега Мо Ван человек весьма специфический, но очень славный, мы...

– Да плевать мне на твоего Мо Вана! И ты должен был ужинать со мной, а не с ним. Ты никогда еще так со мной не обращался. Что на тебя нашло?

– Вот тебе раз! Ты что, устраиваешь мне сцену из-за того, что я впервые в жизни поел не дома?

Вик провел рукой по своим коротко стриженным влажным волосам.

– Понимаешь, я новичок, и они заставили меня присутствовать при... при вскрытии. Это что-то вроде боевого крещения. Конечно, так будет не всегда.

– То же самое твой отец говорил твоей матери, слово в слово.

Вик перевернулся на спину и заложил руки за голову. Наконец-то он вытянулся, и ему сразу стало хорошо. Он лежал с открытыми глазами, и перед ним проходили все мучительные детали сегодняшнего дня. Повсюду кровь. Жюльетта Понселе, королева порно. Останки Леруа на столе в прозекторском зале. Жуткая игра с иглами. Вихрь невыносимых запахов.

Вик долго тер себе виски.

– Думаю, сегодня я чем-то понравился майору. Кое-кого порасспросив, я обнаружил одну важную для расследования деталь.

– Тем лучше. Может, в результате ты станешь хорошим сыщиком.

– А ты сомневалась?

– И что с того, что сомневалась я? Ты сам в это не веришь. Ты себя словно заставляешь.

– Нет, теперь я верю! Я стану хорошим сыщиком!

– Ты всегда делал то, чего хотел папочка! Ведь в том, что ты стал полицейским, есть и его вина, ведь так? И в том, что мы оказались... в таком ужасном месте!

Она зажгла ночник и посмотрела на мужа тяжелым взглядом:

– Что ты приехал искать в этом поганом городе, в Первом дивизионе, если не карьеры, которую тебе наметил отец?

– Париж вовсе не поганый город.

– Поганый.

После такого трудного дня ему приходилось еще и оправдываться.

– Мы не могли оставаться в Авиньоне! Или ты хочешь, чтобы я до

конца жизни составлял протоколы и ловил карманников и похитителей дамских сумочек?

Неподвижно глядя в потолок, Селина машинально погладила себя по животу.

– А почему бы и нет? Никто не может себя заставить заниматься ненавистным делом только из-за чужого мнения или из-за денег. У меня была очень приличная работа, и меня возьмут обратно, если...

– Ты и здесь себе быстро найдешь работу. Магазинов готового платья полно.

– Я не это хотела сказать. Если бы ты продолжил учиться на психолога, ты смог бы работать в кабинете у моего брата. И потом, я ведь говорила и о нашей жизни. О качестве нашей жизни. О нас с тобой, о нашем уютном уголке, о будущем ребенке...

Вик подавил вздох:

– Два года. Дай мне два года поработать в Первом дивизионе. И все очень быстро наладится. Мы отлично заживем. Ты же не станешь отрицать, что качество жизни моего отца отличное?

– Да, для разведенного мужчины. Для того, кто влюблен в Париж. Для одержимого, который вообще переселился в рабочий кабинет. Но я не хочу, чтобы ты стал таким же.

Глаза у нее погрузтели.

– Я сегодня гуляла возле детского садика.

– Опять? Не может быть...

– И я сосчитала, сколько там белых детишек. Хочешь знать сколько?..

Вик и хотел бы сдержаться, но все-таки перебил:

– Уж кому-кому, а не тебе об этом говорить. А тебя кем считали, когда твой отец определил тебя в школу в Марселе, если не вьетнамкой?

Пощечина прилетела Вику без предупреждения. Селина швырнула одеяло на пол, раскидала по спальне шахматные фигуры и, прихватив с собой подушку, убежала в будущую детскую.

– Мерзавец!

Дверь за ней захлопнулась, а Вик замолотил кулаком по матрасу:

– Черт! Черт! Черт!

Он встал и подошел к двери, но сразу вернулся обратно. Ну уж нет, с чего бы ему просить прощения? Рассерженный, он постоял в нерешительности. Нет. Ну разве его вина, что она не понимает? Она даже не спросила, как у него дела, с кем он познакомился сегодня. А он сегодня навидался столько ужасов, сколько она не видела за всю жизнь. А ей на это наплевать.

Он нагнулся, собрал мраморные шахматные фигуры и аккуратно расставил их по местам на доске. Надо будет найти шахматам более достойное место. Но где? Эта крошечная квартирка была меньше спичечного коробка.

Вик вышел в гостиную, чтобы плеснуть себе коньяка. Бутылка была почата еще отцом. Сколько же времени он не притрагивался к алкоголю? С самой свадьбы? Но нынче ночью он сделает исключение. Чуть-чуть расслабится после дня, проведенного в аду.

Он включил компьютер и вышел из программы «Шахматы Европы». Сна – ни в одном глазу. Он вспомнил испитое лицо Мо Вана, его запредельную усталость и полез за аспирином в коробочку, стоявшую за монитором. Из головы не шли последние слова судебного медика. Жертва потела, тело пахло уксусом, и в прозекторском зале стоял необъяснимый запах разложения.

Во что же он вляпался?

Всем сердцем он надеялся, что полюбит эту работу. По всем принятым обязательствам – переезд, ребенок, отец – был просто обязан полюбить.

Он отпил глоток коньяка и поморщился. Какая гадость!

Потом набрал пароль и вышел в Интернет, в рубрику избранного. Тотчас же открылось множество названий: «Трисомия», «Амниоцентез»^[20], «Гинекология». За ними шли более точные определения: «Мышечные боли в предплечье», «Цервико-брахиальная невралгия»^[21]. Вик передвинул мышку и кликнул на медицинский форум, где после идентификации под ником «псб» получил доступ ко множеству исследований. «Испарина», «Разложение», «Уксус», «Введение игл в нервные узлы», «Гемостатика»^[22]. Ничего убедительного в этих рубриках найти не удалось. Что касается испарины, то в статье говорилось, к примеру, о гипергидрозе, болезни, которой страдают постоянно потеющие люди. Но Жюльетта Понселе ни о чем подобном не упоминала, когда говорила о своей партнерше. Тогда чем объяснить обильную испарину у Аннабель Леруа? К чему принуждал ее мучитель? И как долго длилась пытка? И почему ее записывали на видео? Все это – вопросы без ответа, и ничего больше. Ван считает, что ремесло сыщика состоит в том, чтобы разворошить нутро, умело задав вопрос. Что ж, может, он не так уж и не прав.

Вик чуть обернулся: из детской доносились какие-то приглушенные звуки. Он поправил криво висевшую фотографию: Селина на фоне чудесного замка, который они мечтали когда-нибудь купить. Такие мечты, как правило, никогда не сбываются.

Следующие глотки коньяка пошли уже лучше. Не так уж и плох алкоголь. Головная боль утихла. Он взглянул на часы, кликнул на иконку, снова запустив игру в шахматы, и какой-то неизвестный противник разделался с ним за восемнадцать ходов. Все закончилось очень быстро.

Восемнадцать ходов... Восемнадцать кукол, и одна из них изуродована. Что все это значит? Высадившись на планету под названием «Полиция», Вик совсем растерялся. Он никогда не сталкивался с экспертом по судебной психиатрии, со специалистом по поведенческим реакциям, он терпеть не мог вида крови, а сегодня ночью впервые встретился с судебным медиком. И все это надо было немедленно понять и осмыслить. Надо было понять убийцу, прочувствовать и предвидеть его поступки, но перед ним маячил только смутный силуэт. Ледяной черный силуэт человека, способного смотреть жертве в лицо и хладнокровно отрезать ей губы и фаланги пальцев, снимая все на видео. Кто это – психопат или хищник? Он убивает в состоянии аффекта, из ненависти, из жажды подчинять и властвовать, а может, из мести? Примется ли он снова за старое? Когда? Где? И почему?

Вик закрыл все программы и помассировал правую руку. Он не в состоянии даже оружие держать как следует. Если ребята из бригады заметят...

Он подошел к окну. На набережной Сены, в свете круглой луны, телебашня Первого канала с несколькими освещенными окнами выглядела тотемом, жадным до новых образов и новых результатов. Кто там работал в такой час?

Интересно, есть ли такие, кому этот вид кажется прекрасным, кто действительно ценит этот мир жести, бетона и дыма?

Он взгляделся в крыши с целым лесом антенн, развернутых в одну сторону. Может, убийца Аннабель Леруа смотрит сейчас телевизор? Есть ли у него дом или квартира, есть ли жена, дети? Он что, тоже каждый день здоровается с соседями и гладит их собачек? А по ночам закрывается в подвале и смотрит видео со своими гнусными преступлениями? И тешит себя фантазиями, от которых любого вывернуло бы наизнанку?

Вчера ночью этот садист «священнодействовал», вгоняя одну за другой сто иголок в тело молодой женщины. А сегодня он затаился... Но ключом к преступлению владеет он один. И им всем: Вану, Мортье, Жоффруа – предстоит разгадать весь этот бред. И восстановить шаг за шагом кровавый путь убийцы.

Слегка пошатываясь, Вик вернулся к светящемуся в темноте экрану компьютера и снова вышел в Интернет, поставив рядом с собой круглую

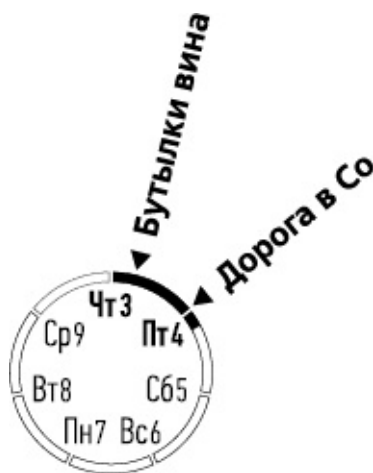
коньячную рюмку. Он всегда обожал докапываться, везде совать свой нос. А Интернет для тех, кто любит докапываться, – настоящий рай. Ну, по крайней мере в этой области он великолепен.

Спустя несколько часов, с вылезшими из орбит глазами, тяжело дыша, он все еще странствовал по сайтам, где речь шла о средневековой медицине.

Остатки адреналина еще помогали ему держаться в рабочем состоянии, но потом усталость его все-таки свалила.

Он отправился спать, оставив на экране включенного компьютера чье-то искаженное болезнью лицо.

Это был сайт, где говорилось об укусе. О разложении. О проказе. И о черной смерти.

Выходя из «форда» перед жандармерией Ламорлэ, Сильвия Кисмет все никак не могла успокоиться:

– Ты отдаешь себе отчет, что... что я перенесла все встречи, чтобы поиграть в охоту за воображаемым сокровищем?

Стефан разглядывал всадника, который появился посередине улицы у нее за спиной. Ламорлэ располагается неподалеку от Шантийи, конской столицы Франции. Это один из немногих французских городов, где на улице можно увидеть дорожные указатели «Уступите дорогу лошади» или кучку конского навоза перед светофором.

– Ничто тебе не мешало поехать на работу, – ответил он жене. – В любом случае надо же мне когда-нибудь снова сесть за руль.

– Когда-нибудь – да, но не сейчас.

Они вошли в жандармерию. Их встретил молодой старший капрал. День был выходной, погожий и ветреный, и Сильвия сияла в своей легкой юбке и со вкусом подобранной кофточке цвета зеленого яблока. Похоже, молодой жандарм был равнодушен к яблокам.

Стефан сказал, что у него только что украли велосипед и он запомнил номер машины: 8866 BCL 92.

– «Порше», говорите?

– Красный, как лак на ногтях у моей жены.

Капрал Туссар удивленно поднял на него глаза:

– Занятно... владелец «порше» ворует велосипеды.

– А вдруг «порше» тоже угнан? – вмешалась Сильвия. – Вы сможете это быстро проверить?

Врать ей было стыдно, но при всем том она прекрасно чувствовала комизм ситуации. Она долго колебалась, но потом подумала и решила, что лучше уж поехать вместе с мужем, чем оставить его самого разбираться, тем более в таком состоянии. А потом они поедут в странный музей Дюпюитрена: через это надо пройти, чтобы Стефан понял всю глупость своих расследований.

Барабания по клавиатуре компьютера, жандарм спросил:

– Вы можете прежде сообщить мне ваш адрес? Это понадобится для жалобы.

Стефан продиктовал адрес. Вид у стража порядка стал озабоченный.

– Ого, так вы... – Он смутился и совсем другим тоном закончил фразу: – ...живете в доме, где снимали фильмы ужасов?

Стефан раздраженно улыбнулся. Он знал, что собеседник наверняка его узнал и, как и любой обитатель Ламорлэ, решил, что он причастен к гибели маленькой Гаэль Монтёе два месяца назад.

– Прежние владельцы действительно сдавали дом для съемок, но там снимали не только фильмы ужасов.

– Туда повадилась залезать ребятня, и это нас порядком пугало. Особенно когда лазили в подвал: там все было как в фильме «Техасская резня бензопилой».

– Благодарю за комплимент. Так что там с номерным знаком, есть какой-нибудь результат?

Туссар повернулся к Сильвии:

– И вам не страшно жить в таком месте? До того как там стали снимать фильмы, еще в прошлом веке, там был охотничий домик одной местной знатной семьи. А в подвале, судя по всему, разделявали дичь.

– Мой муж каждый день перерезает кому-нибудь горло, а в лоб всаживает ножи. Так что, знаете, разделанные туши животных...

Жандарм нахмурил брови.

– Видите ли... Я изготавливаю всяких монстров и муляжи для съемок и для выставок, – попытался объяснить Стефан.

Капрал успокоился. Широким движением он занес руку над клавиатурой и нажал указательным пальцем на «Enter».

Стефан нетерпеливо спросил:

– Ну что?

Туссар уткнулся носом в экран:

– Ага, ну вот, есть. Ваш пресловутый «порше» значится в картотеке

номерных знаков, но не в списке угнанных машин.

Сильвия и Стефан удивленно переглянулись. Потом Стефан нервно отпрянул на несколько шагов и прошептал:

– Владелец «порше», который украл у меня велосипед... Невероятно...

А еще через несколько секунд он прицелкнул пальцами и рассмеялся. Он хохотал все громче и громче.

– Что вас так рассмешило?

– Со, правда? Она живет в Со?

Удивленный капрал убедился, что оттуда, где стоял Стефан, экрана видеть он не мог.

– А как вы узнали?

После этого вопроса Стефан захохотал еще громче. Сильвия пожала плечами, сделав непонимающее лицо. Она прекрасно знала, что ее муж затеял всю эту комедию с одной целью: узнать, кто владелец машины.

– Значит, она все-таки отважилась! Как сказала, так и сделала!

Он подошел к Туссару, размахивая перед собой рукой:

– Жалоба отменяется, наплевать! Ерунда все это!

Он потащил Сильвию за собой:

– Пойдем, дорогая, все в порядке!

Озадаченный жандарм несколько мгновений пребывал в смущении, потом спросил:

– Вы хоть можете объяснить, в чем дело?

Стефан отдышался, промокнул щеки платком и сказал, обращаясь к жене:

– Это Каро, моя детская подружка! Боль-ле-Пен! Май 1989 года! Нам... нам было тогда по тринадцать лет! Я у нее однажды увел велик и на ночь спрятал его в старом сарае! Вот только наутро велосипед действительно исчез! Это был отличный десятискоростной «МБК», на нем стоило обдирать ляжки! Она на меня смертельно обиделась и поклялась отомстить! И отомстила – спустя восемнадцать лет!

Стефан так заразительно хохотал, что вслед за ним жандарм тоже залился смехом.

– Каролин Дюварей? Регистрационная карта на имя Каролин Дюварей? Дюваруля-косуля! Ох, пожалуйста, скажите мне, что она не вышла замуж, что она свободна! Она уже в десять лет была такая...

Туссар его перебил:

– Э, да она замужем, уважаемый! Сертификат выписан на имя Эктора Арье.

Когда они вышли на улицу, Стефан похлопал Сильвию по плечу:

– Ну и как тебе мой номер?

Она строго на него посмотрела:

– Что все это значит? Что же ты все-таки ищешь?

– Просто хочу понять, что мне снилось. «Порше» оказался именно из Со.

– Ты уверен, что дело только в этом?

– А в чем еще?

Они сели в машину и сделали небольшой круг по территории. Короткий поиск в Интернете дал результат: точный адрес Эктора Арье. И адрес, и человек существовали на самом деле.

Спустя почти два часа, пересекши весь Париж с севера на юг, машина поехала вдоль парка Со, мимо замка и садов во французском стиле. перевозбужденный Стефан сидел на пассажирском месте и без устали твердил, что он уже видел все это прошлой ночью. Он знал названия улиц, особняки. Сидевшая за рулем Сильвия старалась сохранять спокойствие.

Дом они нашли быстро, он стоял в квартале Мари Кюри и был окружен цветущим садом. Никакого красного «порше» рядом не наблюдалось.

– Это он! – взволнованно сказал Стефан. – Милая, это тот самый дом!

Сильвия шумно втянула в себя воздух:

– Все эти особнячки смахивают друг на друга, что здесь, что в любом другом месте. Ты уверен?

– Конечно.

Стефан не любил этот ее взгляд, в котором читались жалость, страх и непонимание.

– Ты что-то неважно выглядишь, – сказал он, когда они припарковались.

– А я и чувствую себя неважно. Мой муж несет какой-то вздор и снова принялся откалывать странные штучки. У меня это вызывает худшие воспоминания! Мне вовсе не хочется, чтобы ты снова попал в больницу в разобранном виде или начал глушить себя лекарствами.

– Значит, ты мне не веришь?

– Поверить тебе? Да эти твои... галлюцинации ни к чему, кроме катастрофы, не привели!

Стефан смотрел на нее с грустью:

– Это не галлюцинации. Я вижу реальные вещи...

– Объясни, в чем разница.

– Сильвия, пойми меня, пожалуйста. Со вчерашнего дня мои сны абсолютно реальны.

Она отвернулась:

– Ну... иди постучись. Только сам, и убедись, что все твои рассказы – чистая глупость и пора уже опомниться. А то мне надоело гоняться за призраком, не желающим делить со мной постель.

Стефан осторожно прикрыл дверцу машины. Сильвия следила, как он нерешительно, почти испуганно идет к дому. Она глубоко вздохнула и кончиком пальца смахнула со щеки слезинку.

Дойдя до входной двери, Стефан несколько секунд мялся в нерешительности, прежде чем позвонить. За дверью послышались шаги, и ему наконец открыли. На пороге стояла очень красивая женщина лет тридцати. На обнаженные плечи спадали длинные белокурые волосы.

– Господин Кисмет? – с удивлением спросила она.

– Мы... мы с вами знакомы?

Женщина сделала шаг в сторону, чтобы бросить взгляд на «форд» за его спиной, и кивнула в знак приветствия.

– А вы не растеряли чувства юмора. Вам, должно быть, нужен Джон?

– Джон?

Она крепко стиснула ручку двери.

– Мой муж рано утром улетел на съемки в Антиб и вернется не раньше вечера. Чего вы, в сущности, хотите?

– Джон... Вы имеете в виду Джона Лейна? Декоратора? Так Джон Лейн и есть Эктор Арье?

– Да, Джон Лейн – это псевдоним.

– И мы с ним уже встречались...

Она спросила себя, уж не пьян ли он.

– На коктейле после окончания съемок «Умершей памяти». Позвольте все-таки спросить еще раз: что вам угодно? Это касается фильма, над которым вы с Джоном сейчас работаете, «Кровавой ложины»?

– Ваш муж тоже работает над «Кровавой ложью»?

– Разве вы не знали?

– Н... нет... Впрочем, над фильмом всегда трудится куча народу.

Стефан вспомнил съемки «Умершей памяти» в прошлом ноябре. Он тогда создал несколько масок изуродованных жертв и сделал несколько манекенов, а Джон Лейн руководил строительством декораций. Они знали друг о друге понаслышке и несколько раз пересекались на съемочной

площадке. Стефан поднялся на ступеньку крыльца.

– Мой вопрос может показаться вам странным, но... я ведь здесь уже бывал? Не знаю... может быть, после коктейля, к примеру. Я... я ничего не могу вспомнить. Провал в памяти.

Она улыбнулась:

– Это неудивительно, вы с супругой воздали должное бордо. Я вас помню хорошо. Вы... вы были такой экспрессивный и такой прекрасный имитатор! Особенно когда изображали Джима Керри в зеленой маске.

– Ну, это нормально, у меня практически тот же французский выговор, что и у него, это помогает.

Виктория принялась объяснять:

– Собственно говоря, вы оказались здесь после банкета в честь окончания съемок «Умершей памяти», потому что дорога была опасной из-за тумана. И Джон решил отвезти вас домой, но сначала завез сюда меня. Вам с супругой на заднем сиденье «порше» было очень... тесно.

– Красный «Порше-911 GT»?

– Именно так. Вы запомнили марку машины, и больше ничего?

– На самом деле я часто вспоминаю это место, улицы, фасад вашего дома.

Сбитый с толку, Стефан отступил на несколько шагов:

– Прошу прощения за беспокойство, мадам.

– О, ничего страшного.

Она кивнула в сторону «форда»:

– Но объясните мне все-таки, зачем вы приехали.

Он поднял руки вверх в знак капитуляции:

– Всему виной дурной сон, только дурной сон.

– И вы поехали в такую даль только из-за дурного сна?

– Скажите... Я все же задам вам еще один вопрос. В тот вечер ничего не случилось? Может быть, у меня были причины рассердиться на вашего мужа?

Она явно удивилась:

– Да нет, ничего не случилось. Абсолютно ничего.

– Простите, как ваше имя?

– Виктория.

Она прислонилась к косяку.

– Как все-таки любопытно получается, когда люди переберут немного.

– Почему?

– Потому что в тот вечер мой муж стал в ваших глазах лучшим другом.

Вернувшись в «форд», Стефан хлопнул ладонями по приборной панели:

– Черт, ну и дела!

– Что случилось? Рассказывай!

Он пересказал разговор. Сильвия прикрыла глаза и вздохнула с облегчением:

– Ну и ладно. По крайней мере, это доказывает, что рецидива у тебя нет. И ты наконец поймешь, что никакие это не видения, а просто прорыв в подсознание. Или надсознание, не вижу разницы.

Лицо Стефана оставалось непроницаемым. Он был уверен, что в тот вечер вышел из машины с пистолетом в руке и собрался войти в дом. Это видение буквально сжигало ему все нутро. Что же на самом деле случилось в тот вечер? А что, если жена Джона, Виктория, сказала ему не всю правду?

– Да нет, я не сумасшедший.

– Теперь мы можем вернуться? И в этот твой музей, как его... можно не ездить?

– Нет, надо поехать.

– Но он же в самом центре Парижа! Напоминаю, у меня в половине седьмого парикмахер.

– У тебя еще куча времени. Поехали.

Сильвия взяла себя в руки, чтобы не взорваться:

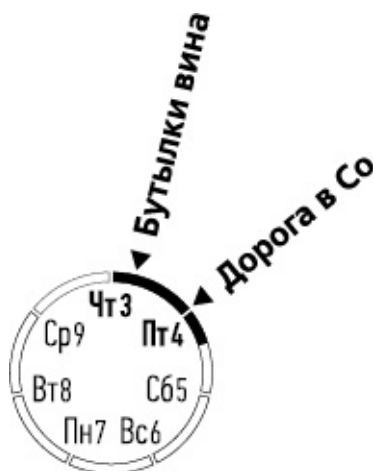
– Ладно, едем. Но поклянись, что после этого оставишь меня в покое со своими кошмарами!

У Стефана потемнело в глазах.

– Ты больше о них не услышишь.

13

Пятница, 4 мая, 09:54

Придя в то утро на работу, Вик первым делом открыл ящик стола. Исключительно ради того, чтобы удостовериться, не засунул ли туда этот шут гороховый «тампакс» или еще какой предмет личной гигиены. Но все было в порядке, если не считать, что из клавиатуры вытащили клавиши и переставили их таким образом, чтобы получилось: V8 БЛАТНОЙ. За все три недели, что он служил в дивизионе, хуже еще не было.

Начинающий полицейский повесил кобуру на вешалку для пальто, аккуратно положил «зиг-зауэр» на место и налил себе воды из кулера. У него еще не выработалась привычка носить с собой термос. Здешний кофе из автомата пить было невозможно. Вик вернулся в кабинет, который делил с Жеромом Жоффруа – судя по постерам на стенах, горячим поклонником Памелы Андерсон и футбольной команды «Париж-Сен-Жермен» – и Ваном, предусмотрительно занявшим место у окна. Лучшего места, чтобы смотреть запрещенные видео, не придумаешь.

Ван вскорости появился.

Вик поздоровался.

– Ты не в курсе, что с клавиатурой моего компа?

Ван с ходу бросил пальто на вешалку, и оно, как всегда, зацепилось и повисло с первого броска.

– Ты о чем?

– Этот остряк-самоучка перемешал клавиши. Ты вроде бы возвращался сюда вчера вечером. Ничего, случаем, не видел?

– Похоже, это кто-то из наших.

– Тоже мне новость.

Ван приступил к ежеутреннему ритуалу: убедился, что корзина для бумаг на месте, выровнял рамку с рекламной фотографией аэролиний Макао с птичьего полета, разобрал свою мышку и прочистил ее длинным ногтем, а потом прохрустел всеми косточками с ног до головы.

– Ты не знаешь, что делают в соседних кабинетах какие-то типы, вооруженные газовыми горелками? – спросил Вик.

– Как, ты еще не в курсе? Да уже недели через две должны все закончить в новом здании, километрах в двух отсюда. Эти кабинеты отойдут Министерству юстиции. А мы неплохо устроимся, вот увидишь, там будет круто.

Он закурил сигарету, затянулся и выпустил колечко дыма.

– Ну, как вскрытие?

Вик пожал плечами:

– Я неплохо выстоял для первого раза. А сначала думал, что...

– Меня интересуют результаты. А все остальное, знаешь...

– Результаты... Да, конечно.

Вик уже закончил отчет, когда вошел Жоффруа с делами под мышкой:

– Первые результаты токсикологии, парни.

Он бросил документы к себе на стол, снял коуху, достал термос и налил себе маленькую чашечку черного кофе. За термосом последовала пачка сухариков, из которых он сейчас сделает что-то вроде бутербродов с соленой бретонской масляной карамелью.

– Ну что, V8, все выжал из трупа нынче ночью? Как спалось? Хорошо?

– Сказать «хорошо» значило бы соврать.

– Ну, милости прошу к нашему шалашу.

Жоффруа был низкорослый, но повыше Вана – здесь все были выше Вана. Он почти полностью облысел, и у него не хватало нескольких зубов, выломанных соленой карамелькой. Жоффруа раскрыл принесенные папки, не обращая ни малейшего внимания на клавиатуру Вика. Если он и притворялся, то у него это здорово получалось.

– Итак... В организме жертвы найдено два вещества. Во-первых, гемостатический гель, которым смазали каждую рану, чтобы остановить кровотечение. Этот говнюк хотел продлить удовольствие.

Ван с наслаждением выпустил из ноздрей струю дыма.

– Этот гель легко достать?

Жоффруа вытащил сигарету из пачки Вана.

– Ты меня удивляешь. Это как меркурохром, тот же бактерицид, только

не такой мерзостный. А вот второе вещество, наоборот, достать гораздо труднее. Помнишь следы от уколов у нее на предплечье?

– Лиловатые пятнышки на правом предплечье, – подал голос Вик.

Жоффруа наконец удостоил его взглядом:

– И как по-твоему, что это такое?

– Наркотик?

– Морфин. Отсутствие его следов в волосах говорит о том, что инъекция была разовая и недавняя. Ты знаешь, для чего главным образом используется морфин?

– Ну, прежде всего его прописывают больным в больницах. Думаю, как обезболивающее.

Жоффруа ткнул пальцем в листки экспертизы:

– Правильно думаешь. Это анальгетик, который воздействует на центральную нервную систему. Его вводят умирающим пациентам или тем, кто попал в серьезную аварию... Он обезболивает, облегчает страдания.

Комната, окутанная дымом, походила теперь на турецкую баню для кандидатов в раковые больные. Вик открыл окно и взял свой стакан с водой.

– Ты хочешь сказать, что наш убийца...

– Матадор. Пока что назовем его Матадор.

– Матадор?

Жоффруа оперся рукой на стол:

– Знаю, что это глупо, но это идея шефа. И не ищи в этом прозвище ни малейших признаков гениальности.

– Ладно, договорились. Так, по-твоему, этот Матадор вколол ей морфин, чтобы ей не было больно, когда он всаживал ей иглы в нервные узлы и мышцы?

Лейтенант, которому угрожало полное облысение, загасил только что выкуренную сигарету. Ван быстро сунул пачку обратно в карман.

– Да нет, вовсе не для того, чтобы она не страдала. На этот раз побиты все рекорды садизма.

– Слушай, уже утро, а потому кончай со своей манерой напускать загадочности, прошу тебя.

Жоффруа обвел пальцем кривую графика в досье:

– Смотри. Вот точная дозировка морфина в соответствии с весом пациента и с длительностью действия.

Вик и Мо подошли к столу.

– Морфин начинает действовать через пять минут после инъекции, а максимальный эффект наступает примерно через полчаса. И еще три часа

действие продолжается. А потом...

Жоффруа схватил Вика за руку и крепко ее стиснул:

– Ну вот представь, V8: я тебя обездвигил, к примеру привязал, а потом вколол тебе от десяти до двадцати кубиков морфина. Через пять минут ты будешь под кайфом, но полностью в сознании. Ты догадываешься, что я собираюсь с тобой сделать, ты видишь, как я достаю инструменты. Скальпели, хирургические ножи, иглы. Сотню здоровенных иголок. И я медленно вожу ими у тебя перед глазами, словно это свечи. Твои погребальные свечи.

Жоффруа все сильнее и сильнее сжимал руку, Вик снова почувствовал, как по ней поднимается жар, и попытался ее выдернуть. У офицера в потертой косухе была репутация драчуна. Он пригвоздил коллегу ледяным взглядом и продолжал:

– Все эти приготовления длились минут, может, двадцать. Минут десять мерзавец с ней говорил, рассказывал в подробностях, что собирается сделать, и это его заводило. Действие морфина достигло пика. И тогда он начал спокойно вводить иглы. Торопиться он не любил, все делал с оттяжкой. Как он их вкалывал? Ходил ли вокруг жертвы? Заглублял и снова вытаскивал их по одной или всаживал в тело сразу по нескольку? Потом отрезал пальцы, губы, вырезал язык, а раны смазал гелем, чтобы кровь не хлестала и жертва не умерла бы прежде, чем он закончит свою... работу. И все это время, находясь под действием морфина, жертва ничего не чувствовала. Она просто видела, как от ее тела отрезают по кусочку, словно делят апельсин на дольки, и понимала, чем это закончится.

Мо оперся о письменный стол. Под татуировкой с иероглифом Вик различил у него на руке еще одну, более старую, которую явно сводили лазером. Изображение дракона.

– Кажется, я начинаю что-то просекать, – сказал Ван. – Ну конечно, я кое-что понял. – Он присвистнул, а потом добавил: – Этот тип, конечно, сама доброта.

В горящих глазах обоих своих коллег Вик различил блеск сообщничества и полного согласия. Сколько же дел они распутывали вместе, сколько наполучали тумачков, сколько бессонных ночей провели, прежде чем достигли такого согласия?

Жоффруа снова заговорил:

– Оставалось четверть часа, Матадор свое дело закончил. Леруа он доконал. И вот морфин внезапно перестает действовать. Тело жертвы просыпается. Эффект фейерверка.

Он руками изобразил что-то вроде взрыва. Вик, стоя в сторонке и

держась подальше от дымного облака, сказал:

– Он не желал, чтобы страдание усиливалось постепенно.

Лицо его при этих словах стало жестким.

– А у него есть мозги, у этого V8!

Жоффруа пошарил рукой, нащупывая сигаретную пачку Мо, но не нашел и вытащил свою из кармана кожанки. Однако не закурил и обратился к Вану:

– С недавнего времени я задаю себе вопрос. И вопрос этот уже все нутро мне прожег насквозь.

– Что за вопрос?

– Можно ли умереть от боли? Просто от боли, до того как откажут жизненно важные органы?

Ван посмотрел ему в глаза, и взгляд его помрачнел.

– Можно, мать твою... Гарантирую, что можно.

После его слов в комнате словно холодом повеяло. Сквозь стекло проникал отсвет работающих газовых горелок. Жоффруа смял в кулаке свой стаканчик:

– Этот гад довольно много времени провел со своей жертвой. Он развлекался вовсю, притащил кучу кукол и выстроил из них этакий карточный домик. И никаких следов! Один-единственный смазанный отпечаток на крошечном кусочке мела. На куклах ни одного отпечатка, и никаких свидетелей! Ну пока никаких.

– А есть надежда, что появятся?

– Есть. Там, напротив, на парковке таможенного склада, нашли много пустых бутылок. Работники соседней киношки утверждают, что их натаскал какой-то бомж. Его сейчас ищут.

– А что насчет слегка обгоревших волос Леруа?

– Полная тьма. Может, она сама их сожгла феном? А может, этот садюга поработал зажигалкой. Кто знает?

– А что нового о тех клочьях чьей-то шкуры, что были у нее в руке?

– Исследуют. Экспертам лучше лишних вопросов не задавать, когда речь идет о ДНК...

Жоффруа уселся перед своим компьютером и полез проверять почту. Вик кивнул на термос с кофе:

– Можно?

– Ты что, сдурел или как?

Довольный произведенным эффектом, Жоффруа буркнул:

– Ладно, так и быть. Не хочу прослыть врединой, вроде того, кто сунул тебе в стол мокрый пипифакс. Но в следующий раз приноси свой термос.

Да, кстати... Мо мне говорил о твоей жене. Можно взглянуть?

– На что взглянуть?

– На фото. Ты же наверняка таскаешь его с собой? Между коллегами есть правило: всегда показывать друг другу фото своих жен.

Вик достал из портфеля маленькое фото на документ.

– Ох, ни фиги себе! – воскликнул Жоффруа. – Теперь я понимаю, почему Мо с тобой закорешился. Не надо было тебе идти в полицию, мой мальчик.

– Почему?

Жоффруа достал сухарик и открыл баночку с карамельками.

– Телки ее типа обычно больно заботливые. Это она заставила тебя в день свадьбы бросить курить?

Вик испепелил Мо взглядом:

– Мы оба так решили.

– Закуришь опять, и достаточно быстро.

– Мне это не грозит.

– Закуришь как миленький.

Вик Маршаль налил себе кофе и заявил:

– А я сегодня ночью нарыл немало интересного.

– На какую тему?

– Я докопался до интересных вещей и понял, при чем тут уксус. А наутро один знакомый врач мою догадку подтвердил.

Жоффруа поднял бровь:

– Ну-ка, ну-ка, давай выкладывай, на что способен наш юный герой. Кто его знает?

– В общем, рыл я, рыл и нарыл трактат 1839 года «Медицина и хирургия для бедных». Чтобы не заразиться чумой, надо окуривать себя парами алкоголя или неразведенного винного уксуса. И этим уксусом надо протирать газеты, дверные ручки – в общем, все, что соприкасается с кожей. Там еще сказано про «уксус четырех воров». Банда злоумышленников во время эпидемии ухитрялась грабить зараженные дома, натирая себе тела винным уксусом.

Слегка оттолкнувшись пятками, Жоффруа отъехал в кресле назад.

– Чума? Ты что, Варгас^[23] начитался?

Ван нахмурил брови:

– Варгас? А это что? Лекарство?

– Ты не знаешь Варгас, Мо? Это писательница! Детективы!

– Вот-вот, это самое я себе и сказал, – снова вступил в разговор Вик. – Это не роман. В том мире, где мы живем, неправильно представляют себе,

что такое чума. Ну, в общем, я заинтересовался винным уксусом как таковым. Уксус, которым все пользуются чуть не каждый день, имеет множество химических свойств. А ты знаешь, почему он помогал от чумы?

– Чуме не нравился винный уксус?

– Вот именно, лучше не скажешь. Винный уксус – мощный антисептик, он убивает все бактерии на внешней поверхности тела или хотя бы препятствует их размножению. Египтяне бальзамировали умерших, чтобы замедлить процесс разложения, поскольку он, несомненно, зависит от увеличения количества микробов.

– Я давным-давно школу окончил. И дальше что?

– Можно предположить, что, покрывая тело уксусом, Матадор хотел отсрочить процесс разложения, чтобы... ну, не знаю... сбить нас с толку в определении времени смерти.

– Ну да. Вот только вонища на месте преступления исходит вовсе не от жертвы.

– Именно! Значит, Матадор притащил ее на себе.

– Мо, да это сенсация. Ну и?..

– То, что я хочу сказать, может показаться странным. Но во Франции насчитывается около тридцати шести болезней, порождающих такой запах у живого человека.

Жоффруа прищурился:

– Ты имеешь в виду гангрену?

Вик кивнул:

– Гангрена, ампутация, акротомофилия... Улавливаете связь?

– Ага, улавливаем, парень! – загорелся Ван и принялся прощелкивать себе суставы кистей.

Вик впервые ощутил себя на месте среди коллег. Он с гордостью продолжил:

– Связь невелика, но она существует. Когда я читал материалы о так называемых *поклонниках*, я набрел на информацию, что некоторые фетишисты доходили до того, что добровольно становились ампутантами ради удовлетворения своих фантазий.

– Ну известно же, что лучше себя самого не удовлетворишь, – включился Ван. – Но я плохо себе представляю, чтобы кто-то явился в больницу и сказал: «Здравствуйте, вы не ампутируете мне руку? Прошу вас. Это меня заводит».

Он выбросил окурок в окно.

– Что же, выходит, этот тип сам себе что-то отрубил?

– Почему бы и нет? А без нужных инструментов и лекарств культа

наверняка инфицируется, начнется некроз. Отсюда и гнилостный запах.

– Но тогда зачем лить уксус на Леруа? – спросил Жоффруа, хрустя сухариком.

Вик покачал головой:

– Понятия не имею. Может, он к ней прикасался, ласкал ее этой... гангренозной клешней и не хотел оставлять следы для нашей аппаратуры. А винный уксус убил все бактерии, уничтожил все следы.

– А может, он предпочел сохранить чистой свою жертву, – подхватил Жоффруа. – Желал прикасаться к незапятнанной поверхности, которую не тронула грязь. Может, ему самому была отвратительна гниль собственной гангренозной культи.

– Вполне возможно, приятель. Запах, куски отмершей кожи, кукла с отрезанной рукой. И это объясняет, зачем ему был нужен морфин. И откуда он так хорошо знал дозировку. Он его колет себе, чтобы переносить собственную боль. Гангрена ведь должна здорово болеть.

– Особенно газовая или влажная. Ткани распухают, образуется сочащаяся язва, а потом начинается разложение.

Жоффруа бросился к термосу:

– Я бы сейчас выпил чего покрепче, чем эта бурда.

– А есть?

– Я имел в виду алкоголь. Если ты недоволен, не пей.

Вик залпом осушил свой стакан.

– А у тебя есть какие-нибудь мысли о том, какого типа убийца тут поработал? – спросил он.

Жоффруа натянул свою кожанку и кивнул Вану, чтобы тот шел за ним.

– Есть. Псих, больной на всю голову, но с прекрасным чувством юмора.

– Миленькое резюме. И теперь... что теперь делаем?

– А тебе нянька нужна? Майор пока не пришел, надо пошевеливаться. Мы с Ваном обойдем клиентов Леруа. И допросим с пристрастием всех, с кем у нее были давние связи. В том числе и в среде порнокиношников. А ты возьми двух-трех парней и прошерсти все больницы, медицинские кабинеты, все аптеки. Твоя задача – морфин, но прежде всего – больные с гангреной. Ни один живой мертвец, либо воняющий, как падал, либо тот, у кого рука вовсе уже лиловая, не должен остаться незамеченным.

Перед тем как выйти из комнаты, Жоффруа в последний раз обернулся:

– Эй, V8!

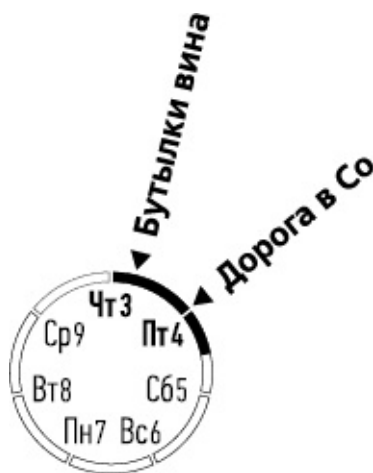
Вик поднял голову:

– Что?

– Не посягай больше на мой кофе. Идет?

14

Пятница, 4 мая, 14:09

Стефан удивился, как легко удалось им проникнуть в Центр медицинских исследований Университета Пьера и Марии Кюри, что в Шестом округе. Они ожидали, что это закрытое заведение, по крайней мере с охранником у входа, а оказалось, что с улицы Медицинской Школы вход свободен для всех.

Они с Сильвией прошли сквозь просторные аркады вдоль цветущего сада. На квадратную зеленую лужайку лился яркий свет, в котором сквозили холодные оттенки, отливающие синевой, как свет в операционном блоке. Пара остановилась перед табло с указателями: амфитеатры, Хирургическая академия, Институт врачебной подготовки...

– Нам туда, – сказал Стефан, указав пальцем на название «Музей патологической анатомии Дюпюитрена».

– Тебе знакомо это место?

– Абсолютно незнакомо.

– А должно бы. Не слишком отличается от твоей Страны Тьмы... Куда ни глянешь – всюду монстры.

– Сожалею. Я бывал во многих музеях, но вот в этом не приходилось, могу гарантировать.

Они молча пошли дальше, он впереди, она за ним. И тут Стефан вспомнил другую надпись.

– Университет Марии Кюри... Джон Лейн, он же Эктор Арье, живет на улице Марии Кюри. Странно, правда? Оба места, как-то связанных с моими

видениями, носят имя Марии Кюри.

– Куда бы ты ни поехал, везде найдешь улицу Марии Кюри. Надеюсь, ты не принялся снова за свои совпадения.

Она легонько толкнула его локтем:

– А я все еще нравлюсь. Студент, что шел нам навстречу...

– Это тот брюнет с горящими глазами?

– Он самый. Он дважды на меня обернулся.

– Если ты видела, как он обернулся, значит сама оборачивалась.

– Ревнуешь?

– Вовсе нет.

– Пошли. А ведь раньше сказал бы «да».

Стук их шагов по цементным плитам пола затихал. Они прошли мимо статуи в белом балахоне, изображающей Смерть: что ни говори, а медики обладали весьма своеобразным чувством юмора. И Сильвия, в который уже раз, спросила себя, зачем она пришла сюда, в это напыщенное, леденящее душу место. Под табличкой «Музей Дюпюитрена» виднелась самая обыкновенная деревянная дверь, а сбоку от двери была пришпилена афиша: «Выставка, посвященная Джону Меррику и фиброматозу^[24]. Открыта со 2 апреля по 31 мая 2007 года».

– Джон Меррик... Джон Лейн...

– Джон Фицджеральд Кеннеди, Джон Малкович, Джон Леннон... Хочешь, еще наберу?

Стефан не стал настаивать и толкнул тяжелую дверь. Выставка была открыта для посетителей. Они заплатили по пять евро за вход. Как и следовало ожидать, в ранний послеполуденный час по залам этого мрачного места, посвященного монстрам, бродили всего два-три студента.

– В 16:00 будет демонстрация документального фильма, не вышедшего при жизни Джона Меррика, – «Человек-слон», – пояснил служитель музея, молодой парень в белой рубашке.

– Мы пришли не затем, чтобы смотреть документальный фильм, – сухо заметила Сильвия.

– Жаль. В фильме очень хорошо показаны две важнейшие вещи. Во-первых, тот факт, что природа, обделив этого человека, дала ему выдающийся интеллект. И во-вторых, монстров из людей делает не болезнь, а общество.

Ашиль Дельсар, как было обозначено у него на беджике, протянул каждому по билету. Стефан сразу же принялся разглядывать свой билет и нервно вертеть его в руках:

– Смотри! Точно такой, как я видел во сне! Желтый, со штампом музея

Дюпюитрена! Не может быть!

– Ты же сам сказал: этого не может быть.

Сильвия снова подошла к хранителю, который раскладывал какие-то фотографии:

– Скажите, пожалуйста, вы видели когда-нибудь вот этого человека, моего спутника?

Парень в белой рубашке взгляделся в Стефана и пожал плечами:

– Я здесь работаю всего два года, а музей посещает много народу. Особенным успехом пользуется выставка «Человек-слон».

– Да, об этом все говорят.

– А ваш спутник не может сам вам это сказать?

– Благодарю вас... э-э... месье Дельсар.

Стефан подошел к служителю и краем глаза взглянул на фото.

– Сиамские близнецы-пигопаги^[25], – с интересом констатировал он. – Срослись в области таза и позвоночного столба.

Ашиль Дельсар посмотрел на него с любопытством, он был явно заинтригован:

– А вы, как я вижу, заметно осведомлены.

Стефан улыбнулся и указал пальцем на другой снимок:

– Девочка с четырьмя ногами и четырьмя руками? Сдаюсь, не знаю.

– Она родилась в 2005 году и страдает очень редким заболеванием – ишиопагией^[26]. Я в прошлом ездил в Индию, в Бишар, деревню, где она родилась, чтобы ее увидеть.

– Но ведь это же очень далеко.

– Зато оно того стоило. Обитатели деревни считают, что девочка – реинкарнация богини плодородия Лакшми. Ее так и называли.

Сильвия вздохнула и потянула Стефана за руку:

– Если я мешаю, ты скажи. Ну, что мы сейчас делаем?

– На твой выбор.

– Ладно... Ну почему, с тех пор как мы познакомились, ты вечно тянешь меня в какие-то странные места?

– Мне всегда нравились странные места.

– Лично я предпочитаю Венецию.

– В монстрах переплетается скандальное с непристойным, сочетается несочетаемое, соединяются контрасты. Они меня притягивают, и тебя тоже, хочешь ты этого или нет.

– До чертиков умная тирада. Кто тебя на нее вдохновил?

– Да вот то самое, что сейчас перед нами.

Они вошли в зал со множеством стеллажей, где за стеклами витрин дряхлели сотни фрагментов скелетов и восковых моделей частей тел. Сильвия подошла, закрыв рот рукой. Все это вызывало гораздо большее отвращение, чем муляжи Стефана, потому что здесь почти все было по-настоящему. Все говорило о людях, некогда живших и страдавших от совершенно конкретных болезней. Она повернула голову к подборке деформированных челюстей. Муляжи из гипса, из дерева и из воска представляли патологии с непроизносимыми названиями. Там стоял и полный скелет человека, больного сифилитическим остеопериоститом^[27]. Берцовые кости у него по форме напоминали лезвия сабли. Дальше шли проявления костного сифилиса, глиоматозные^[28] кисты, деформации таза в результате родовой травмы, туберкулез костей и суставов, хронические остеомиелиты, неправильно сросшиеся кости, пульсирующие остеосаркомы. Все, что природа создала явно в ужасе, все насилие над живой плотью было собрано здесь, в музее Дюпюитрена.

– Просто завораживает, – повторял Стефан. – Как же я раньше сюда не заходил?

Слева к нему подошел хранитель. Сильвия смотрела на него, высокого, пышущего здоровьем темноволосого парня, и невольно сравнивала с мрачным, погруженным в свои зловещие мысли Стефаном. Один мучился своими внутренними монстрами, другой был занят тем, что выставлял монстров напоказ. А так ли они друг от друга отличались?

– Что-то не так? – спросил Ашиль Дельсар, заметив, что на него смотрят.

Сильвия смутилась и быстро перевела глаза на мужа.

– Нет, – ответила она. – Я действительно редко заглядываю по пятницам в галерею монстров. Мне все это отвратительно.

Ашиль сочувственно улыбнулся:

– А знаете, далеко не всех этих людей убила болезнь.

– В самом деле? А что же?

– Отношение окружающих.

Сильвия почувствовала, что ей не хватает воздуха. И тут взгляд ее упал на жуткое, страшное фото. Отец изготавливал аппаратуру для сына, а тот стоял перед ним на верстаке, как статуэтка без рук, без ног, одно детское тельце сантиметров сорок высотой, с лицом убитого отчаянием ангела.

Она быстро подошла к Стефану:

– Мы уходим!

А тот нервно бродил среди витрин.

– Не знаю, что мне делать, что искать. Я никогда здесь не был, это совершенно точно. Но ведь тот билет в моем кошмаре наверняка что-нибудь означает.

Сильвия взяла его за плечи и основательно встряхнула:

– Да посмотри же ты вокруг, черт возьми! Ты целыми днями возишься с монстрами, так что же нового ты сможешь найти в этих галереях?

– Тут совсем другое.

– Так ли это «другое» отличается от того, что ты видел в хосписах в Лионе?

– Там все экспонаты восковые, а это вовсе не одно и то же, это...

– Очень похоже! Ты, должно быть, слышал какие-то разговоры об этом треклятом музее. В Интернете, на съемках, на той вечеринке, когда ты напился. А ужасные рисунки каких-то детей у тебя в подвале? То же самое, что здесь! Ты здесь был, только забыл из-за аварии, из-за таблеток, но мозг сохранил информацию и выдал ее в ночном кошмаре. Все очень просто.

На них начали оборачиваться.

– Не надо кричать, – сказал Стефан, пытаясь ее успокоить.

– Либо мы сейчас же едем домой, либо возвращаться будешь уже сам! Знаешь, мне надоело водить тебя за ручку, с тех пор как ты без всякой причины пожелал переехать в свой поганый лес!

Стефан в последний раз огляделся вокруг и решительным шагом направился к хранителю музея:

– Вы знакомы с неким Джоном Лейном? Или с Эктором Арье?

– Нет. А почему вы спрашиваете?

– А с Мелиндой? В Мери-сюр-Уаз? А последовательность цифр 4-5-19-20-9-14 вам известна?

– Ничего не понимаю.

Стефан протянул ему свою визитку. Доведенная до бешенства Сильвия дожидалась у входа.

– Я... я не знаю, как вам объяснить, – пробормотал Стефан, – но вы сможете мне позвонить, если заметите что-нибудь подозрительное?

– Что-нибудь подозрительное?

– Да. К примеру, кто-нибудь будет меня искать. Или у вас в музее случится что-то необычное.

Хранитель нервным движением сунул визитку в карман. Стефан уловил сомнение в его глазах.

– Что? Что такое? – спросил он.

– Абсолютно ничего, – отозвался парень.

– Но я же видел! В чем дело?

Он проследил за взглядом хранителя. Тот глядел на входную дверь. Стефан щелкнул пальцами:

– Замок! Я заметил, его сменили, правда? Дверь взламывали!

– Послушайте, я...

– Сюда кто-то проник, а? Расскажите-ка!

Ашиль Дельсар попятился:

– Пожалуйста, месье, уходите.

Вне себя, Стефан схватил его за воротник:

– Скажите, что здесь произошло! Что-нибудь украли? Документы, уродцев, архивы?

– Пустите меня! Да пустите же, черт побери, или я вызову полицию!

Подбежали студенты.

– Проблемы? – спросил самый крепкий.

Стефан перевел дыхание и быстро замотал головой:

– Нет-нет, все в порядке. Все в порядке, о'кей?

Хранитель одернул рубашку.

– Вам надо успокоиться, старина. Этот замок сменили вместе с остальными на факультете. А по-вашему, дело в замке?

Стефан попятился, обхватив голову руками:

– Я быстро теряю контроль над собой.

– Это заметно.

– Извините меня... Не забудьте... о моей визитке, если... если вспомните какую-нибудь деталь...

Слегка обескураженный, он бегом нагнал жену на улице. Она выглядела более чем разъяренной.

– Милая, прошу тебя...

– Все закончилось? Едем домой?

Усевшись за руль «форда», Сильвия глубоко вздохнула, переводя дух. Стефан повернулся к ней:

– Я убежден, что... Послушай, эта история с замками... В музее явно что-то произошло, возможно, полиция в курсе и...

– Еще одно слово – и я выхожу из машины.

Стефан замолчал.

Они выехали на бульвар Сен-Мишель. И тут с ними чуть не столкнулась полицейская машина с включенной сиреной и проблесковым маячком на крыше.

– Грязный китайский придурок! – крикнула Сильвия водителю. – Нет, ты только глянь на этого карлика! Можно подумать, машина едет сама по

себе!

Силы покинули ее. От испуга руки, лежащие на руле, сильно дрожали.

– Давай я поведу, пока ты не успокоишься, – предложил Стефан. – У тебя есть успокоительные?

– Забыла... Тебя надо как можно скорее показать врачу, чтобы он прописал тебе лекарства посильнее.

Стефан смотрел прямо перед собой:

– Я не желаю больше ни твоих мерзких таблеток, ни психиатров. Точка.

– Да ты посмотри на себя, черт тебя дери! Ты на всех набрасываешься, всех норовишь оскорбить! Где бы ты ни появился, все считают тебя чокнутым! Везде тебе чудятся какие-то совпадения! Ты все больше и больше уходишь в свою Страну Тьмы. Такие симптомы не обманывают... и ты это знаешь...

Стефан выбросил свой билет в окно, Сильвия положила свой в бардачок.

– Ты все еще держишь меня за сумасшедшего?

– Позволь мне не дать тебе погибнуть. Позабыть о малышке и обо всем остальном. Лечение не...

– Я не шизофреник! Мои сны логичны, последовательны и точны! Они связаны друг с другом во времени! Кровь на руках! Направленное на меня оружие полицейского! А в следующем сне оружие уже у меня и я бросаюсь к Джону Лейну, чтобы его убить! И в то же самое время я слышу по радио о девочке, убитой в тридцати километрах от нашего дома!

Стефан поправил резинку, которой были перехвачены его длинные черные волосы.

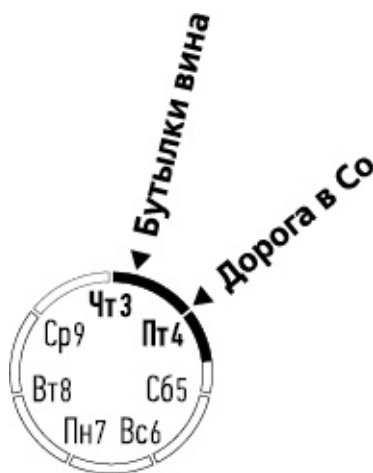
– И знаешь, что хуже всего? По радио говорили, что они ищут сбежавшего подозреваемого. И все его приметы в точности совпадают с моими! Это был я, и я специально тогда побрил себе голову, чтобы меня не узнали.

Он стиснул плечо жены и прошептал:

– Малышка Мелинда... должно быть, я был там, когда... когда ее убивали... И я наверняка что-то видел. – Откинув голову на подголовник сиденья, он закрыл глаза. – Или... или это я ее убил. Еще одно совпадение, еще одно происшествие... Боже мой! Может, я вот-вот пойму то, чего никак не мог понять всю жизнь, и смогу доказать, что я не псих. Ты не думаешь, что эта игра стоит свеч?

15

Пятница, 4 мая, 16:17

Маленькое кладбище степенным строем окружали великолепные кипарисы. В этот час, когда повсюду царили тишина и спокойствие, было слышно, как наверху весело заливаются птицы.

Стефан вошел в шестую аллею. Сердце у него бешено колотилось, как всякий раз, когда он рисковал тайком прийти в это место, в каких-нибудь нескольких сотнях метров от имения. Перед ним на серо-белом мраморном надгробии было выбито имя: «Гаэль Монтё – 1997–2007». И, как и всякий раз, его словно скальпелем полоснуло.

Нет ничего хуже, чем смотреть на могилу ребенка. Холмик был выложен плиткой, уставлен вазами с цветами и прочими проявлениями любви. Вот уже два месяца после трагедии мать приходила сюда каждый день около половины шестого вечера и долго стояла, проклиная свою жизнь. Иногда Стефану приходилось делать крюк, обходя могилу, чтобы не пересечься с матерью и не встретиться с ней.

Что же до ее мужа, то он его никогда не видел.

Большой букет белых роз, что он принес накануне, кудато исчез, – может быть, его выбросила мать. В этот раз он поставил в вазу сиреневые хризантемы. Вдруг у него зазвонил мобильник. Стефан в панике схватил его и отключил звук. Эверар, продюсер «Кровавой лощины», интересовался, как продвигается муляж Мартинес. Не отвечая, он выключил телефон и несколько минут собирался с мыслями.

Подняв воротник куртки, он пошел к выходу с кладбища. Потом

посмотрел куда-то перед собой, достал из кармана диктофон, долго стоял в нерешительности, положил его обратно и быстро зашагал прочь. Сильвия думала, что он пошел прогуляться по лугу возле опушки леса. Но для него настал час лицом к лицу встретиться с худшим. И раз и навсегда выбросить из головы все свои страхи.

Он прошел по проспекту Освобождения и поднялся по шоссе № 16 два километра до того проклятого поворота. До того места, где его капот погасил улыбку десятилетнего ребенка. До того поворота, который он после трагедии ни разу не проехал на машине.

Он был уже почти на месте. Дорога шла здесь под уклон и поворачивала. Сзади утопал в густой зелени Ламорлэ, впереди виднелся изгиб темного асфальта, похожий на серп. А дальше торчал желто-белый километровый столб с отметкой «№ 16». Это здесь.

Весь дрожа, Стефан тщательно сверился с листком бумаги. Рапорт жандармерии указывал, что удар случился ровно в восемнадцать метрах от столба.

Стефан вошел в лес, чтобы точно проследить траекторию движения своего автомобиля, которую подсказывала попорченная и примятая зелень на этом месте. Даже через два месяца на земле еще виднелись сломанные ветки и вывороченные с корнем кусты. Природа забывать отказывалась.

Наконец он заметил узкую тропинку, о которой говорилось в рапорте. По словам представителей власти, девочка вместе с родителями возвращалась с длинной пешей прогулки из Шамонтеля в Ламорлэ. Этой тропой они ходили по несколько раз в год.

Потом он увидел дерево, и сердце его горестно сжалось. Бук с содранной корой еще хранил следы автомобильной краски. Стефан не стал обходить это место и упрямо пошел вперед.

Пальцы его прикоснулись к холодному стволу. И все вдруг снова ожило в памяти. Он скорчился, словно его ударили под дых.

Резкий удар по тормозам не прошел без последствий. «Мерседес» вынесло на обочину, он забуксовал, покатился вниз по склону, пересек проезжую часть и убил девочку на глазах у родителей. Потом боком ударился о дерево, запрыгал вниз по ухабам, а потом в нем сработала подушка безопасности. Перед тем как потерять сознание, Стефан успел посмотреть на свои окровавленные руки. В тот день он был не на «форде», как обычно, иначе и он бы в живых не остался. Просто невероятное везение, что он поехал на другой машине, говорили тогда.

Невероятное везение...

Он закрыл глаза, зажал ладонями уши и закричал. Эти картины

неотступно преследовали его. Может, он действительно сходит с ума? А может, он всегда был психом?

Чуть не плача, он бросился бежать.

С трудом карабкаясь по крутой тропинке по направлению к шоссе, он добрался до километрового столбика с пометкой «№ 16». Здесь, как утверждали жандармы, он стал тормозить. Он спустился к асфальту как раз там, где виднелись следы торможения, все еще довольно четкие. Машина шла юзом метра три до того места, где ее выбросило на обочину.

Стефан вновь переживал аварию секунда за секундой. И те несколько секунд, что ей предшествовали. По утверждению жандармов и по характерному тормозному следу на асфальте, он нажал на тормоз, пытаясь избежать столкновения с оленем или с кабаном. В этих местах дикое зверье часто оказывалось на шоссе, о чем и оповещал дорожный знак.

Но Стефан не видел ни оленя, ни кабана. Считалось, что он потерял память от травматического шока и черепной травмы. Но он был уверен как раз в обратном. Он *ничего* не видел.

Он еще раз внимательно оглядел грунт, потом всю территорию возле места аварии. Ничего. Ни одной детали, которая доказывала бы, что он не сумасшедший и не одержимый. Но ударил же он по тормозам без всякой причины!

Зайдя в лес и обогнув дерево, Стефан вышел на узкую тропинку. Там он уселся на землю и достал цифровой диктофон. Пройдясь по файлам, он нашел нужный: запись сеанса гипноза, который провел с ним приятель около полутора месяцев назад, 18 марта 2007 года, сразу после его выписки из больницы. Сейчас он прослушивал эту запись впервые.

«...Машина уходит на обочину! Я кричу, я...

– Стоп! Мой голос, ты слышишь только мой голос. Вернемся чуть-чуть назад. Ты вот-вот затормозишь. Ладно?

– Ладно.

– Итак, ты собираешься прокатиться. Выезжаешь из Ламорлэ и едешь по шоссе № 16. Дальше?

– Я включил радио. Там передавали „Nothing Else Matters“^[29]. Я эту песню обожаю.

– Ты спокоен, тебя ничто не тревожит в этот день?

– Совершенно спокоен. У меня была встреча с начальником бригады декораторов и с продюсером по поводу крупного заказа. Небо синее, погода теплая. Я ехал с открытыми окнами.

– Отлично. Впереди, метрах в десяти, ты видишь поворот.

Какая у тебя скорость?

– Около шестидесяти пяти в час. Мне навстречу попала машина, которая шла гораздо быстрее.

– Какой марки машина?

– Не разглядел.

– Дальше?

– Я терял скорость, потому что машина шла на подъем и впереди я видел поворот.

– Отлично. И что ты делаешь в этот момент?

– Я... я вижу справа бело-желтый километровый столбик. Он... На нем обозначение „№ 16“! № 16! И я даю по тормозам! Выжимаю педаль до отказа, что есть силы!

– Почему? Почему ты затормозил? Что ты увидел перед столбиком № 16 или за ним? Вспоминай хорошенько, Стефан, вспоминай хорошенько.

– Ничего. Ничего там больше не было. Только километровый столбик.

– Хорошо, только столбик. Почему ты затормозил?

– Не знаю. Я не знаю!

– Давай снова вернемся немного назад. Ты спокойно едешь по шоссе... Слушаешь музыку... Впереди ты замечаешь столбик... И тут изо всех сил жмешь на тормоз. Почему?

– Потому что я...

– Что? Что – потому что?

– Потому что я уже однажды видел, как торможу! И торможу именно в этом месте! И сейчас тоже затормозил!

– Когда ты видел, что тормозишь?

– Я... Понятия не имею...

– Во сне?

– Нет. Я своих снов никогда не помню.

– Никогда-никогда?

– Никогда.

– Значит, ты тормозил наяву? А было впечатление дежавю?

– Я... не знаю. Я не знаю!

– Просыпайся, Стефан!»

Стефан выключил диктофон и выронил его на землю рядом с ксерокопией рапорта жандармерии. Его бейсболка намочла от пота. Он молча сидел, ничего не слыша и не видя вокруг. В мозгу пульсировали

только визг тормозов и желто-белые полосы километрового столбика.

Вдруг его захлестнула волна адреналина, он резко вскочил с места, посмотрел на часы и бросился бежать.

Он еще успевал.

* * *

Она уже была там, затянута в длинное черное платье, доходившее до щиколоток. Ее заметно старили согнутые плечи и беспорядочно спутанные на шее волосы. В сорок лет мать Гаэль Монтё оказалась лишена смысла жизни.

В вазе чуть подрагивали прекрасные сиреневые хризантемы, символ скорби.

Женщина обернулась к Стефану и снова перевела глаза на могильный холмик:

– Цветы... Я так и знала, что это вы... Всегда знала...

Она пристально, без слез смотрела на надгробную плиту. Прошло несколько секунд, и Стефан решился задать вопрос:

– Мадам Монтё... Мне нужно знать... одну важную для меня вещь... Очень важную... В отчете жандармерии... уточняется, что вы ходили по этой тропе по несколько раз в год, с мужем и...

– Что вам нужно?

Голос ее звучал сухо и резко. Стефан подобрал упавшую хризантему и поставил ее на место. Потом снова заговорил, не осмеливаясь взглянуть на женщину:

– Скажите, желто-белый километровый столбик вам ни о чем не напоминает?

Эва Монтё наклонилась над могилой и погладила надгробную плиту.

– Мой приятель-детектив провел расследование насчет вас, – сказала она.

– Насчет меня? Но...

– О том, что не вошло в полицейские отчеты, о том, что не интересовало жандармов, но интересует меня. О вашем прошлом.

Стефан судорожно вцепился пальцами в свои заляпанные латексом джинсы:

– О моем прошлом? Но... но зачем?

– Мне хотелось все узнать об убийце моей дочери. Где вы жили раньше, как звали ваших родителей, что у вас за профессия, какие

пристрастия. И почему ваш паршивый драндулет оказался здесь в тот момент.

– Вы... Но вы же ничего обо мне не знаете...

– Что, несладко быть приемным ребенком?

Она подняла на него воспаленные глаза:

– И теперь тоже будете говорить, что я о вас ничего не знаю?

Стефан почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Эта женщина нанесла ему очень болезненный удар.

– Но все же есть одна вещь, которая хоть как-то утешает меня в горе, – произнесла она жестко и твердо. – Это тот факт, что ваши дети не будут с вами в старости. Вы не можете иметь детей. Значит, в какой-то мере есть на свете справедливость.

Стефан закусил щеки, глаза заволокло слезами.

– Моя медицинская карта, мое бесплодие... Откуда вы...

Она принялась один за другим обрывать лепестки хризантемы.

– С помощью денег можно горы сдвинуть с места, и вы это прекрасно знаете. А если я назову имя маленькой Людивины Кокель?

– Нет, я...

– Июль 1992-го, вам тогда было пятнадцать. Помните? Железнодорожный путь в Койе? Всего в нескольких километрах от Ламорлэ? Конечно помните. Как такое забудешь!

– Прекратите!

– А в 1995-м?

– Перестаньте, говорю вам!

Она стиснула цветок в руке. В нее словно демон вселился.

– Июль 1995-го. Вы только-только получили права – и сразу авария. Вы не справились с управлением, вас вынесло в поле, вы сломали изгородь и убили двух баранов. Тогда до человеческих жертв дело не дошло, но это в какой-то мере объясняет, почему вы так резко затормозили в тот день. По вашим объяснениям выходило, что вам «показалось, что там кто-то был». Поэтому вам назначили несколько сеансов у психиатра и соответствующие лекарства. А в 98-м вы ни с того ни с сего рванули стоп-кран в поезде и без видимых причин спрыгнули на полном ходу. В больнице вас собирали по кускам, но вы каким-то чудесным образом выжили. Однако этого шанса, к несчастью, не оказалось у многих пассажиров... И они погибли из-за вас! Дернув стоп-кран, вы спровоцировали сбой в работе тормозов, и поезд сошел с рельсов! Правосудие быстро призвало вас к порядку, но это снова оказались беседы с психиатром и лекарства. Какой тяжелый случай в психиатрии... А что об этом думает ваша жена?

Стефан вскочил и с трудом подавил желание схватить ее за горло:

– Довольно! Довольно, слышите?

– Кто вы, Стефан Кисмет? Кто же вы такой, если по вашей вине произошло столько трагедий?

Он покачал головой:

– Не знаю. Клянусь, я ничего не знаю.

Она снова взглянула на надгробие. У нее даже на ненависть уже не хватало сил – настолько она была опустошена.

– Ваша жизнь, как вежами, уставлена этими непостижимыми трагедиями. И одной из этих вех теперь стала моя дочь. Но почему она? Почему ее жизнь разбилась о вашу?

Стефан вытер глаза руками:

– Я сам очень хотел бы знать.

– Не могу понять... Моя девочка так сильно верила в Бога, молилась каждый день... ей бы жить и жить. Вы-то сами в Бога верите?

– Как могу я верить в Бога?

Наступило тягостное молчание, потом он выдавил:

– Я и в церкви-то ни разу не был.

– Почему?

– Потому что... потому что не могу.

– И дьявол тоже не может войти в церковь.

На кладбище все стихло – ни звука, ни шороха. Казалось, природа затаила дыхание. Эва Монтёе через силу улыбнулась, и по щеке у нее скатилась слеза.

– Когда... Когда мы ходили в поход с Люком и... Гаэль, мы всегда старались посмотреть на маленькую речку: считается, что это принесет удачу. Всем троим, мы всегда ходили туда втроем.

Она подавила рыдание и снова заговорила:

– Я сотни и сотни раз повторяла про себя ход событий.

Стефану захотелось взять ее за руку и успокоить, но он не сдвинулся с места. В ее глазах он навсегда останется монстром, который убил ее девочку.

– Каких событий?

– Той аварии.

– Объясните, пожалуйста.

– Мы шли по лесу в нескольких метрах от шоссе. Километровый столбик, где мы всегда переходили на другую сторону, чтобы подойти к речке, был метрах в двадцати от нас. Мы уже собрались перейти шоссе, но тут Гаэль попросила остановиться: у нее развязался шнурок. И мы все трое

стояли возле того самого дерева, в которое вы врезались. Узел на шнурке никак не завязывался, и она провозилась с ним около минуты. И в тот самый момент, когда она наконец справилась со шнурком, мы услышали жуткий визг ваших тормозов. Если бы Гаэль не провозилась с узлом, мы оказались бы в тот момент как раз на шоссе, в нескольких метрах за километровым столбиком, где вы начали тормозить.

Стефан был уничтожен, его словно начало затягивать в какую-то черную дыру.

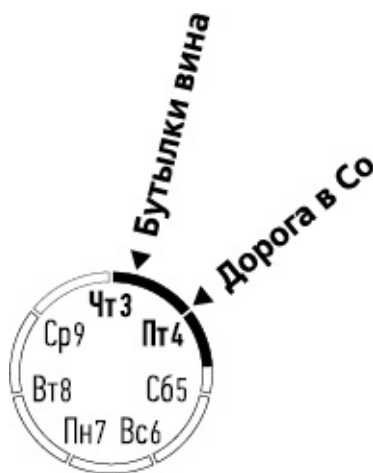
– Печальный удар судьбы, правда? – сказала она, промокая щеки платком. – Тогда вам удалось вывести мою девочку из-под удара посередине шоссе, но вы все равно убили ее в другом месте... Будто бы... в любом случае, что бы там ни было, смерть Гаэль была запрограммирована. Я думаю, что знаю, кто вы такой и зачем пребываете на этой земле. Вы приходите сюда забирать людские жизни.

Она опустила глаза и снова подняла их на Стефана:

– Вы – Смерть.

16

Пятница, 4 мая, 17:53

Вик Маршалль уже собрался надеть куртку и быстро уйти из отделения, когда вошел намотавшийся за день Ван. Шевелюра его, всегда являвшая собой образец аккуратности – этакий великолепный эбеновый шар, – на этот раз топорщилась сердитыми вихрами.

– Ну? – спросил он. – Что новенького?

Вик поднял на него опухшие глаза и выключил свой компьютер:

– Да ничего особенного. Прочесали парижскую территорию, на обратном пути на всякий случай я не стал принимать три или четыре телефонных звонка. Значит так... гангрена пальцев ног... старику восьмидесяти восьми лет ампутировали пальцы, чтобы инфекция не перекинулась на всю ногу... молодой парень чуть не умер, случайно рубанув себе по ступне топором... и еще несколько случаев, которые, на мой взгляд, к нашему расследованию отношения не имеют. Хотя, конечно, все их надо проверить.

– А как насчет морфина?

Вик с трудом подавил зевоту. Ему сейчас хотелось одного – поскорее прийти домой и лечь.

– Тут все гораздо сложнее. Морфин воруют очень часто. В аптеках, в больницах запасы таинственным образом тают. Тут потребуется время. И ресурсы.

– Ну да, ресурсы. Как всегда.

Ван проглотил «дыхание дракона»:

– Хочешь конфетку?

– Мне очень понравилось, но, спасибо, не хочу.

– Что касается порно и старых связей, то есть риск завязнуть в этом надолго. Уже многих допросили. Большинство тех, с кем мы виделись, считают, что она все еще живет в Шестнадцатом округе и в ту ночь у них все было на законном основании. Что примечательно у порнодеятелей, так это ночное алиби, не то что у нас, нормальных людей.

– Ты считаешь нас нормальными?

– Ну, наполовину.

– Меня это успокаивает. Наполовину...

– Что касается технической стороны, то процесс пошел. У Жоффруа есть кое-какие новости из лаборатории об этой штуке... ну как ее... ну которая вставляется в рот...

– Расширитель.

– Вот-вот. Этой допотопной штукой у нас пользовались еще в войну 1914 года, чтобы раненые не двигали челюстями, когда им ремонтируют глотку. В то время вся хирургия сводилась к пиле и молотку.

– Этой штуке уже около ста лет. Почему он не взял более современное приспособление? Мы что, имеем дело с коллекционером? С типом, повернутым на войне?

– Возможно. Кукол тоже не вчера сделали. Надо пройтись по барахолкам, по блошиным рынкам и тому подобным местам. Короче, круг поисков расширяется.

– Еще что-нибудь новенькое?

Ван принялся перекатывать голову с одного плеча на другое.

– Хочешь посмеяться?

– Не особенно. Я уже ухожу.

– Ну всего пару минут...

Вик посмотрел на часы:

– Мне надо идти. Я не спал всю ночь, меня жена ждет.

– Жен надо приучать к долгим ожиданиям. Пошли.

Ван потащил его на первый этаж, где располагались вытрезвители.

– Ого! – Вик поморщился. – Это еще что за чучело?

– Его взяли возле павильонов студии «Календрум». Ты когда-нибудь видел такой носище?

– Он что, настоящий?

– Стопудово.

– Твою дивизию...

Они подошли ближе.

– Он почти все время шатался возле дома Леруа, особенно в дни съемок.

– Киношный фанат, что ли?

– А у киношных фанатов разве бывают такие рожи?

– Так это он? Тот самый бомж, что собирает винные бутылки, как раз напротив дома Леруа?

– Он самый. Он регулярно выуживает из мусорных бачков объедки и недопитые бутылки. Сейчас для него просто лафа, потому что уже недели две они снимают бюджетный ужастик «Кровавая лощина» с Карлой Мартинес.

Вик вытаращил глаза:

– Ты что, шутишь? Я обожаю эту актрису! Ты ее видел?

Ван разглядывал ноготь у себя на мизинце.

– Живьем, собственной персоной.

– Ну и как?

– Не знаю. Она была вся в крови. Я потом выяснил, они используют на съемках свиную кровь. Короче, нашего чудика зовут Реймон. Или Рере. И он утверждает, что кое-что видел в ночь убийства.

В углу безучастно сидел человек. Ноги раскинуты, глаза подернуты пленкой, как у саламандры. На вид ему было лет пятьдесят. Или лет на десять поменьше. А может, и на двадцать.

Ван присел перед решеткой на корточки:

– Эй, Рере! Ты все еще хочешь нам рассказать, что ты видел позавчера вечером?

Бомж замахал рукой у себя перед носом, словно мух ловил:

– Ну и осточертели же вы мне...

– По-моему, он пьян в стельку, – шепнул Вик. – Мы сэкономим время, если ты мне сам все объяснишь.

Рере ткнул в него пальцем:

– Этот тоже пришел поглядеть на маленькую фею?

– Да, Рере, на маленькую фею. Ты помнишь маленькую фею?

Бомж поскреб себе нос.

– О, она была красивая! Такая маленькая, вот такая... – Он приподнял руку над головой. – И глазки маленькие, черненькие.

Удивленно подняв брови, Вик почесал лоб.

– А что она делала, маленькая фея? – не унимался Ван.

– Она... она вошла... к себе в дом... А с ней все ее друзья... А тебе говорили, что ты похож на Брюса Ли?

– Говорили. Ты говорил час тому назад. А как она вошла?

Рере изобразил размашистые движения крыльев:

– Она не вошла, она влетела. Вот так! И у нее вместо крылышек были такие беленькие сеточки.

– Ах, она влетела. То есть она была женщина?

– Само собой, все маленькие феи – бабы. А ты не только косоглазый, ты еще и дурак.

– А что за друзья с ней были?

– Гномы. Голые, как червяки, и все лысые...

Сыщики обменялись понимающими взглядами. Оба подумали о куклах. Вик присел рядом с Ваном:

– А еще? Ты видел что-нибудь еще? Ну, ее машину, например?

Рере улыбнулся в спутанную седеющую бороду и указал на воображаемые звезды на небе:

– Космический корабль из серого металла.

– А который был час, не припомнишь?

Ответа не последовало. Полная отключка.

Вик и Ван поднялись.

– Придется ждать, пока он не протрезвеет, – разозлился Вик.

– Он трезвый.

– Вот черт!

– Он болбочет все время одно и то же, без всяких новых деталей. Фея с белыми крылышками, ее друзья, серый космический корабль... Что-то совершенно бессвязное.

– Стало быть, легковушка или маленький серый грузовичок?

– Ты полагаешь? Да ладно... Ты что, не заметил, что доверять его болтовне нельзя?

– А история с маленькой феей? Он действительно мог видеть женщину.

– Ага. Или гиппопотама, или жирафа. У парня тяжелый бред.

– Говоришь, он живет неподалеку?

– По словам съемочной группы, он целыми днями ошивается здесь возле мусорных бачков. А живет где-то напротив Леруа. Там какой-то склад, и владелец склада каждое утро собирает бутылки из-под красного вина, выставленные возле ее дверей.

Вик задумчиво прижал к губам палец:

– Тогда получается, что убийца не имел привычки являться к Леруа в качестве клиента. Иначе он обратил бы внимание на клошара. И ему не было нужды взламывать дверь. Значит, мы имеем дело не с таким психом, как в «Красном Драконе»^[30], который неделями выслеживал жертву.

– «Красный Дракон»? Ага, я знаю этот фильм, – вставил Ван.

Вик снова задумался, легонько поглаживая подбородок:

– Но тем не менее он педант. Заранее подумал о куклах, об иголках, о морфине и уксусе...

Он доверху застегнул куртку.

– Может, этот тип всего только раз и повстречал Леруа и тут же решил, что вот она, жертва... Быстренько все подготовил, на это ушло не больше недели. Садизм, подготовленное и заснятое на видео преступление – все это, возможно, предполагалось как послание. Черт, мерзость какая! Знаешь, что это может означать?

Ван потер себе щеки.

– погоди, парень. Я работаю уже пятнадцать лет, но такой случай у меня впервые.

– Один раз за пятнадцать лет может случиться, я думаю.

– Да брось ты! Посмотри «Красного Дракона» и не пудри мне мозги своими серийными убийцами. Говорю тебе: одно преступление за пятнадцать лет! Ну что за мания у молодняка? Только и твердят что про серийные убийства.

– Да это не я сказал, я вообще ни о какой серии не говорил. Говорил ты.

Ван показал ему средний палец и заявил:

– Слушай, мы тут с Жоффруа и еще двумя-тремя ребятами хотим посидеть, выпить по стаканчику. Мы всегда собираемся по пятницам вечером. Ты с нами?

– К сожалению, нет. Меня ждет Селина.

– У всех дома женщины. И что с того? Хочешь добрый совет? Пошли с нами. Никто еще не видел, горазд ли ты выпить.

Вик помотал головой:

– Я вообще не пью.

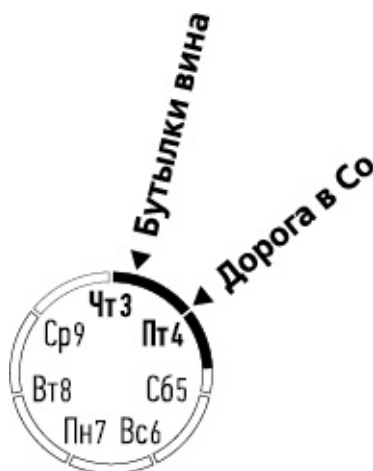
– В таком случае не рассчитывай, что тебя хорошо примут. Ты напяливаешь кроссовки, лебезишь перед Мортье и думаешь, что тебя теперь никто не тронет? Парень, дело ведь не в том, чтобы ошиваться на месте преступления.

При этих словах Вик развернулся и ушел.

Но ему очень хотелось размахнуться и как следует врезать Вану по физиономии.

17

Пятница, 4 мая, 17:53

Вернувшись с кладбища и выпив полный стакан виски, Стефан заперся в полумраке Страны Тьмы. Сильвия оставила ему записку на столе в кухне и уехала к парикмахеру. Он тоже написал ей несколько строк: «Я работаю в мастерской. Заранее благодарен, если не будешь меня тревожить. Я скоро поднимусь». И приписал: «Целую».

В мастерской возвышался незаконченный бюст Карлы Мартинес: ресницы еще не приклеены, горло наполовину перерезано, рот перекошен от боли. Она уставилась на него так, словно увидела перед собой своего палача, того, кто, полоснув по горлу, отнял у нее жизнь. Стефан положил стеклянные глаза в чашечку. Эти чертовы манекены порой выглядели живее настоящих людей.

В углу, между Хищной Пастью и Сумраком, он бросил на пол одеяло и уселся, отбросив в сторону муляж сгоревшего трупа. Его била дрожь. Недоброе лицо Эвы Монтё, ее полные яда слова не давали ему покоя.

В голове неотвязно вертелась одна мысль: если бы малышка не остановилась завязать шнурок, она, по всей очевидности, оказалась бы на дороге, у него под колесами. Значит, он не сумасшедший и у него было основание ударить по тормозам. Не в пространстве, но во времени.

Ну да, он увидел, как Гаэль Монтё пошла через шоссе. Не исключено, что он уже видел это в одном из снов, которые не помнил. И фрагмент забытого сна всплыл в сознании в сходных обстоятельствах и создал ощущение дежавю.

Если не считать, что все-таки что-то не складывалось. Предотвратить трагедию ему не дал крошечный сдвиг между воображаемым и реальным. Развязавшийся шнурок...

Может быть, в снах он с самого раннего детства получал предупреждения об опасности. Он вспомнил свои школьные рисунки, над которыми задумывались психиатры. В них присутствовали слабые, еле ощутимые знаки, не понятные ни другим, ни ему самому.

Стефан взгляделся в монстра по имени Сумрак, в того, в чьей вскрытой черепной коробке жило его собственное лицо.

Его второе «я».

Он вздрогнул.

«А вы-то сами верите в Бога?»

Со вчерашнего дня, с 3 мая 2007 года, с половины седьмого утра что-то начало меняться. Произошло очень важное событие. Стефан стал ясно и четко вспоминать свои сны.

То, что он видел по ту сторону реальности, прекрасным не назовешь, но вдруг это действительно были какие-то знаки? Вдруг в преувеличенном, искаженном и мрачном виде перед ним появлялось то, что могло с ним произойти? Причем в каждом сне все вертелось вокруг какого-то одного события. Его хотели таким способом предупредить? Но кто старался предупредить? О чем? И почему именно его?

Ему снова вспомнились слова Эвы Монтё о том, что его судьба столкнулась с судьбой малышки. Почему он резко затормозил? А что, если он хотел избежать катастрофы, которая все равно произошла бы? Что, если пытался изменить ход вещей?

Стефан закрыл глаза. Здесь, в подземелье, не было слышно ничего, кроме бормотания старых водопроводных труб и щелчка отключившегося водогрея. Гипнотические шумы, отлично помогающие уснуть.

Надо отправиться навстречу своим сновидениям. Разгадать их смысл.

Он закутался в одеяло. В голове была мешанина из звуков и образов, раздавались какие-то крики. Как же он корил себя за то, что оставил Сильвию в состоянии полного непонимания. Разумеется, он ничего не расскажет ей о разговоре с матерью девочки, это только обострит и без того критическую ситуацию. Сильвия и так уже столько натерпелась из-за него. Долгие месяцы выздоровления после того прыжка с поезда. Травма черепа после происшествия с Гаэль Монтё. Бесконечные хождения по психологам, психотерапевтам, психиатрам. Долгие депрессии, уход в себя, отупляющие лекарства.

Не говоря уже о страхе, что ее муж в один прекрасный день из

депрессии так и не выйдет.

Стефан чувствовал себя совсем потерянным и беспомощным. Стоит ли и дальше никому ничего не говорить? Кто сможет его понять, если он сам себя не понимает? Сколько еще времени Сильвия сможет все это выдерживать?

А он сам? Как долго продержится он в подземелье этого огромного дома?

Он погасил лампу и положил рядом с собой пачку снотворного. Если понадобится, надо будет принять. Ему непременно надо заснуть. Любой ценой.

Предыдущие бессонные ночи давали о себе знать. Через несколько минут он уже плыл в каком-то тумане. Сильвия стала просто тенью, а от малышки Гаэль остался только сдавленный крик в глубине подсознания. В холодном глубоком подземелье танцевали только силуэты чудовищных зверей.

Когда его веки отяжелели, как створки непреодолимых ворот, он почувствовал, что готов.

Готов без страха заглянуть в ад своих кошмаров.

18

Пятница, 4 мая, 18:25

Сон третий: «Три Парки»

Стоя перед зеркалом, Стефан прищурился и натянул кожу на щеках под наголо обритым черепом. Три царапины уже не выглядели как тонкие ярко-розовые полосы, они зарубцевались. Поморщившись, он потрогал подбитый глаз, открыл кран с холодной водой и плеснул себе в лицо.

Он находился в крошечной квадратной спальне с зелеными обоями в желтую полосу. На стене над маленьким встроенным шкафом висел телевизор. Стефан прибавил звук. Потом подошел к двуспальной кровати, застланной гостиничными простынями и покрытой ужасной белой периной. Даже поставленный на максимальную громкость, телевизор не мог заглушить недвусмысленные стоны, крики и возню, долетавшие из соседних спален.

Снаружи визжали пилы и с оглушительным треском валились спиленные деревья.

Стефан присел на кровать. Перед ним на стене было написано его почерком: «Держаться подальше от Мелинды», «Следить за Сильвией». И слева внизу: «Немедленно бежать вместе с Сильвией как можно дальше от дома», «Не обращать внимания на сны». И еще: «Твои послания в ПО 101», «Ноэль Сирьель»...

Стефан резко поднял голову и посмотрел на экран телевизора. Передавали местные новости.

Он медленно поднес «зиг-зауэр» к лицу и засунул дуло в рот. Зубы стучали о металл, палец плясал на спусковом крючке. Он вытащил пистолет изо рта и, нагнувшись пониже, сплюнул струйку желчи. А через несколько секунд запустил пистолетом в стенной шкаф.

Рядом с выключенным мобильником, латексной маской и машинкой для стрижки волос он нащупал фотографию своей жены Сильвии, сделанную старым поляроидом, и ласково погладил ее. На снимке жена не улыбалась, глаза ее, в обрамлении коротко, как у мальчишки, остриженных волос, горели яростью. Сильвия всегда носила длинные волосы, и это фото сейчас его напугало.

Стефан отложил снимок и принялся ворошить негативы, кучей выброшенные в угол из-за изъянов пленки. Неужели сегодня кто-то еще пользуется пленочными фотоаппаратами?

Все вокруг было залито кровью. Выпачканные матрасы, подушки в чем-то липком и красном. И среди всего этого – лицо. Вернее, бесформенная каша. Ни губ, ни языка... И пальцы тоже отрезаны и переломаны. А при взгляде на тело с новомодными татуировками на груди и на бедрах становилось ясно, что замученная девушка была совсем молоденькой.

Стефан смял фотографию в ладони.

Подобные снимки были десятками разбросаны вокруг.

К действительности его вернула хлопнувшая дверца. С пистолетом в руке он бросился к окну. Ничего страшного: просто к отелю шла юная парочка с рюкзаками. Парень норовил ущипнуть загорелую девушку за попку. Успокоившись, Стефан решил включить мобильник.

Экран телефона был разбит вдребезги. Стефан прошелся по меню, потом с трудом, по несколько раз нажимая каждую клавишу, набрал номер. После первого же гудка ему ответил мужской голос:

– Стефан?

– Да...

– Ты что творишь, мать твою? Где ты? Тебя повсюду ищет полиция!

Ослабевший, еле стоящий на ногах, Стефан с трудом удерживал в руке телефон.

– Это уже... уже третий случай подряд, когда я не вижу снов.

В трубке тяжело задышали.

– Тебе надо сдать! Я тебе помогу! Обещаю! Вместе мы справимся!

Стефан снова схватил фотографию Сильвии и погладил ее лицо, отмеченное красками жизни.

– Как твоя жена? – мрачно спросил он.

Последовало долгое молчание.

– Это... это так трудно... Она... Черт!.. Я должен быть сейчас с ней.

Стефан вздохнул:

– Ступай к ней. Потом всю жизнь будешь жалеть. Сделай, что я тебе сказал, ну хоть раз. И ступай к ней.

– Я не могу, Стефан, не могу... Странно, до чего внезапно может на тебя обрушиться смерть, из-за какой малости могут измениться судьбы... Сорок шесть или сорок семь – что это меняет?

– Тем более что сорока семи никогда не было.

– Ненавижу науку и всю эту научную чушь. Черт тебя дери, ну почему ты не можешь без этого обойтись?

– Я пытался, Виктор. Честное слово, я пытался.

– Надо было не только пытаться. Надо было...

– Надо было что?.. Похитить беременную женщину? А я тебе напомним, что это ты... это все из-за тебя!

В дверь постучали. Стефан быстро отсоединился.

Сжав в руке «зиг-зауэр» и натянув латексную маску, он бесшумно скользнул к двери. Вот только за спиной у него надрывался телефон.

– А нельзя убавить звук, придурок? – рявкнул чей-то голос. – Или ты думаешь, что ты один на свете?

К этому голосу присоединился другой.

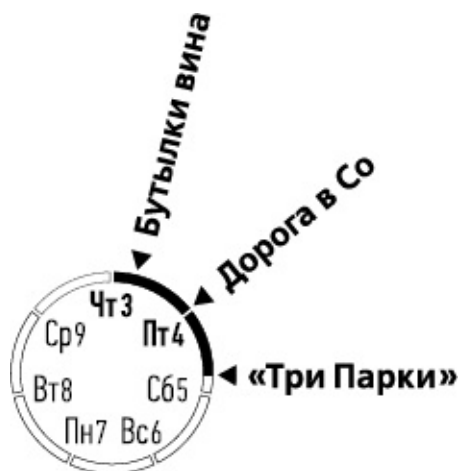
– Шестой номер? – прокричали с другой стороны. – Но... там обычно никого нет! Что за бардак!

В двери повернулся ключ. Когда дверь открылась, Стефан бросился вперед с пистолетом в руке. Тени испуганно шарахнулись в стороны.

Оказавшись на улице, он в последний раз оглянулся на отель, на качающуюся вывеску «Три Парки» и исчез в лесу.

19

Пятница, 4 мая, 18:31

Стефан метался по мастерской, прижав к уху мобильник. На другом конце линии ему ответила Сильвия:

- Стефан?
- Ты где, дорогая? Скажи, где ты!
- У парикмахера, я же оставила записку на кухне. Ты хоть видел ее?
- Ну конечно видел! Я...
- Прическу запускать не годится. Слушай, ты не мог бы так не кричать в трубку?
- Я не хочу, чтобы ты остригла волосы!
- Да что с тобой?
- Не обрезай волосы, договорились?

Стефан различил в трубке мужской голос. Он что-то сказал Сильвии, и она ответила, что идет. Потом почти прошептала в трубку:

- Кто тебе сказал, что я хочу обрезать волосы? С тех пор как мы знакомы, я еще ни разу их не стригла. Я приехала в парикмахерскую, чтобы их подровнять.

Сильвия что-то сказала парикмахеру и продолжила:

- Ты и правда хочешь, чтобы я сделала короткую стрижку? Тебе это доставит удовольствие? И ты снова будешь на меня смотреть с прежним желанием?

- Нет, нет, нет!

- Но почему нет? А мне вот, честное слово, хочется перемен. Если

только это сможет хоть как-то все уладить.

Стефан взбежал по лестнице в кухню. Теперь он уже орал:

– Нет, я не шучу! Ты ни в коем случае не долж...

Договорить он не успел. Отбой. Он снова набрал номер. Бесполезно...

– Черт!

В панике он схватил ключи от «форда». И, уже садясь в машину, вдруг отдал себе отчет, что не знает ни адреса парикмахера жены, ни пригорода, где тот живет. В Ламорлэ, в Шантийи, в Гувье, в Санлисе?

Он быстро вернулся обратно в подвал и схватил записную книжку с записью последнего сна «Три Парки». Выпавшие листки остались у него в руках. Он как попало засунул их обратно.

Полицейский. Надо как можно скорее поговорить с любым полицейским. Он снова отчетливо увидел истерзанные тела на фотографиях, изуродованные лица. Лица убитых девушек. Замученных насмерть.

Им можно было еще как-то помочь или было уже поздно? И как все это касалось его самого?

Прежде чем набрать 17^[31], он подумал, какие вопросы задаст. Ему хотелось узнать, ведется ли следствие по какой-нибудь серии убийств. Разыскивает ли полиция человека, который отрезает губы, язык и кончики пальцев своих жертв. Садиста, терзающего тела.

Их должно быть двое, на фотографиях он видел двух разных женщин. Одна из них, блондинка с татуировкой змеи на левом бедре, была вся истыкана длинными иглами. Другая, короткостриженная брюнетка, прикручена к шкафу колючей проволокой. Лицо ее было изуродовано до неузнаваемости.

Но тут он спохватился и передумал. А что, если полиция пробьет его номер? Как он им объяснит, что запомнил фотографии потенциальных жертв? Чем он сможет им помочь? Что у него есть, кроме воспоминаний о странном сне, где он видел трупы, превращенные в месиво?

Если он позвонит и все расскажет, его сразу заподозрят, а еще того хуже – сочтут сумасшедшим. Достаточно будет пролистать его досье у психиатра.

Стефан почувствовал себя в ловушке. Он ничего не мог поделать, пока не обзавелся более точной информацией.

В Интернете он стал разыскивать сведения об убийцах, действовавших подобным образом. Изучил все сайты новостей и все сайты, посвященные серийным убийцам. Но ничего определенного не нашел. Интернет мало чем помог.

Тогда он набрал на клавиатуре «Ноэль Сирьель». Ничего. Даже в справочнике «Белые страницы». Этот тип исчез, растворился. Кто он такой, какую роль играл во всей этой истории, почему тот, другой Стефан написал на стене его имя?

А надпись «ПО 101» рядом с этой? Почтовое отделение? Завтра он проедется по почтовым отделениям Ламорлэ. Надо все выяснить. Все тщательно выяснить.

Теперь он сосредоточился на отеле, на обители Стефана из сна. Когда он спустился на парковку, перед тем как броситься в лес, он успел прочесть название на старой заржавевшей вывеске: «Три Парки».

Поисковик выкинул груду ответов. Большинство из них относилось к мифологии, но один, похоже, соответствовал. «Три Парки» нашлись на форуме фетишистов. И это был даже не отель, а некая гостиница, постоялый двор, затерянный в лесу в западных окрестностях Парижа. И судя по сведениям с форума, постояльцы специализировались вовсе не на гастрономических удовольствиях.

Стефан выключил компьютер. Лицо его помрачнело и застыло. Значит, места, куда он никогда не навещался, на самом деле существовали. И эти места, будь они далеко или близко, имели к нему отношение. И на этот раз дело не в амнезии и не в душевной болезни. Все было реально, даже слишком реально. Как три царапины на лице воображаемого Стефана или синяк под глазом, которые заживали от сна ко сну. Все это доказывало, что сны вовсе не были снами, они, словно вспышками, выхватывали эпизоды жизни того, кто повторяет его жизненный ритм, только в будущем.

Воображаемый Стефан пихал себе в рот пистолет и хотел застрелиться. Откуда такое отчаяние? Из-за малышки Мелинды? Розовый детский платочек, запачканный кровью, действительно принадлежал этой девочке? И кто такой пресловутый «Виктор» в телефоне? И что за история с числами сорок шесть и сорок семь?

Стефан поднялся на первый этаж, взял из корзины два яблока, надел серую куртку и уселся в «форд». Он не садился за руль с самой аварии на шоссе. Но теперь время пришло.

Когда зарычал мотор, он не испытал никаких особенных чувств, не было ни страха, ни дрожи. Он просто, как обычно, сдаст назад и поедет.

Поехал он в направлении «Трех парок».

На этот раз он старался не тормозить и не сводить глаз с дороги без веских оснований.

Предупредив Селину, что вернется поздно, Вик сделал крюк и заехал в Аржантёй, в госпиталь Виктора Дюпуйи. Видимо, позвонив в позапрошлый раз, он попал как раз в точку.

Врач неотложной помощи ответил, что два месяца назад к ним поступил мужчина с серьезной гангреной.

– Классический случай, – объяснял врач, стоя с Виком перед госпиталем и затягиваясь мятной сигаретой. – Тыльная сторона кисти была горячей, кожа приобрела зеленовато-черный оттенок и покрылась волдырями, появился характерный запах. МРТ показала, что бактериальные токсины уже проникли в ткани. Гангрена развивалась стремительно. Перед хирургами встал вопрос срочной ампутации. Больного быстро перевели в Институт хирургии руки. Еще бы несколько дней опоздания – и наступил бы токсический шок, а потом смерть.

– А он рассказал, каким образом получил травму?

– По его словам, он что-то мастерил дома и по неосторожности отрезал себе палец циркулярной пилой. Лечиться он отважно и твердо решил сам. Знаете эти истории: родственники прошли войну – и ничего... Ну и так далее.

Он с негодованием покрутил пальцами в воздухе:

– Но все это чушь, ерунда. Рентген показал, что разрез был очень точным, без осколков. Палец словно отрубили резким ударом, ну, к примеру, топором или секачом. Хотите знать, что я думаю по этому поводу?

– Я за этим и приехал.

– Этот тип был этаким крепыш, качок, весь в татуировках. Я поначалу подумал, что с ним кто-то свел счеты на манер якудза. Это отчасти объясняло, почему он довел дело до гангрены. Ведь если отрубил себе палец, то первый рефлекс какой? Бегом бежать к врачу.

Вик коснулся руки врача неотложки, очень молодого и на первый взгляд очень спокойного:

– Со мной, тьфу-тьфу-тьфу, ничего такого не случилось, но я бы поступил именно так.

Вик рассудил, что не стоит ему говорить о *поклонницах*, об экстремальных отклонениях от нормы, которые подчас доводят до самокалечения.

– А бывают случаи, когда после лечения больной орган снова инфицируется?

Парень запыхтел ментоловой сигаретой.

– Бывают. В госпитале хирургические бригады стараются провести ампутацию таким образом, чтобы культя получилась чистой, готовой к протезированию. Очень важен послеоперационный уход. В основном его осуществляют в госпитале, но в домашних условиях делать перевязки все равно должна приходящая медсестра. Это целая наука. Нельзя спровоцировать ухудшение кровообращения, нельзя слишком затягивать, чтобы не было некроза, нельзя допускать образования кожных складок, а значит, деформирования культи. Пациент должен постоянно следить за правильным положением руки, чтобы обеспечить ей хорошее кровоснабжение, и регулярно приходить к лечащему врачу на контрольный осмотр.

– И все это записано в медкарту больного?

– Да. Только медкарта не у меня, а в Институте хирургии руки, там, где делали ампутацию. Здесь, в отделении неотложной помощи, очищают и обследуют рану, но не оперируют. Остальное полностью не в нашей компетенции. Полицейский вы или нет, вам карту не выдадут. Доступа к этой информации вы не получите.

Вик стиснул кулаки:

– Но хоть имя этого человека вы можете мне сказать?

– Это я могу. Пойдемте.

Врач неотложки застучал клавишами:

– А почему вас так беспокоит именно этот пациент?

– Скажите, сколько времени может прожить больной с гангреной, уже начавшей издавать трупный запах?

– Этот запах свидетельствует о том, что газ уже под кожей. Кожа истончается, становится коричневой или черной. Через несколько дней у больного поднимается температура, начинаются сильные боли, давление резко понижается, и он впадает в кому. Развитие болезни в лучшем случае можно замедлить антибиотиками и антисептиками. Но без хирургического вмешательства исход один.

– Смерть.

У Вика все же оставались сомнения. Температура, боли, кома... Правильный ли путь поиска он выбрал, увлекшись этой историей с гангреной?

– Вот, нашел, – сказал врач. – Грегори Маше. Он живет недалеко отсюда, рядом с Мезон-Лафит. А вы так и не хотите сказать, почему вы его разыскиваете?

Вик помотал головой:

– Есть такие вещи, которых лучше не знать...

21

Пятница, 4 мая, 19:05

Когда Стефан нырнул в просвет в зеленой чаще километрах в тридцати к западу от столицы, солнце уже садилось, освещая стволы дубов и буков. Несколькими минутами позже он наконец увидел у поворота дороги утопавшую в зелени гостиницу. Здание очень походило на то, что он видел в своих снах. Просторная парковка без всякой рекламы или объявлений, за исключением мигающей надписи, по меньшей мере странной: «Три Парки».

Согласно сведениям в Интернете, в этой гостинице не было ничего противозаконного. Здесь можно было снять номер на ночь, как и в любом другом отеле. Разве что, чтобы заночевать здесь, нужно было действительно иметь большое желание.

Откинувшись на водительском сиденье, Стефан грыз одно из прихваченных с собой яблок и внимательно осматривался вокруг.

На парковке стояли легковушки, грузовички и мотоцикл «харлей-дэвидсон». Одни машины сновали взад и вперед, мигая друг другу фарами, другие стояли, но водители были явно наготове и настороже. Стефан припарковался поодаль, внимательно наблюдая за странным металлическим балетом. Кто эти люди? Любители меняться партнерами? Садомазохисты? Фетишисты? Надо ли ему вступать с кем-то из них в контакт? И какая роль уготована здесь ему?

Лучше всего было отправиться прямиком в волчье логово, заявив, что он холостяк. Стефан хотел было спрятать свое обручальное кольцо, но

передумал: во всех кошмарах кольца на нем не было. Может быть, кольцо на пальце отведет от него беду.

Опустив голову и надвинув бейсболку до самых бровей, он направился к каменному фасаду здания.

На портье была просторная кожаная безрукавка, надетая поверх черной водолазки. Половину лица покрывало большое лиловатое пятно ангиомы, которая так и зовется: «винное пятно».

Вестибюль явно претендовал на готический стиль: на стенах висели акварели с изображениями всяческих ночных тварей – сов, летучих мышей, сычей, – а рядом с ними две-три выделанных оленьих и кабаньих головы. Большую люстру украшали погашенные свечи.

Идеальное место, чтобы спрятаться и наблюдать, пронеслось в голове у Стефана. В снах он опасался, что его схватят, и даже обрил голову наголо и напялил маску на лицо, чтобы его никто не узнал.

– Номеров нет, – бросил портье, убирая под стойку журнал, где было много картинок и мало текста.

Стефана охватило непривычное возбуждение. Он вел расследование, как настоящий сыщик, и это ему нравилось.

– Но у вас за спиной полно ключей.

– Ага. Но номеров нет.

Стефан внимательно оглядел помещение, на случай если произойдет что-нибудь непредвиденное.

– И все-таки мне нужен номер. Шестой.

Портье навис над стойкой, опершись на локти:

– Ты меня хорошо понял? Номеров нет, я сказал.

Стефан положил перед ним десять купюр по сто евро:

– Шестой номер... Настоятельно прошу вас...

– Ты что, легавый, что ли?

– А как по-вашему?

– С такими лохмами? Я бы очень удивился... Ты что, не в курсе, что для таких, как ты, есть парикмахеры?

По лестнице, застланной красным ковром, спускался великан ростом не меньше метра девяносто пяти. Шею его стягивал кожаный ошейник, а один из рукавов был заправлен в карман: у него явно не было руки.

Стефан узнал в нем того самого типа, что барабанил ему в дверь, возмущаясь слишком громким звуком телевизора. Невероятно!

– Что за проблема? – спросил колосс, на ходу потягивая пиво из бутылки.

Портье быстро сунул купюры в карман и жестом успокоил его:

– Все в порядке, Махина... Этот господин желает провести тихую ночь в нашей компании. Я так полагаю, к вам кто-то должен приехать? Или вы предпочтете уединенные удовольствия?

– Через пару часов ко мне присоединится веселая компания приятелей, – отозвался Стефан, стараясь подстроиться под стиль заведения.

Махина с ворчанием велел ему поднять руки и принялся обыскивать его одной рукой.

– А мы с вами нигде не встречались? – спросил Стефан.

Ответа не последовало. Тот только криво ухмыльнулся.

– Это вселяет уверенность. В определенном смысле. А обыскивать обязательно?

Поскольку этот Халк^[32] разговорчивостью не отличался, за него ответил портье:

– Просто тут не особенно жалуют новичков.

Стефан сейчас с радостью засыпал бы их вопросами, но ему надо было изображать «классического» клиента, а значит – не проявлять никакого любопытства.

Человек с «винным пятном» на коже протянул ему ключ:

– Это от восемнадцатого. Шестой, к сожалению, уже занят. Номер на третьем этаже. Тебя как зовут? Это только чтобы знать, куда направить твоих друзей, когда приедут.

– Кейдж... Николас Кейдж...^[33]

Стефан уже отошел от стойки, когда гигант спросил:

– У тебя что, нет ни сумки, ни оборудования, ничего?

– Только удочка в багажнике моей тачки.

Однорукий бросил на него подозрительный взгляд.

– Мои ребята все привезут, – уточнил Стефан, чтобы его успокоить.

– Ну, тогда твоя жена просто подохнет со смеху.

И Стефан заселился в восемнадцатый номер. Немного погода в коридоре заскрипел пол: наверняка Махина шел за ним по пятам.

Стефан растянулся на кровати, а через несколько секунд бесшумно поднялся на ноги и выглянул в окно. Парковка, за ней лес. Местечко такое же привлекательное, как и отель «Психоз», что километрах в пятидесяти от его дома. Не хватает только Нормана Бейтса^[34] с его миленьким маленьким ножичком.

Он заглянул в записную книжку, куда записал свой последний сон. Восемнадцатый номер был похож на шестой из кошмара, но с некоторыми отличиями: без телевизора, кровать намного шире и обои не зеленые в

желтую полоску, а синие. Что же до возни в соседних номерах – все одно к одному. Стоны, сдавленные крики, лязг наручников о железные кровати.

Он выжидал добрых минут двадцать, прикинув ухом к двери, потом решился выглянуть из комнаты.

Коридор оказался пустым, мрачным и длинным, совсем как в «Сиянии» Стэнли Кубрика. Стефан вышел и спустился на второй этаж. Портье не соврал: из шестого номера доносилось женское кудахтанье.

Стефан осторожно постучал. Голоса стихли. Раздался визг пружин и звуки беспорядочной паники.

– Две минуты! Две минуты, ладно? – раздался тоненький голосок.

В дверном проеме сверкнули два глаза. На пороге появилась рыжеволосая особа лет двадцати, с пирсингом в носу и повсюду где только можно. Она вытирала губы тыльной стороной ладони, лоб ее взмок от пота.

– В чем дело?

Стефан в смущении вытащил из кармана стофранковую купюру:

– Мне очень нужна эта комната, любой ценой. Предлагаю вам свою, номер восемнадцать.

За спиной рыжей долго шушукались. Девушка не отрывала глаз от купюры:

– Это что, приколы такой?

– Никакой это не приколы, просто комната приснилась мне во сне.

– Нельзя быть таким привередой.

– Ну так что, берете деньги или нет?

Такие фразы дважды не повторяют. Деньги исчезли в ладошке девушки.

– По рукам, комната твоя. Мы все равно уже уходим. Дай нам еще пару минут, идет?

Стефан толкнул дверь и ворвался в комнату. Еще одна девушка, брюнетка с бобриком волос, с пирсингом в губах, заканчивала складывать фотоаппаратуру.

– Это еще что за тип, мать твою?

Стефан остановился у нее за спиной и делал им знаки, чтобы не кричали.

– Послушайте, я хочу знать, что происходит в этой гостинице.

Он положил на кровать двести евро. Брюнетка с недоверием их взяла:

– Нам неприятности не нужны, нам...

– Я не сыщик. Мне просто надо понять.

– В общем, ты здесь ошиваешься и сам не знаешь зачем.

– Правильно излагаешь.

– Я же вижу.

Девушки переглянулись, потом рыжая отважилась заговорить:

– Гони еще сто евро.

– Я предпочел бы франки. Если бы вы сказали: «Гони сто франков», это бы меня не так разорило.

Рыжая положила купюру в карман и ответила:

– Здесь сексодром для людей с... со странными пристрастиями.

– Попытаюсь понять. В каком смысле?

– В смысле...

Она ткнула указательным пальцем в пол, и Стефан обомлел: на каждой ноге у нее было по шесть пальцев.

– Ну да, – улыбнулась рыжая. – Тем, кто сюда приходит, нравится трахать монстров. Обожженных, изувеченных, искалеченных. Тут, конечно, не найдешь женщин с тремя грудями, но что-то вроде того... Ты что-нибудь слышал про *Freak show*? «Шоу уродов»?

– Так, кое-что. У меня в подвале их целая коллекция.

– Ну так и здесь нечто подобное. Современное «Шоу уродов», разве что на добровольной основе, с теми, кто от этого кайфует. Те, кто ищет, кого трахнуть, находят тех, кто может себя предоставить во всех смыслах слова.

Стефан вспомнил обожженного мальчика из своего сна, однорукого Махину, портье с «винными пятнами», странные тени на парковке и призывное мигание фар.

– А как вы знакомитесь друг с другом?

Брюнетка, все это время державшаяся за спиной у рыжей, застегнула молнию сумки и потянула товарку за рукав:

– Кончай болтать. Валим отсюда. Даже ради бабок нечего все выкладывать, мать твою!

Стефан растерялся. Он не знал, что ответить, в какую сторону повести разговор.

– Слушайте, скажите хоть, как вас зовут, на всякий случай.

– На какой такой всякий?

– Я не могу вам сейчас объяснить.

– Да пошел ты... Педрила гребаный...

Она бросила ему под ноги ключи и от шестого, и от восемнадцатого, и разудалая парочка со смехом убежала.

Стефан вошел в комнату и опешил. Откуда это помещение было ему так знакомо?

Он вспомнил двенадцать пальцев на ногах девушки. Это врожденное

уродство, оно ведь передается по наследству... И вдруг у него в мозгу молниеносно сложились связи. Музей Дюпюитрена, музей врожденных аномалий... Не посещение ли этого музея привело того Стефана – Стефана из сна – именно сюда, в отель «Три Парки»?

Он только что нащупал определенную логику своих кошмаров. Они явно были связаны между собой, и воображаемый Стефан вел какое-то расследование. Но какое?

Стефан внимательно оглядел помещение. Телевизор был на месте. Кровать та же самая, такая же скрипучая. Но что-то вызывало беспокойство, что-то «царапало». Он открыл записную книжку. Тогда он записал, что обои были зеленые в желтую полоску, а теперь они синие, как в номере восемнадцатом. Странно, между снами и реальностью возникло первое несовпадение. Может, он неправильно записал? Или такие несовпадения – явление нормальное? В конце концов, это же сны.

Всего лишь сны...

Стефан внимательно разглядел свое лицо в зеркале, что висело в ванной. Ничего. Ни царапинки. Тот, другой Стефан был весь в синяках, ссадинах и кровоподтеках. Может, он отбивался, украл пистолет у полицейского, а потом спрятался здесь, когда по радио объявили розыск?

Не выпуская из руки записную книжку, Стефан метался по комнате. А что, если он знал это помещение, а потом позабыл из-за того случая на железной дороге, в 1998-м? Тогда была короткая амнезия... Это могло бы объяснить и разницу в цвете обоев. А в снах все всплывало на бессознательном уровне.

Он перечитал запись телефонного разговора с Виктором. Виктор... Он не знал никакого Виктора.

Листочки выпали из записной книжки и упали на пол. Стефан поднял их и сунул в карман.

Спустившись к стойке портье, он спросил, чуть запыхавшись:

– Вам о чем-нибудь говорит имя Ноэль Сирьель?

Он имел в виду пометы на стене, которые видел во сне. «Ноэль Сирьель».

– Абсолютно ничего.

– А Мелинда? А Джон Лейн? Эктор Арье?

– Ты что, телефонную книгу мне, что ли, задумал прочитать?

– А Виктор?

– Нет!

– Мне нужен список жильцов шестого номера. Там совсем недавно должно было что-то произойти.

– Тебе надо с 1990 года по сей день?

– Да, да, было бы отлично!

Портье расхохотался:

– Ты что, издеваешься или как? Если ты думаешь, что мы всех учитываем, то забудь! Вот ты заселился в шестой. И мои сердечные подружки оттуда смылись, а перед тем рассказали, что ты им выдал кругленькую сумму. Слишком уж ты соришь деньгами для «чистого» парня. Что тебе здесь надо? Что ты вынюхиваешь?

– Эти две девушки... Дайте мне их имена и адреса.

– Шутить изволишь?

Стефан закрыл глаза. Рыжую он точно во сне не видел, а вот брюнетку – пожалуй... Пирсинг, тату... Изуродованная жертва с фотографий, связанная колючей проволокой. А если...

– Это очень важно! Мне нужен адрес брюнетки! Возможно, она погибнет!

– Отвяжись. А то позову Махину.

Стефан попятился, приподняв руки:

– О'кей... Но шестой номер я оплатил. Оставьте его за мной до завтрашнего утра.

– Так чего ты хочешь? Ты съезжаешь или остаешься?

– Я... сам не знаю. Возможно, и вернусь.

– Нет, ты точно чокнутый, парень. Тебе этого никогда не говорили?

Стефан выбежал из гостиницы. Перед ним кружил хоровод автомобилей, призывно мигая фарами... Деревья тянулись вверх, в бесконечность. Ничего! Ничего из всего этого не отпечаталось у него в мозгу. Что он тут делает? Может, он и вправду свихнулся?

Он вихрем вылетел на дорогу, подвергнув серьезному испытанию двигатель своего «форда». С этими снами и видениями пора кончать! Куда они его заведут? Разве что в тупик. Видения тащат его, как собачонку на поводке. Если так будет продолжаться, он разрушит и свою семью, и свою жизнь. Разрушит окончательно.

Он больше никогда не станет без причин бить по тормозам. С этим бредом покончено.

Вдруг он заметил грузовик с бревнами... и резко затормозил.

Покрышки оставили на асфальте длинные следы. На несколько секунд «форд» застыл на самой середине шоссе: столько времени потребовалось Стефану, чтобы прийти в себя от того, что он только что увидел.

Потом он развернулся и снова поехал к гостинице.

Портье испепелил его мрачным взглядом:

– Слушай, чего ты, в конце концов, хочешь?

– Механические пилы!

– Что – механические пилы?

Стефан тяжело дышал, он вспомнил, что слышал шум механических пил во сне.

– А вы... Вы собираетесь сразу начать пилить деревья?

Портье насупил брови:

– Да кто ты такой?

– Отвечайте!

– Технические службы собирались отпилить ветки деревьев, мешающие «Трем Паркам». А что?

Стефан задохнулся. Он ничего толком не видел, он *слышал*. Звук пилы за окном шестого номера.

– Когда? Когда они начнут?

– С понедельника. И будут пилить всю следующую неделю, до пятницы.

Вернувшись в автомобиль, Стефан бросился к записной книжке. В ней значился вечер пятницы. Значит, начнут пилить с понедельника, все пять дней.

«Проклятье, как такое возможно?»

На этот раз ни о какой амнезии не могло быть и речи. Он не мог слышать звуки, которые только должны были прозвучать.

Но тогда напрашивалось два вывода. Во-первых, он не сумасшедший. Во-вторых, теперь он располагал временным окном в свои сновидения. Возможно, события, в которые он оказался вовлечен, произойдут между 7 и 11 мая.

Нынче 4 мая. Уже.

Он перелистал все страницы записной книжки, пройдясь пальцем по каждой строке, отслеживая каждое слово в поисках более точных указаний на время.

Первый сон, вчерашний. «Винные бутылки». Он во сне спускался к себе в подвал, и руки у него были в крови. Свет в подвале не горел. Повсюду было темно. Ночь? Но какая ночь? Ночь понедельника, 7 мая? А может, вторника, 8-го?

Второй сон, «Дорога в Со». Радио. Выпуск новостей, реклама. Он прикрыл глаза и начал вспоминать... Знаки ограничения скорости на шоссе, дорожные указатели. Потом... Там, в лобовом стекле...

Луна.

Ошеломленный, он вылез из «форда» прямо посреди парковки и

поднял голову к небу.

Там, над верхушками деревьев, всходила горбатая молодая луна.

Но в записной книжке значилось, что сквозь ветровое стекло он видел полную луну.

Ту самую, полную и прекрасную луну, которая бывает только раз в двадцать восемь дней.

Он знал фазы луны наизусть. Было время, когда они с Сильвией до одури глядели на звезды. Это было далекое время, они тогда давали звездам глупые имена: Око Жанны, Палаточное Полотно, Ничейный Алмаз.

Эта луна, сегодняшняя, была девятидневной молодой луной. Полноты она достигнет на четырнадцатый день.

Стефан произвел быстрый подсчет. Полную луну он видел во сне сегодня, третьего мая. И во сне же он слышал звук пилы. Спиливание сучьев планировалось на следующую неделю.

Он вернулся к машине и оперся на дверцу. Мозг его был готов вот-вот взорваться. У него было такое впечатление, что он проваливается в какой-то фантастический мир.

Все, что происходило, происходить не могло.

И все-таки...

Шесть дней. Несовпадение в шесть дней между тем моментом, когда он видел сон, и тем, когда этот сон рисковал сбыться.

И если он рассчитал правильно, то оставалось всего четыре дня до того, как он прибежит домой с руками в крови. И пять дней до того, как в карьере найдут утонувшую Мелинду. И те же пять дней до того, как он найдет в этом явно не ладившем с законом отеле фотографии замученных женщин.

Во сне это было в пятницу.

Значит, наяву может произойти в ближайшую среду или в четверг.

Он снова посмотрел в небо.

Нет, ну как в такое поверить? Как мог он увидеть будущее? И было так просто сделать, чтобы эти события не случились! Что мешает ему, к примеру, застрелиться? Или закрыться в своей Стране Тьмы и переждать бурю там? Или уехать вместе с Сильвией на месяц в отпуск, куда-нибудь далеко отсюда?

Ничто, абсолютно ничто не помешает ему подчинить себе собственную жизнь.

Он достал из бардачка швейцарский нож и приготовился порезать себе правое запястье. В том месте, где во сне на руке были раны.

Интересно, появится ли порез в следующем сне как по волшебству?

Но тогда, может, он сам создаст несовпадение? То самое искривление, тот самый парадокс? Был ли Стефан из сна им самим, или он существовал в некоем параллельном мире?

Он медленно раскрыл лезвие ножа и подвел его к самой коже. Он хотел знать. И, собираясь сделать порез на собственной руке, он сознавал всю серьезность этого поступка. А в голове раздавались слова: «галлюцинации», «шизофрения», «самокалечение».

Удар по капоту отвлек его, и он не успел нанести себе порез. Махина схватил его за шиворот:

– Не смей тут заниматься всяким свинством, грязный ублюдок! Проваливай отсюда!

Мастодонт грубо втолкнул Стефана в машину, тот ударился рукой о дверцу и выронил нож.

– А перо твое я сохраню как сувенир, – прорычал Махина, сцапав оружие. – У тебя денег куры не клюют, а потому, если хочешь его вернуть, – плати.

Стефан рывком тронулся с места, и тут из «пежо» с треснутым лобовым стеклом выскочил какой-то человек. Стефан задал себе вопрос: интересно, а это кто? Калека или любитель любовных приключений с калеками? Какой болезненный импульс толкает этих мужчин и женщин на то, чтобы бросить вызов темной стороне своей натуры?

Стефан вообще перестал что-либо понимать. Надо бы с кем-нибудь поговорить. Постараться очертить тот тип ситуаций, которые могут его ожидать, и заглянуть в будущее, по дороге нарушив фундаментальные законы природы.

Отъехав уже довольно далеко, он остановился, взял мобильник и набрал номер своего старого друга Джеки Дюваля.

Физика.

22

Пятница, 4 мая, 20:41

Вик не собирался вмешиваться или допрашивать Грегори Маше в одиночку, что выходило за рамки элементарных правил. Обычно он старался выбирать проторенный путь. Но на этот раз ему хотелось доказать, что он способен хорошо делать свое дело и заслуженно получил значок полицейского.

Итак, после визита в больницу в Аржантёе он просто решил сделать небольшой крюк к западу от Мезон-Лаффит. Ему в голову пришла мысль постучать в дверь к Маше, назвавшись соседом или коммивояжером – там видно будет, – и для начала посмотреть, в каком состоянии его культи. Нет ничего проще, да и риска никакого.

Однако GPS привел его вовсе не к городскому дому, как он рассчитывал, а к какой-то мрачной гостинице, затерянной в лесах предместья Сен-Жермен-ан-Лэ.

Он свернул с шоссе, въехал на парковку и, не вылезая из своего «пежо», принялся наблюдать невероятный балет автомобильной жести и света на красноватой земле. Автомобили встречались и разъезжались, общаясь друг с другом только на языке фар. Три сигнала подряд – и водители выходили из машин и вместе исчезали в гостинице.

В одну секунду прямо у него на глазах сформировалась пара. Мужчина выглядел вполне нормально, а женщина так сильно хромила, что при каждом шаге ее всю перекашивало.

Вик понял. Он попал в место свиданий. Люди приезжали на парковку,

осматривались, демонстрировали свои физические изъяны, и в случае, если возникала взаимная симпатия...

А Маше, видимо, был владельцем заведения?

Вик чувствовал себя не в своей тарелке: шляется по таким подозрительным местам, да еще в такой час, пока Селина ждет его в их тесной кроличьей норе. Но больше всего ему было отвратительно сознавать, что кто-нибудь из посетителей может принять его за своего. А он ведь ничего общего не имеет с этим миром.

Очень быстро он понял несколько очевидных вещей. Аннабель Леруа, возможно, наведывалась сюда, чтобы познакомиться с другими поклонниками, среди которых, несомненно, был и Грегори Маше. Больной человек, способный отрубить себе палец и вызвать гангрену, чтобы удовлетворить свои фантазии. Или фантазии своей партнерши.

Вик поднял голову. Справа от него явно разгоралась ссора. Он наклонился к ветровому стеклу. Вдали какой-то тип, гора мускулов, схватил за шиворот другого типа и в ярости запихивал его в машину. Потом наклонился и поднял с земли нож.

Когда этот мастодонт повернулся к нему, сердце у Вика сжалось. Пустой рукав рубашки был заправлен в брюки, как обычно делают те, у кого ампутирована рука, чтобы скрыть увечье. Широкие плечи регбиста, татуировка на шее. Вне всякого сомнения, это был Маше.

Вик запаниковал. Что делать? Вызвать подкрепление? Отреагировать или позволить этим двоим выпустить друг другу кишки? Приехать позже? Нет. Человек поднял нож на другого человека.

И потом, он же все-таки полицейский.

Он помедлил, потом вышел из машины и быстрым шагом направился к Маше. А автомобиль другого типа тем временем уносился в облаке пыли.

– Эй, вы! – крикнул Вик, соблюдая, однако, дистанцию. – Мне показалось, у вас назревали проблемы?

Машина сложил нож и сунул его в карман:

– Не лезь не в свое дело, придурок.

Поскольку колосс угрожающе приближался, Вик неуклюже вытащил свой «зиг-зауэр»:

– Руки вверх!

– Ох! Ох! Да успокойся ты, хорошо?

– Руки вверх, я сказал!

Машина даже не пошевелился. Его квадратная физиономия начала багроветь от еле сдерживаемой злобы.

– Я не могу поднять руки, ты что, не заметил? Что ты собираешься

сделать? Убить меня?

Позади них машины начали разъезжаться, фары гасли, головы одна за другой ныряли под приборные панели. Махина стиснул зубы:

– Что тебе надо, паскуда?

Палец у Вика дрожал на спусковом крючке. Что делать? А если этот шкаф на него набросится? Он что есть силы старался сохранить уверенный вид, хотя от страха внутренности у него завязались узлом.

– Я хочу осмотреть твою левую руку... Ты ее покажешь, и все будет в порядке.

Махина расхохотался:

– Ты что, шутишь или как?

Вик еще сильнее сжал в руке пистолет и молил Бога, чтобы невралгия его снова не подкосила. Только не сейчас.

– А по мне видно?

– Обычно мне не задают вопросов, махая перед носом пистолетом.

Махина стал медленно подходить. Вик попятился:

– Покажи руку, сукин сын!

На пороге показался портье с «винным пятном» на лице:

– Это еще что...

Вик и на него направил оружие и еще немного отступил назад. Лоб у него вспотел. Быстрым движением руки он приказал портье встать рядом с Махиной. Ситуация всерьез входила в штопор.

– Что за дела? – рявкнул портье.

Грегори Маше пожал мощными плечами:

– Понятия не имею. Он хочет осмотреть мою руку.

– Ну так и покажи ее, мать твою, этому уроду!

Махина повиновался. Медленным движением он закатал рукав на ампутированной руке.

Культия была абсолютно зажившей и гладкой, никаких свищей, никаких признаков повреждения кожи. Вик бессильно опустил оружие. Вот уж действительно глупая выходка! Как же он сможет дать отпор настоящим убийцам? В один миг все его навыки и все тренировки – предупредительный окрик, задержание, наручники – улетучились из памяти, уступив место страху и чистейшей импровизации.

– Ну, доволен? – раздраженно спросил портье. – Теперь ты прекратишь скандалить у меня на парковке? Всех клиентов распугал!

Все еще в состоянии шока Вик достал полицейское удостоверение и вошел вслед за обоими в вестибюль.

– Ага, теперь хоть удостоверение показал, – раздраженно буркнул

Махина. – Ты так в себе не уверен, что больше похож на торчка, чем на полицейского в штатском. На что тебе сдалась моя культя?

Лейтенант полиции положил на стойку фотографию:

– Аннабель Леруа... Это имя вам о чем-нибудь говорит?

– Говорит, – ответил портье. – Она время от времени сюда заходила.

Но это было уже давно.

– То есть?

– Точно не припомню. Два, может, три месяца назад. Верно, Махина?

– А с кем она приезжала?

– Исключительно с дамами.

– С ампутантками?

– Да. Я вижу, тебя это не особенно шокирует. Ты заметил, Махина? Его это не шокирует.

Сердце Вика забилось наконец в нормальном ритме.

– Откуда приезжают эти дамы? Из Парижа?

– Не знаю. Я из принципа не задаю вопросов. Именно поэтому они сюда и приезжают.

– Гостиница принадлежит вам?

– Мы с Махиной управляющие. И все документы у нас в порядке. Тебя это удивляет?

Вик кивнул на парковку:

– А как вас находят?

– В каком смысле?

– Здесь явно не конкурс красоты. Как клиенты узнают о заведении?

– Мы не даем рекламы, это невозможно. Информация передается из уст в уста, через Интернет. Ну и у нас есть репутация...

– Понял, репутация.

Вик повернулся к Грегори Маше:

– А гангрена у тебя была?

Тот стиснул кулак, настоящий молот, и рывкнул:

– Что за игру ты затеял?

Вик сглотнул слюну.

– Я разыскиваю человека с гангреной, полученной недавно. Он оставляет за собой трупный запах. Это тебе о чем-нибудь говорит?

– Абсолютно ни о чем.

Ни один мускул не дрогнул, в тоне никакой тревоги. Вик покосился на портье, который считал банкноты:

– А тебе?

– И мне тоже. Ты, наверное, думаешь про СПА? Скажи ему, Махина,

что тут у нас нету СПА.

Портье закрыл выдвижной ящик кассы.

– Послушай, чем махать у нас перед носом своей трехцветной карточкой, ты бы лучше поинтересовался тем парнем, что только что уехал.

– И с чего мне им интересоваться?

– Вид у него был очень уж странный. Верно, Махина? Он сюда явился и закидал всех вопросами. Похоже, он сам не знал, чего хочет.

– Странный вид еще ни о чем не говорит.

Портье понял реплику только наполовину.

– Я бы сказал больше: не просто странный, он выглядел полным психом, – уточнил Маше. – Просто безбашенным. Он любой ценой хотел заполучить адрес одной клиентки. Хорошо заплатил и дошел до того, что обыскал ее комнату, шестой номер. Более того, он собирался порезать себе руку на парковке. По-моему, он сбежал из психушки. Или у него приколы такой: руки себе резать.

Вик указал на культу Грегори Маше:

– Видимо, такой же, как и у тебя. К сожалению, я не могу заниматься всеми психами планеты.

Он посмотрел на часы. Ого, девять вечера! Селина, наверное, уже закипает. Совсем собравшись уйти, он остановился и вернулся к стойке, с трудом сдерживая гнев:

– Ну что вас сюда притягивает, скажите на милость? Неужели, чтобы возбудиться, вам нужны все эти ужасы?

Человек с «винным пятном» поманил его пальцем и сказал почти на ухо:

– Сюда уходят от жизни добропорядочных отцов семейства, вроде твоей. Потому что природа так устроена: она заставляет некоторых из нас не бежать от Минотавра, а сблизиться с ним. Общество отвергает людей с увечьями или обожженными лицами. Но по счастью, находятся те, кто их любит. В чем проблема?

– Никакой проблемы.

– Я не стану перечислять сотни сексуальных извращений, которые существуют, потому что ты сразу блеванешь. Но поверь мне, даже твоя блевотина может кому-то понравиться. Но если есть люди, которых это заводит, то... что тут сделаешь? Мы тут ничего не можем, верно, Махина?

Он щелкнул пальцами, как фокусник, и заключил:

– А ты не хочешь попробовать нырнуть сюда, парень? Только в таком случае не надо корчить из себя полицейского в штатском.

23

Пятница, 4 мая, 22:02

– Мне очень нужно, чтобы ты мне растолковал то, о чем рассказывал когда-то, несколько лет назад. Знаешь, ту твою концепцию путешествий во времени.

– Ты заделался фанатом Герберта Уэллса?

– Не совсем так.

Джеки Дюваль, сотрудник Национального центра научных исследований, был помешан на нейронах и специализировался в области разработки материалов и структурных исследований в нанотехнологиях. С помощью своих сверхточных приборов он и его группа смогли сконструировать молекулярную кремальеру^[35] на базе протеинового двигателя в сотню тысяч раз меньшего, чем диаметр человеческого волоса. В настоящий момент исследования не нашли практического применения, но Джеки был убежден, что в будущем его изобретение станут использовать в микрохирургии и во многих передовых научных отраслях.

– Тебе это нужно для фильма?

– Для фильма. Так сказать, для фильма о моей жизни.

Джеки жил в Париже, на площади Клиши, в квартире, набитой книгами, журналами, деталями электронной аппаратуры и осциллографами. Когда Стефан позвонил в дверь, он припаивал к плате конденсатор.

– Еще несколько секунд, если позволишь, – сказал он, отложив паяльник.

- А что ты мастеришь?
- Электромухобойку. Это для сестры.
- И она будет работать?
- Будет, если вдобавок пшикнуть инсектицидом.

Оба были знакомы еще с коллежа и встречались довольно часто. Разглядывая в мощный микроскоп в лаборатории друга бактерии, вошек и микробов, Стефан часто находил в их очертаниях контуры будущих монстров.

Джеки снял сильно увеличивающие рабочие очки и водрузил на нос другие, в черной дизайнерской оправе. Пожалуй, во всей квартире это был единственный модный предмет.

– Ты как-то странно выглядишь, – сказал он. – У тебя немытая и всклокоченная башка, как у всякого, кто несколько ночей не спал. Ты уверен, что у тебя все в порядке?

- Выпить чего-нибудь не найдется?
- Виски?
- Ну хотя бы...

Джеки вытащил бутылку «J&V» и налил ему порядочную дозу в баночку из-под горчицы с рисунками из мультика про Гольдорака. Джеки не пил, не ходил по тусовкам, не ел в ресторанах, и это было заметно.

– Ты явился в десять вечера. Что случилось? Что-нибудь с Сильвией? Или работа заела?

– Вот-вот, правильно. Работа заела.

Ученый потупился:

– Ты меня извини, что я так и не пришел к тебе после... ну, после больницы. Но...

– Понимаю, тебя тоже работа заела. Все в порядке.

Они чокнулись. У одного виски, у другого вода.

– Послушай-ка одну вещь... – сказал Джеки. – Тех, кто ищет, можно найти, а вот тех, кто нашел, – еще поискать. Хорошо сказано?

– Хорошо. А себя ты к какой категории причисляешь?

– Сказать по правде, не знаю. Я все еще пытаюсь искать все, что можно найти.

Стефан залпом выпил виски. Ему было вовсе не до смеха.

– Расскажи о путешествиях во времени, как когда-то рассказывал.

– Ту историю, от которой у всех болит голова?

– Нет, мне не надо всех этих подходов с точки зрения физики, болтовни о пространственно-временном континууме, о коте Шрёдингера^[36], о квантовых колодцах^[37] и не знаю еще о чем. Мне нужна

твоя... твоя концепция в упрощенном виде. Оттолкнемся от того, что некий человек видит своего двойника, который совершает какие-то поступки в будущем, причем видит его очень коротко, всего на несколько минут во сне.

– А как он это проделывает? Попадает в вихрь? Седлает падучую звезду?

– Я серьезно, Джеки.

Физик покрутил свой «бокал», словно в нем был хороший коньяк.

– Со школьных времен многое переменилось, знаешь ли... Когда вырастешь, ум твой делается все более рациональным. И кривые линии становятся прямыми, радуга превращается в феномен дифракции, а звезды небесные сияют благодаря энергии атомного синтеза. И это почти грустно.

Стефан указал на золотую цепочку, которую друг носил на шее:

– А свой медальон ты еще носишь? И Бог все еще обитает в твоём доме?

Джеки поспешно и неловко поправил воротник старой клетчатой рубашки.

– В данный момент Бог мне не особенно помогает.

– А раньше ты мне постоянно твердил, что судьбы заранее предопределены, что...

– Я всегда считал, что наука ограничивается тем, что открывает явления, которые должны быть открыты. А случай – всего лишь чулан и существует исключительно для того, чтобы объяснять явления, смысл которых от нас пока ускользает. Но черт возьми, в природе все так дьявольски хорошо запрячено... И я не сплю по ночам, докапываясь до всего.хлопот чертова прорва, и от этого ужасно устаешь... Такая жажда открытий, стремление шагнуть вперед, чтобы обеспечить себе отступление, – все это ведет к одержимости. Чем больше находишь, тем шире становится круг поиска.

Похоже, Джеки был в наилучшей форме. Об этом говорили синие круги под глазами.

Он с резким стуком поставил свой стакан.

– А ты? Неужели даже после всех своих бед ты еще веришь в то, что судьбу можно изменить? Что можно... помешать случиться тому, что должно случиться?

– Я в этом убежден. И теперь убежден больше, чем когда-либо.

– Ой-ой-ой!

– Нет, со мной полный порядок, уверяю тебя, – улыбнувшись через силу, заверил Стефан. – Прошу тебя, объясни мне все на моем примере.

Джеки устало улыбнулся:

– Ладно-ладно... Хорошо... Возьмем твой частный случай и отметем возможные различия. Это несложно, главное, чтобы ты понял.

– Спасибо, что заботаешься о моих ничтожных мозгах.

– Итак, представим себе, что тебя закрыли в каком-то погребе и объявили, что, для того чтобы из него выйти, тебе надо найти ключ, спрятанный там же. Тебя там заперли, предположим, 4 мая 2007 года, о'кей?

– О'кей.

– К концу недели, одиннадцатого мая две тысячи седьмого года, ты все еще сидишь в этом складе, потому что ключ ты не нашел. Того тебя, который там сидит, мы назовем *Ты-из-будущего*.

Стефан почувствовал, как в нем растет надежда, словно Джеки вот-вот даст ответ на вопрос, на который ответить невозможно.

– Давай отправимся ко *Мне-из-будущего*, – сказал Стефан, немного оживившись.

Джеки принялся расхаживать по комнате, как пятнадцать лет назад расхаживал по лужайке лицейского двора. Бывают впечатления, которые со временем изменяются и стареют, а бывают такие, что не стареют никогда.

– Предположим, что некий внешний наблюдатель обладает возможностью проникать в прошлое. Следовательно, существует и другой ты, *Ты-из-настоящего*, которого закроют в том же самом погребе 4 мая 2007 года.

– То есть ты хочешь сказать, что существует некто, отличный от *Меня-из-будущего*?

– *Ты-из-настоящего* – это *Ты-из-будущего* 4 мая 2007 года.

– Ладно, понял.

– *Ты-из-настоящего* принимаешься искать ключ, но внешний наблюдатель знает, что ты его никогда не найдешь, раз его уже ищет другой ты, *Ты-из-будущего*. Пока все понятно?

– Логику улавливаю. *Я-из-будущего* ключ не вытащил, и *Я-из-настоящего* его никогда не найду, потому что *Я-избудущего* и *Я-из-настоящего* – это один и тот же человек, с теми же мыслями, теми же реакциями. И нет никаких оснований полагать, что эта ситуация изменится.

– Именно. А потом у *Тебя-из-настоящего* начинаются «провидческие» сны. Однажды ночью *Тебе-из-настоящего* снишься *Ты-из-будущего*. И во сне ты видишь, что *Ты-избудущего* проходишь возле самого ключа! Ключ лежит на большом белом ящике в глубине подвала. *Ты-из-настоящего* его видишь, а *Ты-из-будущего* – нет!

Стефан плеснул себе в горчичную баночку еще немного виски и выпил

его двумя маленькими глотками.

– И вот, проснувшись, *Ты-из-настоящего* отправляешься на поиски белого ящика, чтобы взять ключ и немедленно выйти из склада! И что происходит дальше?

Джеки поднял вверх указательный палец:

– А вот тут начинаются интересные вещи. Тут, на этом уровне, выбор может быть разным. Во-первых, проснувшись, *Ты-из-настоящего* пользуешься тем, что увидел во сне, быстро находишь ключ, выходишь из подвала, возвращаешься домой и ложишься спать. И *Тебе-из-настоящего* снова снишься *Ты-из-будущего*. Что же именно ты видишь? Как *Ты-из-будущего* все еще ищешь ключ?

Стефан жадно ловил каждое слово. Случай, описанный другом, в точности совпадал с тем, что происходило с ним. Он ответил:

– Нет, не думаю. Моя... судьба изменилась, потому что *Я-из-настоящего* ключ уже нашел.

Джеки плюхнулся на софу, запрокинув голову, и резко выпрямился:

– Вот как? Ты что, думаешь, что *Ты-из-настоящего* вот так сразу телепортировался и очутился совсем в другой ситуации? Но ведь в прошлом ты не смог найти ключ! И во сне будущее *Тебя-из-настоящего* меняется, но прошлое *Тебя-из-будущего* измениться не может, потому что оно уже произошло! *Ты-из-будущего* по-прежнему будешь искать ключ!

Стефан прикрыл глаза, а Джеки продолжал объяснять:

– Ты не все уловил, и это естественно. Потому что в этом случае мы оказались перед физически неразрешимым парадоксом, который может привести к серьезным несовпадениям, если не принять во внимание теорию параллельных миров.

– Что за несовпадения?

– Ну, к примеру, ты уже существуешь, а твоя мать тебя еще не родила. И получается, что ты старше собственного отца. Или еще того хуже: ты встречаешь на улице самого себя.

– А если принять во внимание теорию параллельных миров?

– Это не более чем пустая болтовня, я в нее не верю.

Чувствовалось, что он в нерешительности.

– Эти парадоксы дают почувствовать, насколько трудно подойти к духовной концепции путешествий во времени, если слишком твердо стоишь на позиции картезианства и слишком близок к научным взглядам.

– А если отойти от картезианской позиции?

Джеки помотал головой:

– Это решение тебе не понравится, как не понравилось оно научному

сообществу. У меня и еще у нескольких философов на этот счет своя позиция, и мне не хотелось бы о ней распространяться.

Стефан подошел к нему:

– И все-таки расскажи.

Джеки не пришлось долго уговаривать.

– Как бы то ни было, а будущее изменить невозможно, даже если знаешь, что именно должно произойти. Если ему суждено произойти, оно произойдет, ну, может, за исключением некоторых деталей. Может быть, ты знаешь пример, который приводил Лейбниц, развивая интереснейшую мысль относительно случайности и необходимости... Согласно этому философу, Цезарю, чтобы стать императором, обязательно надо было перейти Рубикон. И если само по себе это событие кажется не более чем случайным совпадением, оно было необходимостью в представлении самого Цезаря.

От этой концепции Стефану стало не по себе. Что же, получается, что все заранее предрешиено и мы ничего не можем поделать? Ему вдруг вспомнилось, как он дал по тормозам в повороте. Он пытался не наехать на Гаэль, а на самом деле ее убил. Может, ей было назначено умереть и ничто не могло этому помешать. Еще ему вспомнился фильм «Окончательное предназначение», где молодые люди не могут уйти от смерти, потому что так назначено судьбой.

Но он все же попробовал возразить Джеки, больше чтобы успокоить самого себя:

– Но... *Я-из-настоящего* увидел, где лежит ключ, во сне! Рядом с большим белым ящиком! А проснувшись, уже наяву его взял и вышел из помещения. Значит, я не мог шарить по складу неделю спустя!

– А если ключ на самом деле лежал не возле белого, а возле черного ящика, тогда что?

– Я... я не совсем понимаю.

– Представь себе, что после двух дней взаперти, перед тем как *Ты-из-настоящего* увидел сон, *Ты-из-будущего* нашел ключ возле большого черного ящика. Ты схватил ключ и, счастливый, бросился к выходу. Однако на бегу зацепился ногами за веревку и стукнулся головой. Ключ выпал у тебя из руки и оказался возле большого белого ящика. От удара *Ты-из-будущего* потерял память. Ты больше не знаешь, что ты здесь делаешь, а тебе снится, что ты блуждаешь по подвалу и проходишь мимо ключа, не заметив его. Проснувшись, ты думаешь, что ключ лежит возле белого ящика, но не тут-то было, потому что он с самого начала лежал возле черного! В свою очередь *Ты-из-настоящего*, как и *Ты-из-будущего*,

бросаешься на поиски. И твое сновидение тебе никак не помогает, даже в каком-то смысле сбивает с толку, поскольку ты до конца не владеешь ни обстановкой, ни хорошей точкой обзора. Ключа ты не находишь, хотя *Ты-из-будущего* нашел его в тот же момент в том же помещении. Ты пускаешься бегом и запутываешься в веревке. И все повторяется в точности, и уже не важно, спишь ты или нет. И так далее. Мы движемся по ленте Мёбиуса.

– По ленте... по какой ленте?

Джеки улыбнулся и начертил в воздухе знак бесконечности, витую, лежащую горизонтально восьмерку.

– Это такая математическая диковина: у нее имеется только одна сторона и она так устроена, что, однажды встав на эту поверхность, ты уже не можешь с нее сойти. Что бы ты ни предпринимал, ты всегда совершаешь раз за разом один и тот же путь и снова возвращаешься к исходной точке. И так до бесконечности. Вечное обновление.

– Все, что ты рассказываешь, притянута за уши.

– Ничего подобного. А для ответа на вопрос, с которым ты пришел, есть другая теория, ничуть не менее стоящая: теория капли воды в потоке.

Стефан вздохнул:

– Объясни...

– Если вылить в Рону или зачерпнуть из Роны каплю воды, от этого ее течение не изменится и она все равно впадет в Средиземное море. Если принять, что течение реки символизирует твою судьбу, то хоть ты отказывайся совершить поступок, хоть совершай его – основная линия останется той же самой, и события, которым суждено произойти, все равно произойдут. И эта точка зрения наиболее приемлема, поскольку она оставляет место случаю и определенной свободе. Но вернемся к нашему случаю и предположим, что ключ лежит возле белого ящика и *Ты-избудущего* его не замечаешь. А *Ты-из-настоящего*, проснувшись, спешишь к белому ящику и находишь его!

– И все улажено! Благодаря сну моя судьба поневоле изменилась!

– Сожалею, что не в главном направлении. Потому что, бросившись искать предмет, который тебя вызволит, ты запутался ногами в злополучной веревке, ударился головой и... позабыл, где лежит ключ! В данном случае капля воды и есть твоя краткосрочная амнезия, которая на этот раз не постигла *Тебя-из-будущего*, с этим я согласен. А Рона – это твое бесконечное блуждание взаперти, что бы ты ни делал.

– Да нет... не может быть...

Джеки со смехом вскочил:

– Да ну? А что ты предпочитаешь – парадокс? Знаешь, уж лучше бы его не было вовсе, потому что тогда... – Он жестами изобразил взрыв и сказал: – *Hasta la vista, baby!*^[38] Телепортироваться или аннигилировать в любом случае означает дьявольски себе навредить. – Джеки нервно побарабанил пальцами по пухлым губам. – Видишь ли, хуже всего то, что путешествия во времени существуют, но на квантовом уровне, точно так же как и телепортация. Теория относительности гласит, что по мере приближения к скорости света время растягивается. Доказательства тому – спутники GPS, где часы отстают от земных. Если бы мы обитали на этих спутниках, то старели бы гораздо медленнее, чем на нашей доброй старой планете, – на целых несколько микросекунд в день! С научной точки зрения путешествие во времени возможно. Но точно так же и невозможно, ибо до сей поры ни одна частица не перемещалась со скоростью, превышающей скорость света.

– Очевидно, это удастся моим сновидениям.

Стефан не знал, что и думать. Если верить его кошмарам, то вся полиция Франции через несколько дней начнет его разыскивать. Его заподозрят в убийстве девочки, с которой он даже незнаком. Разве можно ничего не предпринять, чтобы весь этот ужас прекратился? Не попытаться хоть что-нибудь изменить?

Он выпрямился, неподвижно глядя перед собой. На судьбу можно повлиять. Можно воспрепятствовать тому, чтобы вся эта жуть сбылась. Но тогда почему, едва захотев вмешаться, он всякий раз запутывался ногами в пресловутой веревке? Резкий тормоз перед километровым столбиком № 16... Сигнал тревоги, чтобы поезд не сошел с рельсов... Ужасная гибель Людивины Кокель...

Может быть, одного желания избежать своего будущего мало, чтобы его создать?

Но что же тогда делать? Действовать согласно своим сновидениям или просто-напросто их игнорировать?

«Игнорировать сновидения».

Он в волнении достал записную книжку:

– «Игнорировать сновидения»!.. Он... Это мне он адресовал свои записи на стене в гостинице! Черт возьми! *Стефан-из-будущего*, он...

Ему вдруг вспомнился звук радио, звук телевизора, включенного на полную мощность. И надписи мелом на стене погребца в первом сне. Послания маркером на стенах. «Ноэль Сирьель», «Твои послания в ПО 101». Все говорило о том, что *Стефан-из-будущего* всеми силами искал возможности связаться с ним.

Стефан схватил бутылку и щедро плеснул себе виски. Горлышко бутылки звякнуло о стакан.

– Он... он знает, что я здесь, что я вижу его во сне! Он включил радио и телевизор на полную мощность, чтобы я его услышал! Он... он адресует мне послания на стенах! Черт, Джеки, это я в будущем, и он пытается со мной поговорить, о чем-то меня предупредить!

Физик поскреб себе голову и скептически уставился на Стефана:

– Ты что, уже успел клюнуть, перед тем как сюда прийти?

Стефану не сиделось на месте, и от нетерпения он принялся покусывать себе кулак.

– Значит, он, может, и не такой, как я, но он физически существует в будущем. И он... он ждет, что... что я ему как-то отвечу и подам знак.

Он достал из стакана для карандашей черный маркер:

– Я его возьму, если ты не возражаешь...

– Ну да, в твоём фильме герой, которого ты играешь, хочет ответить себе будущему, написав ему послание на стене, ведь так? И ты веришь, что слова способны пройти сквозь время и появиться как по волшебству?

– Именно так.

– Да нет же! Я ведь тебе уже сказал, что парадоксы не сущ...

– Нет, они существуют. Эти чертовы парадоксы времени существуют. Мне хочется верить, что каждый свободен делать все, что хочет, что можно изменить свою судьбу. И я никогда не стану крутиться по ленте Мёбиуса, я не баран какой-нибудь.

– Знаешь, судьба – штука упрямая, она не позволит так с собой обращаться.

– Но ведь и я не позволю так со мной обращаться.

Он быстро-быстро нацарапал что-то на листочке бумаги и протянул Джеки:

– Спасибо, Джеки, мне пора идти, это очень важно.

Ученый взял листок:

– 4-5-19-20-9-14? Что это такое?

– Наверняка выигрышные числа лотереи, что состоится в среду. Тебе в благодарность.

– Шикарный подарок, спасибо. Можешь быть уверен, чувство юмора ты не потерял. Ни чуточки.

– Мой тебе совет: разыграй этот номер.

– Вряд ли... Я никогда не играю в лотерею.

Уже выходя, Стефан заметил:

– На этот раз придется сделать исключение. Я уверен. Потому что,

несомненно, в этом твоя судьба.

24

Пятница, 4 мая, 22:34

– Завтра суббота. Очень хочется провести денек в лесу. Можно выехать на пикник и...

Лежа в постели под боком у Селины, Вик приложил палец к губам жены:

– Ты ведь знаешь, что я расследую очень сложное дело? Очень, очень сложное.

– Твой отец звонил мне сегодня и сказал то же самое. Сказал, что тебе надо дать полную свободу на время этого расследования. Ему, видимо, наплевать, как я себя чувствую, как проходят мои дни. Его интересуешь только ты. Ты и твоя карьера, будто речь идет о его собственной.

– Ты же его знаешь...

Ночник освещал спальню золотисто-коричневым светом, и в этом свете четко проступали контуры нагих тел.

– Ты никогда не оставлял меня одну в выходные. И обещал, что никогда не будешь оставлять. Я хочу, чтобы ты был дома.

Вик склонился над женой, потом перевернул ее и опрокинул на себя. Он разглядывал тени на потолке и не видел ничего, кроме каких-то искаженных силуэтов, рябых лиц и ампутированных рук и ног. Вик прикрыл глаза и зарылся носом в длинные черные как смоль волосы Селины. Пальцы его становились все настойчивее и настойчивее. Селина прерывисто вздохнула.

– Так что завтра? – прошептала она.

– Сейчас важно только сегодня... И то, чем мы займемся... И оно стоит всех лесов мира, вместе взятых...

Он снова ее резко перевернул, и их тела прижались друг к другу.

– Эй, поосторожнее! – с улыбкой запротестовала она. – Ребенок...

Вик тоже улыбнулся:

– Я думаю, он не откажется от маленького кукольного спектакля?

– Не говори глупостей. Он ведь все слышит, знаешь?

– Ах, он все слышит?

Вик склонился к животу Селины:

– А ты знаешь, что мы с твоей мамой заделали тебя на упакованном шахматном столике в мой день рождения?

– Замолчи!

– Потому что твоя мама думает, что шахматные столики годятся не только для того, чтобы переставлять пешки.

– Да замолчи же ты, наконец!

– А ты знаешь, что шахматный столик все еще здесь?

– Хочешь сподвигнуть меня на акробатический трюк? Скоро все это будет совсем невозможно. И тебе придется потерпеть. Так пользуйся возможностью, пока не поздно.

– Придется запастись терпением, как доблестному королю под защитой ладьи, коня и королевь ^[39].

Селина закрыла глаза:

– Мне хочется, чтобы наша жизнь оставалась спокойной, чтобы ты мог забирать детей из школы и отвозить их в спортивный клуб, чтобы мог встречать с ними новогодние праздники. Хочу, чтобы они росли у тебя на глазах, только и всего. Но твой отец хочет совсем другого.

– Прошу тебя, не надо больше о моем отце...

Селина взяла его за руку и чуть коснулась кончиков пальцев. Вик наморщил брови и тоже много-много раз погладил кончики ее пальцев.

– Тебя это так возбуждает? – прошептала она.

Вик коснулся губами ее губ и вдруг резко вскочил:

– Вот черт! Я...

Он как раз в этот момент ощутил языком кончик ее языка.

– Мне... мне срочно надо позвонить! Очень коротко, просто кое-что уточнить!

Селина резко отпрянула:

– Ты что, шутишь?

Как был голышом, Вик бросился к своей одежде и вытащил визитку судмедэксперта.

– Две секунды, ладно? Две крошечные секунды!

– Нет, Вик, так нельзя!

– Черт побери, всего две секунды!

Он бросился в кухню и набрал номер по городскому телефону:

– Доктор Демектен? Это Вик Маршалль.

– Кто-кто?

– Мы виделись вчера вечером на вскрытии Аннабель Леруа.

– Ах да! Молодой южанин... Так что вы хотите?

– Я размышлял... о пытках, которым подвергли жертву.

– Посреди ночи? У вас что, нет более приятных занятий?

Вик покосился в сторону спальни, где свет начал меркнуть.

– У меня к вам всего один вопрос. Губы и язык считаются очень чувствительными тактильными органами, и кончики пальцев тоже, верно?

– Верно. Эти три зоны снабжены очень большим количеством нервных окончаний и, следовательно, наиболее чувствительны к прикосновениям. Два квадратных метра нашей кожи снабжены семью миллионами нервных окончаний, но только в одних кончиках пальцев, к примеру, насчитывается по две тысячи пятьсот рецепторов на каждый квадратный сантиметр. Эти три зоны наиболее восприимчивы при тактильных исследованиях. Вы никогда не задавали себе вопрос, почему, целуясь, мы пускаем в ход язык?

– И... ей все это отрезали, пока она была жива?

– Именно так. Загляните в отчет.

– Обоняние... Осязание... Эти два чувства очень информативны. А как именно действует осязание?

– Постараюсь объяснить как можно короче. У нас есть разные типы нервных окончаний. Одни – ноцицепторы – чувствительны к боли и активируются только тогда, когда перейден порог агрессивности повреждения. Они предупреждают головной мозг об опасности, посылая сигнал через спинной мозг. Другие же нервные окончания, гораздо более чувствительные, чем ноцицепторы, отвечают за пресловутое чувство осязания. Это механорецепторы, которые активируются при соприкосновении с предметом, и терморецепторы, которые реагируют на тепло и холод. Опустите руку в воду и нагрейте ее до 45 градусов, и терморецепторы начнут передавать сигналы все более болезненные, но пока вполне переносимые. Но как только температура превысит 45 градусов, включатся ноцицепторы и предупредят головной мозг, вследствие чего вы почувствуете ожог. Ноцицепторы стоят на страже целостности нашего тела. Боль полезна. Без нее мы бы умирали, не получив сигнала о ранах и повреждениях... Что-нибудь еще? А то у меня труп на столе.

– Благодарю вас.

Когда Вик вернулся, Селина лежала, обнаженная, положив руки на живот. Она больше не улыбалась.

– Ты обо всем этом думаешь, даже когда трахаешься? Даже когда... ласкаешь меня?

– Да нет же, нет!

Вик смотрел куда-то мимо жены, в пустоту. Если Матадор уничтожил органы осязания жертвы, значит он не хотел, чтобы она к нему прикасалась. Может, Леруа вызывала у него отвращение? Может, он не желал, чтобы она его «запачкала» своим прикосновением? Или он вообще боялся прикосновений? Из-за полученных травм или из-за того, что в детстве с ним жестоко обращались?

А голос все раздавался откуда-то:

– ...Не следила ни за чем, кроме здоровья твоего отца. И у тебя та же одержимость. Те же разрушительные навязчивые идеи.

Вик покачал головой:

– Я здесь, малышка. Я ведь здесь, верно? Самое время заняться любовью, самое время...

– Я не хочу заниматься любовью, я хочу только, чтобы ты снова стал прежним Виком.

– Предохранительным Виком? Виком, который всегда идет по проторенной дорожке? Виком-умницей за шахматным столиком?

– Но у тебя такой характер, такая натура. И ты ничего не сможешь изменить, даже если будешь присутствовать на вскрытиях или корчить из себя крутого. Они желают повсюду таскать тебя за собой, как собачонку. Ты ведь не настоящий сыщик. Ты блатник.

Дверь со стуком закрылась. Вик пожал плечами, подошел к холодильнику и поискал пиво. Пива не нашлось. Тогда он взял початую бутылку коньяка и налил себе в стакан.

– Блатник... Ну да, блатник! А что это меняет?

Он отхлебнул из стакана один глоток, потом другой. Вот оно, счастье. Выпить, а потом закурить сигаретку.

Нет уж, никаких сигарет. Такого удовольствия эти негодяи не получают.

Осушая еще стакан, он не переставал думать о телефонном звонке судмедэксперту.

То, что у жертвы «украли» части тела, наиболее чувствительные к прикосновениям, могло быть чрезвычайно символичным.

Убийца не желал овладеть жертвой по классической схеме сексуального насилия. Но он лишил ее одного из главных чувств, осязания,

а сам ощупывал ее голыми руками. Это доказывают следы кукурузного крахмала, которым покрывают внутреннюю сторону перчаток.

Оставалось понять – зачем.

25

Пятница, 4 мая, 22:52

Стефан протянул портье «Трех парок» толстую пачку купюр:

– Шестой номер. Я снимаю его на неделю.

Человек с «винным пятном» пересчитал деньги, сунул их в карман и с улыбкой выдал ему ключ. Подождав, пока Стефан отойдет, он с торжеством объявил:

– Похоже, тебя разыскивает какой-то легавый.

Стефан обернулся:

– Легавый?

– Как вижу, тебе это не безразлично. Этот парень немного на тебя смахивает. Он спрашивал о какой-то девице. О блондинке, повернутой на ампутациях, ее зовут Аннабель Леруа. Тебе это имя ни о чем не говорит?

Стефан подошел к стойке. Он явно был встревожен:

– А зачем он меня разыскивал?

– Словом... Может, он и не тебя спрашивал, ну да ладно. Ты так быстро слинял, как раз в тот момент, когда он появился. Тогда я себе сказал...

Машина с треснутым лобовым стеклом, вспомнил Стефан.

– И как он назвался?

– Никак не назвался.

Стефану пришли на память фотографии трупов, которые в сновидении разложил перед ним *Стефан-из-будущего*.

– У этой девицы, Аннабель Леруа, была татуировка на левом бедре?

Змейка.

– Понятия не имею, я не заходил, чтобы посмотреть. А вот ты, как видно... Гм... Я умею держать язык за зубами. Но если хочешь, чтобы я помалкивал...

– То есть?

Портье облизал губы.

– Ты ведь понял, что я хочу сказать? Я отметил твою машину и хорошо запомнил номер. А позвонить по телефону – дело недолгое, знаешь ли...

Стефан почувствовал себя раздавленным, ему вдруг стало нечем дышать. На сцене вот-вот появится полиция, словно вокруг него медленно, но верно начала выстраиваться мрачная вселенная его снов.

Он с отвращением выложил на стойку три купюры по сто евро и быстро исчез на лестнице.

В шестом номере Стефан вытащил из кармана черный маркер и написал по краю синих обоев напротив телевизора: «Меня зовут Стефан, и я полагаю, что послание, которое ты написал из будущего на противоположной стене, адресовано мне. Сегодня у нас 4 мая, почти полночь. А какое число у тебя? Я не смог прочесть все твои послания. Ты должен сказать, чем я могу тебе помочь, почему тебя разыскивают. Сюда, в „Три Парки“, заявила полиция. Почему?»

Он отпрянул назад, поняв всю двусмысленность своего поступка. Он действительно считал, что *Стефан-из-будущего* существует и живет его будущей жизнью там, в шести днях отсюда. Это вполне могло быть, поскольку его двойник во времени адресовал ему послания и, похоже, влип в какую-то историю, которая изначально никак его не касалась.

И тут ему на ум пришло нечто очень важное: если *Стефан-из-будущего* никогда не войдет больше в эту гостиницу, то как он прочтет послания?

Засовывая ключ от шестого номера за щиток автомобиля, Стефан нашел отличный способ удостовериться, что послание из настоящего в будущее отправлено.

Он медленно приподнял край своей футболки...

* * *

– Вы уверены?

– Да. Именно такую фразу, слово в слово.

Бритоголовый человек удивленно поднял темные брови:

– Ну, здесь вы главный. А шрифт какой? Готический? Тахома?

– Да плевать на шрифт. Надо, чтобы легко читалось.

По ателье разнеслось тихое потрескивание. По стенам повсюду были развешены цветные образцы великолепных татуировок: орлы, кельтские кресты, разноцветные драконы. У татуировщика на предплечье красовалась шикарная волчья голова.

– У меня сейчас вдруг возникло странное ощущение, – поделился художник, – будто... будто я уже однажды делал такую татуировку. Мы уже встречались? Может, другую сделаем?

– Вряд ли, – отозвался Стефан. – Я терпеть не могу татуировки. Не беспокойтесь. У меня ощущение дежавю бывает каждый день.

Стефан надеялся, что в таком месте, на левом бедре, татуировка поначалу ускользнет от внимания Сильвии. Однако даже представить себе не решался реакцию жены, когда она ее обнаружит.

Постепенно буквы обретали форму, их сине-черные очертания появлялись на белой коже. В неоновом свете ателье кожа выглядела нездоровой. Может, он действительно болен? Болен психически? Ему вспомнился фильм «Игры разума» с Расселом Кроу, где математик Джон Нэш, шизофреник, считает, что выполняет секретную правительственную миссию.

Шизофреник...

– Месье? Почему вы дрожите?

– Нет, ничего, все в порядке...

Стефан прикрыл глаза. Кого он должен спасти? Самого себя или другого Стефана? Проявится ли татуировка на теле *Стефана-из-будущего*? Сработает ли «передача», или *Стефан-из-будущего* – совсем другой человек, живущий в ином мире? Ему вспомнился кот Шрёдингера, которого поместили в контейнер и который там, согласно правилам квантовой механики, одновременно и жив и мертв, пока контейнер не откроют. А как откроют, надо сделать выбор. Тогда возникнут два разных мира, и каждый из них будет представлять собой одно из возможных состояний кота: мир, где кот мертв, и мир, где кот жив. Согласно теории, наблюдатель и все, что его окружает, тоже окажется раздвоенным, одновременно в двух мирах.

Его мысли прервал голос татуировщика:

– Все готово. Вам нравится?

Стефан взглянул на бедро.

– Великолепно, – сказал он, опуская футболку.

Стефан незаметно скользнул под одеяло. Теплое тело Сильвии чуть отодвинулось.

– Что ж ты свет не зажег? – сухо сказала она. – Потому, что не хотел меня будить, или потому, что явился в три часа ночи?

– Не хотел тебя будить.

– Ты меня еще любишь?

– Конечно люблю.

Вздых.

– Ты с кем-то встречался?

В холодном полумраке спальни Стефан повернулся к жене спиной.

– Нет, ни с кем. Ни с кем в том смысле, какого ты ожидаешь. Ты слишком много дергаешься.

Он тайком потрогал левое бедро. Ему сейчас хотелось только одного – заснуть. И выяснить, получилось ли связаться со *Стефаном-из-будущего*, если тот вернулся в отель прочесть послания и разъяснить ему смысл сновидений.

– От тебя пахнет алкоголем, ты не отвечаешь на мои звонки, и мы совсем перестали заниматься любовью. Конечно я дергаюсь. Где ты был?

– У Джеки. Это мой друг-физик.

Он ответил быстро, не задумываясь, и это сбило ее с толку.

– Ладно, пусть у Джеки... Что за важный визит, если ты посреди ночи срываешься в Париж, несмотря на то что тебе запрещено садиться за руль?

Стефан стиснул кулаки. Что бы он ни ответил, результат был ему известен: Сильвия взорвется, вскочит с постели и отправится спать в гостиную. Или куда-нибудь уедет на машине.

– Надо было поговорить по-мужски. И мне это пошло на пользу. Худшую часть пути я уже прошел. Сейчас мне нужно немного времени.

– Завтра к трем часам ты пойдешь к Робовскому. Это пси-специалист.

– Психолог или психиатр?

– Психиатр. Тебе надо заново пройти курс лечения и изгонять демонов, общаясь с компетентным человеком, а не с физиком.

Стефан тихонько вздохнул:

– Я пойду, раз ты хочешь.

– Это не прихоть. Я всегда думала, что ты сможешь измениться, не дать мрачному миру твоей работы тебя поглотить. Жизнь – это не фильм. И я – не силуэт на киноплёнке. За этим силуэтом – и живые чувства, и

радости, и страдания.

Она встала, держа под мышкой подушку, и потянула за собой теплое одеяло, а потом вдруг резко включила свет. Стефан свернулся в клубок, не глядя на нее.

– С каких это пор ты спишь в кальсонах? – удивилась она.

– Я немного замерз...

Сильвия почувствовала, как слезы наворачиваются на глаза.

– Я всегда тебе помогала. Дни и ночи проводила с тобой в больнице, пытаюсь понять. Я видела тебя с переломанными костями. Вместе мы всегда справлялись с тем, что ни ты, ни я не в состоянии были осмыслить. Мы переехали сюда, потому что ты так захотел, и я, как всегда, поехала с тобой и не жаловалась, потому что... потому что я тебя люблю.

Теперь она плакала, а Стефан по-прежнему лежал, свернувшись, как собака, не в состоянии ни встать, ни прижать ее к себе.

– Но на этот раз силы мои кончились, – продолжала она. – В том, что с тобой творится, в том, что ты скрываешь от меня, нет ничего из ряда вон выходящего, как ты думаешь, как ты всегда думал. Галлюцинации... Обычные, заурядные галлюцинации.

Он наконец повернул к ней голову:

– Это не были...

Он застыл с открытым ртом. Сильвия подошла к нему и положила на кровать фотографию:

– Я ее сделала, пока ждала тебя. Старым поляроидом, который нам подарили на свадьбу. Ты помнишь нашу свадьбу? Храни это фото, может быть, это единственное воспоминание, которое скоро тебе останется от меня. Мне еще хочется нравиться, Стефан. Я не согласна зарыть себя в землю рядом с мужем, который ко мне даже не прикасается и отказывается от лечения.

Она быстро натянула черные джинсы и серый пуловер и, уже уходя, прибавила:

– Мне давно надо было открыть глаза. Вот уже несколько лет, как в тебе что-то разладилось. Как и тебе, мне не хотелось верить врачам. Но они кругом правы. И были правы с самого начала.

Весь дрожа, Стефан вскочил и взял фотографию.

Спустя несколько секунд тишину разорвал шум мотора.

Сильвия куда-то уехала, как поступала довольно часто. И он не знал куда.

Он снова взгляделся в фото. Жена остригла волосы. И лицо ее на глянцевого бумаге заострилось и стало жестким от гнева, совсем как в том

сне.

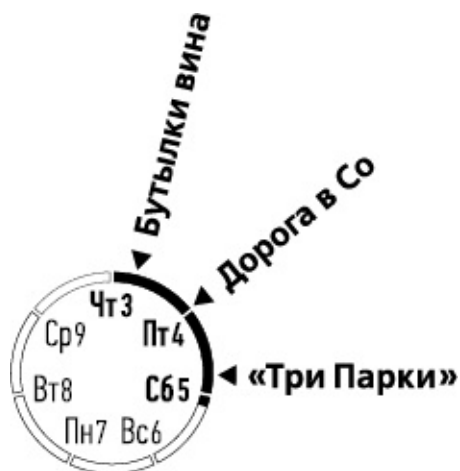
Оставшись один на один со своим страхом и непониманием, Стефан схватил бутылку виски и пил, пока не опьянел.

Пока не заснул, держась рукой за татуировку.

Она гласила: «Расскажи мне о Мелинде. Мои послания начертаны на стене номера 6 в гостинице „Три Парки“. Оставь там же свои».

26

Суббота, 5 мая, 02:21

Кассандра Либерман сняла руку с компьютерной мышки и взяла зазвонивший мобильник. Было уже больше двух часов ночи, а она все еще чатилась в мессенджере.

- Да, кузен. Что новенького?
- Я нашел один вариант. Отличный.
- С отдельной палатой?
- Да.
- А рука? Как рука?
- Рука что надо, полный ажур.
- Что надо, значит?
- Доверься мне. Я бы тебе не позвонил ради какого-нибудь фуфла.
- Когда начинается операция?
- Через несколько часов. Давай выдвигайся. Теперь или никогда.
- Я уже еду, братишка. Буду через час. Никуда не уходи.
- Да куда я денусь?

Кассандра отсоединилась и широко улыбнулась. Прекрасная новость. Если Жак не соврал, вечер, похоже, закончится настоящим апофеозом.

Брюнетка закончила болтать по мессенджеру со своей рыжей подружкой, красавицей Амандиной, оделась – джинсы, черная футболка с изображением группы «ACDC», черные мартинсы – и быстро сложила в сумку фотоаппаратуру. Из загородного дома в Шеврезе ей надо было попасть в больницу Кремлен-Бисетр^[40]. Конец порядочный, но игра стоила

свеч.

Ее кузен Жак обладал гениальным свойством: он не задавал вопросов. В ее ремесле такие люди требовались всегда.

Возле больницы Жак ее встретил отнюдь не с цветами.

– Черт возьми, ты бы хоть оделась поскромнее. Все надо проверить тихо.

– Тише, чем летучая мышь?

Он уже исчез за дверью, и ей пришлось припустить бегом, чтобы его догнать. Они шли по длинным пустым коридорам, освещенным гудящими неоновыми лампами.

– А ты уверен, что твой пациент не наделает нам хлопот? – спросила Кассандра.

– При условии, что не будем долго тянуть.

Они остановились напротив палаты 18.

– Это здесь, – уточнил Жак.

– Вот ведь черт, опять 18? Быть того не может!

– А что ты имеешь против числа 18?

– Как раз в самый раз: секс до упаду под конец дня.

Жак предупреждающе поднял указательный палец:

– У тебя пять минут. А если кто-нибудь войдет...

– Ты меня никогда не видел.

Кассандра вошла в комнату:

– Эрве Турель?

Человек медленно отвел глаза от телевизора.

– Я Кассандра Либерман. Санитар должен был вам обо мне сообщить. Я пришла, чтобы сделать фотографии.

Перед ней сидел мужик лет пятидесяти, с румяными щеками и толстым животом. Он удивленно уставился на нее, – видимо, его смутил ее внешний вид.

– Вы ожидали увидеть женщину в белом халате?

– Нет, что вы... просто... я думал, что для медицинского словаря... Ну, короче, вы понимаете?

Черные как смоль волосы Кассандры были острижены очень коротко, почти под бобрик, пальцы унизаны кольцами, а на лице поблескивал пирсинг.

– Не очень. Это займет всего несколько минут, месье. Я сфотографирую только вашу руку, и вы, само собой разумеется, останетесь анонимным. Можно взглянуть?

Он осторожно выпростал из-под одеяла правую руку.

Кассандре удалось ничем не выдать свою радость и остаться бесстрастным профессионалом. Ей никогда еще не доводилось видеть столь ярко выраженного случая болезни Дюпюитрена^[41]. Столь совершенного. Пораженный пятый палец под прямым углом загибался внутрь к ладони.

– Вы действительно не можете двигать пальцем?

– Абсолютно.

Гениально, сказала она себе.

Под кожей, от основания большого пальца до обращенной к ладони поверхности мизинца, шел плотный тяж, который не давал пальцу сгибаться, стягивая все три фаланги. Получался великолепный «орлиный коготь».

– Очень хорошо, – подчеркнуто академическим тоном сказала Кассандра. – Когда назначена операция?

Она и без того знала, и ей было наплевать.

– На завтрашнее утро. Всего через несколько часов. Вот юмористы, они посоветовали мне поспать.

– А вы, случайно, незнакомы с болезнями Леддерхозе^[42] или Пейрони?^[43] Я разыскиваю такие случаи.

– Вы что, полагаете, что мы объединяемся в банды? Я даже не понимаю, о чем вы говорите.

– Ничего страшного.

Кассандра осторожно взяла его искалеченную руку и плашмя уложила на простыню. Потом достала из сумки цифровой зеркальный фотоаппарат и подсоединила к нему объектив «70–200» и профессиональную вспышку.

– Готово.

Она нащелкала штук тридцать снимков ретрактивного фиброза во всех ракурсах. Рука полностью, крупные планы фиброзных узлов, затвердений и большого подкожного тяжа, так сказать, «нерва» заболевания.

– Вас не беспокоит, что приходится работать так поздно? – спросил пациент.

– У меня не бывает выбора.

Быстро, как истинный папарацци, она собрала аппаратуру в сумку и повесила ее на плечо:

– Большое спасибо, месье Турель. В определенном смысле вы двигаете вперед науку.

Он расщедрился на заинтересованную улыбку:

– А когда выйдет ваш словарь?

– Скорее всего, на будущий год.

Она достала из кармана ручку:

– Дайте мне ваш адрес, и я пришлю вам экземпляр.

Он написал адрес. Кассандра попрощалась и убежала. В коридоре ее нервно дожидался Жак.

– Я же сказал: пять минут! А ты там проторчала добрых четверть часа, черт тебя побери!

Она выбросила листок с адресом в урну.

– Все в порядке, я все отсняла. Пора сматываться.

– Это ты сматываешься, а я остаюсь.

Она чмокнула его в щеку:

– Чао, кузен. Если найдешь еще кого-то...

– Когда-нибудь ты мне объяснишь, зачем тебе все это нужно. Твоим байкам насчет фотовыставок я верю, дай бог, наполовину.

– Возьми и приезжай на днях. У меня сейчас выставка снимков обитателей лионских хосписов, и открылась она давным-давно. Чтобы привлечь толпу, нет ничего лучше болезни или какой-нибудь страшилки. И заметь: чем хуже страшилка, тем больше она нравится публике.

– Что до меня, то все эти плоскозадые и обезьяноподобные не в моем вкусе.

Когда Кассандра вернулась домой, она сразу бросилась к компьютеру, загрузила снимки и открыла программу просмотра изображений.

Час спустя, после трех бутылок пива, она вынула из цветного лазерного принтера фото формата 30 × 45.

– Супер... Нет, просто супер... Ох, бля... да это настоящее искусство.

Отключив хай-фай, она поставила альбом группы «Smashing Pumpkins»^[44] рядом с работами по челюстно-лицевой хирургии во время Первой мировой войны и спустилась в подвал, светя себе маленьким фонариком на батарейке. Под пеньюаром она была совершенно голая. Температура воздуха снижалась почти незаметно, и по щекам Кассандры побежали приятные мурашки.

Она вставила ключ в скважину старой деревянной двери, и раздался протяжный, визгливый скрип.

Согнувшись, она вошла в свою потайную комнату. Темно-красный палас, черные обои, тюфяк, пепельница в виде черепа и палочка гашиша. Повсюду множество фотографий. Костные наросты, разбитые лица, необычные деформации тел были искусно вмонтированы в портреты звезд: Микки Рурка, Джонни Деппа, Курта Кобейна.

Вентиляционное отверстие на противоположной стене выходило в сад. Кассандра заткнула его тряпочкой.

Только что отпечатанную фотографию она поместила на пюпитр напротив себя и глотнула еще девятиградусного пива. Голова слегка закружилась. Отлично, то, что надо.

При этом освещении иллюзия была полной. Просто-таки совершенной. Опустившись на тюфяк, она долго мастурбировала перед портретом Дэвида Боуи, которому «приделала» изуродованную руку Эрве Туреля, целый час просидев над цифровым монтажом.

И всякий раз перед оргазмом Кассандра тормозила, а потом начинала снова.

– Черт возьми, Дэвид, ты такой классный с этой рукой.

Около пяти утра ее заставил насторожиться треск сломанной ветки.

Она выключила фонарик и вся подобралась в темноте.

Там, снаружи, в саду, слышались чьи-то шаги.

Кассандра ощупью нашарила пеньюар и обнаружила, что тряпочка, которой было заткнуто вентиляционное отверстие, лежит на полу. Снаружи не было ни ветерка, и в отверстии сиял месяц.

Затычка не могла упасть сама собой.

– Это что ж такое... не может быть...

Она молнией метнулась наверх, схватила на кухне нож, подскочила к окну и распахнула его:

– Эй! Есть тут кто-нибудь?

Ни звука. Вдруг где-то вдалеке заработал мотор. Слегка пошатываясь, Кассандра направилась к входной двери. На другом конце аллеи, у самых деревьев, с места трогалась машина. Когда она проехала мимо фонаря, Кассандра смогла различить цвет. Белая. Нет, пожалуй, серая. Да, все-таки серая.

– Сволочь! Псих! Ну попадись ты мне!

Она осторожно вышла в сад и подошла к вентиляционному отверстию. И тут же зажала нос:

– Это еще что? Что за вонь, как из канализации?

Ее чуть не вырвало. Воняло падалью, разлагающимся мясом, гноем.

Трава вокруг была примята.

Она зябко потерла руки, покрывшиеся гусиной кожей. Пора уже действительно зацементировать эту чертову дыру.

Наверняка кто-то из больных стянул ее адрес. Этим должно было кончиться! Она ведь всем раздавала свои визитки. Среди публики, посещавшей ее выставки, обязательно шатались извращенцы или просто

психи.

Ей вспомнился тот тип из «Трех парок». Парень с длинными черными волосами, с раскалывающейся от недосыпа головой, постучал к ним в дверь, потому что заказал их номер. Номер шесть. А что, если это не был предлог, чтобы с ними познакомиться? А что, если это он у кого-то выведал ее адрес? Может, у портье? Нет... Она всегда была очень осторожна. И потом, «Три Парки» – не дворец какой-нибудь, где надо оставлять свои координаты. Платишь наличными, фотографируешь тайком и не гонишь волну.

Она вернулась в дом, закрылась на два оборота и в ярости отправилась спать.

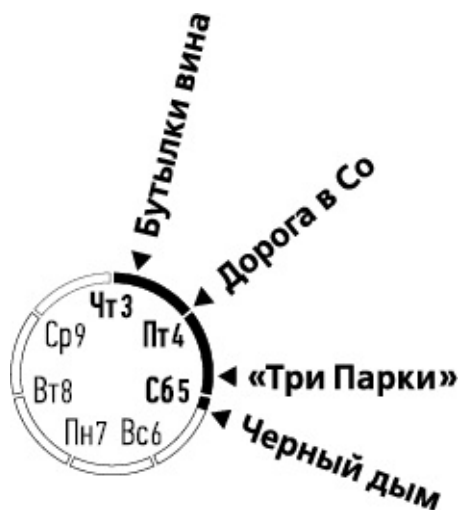
Проныра явно видел, как она мастурбировала перед своим собранием чудовищ.

И это ее решительно беспокоило.

27

Суббота, 5 мая, 04:05

Сон четвертый: Черный дым

Стефан бежал, кашляя, отплевываясь и держась рукой за горло. Перед ним по лестнице с криками металась тень. Повсюду клубился дым. Серое чудовище ярости и гнева лезло во все двери и нагло завладевало пространством.

Стефан бежал в противоположную сторону, не туда, куда все. Он неслся навстречу пламени.

Перепрыгнув через кожаный мешок, он подобрал с пола чей-то черный шарф и закрыл им нос. Перед ним была какая-то комната: вместо стекла в окнах плексиглас, большое зеркало, а к стене, сплошь покрытой надписями, скотчем приклеен лист белой бумаги.

Едва он собрался войти, как чья-то рука схватила его за воротник.

– Да ты спятил! Беги скорее, идиот! – прозвучал над самым ухом голос.

Стефан обернулся. Вокруг все пылало, все тонуло в дыму и исчезало, как мираж. Густой дым забирался в ноздри, в рот, ел глаза. Огонь завывал.

– Пару минут! – крикнул Стефан. – Всего еще пару минут! Он должен знать! Ему надо объяснить!

– Через пару минут будет поздно! Сгоришь живьем! Времени уже нет! Уходи!

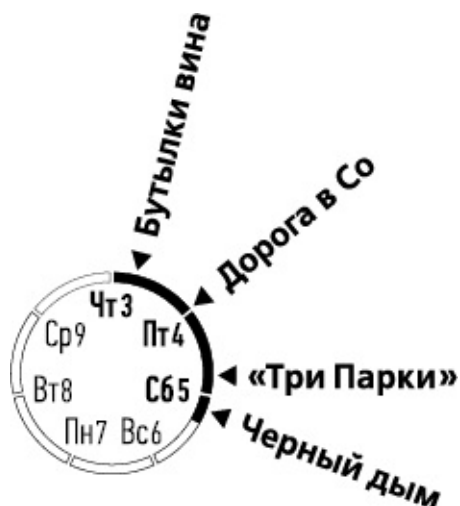
– Нет!

– Пошел отсюда!

Стефан бросил последний взгляд на комнату и скрепя сердце влился в поток тех, кто успел убежать. Во всеобщей неразберихе он с трудом различил два грубых черных солдатских ботинка.

Шатаясь, он остановился на лестнице отдышаться. Пространство перед ним вдруг резко сузилось, и наступила темнота.

Полная темнота.

Засунув руки в карманы, лейтенант Вик Маршалль бодро шагал по набережной Сены в лабораторию научного отдела. Порывами налетал ветер, солнце то и дело пряталось за тяжелыми, темными облаками. Весна явно не торопилась наступить.

Лейтенант Жоффруа по телефону попросил его забрать результаты биологических анализов фрагментов кожи, обнаруженных в правой руке Аннабель Леруа. Вик, со своей стороны, объяснил ему, что истории с гангреной привели его в «Три Парки», местечко, знакомое Леруа. Тогда Жоффруа тоже решил совершить туда небольшую эскападу вместе с неразлучным Ваном.

Сотрудника отдела биологических исследований, человека со строгим взглядом, звали Сезар Равиччи. Позади него дожидался еще кто-то. Он был пониже ростом, не обладал столь густой шевелюрой, и его манеры говорили о том, что он тоже кое в чем разбирается.

– Позвольте представить вам Этьена Ламбера, – объявил Равиччи. – Он специалист по эмбриональной медицине.

– Специалист по эмбриональной медицине? – переспросил Вик, здороваясь с ним. – Это имеет отношение к нашему расследованию?

– Более чем. Пойдемте.

В лаборатории научного отдела жизнь кипела вовсю. В этом всеобщем молчаливом сновании все было точно рассчитано и каждый

безукоризненно знал свою роль. Улики, добытые на месте преступления, поступали сюда из полуподвального этажа, где их классифицировали и отправляли по соответствующим отделам: в отдел баллистики, в отдел наркотиков, пожаров и взрывов, токсикологии, физико-химический отдел, отдел биологический... Здесь тщательно анализировали все невидимое не столько с целью определить мотивы убийцы, сколько с целью найти ту частицу его самого, что он оставил на месте преступления. Можно сказать, частицу его личной жизни.

Все трое вошли в отдел молекулярной биологии, где говорили по большей части о ДНК, РНК, о матрицах геномов и ПЦР^[45]. Им открылся мир пипеток, мониторов, микропробирок и микропластинок, центрифуг и криоконтейнеров. В этом мире человек и наука объединялись, чтобы добывать информацию из бесконечно малого.

Равиччи остановился перед стеклянными пластинками, между которыми располагались кусочки присланной на исследование кожи. Каждый препарат был снабжен соответствующим ярлычком.

– Вот фрагменты, найденные в руке жертвы. Мы их анализировали по технике ПЦР, наиболее быстрой из всех: эта техника не требует десятидневного ожидания результата.

Вик оглядел аппарат, похожий на гудящий муравейник, внутри которого что-то кипело. Такая демонстрация возможностей техники и человека в борьбе с преступлениями его впечатлила. Всякий раз, когда кто-то идет на убийство, ему и в голову не приходит, что он провоцирует миллионные затраты на оборудование и оплату труда десятков человек-призраков, которые, оставаясь невидимыми, будут заниматься погоней за невероятным.

– Что вам удалось обнаружить? – спросил он.

Равиччи взял два склеенных друг с другом стеклышка и в свете бестеновой хирургической лампы показал образчик. Свет пронизал кусочек кожи, которая стала прозрачной, как пленка яйца.

– Что нам сразу, еще до исследования, показалось странным, так это то, что образцы вели себя как змеиная кожа. Со здорового, нормально сложенного человека кожа не будет слезать лоскутами. После полуквантитативной ПЦР и других исследований мы обнаружили, что ген под названием Ежик Соник^[46] мутировал.

– Мутировал?

Тут заговорил специалист по эмбриональной медицине:

– Протеин SHH, он же Ежик Соник, играет важную роль в

эмбриональном развитии позвоночника, он активно воздействует на нервную трубку плода, которая... хм... как бы вам объяснить попроще... Она...

– Она как бы эскиз, набросок центральной нервной системы, в ней уже заложены головной мозг, спинной мозг, кожа и еще много разных вещей?

Этьен Ламбер одобритительно покачал головой:

– А вы-то откуда знаете?

– Мы с женой ждем ребенка.

– Обычно будущие родители вообще ничего об этом не знают.

– А я прочел немало исследований об... об эмбрионах... Мне нравится всюду сунуть нос... во все области, что придут на ум...

– Ладно, вернемся к нашим баранам. Мутация гена SHH вызывает различные врожденные аномалии и ослабляет эмбрион. Эти аномалии формируются в основном в период гастрюляции^[47], то есть спустя три недели с момента зачатия. Этот период наиболее опасен с точки зрения тератогенных отклонений.

– Тератогенных... Это что-то вроде тератологии?

– Учение о случаях врожденных аномалий в просторечии именуется учением об уродствах. Сразу после зачатия эмбрион абсолютно здоров. А уродство формируется в определенный момент внутриутробного развития. И в зависимости от того, насколько тяжела аномалия, ребенок родится и развивается, несмотря на очень большой риск погибнуть.

Вик разглядывал прозрачные стеклышки. Он вспомнил куклу-уродца с деформированным лицом, затесавшуюся в компанию других кукол.

– То есть, исходя из анализа этого кусочка кожи, вы теперь знаете, что убийца Аннабель Леруа страдал тяжелым врожденным заболеванием?

В разговор снова вступил Равиччи:

– Мы не думаем, что убийца обладал этой аномалией, потому что, как правило, в нашем случае носитель больного гена умирает очень быстро. Буквально через несколько дней.

Вик не был уверен, что понял правильно:

– Так убийца могло быть двое?

Равиччи, видимо, заметил его смятение, а потому обратился к Ламберу:

– Покажете ему?

Сжав губы, тот вытащил из кожаного портмоне фотографию и протянул ее Вику.

Полицейский нахмурил брови. На снимке был ребенок с одутловатым лицом, с огромными уродливыми ушами и с плотно прижатыми друг к

другу ножками, словно он родился в мешке, который сросся с кожей. Ламбер провел пальцем по глянцевой бумаге:

– Синдром «хвостового плавника», в данном случае с явными признаками симелии.

– Симелии?

– Да. Симелии, уромелии, а точнее, сиреномелии, синдрома русалки.

Вик помотал головой:

– Сиреномелии? Уж не хотите ли вы сказать, что...

– Фрагменты кожи, найденной в руке жертвы, принадлежат ребенку-сирене. Уверяю вас.

Вик провел рукой по лбу, не в силах оторвать взгляда от жуткой фотографии. Он изо всех сил стиснул в кармане мобильник – настолько сильно ему захотелось сразу же позвонить Селине, спросить, все ли у нее хорошо, не появилась ли где-нибудь боль.

Потом опомнился и взял себя в руки. Главное – делать свое дело, а от остального дистанцироваться.

– С вами все в порядке? – поинтересовался Равиччи. – Что-то вид у вас неважный. Это ваше первое дело?

– Да, я работаю всего три недели. А этот ребенок-сирена, он что, был... живой?

– Нет. Судя по пергаментному оттенку кожи, он был мертв. Кроме того, за крайне редким исключением сиреномелия несовместима с жизнью. Дети-сирены страдают не только сращением ножек, у них, как правило, нет ни мочевого пузыря, ни анального отверстия, нарушена функция почек и нижнего отдела позвоночника, не говоря уже о других нарушениях. Как уже сказал месье Равиччи, такие дети живут не дольше нескольких дней, точнее, нескольких часов.

Вик даже представить себе не рискнул, какую муку перенесла Аннабель Леруа, распятая на кровати, когда демон-мучитель поднес к ее лицу этого уродца. Стараясь сохранять хладнокровие, он спросил:

– Но где... и каким образом убийца смог достать такого... ребенка?

– Вы что-нибудь слышали о Freak shows? – ответил эмбриолог.

– Ярмарка монстров?

– Эти ярмарки монстров, как вы изволили выразиться, – не что иное, как выставки тератологических коллекций. Сиамские близнецы, двухголовые коровы, гермафродиты, фиброматозники и прочее. Самым известным из них остается Джон Меррик, человек-слон, но есть и много других: Кобельков, Эк, сиамские близнецы Блазек. Вы и представить себе не можете, какое собрание ужасов создает природа и что сейчас можно

обнаружить в некоторых крупных государственных или частных собраниях.

Вик указал на фотографию:

– Значит, ребенка-сирену взяли из коллекции?

Врач кивнул:

– Или из музея. Кожа, найденная у вашей жертвы, старая, ребенок умер не вчера.

– Спектральный анализ подтверждает, что на ней есть следы формалина, – прибавил Равиччи. – Судя по всему, мы имеем дело с уродцем, законсервированным в стеклянной банке, как в добрые старые времена.

Все трое молча переглянулись.

– Я факсом вышлю результаты Мортье, – сказал Равиччи.

– Значит, все-таки ДНК убийцы мы не располагаем?

– Нет, только ДНК вашего ребенка-сирены. Но не думаю, что это может вам пригодиться.

Вик старался сохранять ясность мысли:

– Как, на ваш взгляд, наш убийца мог предположить, что следствие отыщет след ребенка-сирены?

– Эти кусочки кожи он убрать не поторопился, хотя никаких собственных следов не оставил. Если он интересуется наследственными заболеваниями, что вполне возможно, учитывая специфику преступления и необычные вкусы жертвы... и хотя бы изредка смотрит модные сериалы, то, думаю, такие сомнения его посещали.

Выйдя из лаборатории, Вик не увидел бегущую воду Сены, не услышал ее плеска о борта пришвартованных лодок. Перед глазами у него стояла привязанная к кровати женщина, которая вот-вот закричит, увидев психа, сующего ей в руки эту ошибку природы.

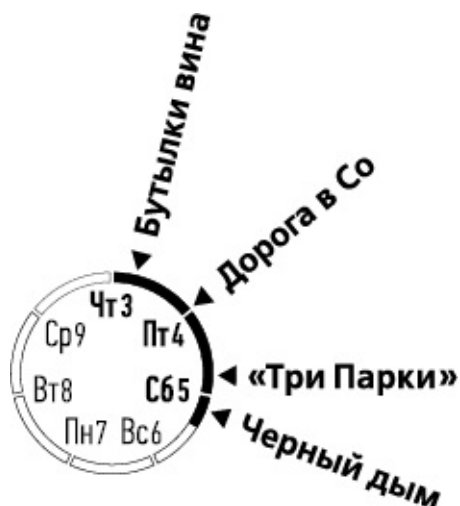
Аннабель Леруа любила общаться с людьми, обиженными природой, с несчастными уродами.

Ей хотелось сблизиться с Минотавром – запертым в лабиринте мифическим чудовищем, плодом постыдной связи женщины со зверем.

Но Минотавр сам до нее добрался.

29

Суббота, 5 мая, 10:34

Сидя за рулем «форда», Стефан был в бешенстве. Все пошло совсем не так, как он задумал. Он почти не помнил своего сна. Наверное, это из-за того, что выпил слишком много виски после ссоры с Сильвией. В памяти остались только обрывочные эпизоды. Все окрашено в красные тона, вокруг какой-то дым, задыхающиеся люди, на лестнице черные солдатские ботинки. И больше ничего. Появилась ли у *Стефана-из-будущего* татуировка на бедре, вернулся ли он в шестой номер, чтобы обнаружить послания на стене?

Стефан проклинал себя, ведь один из фрагментов пазла от него ускользнул. Он снова и снова возвращался к разговору с Джеки о парадоксах, о петле времени, параллельных мирах и о судьбе. И чем больше он об этом думал, тем меньше что-нибудь понимал. В кошмаре об отеле, к примеру, *Стефан-из-будущего* говорил по телефону какому-то Виктору, что совсем перестал видеть сны. Может, этот Виктор тоже сновидец? Проявит ли он себя как-нибудь в дальнейшем? Но в таком случае есть еще один *Стефаниз-будущего*, но будущего более отдаленного, и во сне действовал именно он? Стефан размышлял о ленте Мёбиуса, о которой говорил Джеки, обо всех случаях дежавю, и ему вдруг захотелось закричать. Это было похуже, чем куклы-матрешки. Наверное, сеанс общения с хорошим психиатром ему действительно не повредит.

Зазвонил телефон.

– Сильвия?
– Нет, это Эверар. Ты что, в игрушки играешь? Я уже два дня не могу тебе дозвониться! Муляж готов?
Эверар... Вот уж о ком он думал меньше всего.
– Я работаю. Скоро его получишь.
– Скоро – это когда? Предупреждаю: съемки начинаются в будущий вторник!

– Я же сказал, ты его получишь! Я его привезу в студию в крайнем случае в понедельник. Договорились?

– Это в твоих же интересах. У Мартинес характер о-гого, она может испортить настроение и королю, и всей свите. Знаешь, что нас ждет – да-да, и тебя тоже, – если мы запоздаем? Это записано в контракте, детка. Так что поторопись.

Стефан не заметил, как проехал на желтый свет.

– Подожди, не вешай трубку! – выкрикнул он. – Эктор Арье, он же Джон Лейн, в этом фильме, конечно, занят?

– Он делал две декорации, а что?

– Он сейчас здесь, рядом с тобой?

– Нет, думаю, он у себя, в Со.

– Дай-ка мне его телефон.

Стефан забил номер в телефон и еще раз сказал:

– Бюст привезу в понедельник, это последний срок. Чао!

Он отсоединился и сохранил номер Арье. А тем временем «форд» оказался на мосту через Уазу. По рассеянности Стефан чуть не выехал из Мери. Пришлось разворачиваться.

В голове теснилось слишком много образов и вопросов. Прежде чем сюда приехать, он заехал в Ламорлэ, чтобы разыскать почтовое отделение № 101, пресловутое «ПО 101» из надписи на стене в отеле. Он не был уверен, что речь идет именно о почтовом отделении и тем более что оно находится в Ламорлэ. Не важно, что в ПО 100 и ПО 102 он уже заезжал. В ПО 101 он забронировал ящик, понимая, что сможет им воспользоваться только в том случае, если принесет необходимые документы и заполнит анкету.

Он прекрасно сознавал, что действует по интуиции. Почему *Стефану-из-будущего* не доставало ясности в тех чертовых записях?

«Да потому, что *Стефан-из-будущего* – это ты, кретин, а в том, что касается ясности и объективности, ты никогда не был силен. Ты всю жизнь только тем и занимался, что потягивал винцо, а это накладывает отпечаток».

Стефан заметил впереди жандармерию, затормозил и дал задний ход. Потом на несколько минут задумался. Эти люди в форме, а скорее всего, их двойники в будущем, возможно, отслеживали *Стефана-из-будущего*.

Он припарковался чуть выше жандармерии, прошел немного пешком и, прежде чем войти в здание, надвинул каскетку поглубже на глаза и спрятал под нее длинные волосы.

– Я хотел бы поговорить с капитаном Лафаргом, – обратился он к дежурному капралу.

Стефан запомнил имя жандарма, который в одном из его снов давал интервью на радио и руководил расследованием гибели Мелинды.

– Как о вас доложить?

Стефан был обескуражен:

– Значит, он действительно существует?

– Кто?

– Лафарг.

Капрал смерил его удивленным взглядом:

– Уверяю вас.

– А... что он сейчас расследует?

Капрал упер руки в боки:

– Чего именно вы хотите, можно поточнее?

– Прощайте. Надеюсь, навсегда.

Стефан на четвертой скорости рванул к «форду», вскочил внутрь и направился к первой из пяти начальных школ, адреса которых ему удалось раздобыть. Он ехал на поиски Мелинды.

Когда он вошел в здание с зеленой крышей и кирпичными стенами, у него защемило сердце. Сколько же лет он уже не был на школьном дворе? Сколько лет не слышал детских голосов?

На полу были начерчены классики, в желобках лежали выдавшие виды стеклянные шарики. Ветер колыхал верхушки каштанов, на которых уже распустились первые почки. Перед ним снова возник мир носящихся между деревьями детских ватаг, мир волшебных конфет, которые красили зубы в сиреневый цвет и взрывались на языке, мир, где была дорога к дому приемных родителей, а за домом вырисовывались силуэты Вогезских гор.

Стефан с ностальгической улыбкой остановился возле одного из классов. Учительница писала мелом на доске, а ученики старательно, высунув язык от напряжения, переписывали слова в тетради. У них за спиной виднелся живой уголок, населенный палочниками и божьими коровками. А вокруг – целый хоровод ярких детских рисунков.

Он остановил взгляд на белокурой девочке с прекрасными голубыми

глазами. Как у Сильвии. Как у Людивины Кокель. Июль 1992-го.

– ...послушайте?..

Стефан обернулся.

– Вы что-то ищете? – спросила женщина с забранными в конский хвост волосами.

Он снял бейсболку.

– Вы директор школы?

– Именно так. Разве вы не знаете, что вход за ограду школьного здания запрещен?

Сквозь оконное стекло Стефан разглядывал рисунки на стенах.

– Мальчишкой я часто рисовал радугу. А внизу обязательно нацарапывал фигуру человечка в сером костюме, совсем маленького, почти невидимого. Если рисовал домик, то обязательно и его тоже. Иногда человечек оказывался в небе, иногда под землей, а временами куда-то прятался, но всегда был. Но я никогда не знал, зачем я его рисую, и никто никогда не мог мне этого объяснить. А вы бы могли?

Женщина, слегка удивившись, скрестила руки на груди:

– Нет. Может, это вы мне объясните, почему вы находитесь здесь, возле дверей начальной школы?

Стефан посмотрел на нее с улыбкой:

– Я разыскиваю Мелинду. Хочу узнать, учится ли она в вашей школе.

– Какую Мелинду?

– Я не знаю фамилии, ее мать вышла замуж во второй раз, и я не знаю фамилии ее нового мужа. Знаю только, что девочке сейчас должно быть десять лет.

– Кто вы?

– Я ее дядя. Дядя, который не виделся с ней с тех пор, как ей было три годика. С ее матерью мы не особенно ладим. Но девочку мне бы хотелось повидать. Она, наверное, очень изменилась. Сегодня вечером я улетаю в Нью-Йорк, так что...

Директриса сразу приняла строгий вид:

– К сожалению, ничем не могу вам помочь. Мы в ответе за наших учеников. Если вы желаете забрать ребенка после занятий, для этого нужно разрешение обоих родителей, полученное от них лично.

– Но я не собираюсь ее забирать! Я хочу только на нее посмотреть!

Она легонько подтолкнула Стефана в спину в сторону выхода. Но он не подчинился и крепко ухватил ее за запястье:

– Сообщите мне хотя бы ее фамилию! Скажите только, учится она у вас или нет!

Она решительно высвободила руку:

– Пожалуйста, уходите! Иначе я вызову полицию!

Стефану хотелось крикнуть, что, может быть, скоро Мелинду найдут мертвой на дне карьера, но он сдержался. Не сопротивляясь, он покорно пошел к выходу. Эта старая карга не оставила ему ни малейшей возможности.

Он дошел до припаркованной вдалеке машины и уселся в нее. Приходилось быть осторожным, особенно вблизи школьных территорий, чтобы никто не списал его номеров.

Теперь он поехал к другой школе, стоявшей в верхней части Мери, у самой опушки леса, и поставил машину за грузовичком, так чтобы видеть выходы из классов.

В половине двенадцатого из школы выплеснулся поток ярких красок и громких выкриков, замелькали белокурые и темноволосые детские головки. Родители смеялись, что-то с ними обсуждали, спрашивали, как прошел день. Какое же это счастье – заходить за ребенком в школу, наблюдать, как он растет, как развивается. Стефан стиснул руль. У него не было родителей, ни биологических – он не знал, кто они, – ни приемных – он с ними больше не общался. И у него никогда не будет детей.

Он разглядывал одного за другим ребятишек, проходивших мимо него. Шумная, галдящая ватага, в ореоле жизни, с растрепанными ветром волосами. Может, среди них была и малышка Мелинда. Грузовичок тронулся с места и плавно исчез за поворотом дороги. Теперь «форд» оказался без маскировки. Стефан решил выйти из машины и отойти еще дальше.

Был уже почти полдень, когда из школы вышел какой-то человек и запер на ключ калитку в решетке забора.

Стефан быстро вернулся к школе, подошел к решетке и перелез во двор. С той стороны он поскользнулся и упал на левый бок. Записная книжка вылетела из кармана, и выпавшие листки подхватил ветер.

– Нет!

Он вскочил, пытаясь их поймать, но пять или шесть страничек уже исчезли где-то на улице.

– Не может быть!

Зажав в одной руке записную книжку, в другой листочки, он, прихрамывая, завернул за школьное здание. С этой стороны никто не мог его заметить.

Он перевел дыхание, помассировал ушибленный бок и пошарил в кармане. Мобильник был на месте. Однако, открыв крышку, он обнаружил,

что экран разбился.

Ему захотелось хлопнуться на землю и бросить все к чертовой матери. Короткая стрижка Сильвии, разбитый мобильник – все как во сне. Начали сбываться мелкие, незначительные подробности.

Пора было все прекращать. «Держаться подальше от Мелинды».

Оставалось только повернуть назад с этого пути, но он все же решил идти дальше. Судьбе было угодно, чтобы он отступил. Но может быть, если он спасует, то все как раз и сбудется. Как знать?

Нет уж, он продолжит!

Стефан вложил оторванные листки обратно в записную книжку. Чего же там недостает? Части второго сна, «Дороги в Со», где он ворвался к Арье с «зиг-зауэром». И еще конца его приключений в «Трех Парках», когда он сбежал в лес.

Положив книжку в карман, он снял куртку, обернул ею кулак и ударил в угол оконного стекла. На землю посыпались осколки.

Спустя несколько минут он уже вошел в кабинет директора и ударом ноги вышиб запертую дверцу шкафа с личными делами учеников.

Куртку он с руки не снял, чтобы не прикасаться ни к чему.

Мелинда, девочка десяти лет, должна была учиться в первом или во втором классе средней ступени. По счастью, имя Мелинда не очень распространено. Это не Клэр и не Мари. Внимательно проверив списки, Стефан нашел двух Мелинд, но они учились в разных классах.

Не повезло.

Порывшись еще немного, он нашел личные дела обеих девочек.

Прежде всего он заинтересовался Мелиндой Потье. Рыженькая, круглое личико все в веснушках до самого подбородка. Очень миловидная. Живет в Мери с отцом-дантистом и матерью-домохозяйкой.

Затем он склонился над другим личным делом. Мелинда Граппе улыбалась, и у нее не хватало одного зуба. Лицо обрамлено светло-каштановыми локонами, зеленые глаза, на шее крестик. И вдруг между девочкой и Стефаном возникла неодолимая связь. Он снова испытал необъяснимое ощущение дежавю. И понял, что это она.

Стефан записал адрес и поставил личные дела на место. Конечно, после его вторжения со взломом начнется следствие, но все спишут на подростков. Вряд ли кто доберется до него.

Лоб у него взмок от пота, но Стефан благополучно дошел до автомобиля, никого по дороге не встретив.

Он не даст в обиду свою Мелинду. Не расстанется с ощущением, что судьба девочки лежит в его ладонях...

Десять минут спустя он уже парковался возле бара напротив дома Граппе, красивого особняка из белого камня, с садом, выходящим на Уазу. Должно быть, они были дома, потому что на аллее стояло две машины.

Как же теперь поступить? Войти и как ни в чем не бывало рассказать о своих видениях? Поведать, что ребенок, возможно, утонет в карьере, в том месте, куда запрещено заходить? Да еще и прибавить, что он будет главным подозреваемым? Невозможно.

И почему станут подозревать именно его, почему по радио передадут его приметы? Какую роль он сыграет в этой истории? Он вспомнил послание *Стефана-из-будущего*, написанное на ковре в номере «Трех парок»: «Держаться подальше от Мелинды». Неужели *Стефан-из-будущего* не мог выразиться поточнее? Да нет, ведь недосказанность, послания, которые невозможно разобрать, туман в голове – все это он, Стефан Кисмет.

Так что же? Остаться в стороне и дать девочке погибнуть? Позволить какому-то садисту ее похитить, изнасиловать и утопить?

Кто-то поставил эту очаровательную малышку у него на пути. Может, тот маленький человечек в сером, которого он с шести лет всегда нацарапывал на своих рисунках? Может, этот фантом и был *Стефан-из-будущего* и он пытался с ним заговорить? Может, с помощью снов, вечно ускользавших из памяти, он предупреждал о грядущих несчастьях, которые произойдут через много-много лет? А что, если он все время его сопровождал, только со сдвигом во времени на шесть дней?

Стефан вжался в сиденье автомобиля, словно вдруг понял смысл собственной жизни. Словно внезапно осветились все ее темные стороны.

Половина второго. Сердце отчаянно забилося.

Мелинда вышла из дому, одетая в светлое платье, белые носочки и красные ботиночки. Крестик висел поверх платья. До чего же славная девочка...

Сквозь стекло автомобиля Стефан незаметно сфотографировал ее и положил цифровой фотоаппарат на пассажирское сиденье.

Выскочив из автомобиля, он уже готов был перейти улицу, как вдруг услышал мужской голос:

– Мелинда, подожди нас, пожалуйста!

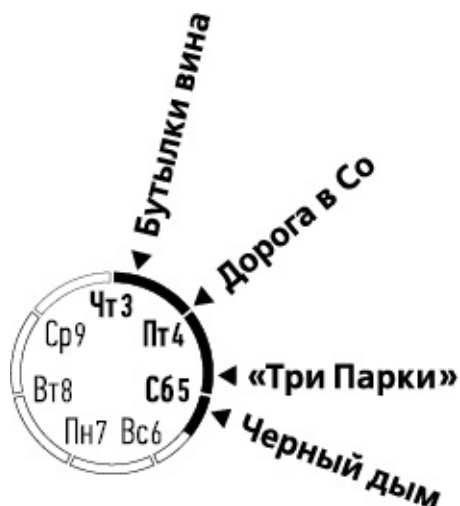
Стефан быстро сменил направление и, отойдя на достаточное расстояние, обернулся. Мелинда с родителями садились во внедорожник.

Машина проехала мимо него. Приложив ладошку к стеклу, девочка безразлично посмотрела на Стефана и надела наушники.

Автомобиль исчез за поворотом улицы.

Стефан посмотрел на часы и решил, что не пойдет к психиатру. Он останется здесь и будет терпеливо ждать и наблюдать. Монстр захочет похитить Мелинду через несколько дней. Не исключено, что этот мерзавец уже разведывает территорию.

Если это так, Стефан его обнаружит. И будет действовать сообразно обстоятельствам.

– Теперь давай ты, Маршалъ.

Ван, Жоффруа, Мортъе и Вик сидели в маленькой комнате без окон. Им пришлось выехать из своего кабинета по причине ремонта: в здании меняли водопровод, газовые трубы и электропроводку. Еще несколько дней – и опустевшее, сияющее чистотой помещение будет готово принять вновь прибывших из Министерства юстиции.

Вик допил кофе, купленный в автомате, и взял слово:

– Сначала о том, что касается улики. Мы выявляем те учреждения, где могут в качестве экспонатов храниться дети-сирены: музеи, больницы, выставки. По морфину на данный момент требуется слишком широкий поиск. *Idem*^[48] расширитель и куклы тоже требуют больше времени, потому что непонятно, где искать: ареал поиска весьма расплывчат. Следы, оставленные пораженными гангреной частями тела, нам тоже мало что дали. Но мы, по крайней мере, знаем, что Леруа время от времени появлялась в отеле под названием «Три Парки», чтобы удовлетворить свои фантазии. Мо и Жером сегодня утром выяснили, что отель служит местом свиданий... так называемых «монстров» с «обожателями», то есть с теми, кто ищет встречи с «монстрами»: пострадавшими в авариях, обожженными, изувеченными.

– Скоро у нас будет немало информации по этому вопросу, – вмешался Жоффруа. – Мы отправили туда двоих людей, чтобы нашли и допросили

давних клиентов заведения. Вполне вероятно, что Матадор и сам принадлежит к числу любителей извращенного секса, и я не удивлюсь, если окажется, что отель ему известен.

– А Жюльетта Понселе, наша садомазо, любительница текилы, не знает о заведении? – спросил Мортье.

– Нет, – отозвался Ван. – Ее там ничто не привлекает, у садомазо нет ничего общего с этими... бредовыми обожателями физической неполноценности.

– Ну да, хотя не знаю, что лучше: позволить, чтобы тебе топтали ногами яйца, или трахаться с бородатой теткой.

Все улыбнулись, а майор снова обратился к Вику:

– Продолжай, Маршал.

– Э-э... Насчет улик у меня больше ничего. Поговорим о мотивах?

Мортье покрутил в руках потухшую сигарету.

– Этим занимался Жоффруа. Давай, Жоффруа.

Поджав губы, Вик вернулся на место. Слово взял лейтенант в черной косухе:

– Я полагаю, все согласны, что мы имеем дело не с простой местью, а с чем-то более сложным?

– Например? – спросил Мортье.

– Например, с деянием преступника, который получает удовольствие, убивая жертву. Он рассматривает убийство как удовлетворение своих неосознанных стремлений или фантазий. Он испытывает оргазм при контакте с увечьем, со страданием, с извращением. Давайте поговорим о самом акте преступления. Прежде всего преступник придает огромное значение прикосновениям. Он долгое время массировал тело жертвы, натирая его уксусом, прежде чем медленно воткнуть в него иголки. Следы кукурузного крахмала говорят о том, что он снял перчатки, когда орудовал между бедрами жертвы. Ему был необходим телесный контакт. Но он не желал, чтобы жертва к нему прикасалась. И он не только ее накрепко привязал, а пошел еще дальше: он лишил ее трех самых чувствительных тактильных зон: мякоти пальцев, губ и кончика языка.

– А я вот сейчас притворюсь невеждой и задам глупый вопрос, чтобы удостовериться, что V8 все понимает. Почему он не желал, чтобы она к нему прикасалась?

Вопрос вызвал приступ хохота у всех, кроме Вика. Жоффруа снова заговорил:

– Может быть, она вызывала у него отвращение, он ею брезговал. Об этом говорит уксус. Матадор не стремился оградить жертву от заражения,

он ее дезинфицировал. Он считал ее грязной, нечистой, потому что она целовалась с «монстрами».

Вик был вне себя. Жоффруа передал слово в слово все, что он успел ему рассказать перед совещанием. А Вана, это, похоже, забавляло.

– В этом деле все нас приводит к врожденным заболеваниям и физическим увечьям: куклы, пристрастия самой Леруа и то, что выбор пал на ребенка-сирену. Все это позволяет предположить, что наш убийца страдает каким-то тяжелым физическим недостатком, вызывающим сильные боли, недаром он пользуется морфином. Однако с самого начала глаза жертве он не завязал, значит хоть и не желал, чтобы она к нему прикасалась, но посторонний взгляд переносил. Можно предположить, что это человек немолодой и он уже смирился, что он не такой, как все. Или, допустим, он страдает какой-то внутренней болезнью, без внешних признаков, что существенно усложняет нам задачу.

– Внутренней? То есть?

– Понятия не имею. Надо спросить специалиста. И не важно, стыдится ли Матадор своей болезни сейчас. Убивая, он хочет продемонстрировать свою силу. Если же идти до конца в гипотезе, что Матадор болен, то вполне вероятно, что болезнь доставляла ему немало страданий с детства: насмешки, издевательства, особенно в коллеже или в лицее. И прежде всего восемнадцать кукол представляли в его глазах, к примеру, девочек из его класса, когда он был маленьким. Или публику. Рядом с нормальными людьми – он сам, от них отличный.

– Неплохо, – заметил Мортье. – Кстати, по ходу дела заметьте, что надо бы покопаться в прошлом Леруа. Он мог быть с ней знаком после коллежа, или что-то в этом роде. Можете себе представить фото класса с Человеком-слоном посередине?

– Теперь Матадор не выносит таких людей, как Леруа, тех, что пользуются людскими несчастьями, чтобы удовлетворить свои фантазии. Для него она – символ всех перенесенных когда-то унижений, и он решил избрать ее объектом мести. И в этом смысле выбор ребенка-сирены не так уж безобиден. За красивой, обворожительной внешностью она остается созданием аморальным, и у нее одна цель: заманивать несчастных в ловушку. И для него она – воплощение мифологического монстра.

– Зло карается злом.

– Вот-вот. И к тому же заметим, что Матадор стремится к абсолютной власти, он прекрасно организован и не подвержен панике. Тот бомж, хотя мы и не можем ему особенно доверять, все же рассказал о сером автомобиле, из которого Матадор преспокойно, как ни в чем не бывало,

доставал свое оборудование: кукол и ребенка-сирену. – Он на секунду замолчал, потом продолжил: – Но нам следует принять во внимание и то, что убийцей может оказаться женщина.

– Женщина? Думаешь, баба на такое способна?

– Точно так же, как я до сегодняшнего дня никогда не видел, чтобы женщина побуждала своего партнера ампутировать себе пальцы или руку.

– Нам об этом рассказывал парень из «Трех парок», – подчеркнул Ван, – Грегори Маше. Женщина, которая регулярно приходила к нему трахаться, вынудила его себя изувечить. Он давно с ней не виделся, но у нас есть ее приметы, надо ее найти.

– Это все?

– Все.

– А тот факт, что он снимал жертву на видео?

– Думаю, это способ продлить удовольствие, – ответил Жоффруа. – способ без конца оживлять убийство в памяти.

Мортье лениво заплодировал:

– Недурно. Все это психоаналитическая болтовня, но надо признать, что она весьма подходит к моей идее. Штучки несомненного извращения, но подготовленные и разработанные прекрасно. Ладно... Кто-нибудь поработал по теме врожденных заболеваний?

Никто не отозвался.

– Я хочу знать, наблюдаются ли такие больные в специализированных центрах и какие заболевания и по каким причинам могут спровоцировать физические уродства, заметные, малозаметные или вовсе не заметные. Мне нужен список учреждений и пациентов, его надо сопоставить со списком тех, кто употребляет морфин. Это может дать результат. Жоффруа, возьми на себя прошлое Леруа. Ван, ты займешься ребятами из «Трех парок» и допросишь их на свое усмотрение; если понадобится, допросишь всех. Маршаль, ты уже начал копать во врожденных заболеваниях, вот ими и займись. Ну, что еще? Обильный пот? Запах разложения? 78 из 100? Украденные предохранители? Что думаете?

Все трое замотали головой.

– Ну-ну... Маршаль, так что там, в смысле остального?

– Лейтенант Жоффруа все сказал. У меня лучше не получится. – Вик помедлил и добавил: – Разве что... Вы позволите отправить фото места преступления моему другу? Он врач и увлекается историей.

– Ты что, издеваешься?

Вик сразу сделался как будто ниже ростом. Майор буквально уничтожил его взглядом.

– Я бы хотел, чтобы он как можно скорее взглянул на место преступления. Он человек крепкий. Это ведь он подкинул нам мысль насчет укуса. Послушайте, если убийца хотел оставить послание, он вполне мог для этого особым образом расположить фигуры на месте преступления. Позы кукол явно неестественны, они напоминают позы матерей, которые пытаются защитить своих детей. Я уверен, что здесь мы имеем дело с выстроенной мизансценой. Что же до выражения лица жертвы, то оно застыло в крике. Может, убийца следовал точной схеме?

– Слушай, не заводи снова эту шарманку, иначе я тебя выгоню на все четыре стороны.

Вик робко кивнул, и тут его вниманием целиком завладел зажужжавший в кармане мобильник. Он извинился и вышел.

Секунд через тридцать он снова открыл дверь:

– Господин майор?

– Что?

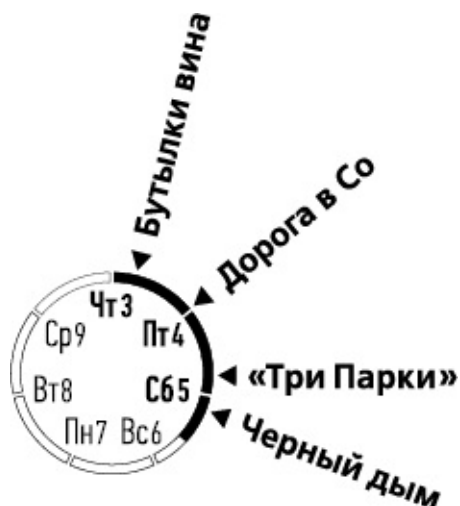
– Насчет ребенка-сирены все выяснилось. Это была кража. Хранитель еще три месяца назад подал заявление, обнаружив, что дверь музея взломана.

– Бинго! А что за музей?

– Музей Дюпюитрена, посвященный врожденным заболеваниям.

31

Суббота, 5 мая, 16:07

Вик торопился завершить рабочий день и покончить на сегодня со всеми ужасами и имбецилами, которые запрудили ему дорогу. Вечером он планировал повезти Селину выпить стаканчик на Елисейских Полях, а потом сводить ее в конголезский ресторан и отведать курицы с пальмовым кремом по-моамбски и жареного мяса крокодила или антилопы. Ему очень нравилась такая программа: прямо с красивейшей в мире улицы окунуться в глубины дикой Африки.

С улицы Медицинской Школы лейтенант прошел прямо на факультет, где в этот день не было ни одного студента. Под длинными аркадами гулко раздавались только его шаги, и он почувствовал, как по телу побежали мурашки.

Ашиль Дельсар терпеливо стоял у входа, перед тяжелой деревянной дверью музея. Вик ожидал увидеть замшелого старичка, но хранитель оказался парнем около метра восьмидесяти ростом, с коротко стриженными волосами. Он сиял молодостью и был почти красив в белом халате и кроссовках «Найк». Оба пожали друг другу руки. Вик изобразил на лице приветливую улыбку:

– Очень любезно с вашей стороны, что вы меня встретили. Я знаю, факультет закрыт и...

– Правда, не стоит благодарности. Я воспользуюсь возможностью здесь кое-что разобрать. Черепа, кости – в общем, обыкновенная рутина. И

потом, всегда приятно принять на факультете людей со стороны.

– Я вас в любом случае надолго не задержу. У меня на сегодня есть некоторые обязательства...

– По отношению к супруге, которая вас ждет?

Ашиль показал свое обручальное кольцо:

– Я прекрасно понимаю, о чем речь.

Вик кивнул и указал на новый замок:

– Вы расскажете, что произошло?

– В феврале я обнаружил, что замок взломан. Это было около восьми утра. Я немедленно подал заявление районному комиссару. Это первый случай за все время существования музея.

Вик подошел к двери, обернулся и огляделся вокруг. Аркады, сад в центре, сотни окон учебных аудиторий на каждом этаже...

– А с какого времени существует музей?

– О, с 1835 года. Гийом Дюпюитрен, профессор факультетской хирургии, отдал часть своего состояния на создание кафедры патологической анатомии. Ныне кафедра получает финансирование из одного солидного частного фонда, что позволяет нам развиваться, устраивать весьма качественные выставки и проводить исследования в области врожденных аномалий.

– И кто стоит за этим частным фондом?

Ашиль жестом пригласил собеседника войти в музей.

– Один старый коллекционер, его координаты хранятся вместе с административными документами. Если хотите, я вам их дам, когда будете уходить.

Вик достал из кармана мобильник. Почти разряжен, это уже начинает становиться привычным делом.

– Прекрасно. Для студентов-медиков вход в музей бесплатный?

Они прошли мимо архива, где хранились сотни бюллетеней Анатомического общества Парижа и книги обо всех видах рака, опухолях и кистах. Затем они очутились перед длинными застекленными полками. Вик был заинтригован, его распирало от любопытства. Конечно, все эти уродства его отталкивали, но, с другой стороны, он не мог не признать, что его к ним влечет.

– Разумеется. Студенты могут сюда заходить когда захотят. Дюпюитрена обязан посетить каждый из них, тем более что музей открывается только после обеда.

Вик бросил взгляд на афишу фильма Тода Браунинга «Уродцы»^[49], вышедшего в 1932 году.

– Этот фильм – настоящий шедевр, – пояснил Ашиль. – Он объединяет огромное количество диких того времени: там и человек-ствол, и микроцефалы, и лилипуты. Но давайте вернемся к студентам. У нас хранятся единственные в Европе экземпляры, которые каждый медик просто обязан увидеть хотя бы раз в жизни.

– Семипалые руки или ступни с восемью пальцами?

– И еще руки, которые могут гнуться во все стороны, руки, которые двигаться не могут, ладони с перепонками, со слоновостью среднего пальца или вообще с гипертрофией пальцев. Только об одних руках я могу рассказывать целый день.

Вик не смог удержаться, чтобы не взглянуть на скелеты в отдалении. Огромные черепа, деформированные кости – ни дать ни взять привратники у входа в мир невероятного.

– Расскажите мне об украденном экспонате.

Ашиль Дельсар вытянул руку:

– Пойдемте вон туда, вглубь музея. А могу я узнать, почему через три месяца после кражи ею интересуется следственная бригада?

– К сожалению, этого я вам сказать не могу.

Вик внезапно остановился перед серией ужасающих портретов.

– Эти фото не принадлежат музею Дюпюитрена, – пояснил Ашиль. – Нам их предоставил для выставки Медицинский музей Брюсселя. Пойдемте, я все вам покажу.

Они подошли к огромному плакату с изображением Человека-слона.

– А знаете, что общего между Джоном Мерриком и Джеком-потрошителем?

– Я полагаю, что оба они отображают представление об уродцах, каждый на свой лад, – ответил Вик. – Один – урод физический, другой – моральный.

– Хуже: их чуть ли не считали одним человеком. В 1888 году этот дуэт занял первую полосу многих газет. С точки зрения людей того времени, только такие, как Меррик, могли совершать преступления, жестокость которых прославила Джека-потрошителя. Подозревать Меррика – чистый абсурд, учитывая, что он вообще с трудом передвигался. Но в глазах толпы Джек-потрошитель не мог выглядеть как человек с нормальным телом и нормальным лицом, как мы с вами.

– Они еще не знали Теда Банди и Роберто Сукко.

– И в литературе, и в кино этих двух персонажей постоянно объединяют, причем делают это тонко и незаметно. Патрисия Корнуэлл^[50] в своей работе о Джеке-потрошителе приводит Меррика и Хайда. Альберт

и Алан Хьюги в своем фильме «Из преисподней» не могут удержаться, чтобы вскользь не упомянуть Меррика. Но отчего бы не упомянуть художников, писателей, артистов того времени? Вряд ли стоит систематически объединять бедолагу, страдающего редчайшим недугом – синдромом Протея^[51], с ужаснейшим из преступников, каких когда-либо порождало человечество. Что бы там ни говорили, а Меррик умер в двадцать семь лет не от своей болезни, а от отчаяния.

Вик согласно кивнул. Ашиль подошел к одному из портретов и поправил его.

– Имя этой женщины – Грейс Макдэниелс. Она страдала врожденным заболеванием под названием «синдром Стерджа-Вебера»^[52]. Снимок датирован 1935 годом. Несчастная победила в конкурсе самых уродливых женщин мира и стала звездой одного из знаменитых американских шоу. Она умерла в сорок лет. К тому времени в ее лице не осталось ничего человеческого, и тем не менее почитатели сотнями приходили к ее смертному одру, чтобы за деньги полюбоваться на нее.

– Ужас какой...

– Что – ужас? Она сама или такое поведение людей?

– Поведение людей, падких до болезненных образов.

Ашиль кивнул:

– Сегодня все ополчаются на малейшие морщинки, накачивают себе губы ботоксом, но едва мои посетители переступают порог этого места, как у них появляется реальная оценка действительности, и выходят они почти счастливыми, оттого что здоровы.

– Да уж, здесь понимаешь относительность.

– Все эти создания, все эти скелеты в витринах были живыми людьми. В Древней Греции их сбрасывали в пропасть, в Средние века сжигали на кострах как еретиков, а в начале двадцатого века стали называть странными и гнусными прозвищами: Неописуемый, Ирландский Пес, Человек-слон, Женщина-кит. Был еще Нервио Ноно, человек, который даже стоя касался руками земли. Ребенок рождался волосатеньким, а мать обвиняли в совокуплении со зверем, а то и с самим дьяволом. Таким женщинам плевали в лицо, забрасывали их камнями.

Вик задержался возле других фотографий, еще страшнее этой. Потом двинулся дальше и постарался снова перевести разговор на расследование:

– А что, все врожденные аномалии и заболевания заметны?

– Нет, не все. Глаз останавливается прежде всего на тех, что поражают лицо или видимые части тела. Но есть многие скрытые, интимные, как, к

примеру, гермафродитизм, волосатый язык, беспорядочный рост зубов.

– Беспорядочный рост зубов?

– Такие зубы могут доставать до носа, упираться в небо, подпирать язык и даже доставать до век.

То, что открывалось Вику, выходило за пределы его понимания.

– А еще?

– О, существует бесконечное количество разных случаев, более или менее очевидных. Деформация голосовых связок, как у Тино Росси, сердце, расположенное справа (такую аномалию называют *situs inversus*), или оба легких с одной стороны грудной клетки. Или внутренние кисты весом в несколько килограммов. Рекорд – то ли шесть, то ли семь. Иногда аномалия касается только характеристик крови. Есть люди с очень редкими группами крови. Во всем мире существует меньше десяти человек с группой А-Н. В Детройте живет Джо Томас, его организм производит огромное количество редчайших антител, анти-Льюис-В, и он продает свою кровь по тысяче пятьсот долларов за литр серьезной биологической ассоциации. За пятьдесят лет он сдал почти тонну крови.

Они проходили мимо склянок и восковых муляжей. Ашиль остановился перед крупным стеклянным сосудом, в котором, рядом с котом-циклопом и зародышем без головы, находился ребенок-сирена.

– Вор унес только экземпляр женского пола, – сказал он. – Мертворожденный ребенок, экспонат датирован 1956 годом.

В сосуде плавало существо с застывшей гримасой на личике, сквозь прозрачную кожу опущенных век просвечивали сосуды. Крошечные ножки без ступней были словно спеленуты избытком кожи.

– А... больше он ничего не украл? – спросил Вик.

Ашиль помотал головой:

– Нет, и это показалось мне странным. Какой-то чудной коллекционер: ведь в музее полно гораздо более интересных экспонатов.

«Знал бы ты, что он сделал с сиреной...» – сказал себе Вик, делая запись в блокноте.

– И никаких свидетелей?

– Я обнаружил пропажу в понедельник утром. У этого факультета нет охранной системы, сюда может войти кто угодно.

Вик подумал, что убийца должен был заранее разведать место.

– А списки посетителей вы храните?

– Нет. Я даю билеты, и те посетители, кто не учится в институте, платят пять евро, по большей части наличными.

– Я полагаю, вы не заметили ничего необычного? Может быть, кто-то

заходил несколько раз подряд? Может, обладал выраженной аномалией?

– К нам постоянно заходят люди с выраженными аномалиями. Они приходят, чтобы успокоиться и, возможно, почувствовать себя хоть немного менее... иными. Но дать вам их координаты я не могу.

Вик достал из кармана фотографию Леруа:

– Эта женщина вам знакома?

Ашиль взял фото и внимательно его рассмотрел:

– Нет, никогда не видел. По крайней мере, мне так кажется. Но в любом случае могу вас заверить, что она не с этого факультета. Я бы ее заметил.

– Да, я могу подтвердить, что она не с этого факультета.

Вик убрал фото в карман. Еще одна версия зашла в тупик. Он протянул свою визитку Ашилю и заторопился уйти. Было пора позабыть о работе и ехать за Селиной.

– Позвоните мне, если что-то вспомните, хотя бы одну деталь.

Ашиль опустил голову:

– Не знаю, будет ли вам это интересно... Вчера после обеда приходил какой-то мужчина с женой. Любопытно, но он что-то искал, сам не зная, что именно. Он осмотрел музей и любой ценой пытался у меня выведать, не случилось ли здесь чего-нибудь из ряда вон выходящего. Разумеется, я ему ничего не сказал, и прежде всего потому, что он был очень агрессивен. Можно было подумать, что он проводит расследование, как и вы.

Вика словно плетью хлестнули. Сначала вчера вечером в «Трех Парках», теперь здесь, в музее Дюпюитрена.

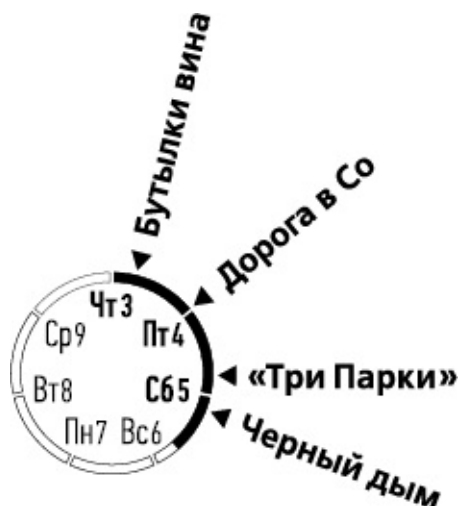
– Расследование? По какому поводу?

– Я уже сказал, я не знаю. Более того, он и сам не знал. И он тоже просил ему позвонить, если произойдет что-нибудь подозрительное или кто-нибудь начнет задавать странные вопросы. Видимо, он предвидел ваш визит.

– Он просил вас позвонить? Значит...

Ашиль с гордостью вытащил из кармана визитку:

– Вот координаты этого типа. Вас они интересуют?

Мобильник у Вика почти разрядился, и он его отключил, свернув на Ламорлэ возле дорожного указателя «Прибрежная аллея». Полтора часа назад, выйдя из музея Дюпюитрена, он заехал в бригаду за Ваном.

– Голос у твоей жены по телефону был не особенно довольный, – констатировал тот, катая во рту перченую конфетку.

– Кроме шуток? С тех пор как я на службе, я ни разу не вернулся домой вовремя.

– Успокойся, я тоже вовремя не прихожу, вот уже лет двадцать.

Пройдя последний поворот, машина проехала ворота и выехала на широкую лесную дорогу. Сквозь густую листву мелькало закатное солнце. Метрах в пятистах впереди показался дом, утопающий в зелени огромный блок из светлого камня. Ван почти уткнулся носом в ветровое стекло.

– Ух ты! Прямо какой-то штатский вариант Алькатраса^[53].

Они вышли из машины и сразу обернулись, услышав за собой треск сломанных веток. К ним подъехал серый «ауди», и водитель заглушил мотор. Из автомобиля вышла очень стройная, сияющая красотой блондинка с двумя пакетами в руках. Брови ее сразу нахмурились.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросила она.

Ван не удержался и окинул ее взглядом с головы до ног. Он обожал короткостриженных женщин, особенно блондинок. А ноги какие! С приличествующей случаю улыбкой он помахал перед ней своим

удостоверением:

– Мы хотели бы задать несколько вопросов Стефану Кисмету.

– Парижская криминальная полиция здесь, в Ламорлэ? Но... что вам от него нужно?

– Допросить по поводу убийства.

Сильвия застыла на месте. Вик предложил ей помочь донести пакет.

– Не волнуйтесь, таково уж наше ремесло: мы вынуждены часто встречаться с людьми, не имеющими никакого отношения к работе. Например, с банкиром жертвы или с учительницей дочери жертвы. Вам не из-за чего тревожиться.

– А в данном случае? Как все это связано с моим мужем?

Полицейские быстро переглянулись. Первым заговорил Ван:

– Как бы вам сказать... Наше расследование приводило нас в самые необычные места, и вот оказалось, что там совсем недавно бывал и ваш муж.

– И это все?

– Видите ли, расследование зачастую бывает делом очень рутинным. Мы могли бы поговорить в доме?

Сильвия пригласила их в дом. Они молча миновали три большие ступеньки крыльца.

– И где же бывал мой муж?

– Прежде всего в музее, посвященном врожденным заболеваниям. Затем... в отеле «Три Парки».

Они прошли через просторный холл и вошли в кухню. Повсюду стояли еще не распакованные коробки со всякой всячиной – с одеждой, вещами, электронагревателями – и инструменты для ремонта и строительства. Комнаты были огромные, с потолками выше пяти метров. На стенах висели портреты каких-то строго одетых людей с суровыми лицами. Вообще возникало впечатление, что от жилища исходит вековой холод.

– Итак, мадам? – снова начал Ван. – Музей Дюпюитрена, «Три Парки»?

Сильвия со вздохом поставила сумку на стол.

– Вчера он затащил меня в этот жуткий музей в Шестом округе. Ему вдруг отчаянно туда захотелось. С ним так часто бывает. Мой муж – художник-бутафор и гример, он создает муляжи всяких монстров для кино и работает со многими музеями Франции, которые готовят выставки. Одна из выставок открыта сейчас в Лионе.

Вик слушал ее со скептическим видом:

– Я побывал в музее Дюпюитрена. Хранитель утверждает, что

господин Кисмет и сам не знал, зачем туда пришел. К тому же он вел себя агрессивно.

– Должно быть, у него сложилось неправильное представление. Мой муж – человек очень экстравагантный, он может вспылить из-за пустяка. Он был в своем репертуаре: у него дар импровизации. Он обожает выкинуть что-нибудь этакое и всех обескуражить. Когда у него нет возможности выразить себя посредством своих муляжей, он это делает по-другому. Разве это преступление?

Оба полицейских стояли на пороге кухни, поскольку она не предложила им сесть.

– А как насчет «Трех парок»? – не унимался Ван.

Сильвия подошла к раковине и ополоснула руки. Вокруг ее ног с мурлыканьем терся кот.

– Не знаю. Более того, я понятия не имею, о чем вы говорите.

– Речь идет о месте, где происходят несколько необычные встречи. Там встречаются люди с... с отталкивающими физическими особенностями.

Сильвия снова застыла, резко оборвав движение, и это не укрылось от глаз полицейских.

– Ваш долг – рассказать нам все, что вы знаете, – уточнил Ван. – Мы ведь в любом случае сами все узнаем. Но в ваших интересах сотрудничать со следствием.

– Вас удивляет, что Стефан оказался в «Трех Парках»?

– Пожалуй, да. Женатому человеку не годится появляться в таких местах.

Она коротко и нервно рассмеялась:

– А вот меня это ничуть не удивляет. Стефану нравятся всякие детективные истории, все странное и необычное, он любит пугать и сам пугаться. Он постоянно пребывает в поиске вдохновения для создания своих чудовищ. И далеко не всегда базируется на собственном воображении, а черпает из ресурсов человеческой природы, со всеми ее отклонениями. И если ему понадобится спуститься в ад, чтобы увидеть истинное лицо дьявола, уверяю вас, он туда ползет. – Сильвия вытерла руки полотенцем. – Дождитесь, пока он вернется. И он, разумеется, все вам объяснит.

– А где он?

– Понятия не имею.

Она вернулась к столу и принялась быстро разгружать пакеты. Ей было необходимо чем-то занять руки.

– Я не знаю, зачем вы сюда приехали, но мой муж ничего такого не

сделал. И меня ничуть не удивляет, что он бывал в тех местах, о которых вы говорили. Это связано с его работой. И заметьте, не он вторгся на вашу территорию, а вы – на его, понимаете?

– Прекрасно понимаем, – заметил Ван и поскреб себе затылок. – А чем занимался ваш муж в ночь со среды на четверг, то есть со 2 на 3 мая, примерно около полуночи?

Сильвия задумалась, и лицо ее внезапно прояснилось.

– Признаюсь, мы со Стефаном редко где бываем вместе, но в тот день мы ужинали в ресторане. В Шантйи, в «Серебряном хлысте».

Она еще порылась в пакетах и, видя, что сыщики не двигаются с места, резко бросила:

– Видимо, вам нужны подробности. Так вот, мы приехали туда в десять вечера, а уехали... о, ну не раньше половины второго ночи. Мы тогда очень серьезно поссорились. Что же до свидетелей, то их вы найдете десятки. Ресторан был полон.

Она посмотрела Вику прямо в глаза:

– Вас интересуют подробности?

– Нет, этого достаточно.

– У вас есть еще вопросы? Тогда, если позволите...

– Дело в том, что мы хотели бы познакомиться и с вашим мужем, чтобы услышать его версию событий и уже окончательно оставить вас в покое.

– Повторяю: я не знаю, где он!

– У него наверняка есть мобильник, и вы могли бы попытаться связаться с ним, верно?

– К сожалению, мобильники внушают мне ужас.

Сильвия распаковала две прелестные фарфоровые статуэтки и повернулась к сыщикам:

– Видите ли, эти сайгонские парные статуэтки тоже имеют отношение к поискам моего мужа, к его мечтам и фантазиям, и я их купила... В другое время я бы не обратила на них внимания, но теперь, когда он мне столько о них рассказывал...

Она вошла обратно в холл, полицейские за ней. Одной из статуэток сразу нашлось место на полке из черного дерева. Стефан не ошибся: такое место соответствовало ей как нельзя лучше. Другую статуэтку он поставила в угол за сундук.

Вик подошел к одной из фарфоровых вьетнамок и погладил ее.

– Вы говорите, ваш муж изготавливает муляжи всяких монстров. Может быть, мы его найдем в мастерской?

– Не думаю. Его мастерская здесь, в подвале.

– А можно нам туда заглянуть? Буквально на несколько минут?

Сильвия была в нерешительности. Эти типы хуже лишая.

– Хорошо. Заодно и поймете, почему мой муж навещается в музей врожденных болезней и во всякие необычные места. Может, это снимет с него обвинение, правда не знаю в чем.

Ван подбодрил напарника, подмигнув ему, а Сильвия уже направилась к двери.

– А почему он решил заняться монстрами? – спросил Вик, догнав ее.

Все трое спустились по темной лестнице.

– Мой муж приехал в Париж без гроша в кармане и нанялся в группу миманса в тайной надежде стать актером. У него настоящий дар. Но в этой среде так трудно пробиться... Он бегал по кастингам, и ему едва удавалось выживать, пока наконец он не получил место руководителя группы, который набирал артистов. И в это же время он начал работать в бутафорском цехе при киностудии и понял, что у него в этом истинный талант.

– А если поточнее, что за талант?

– Талант создавать необычные фигуры. Существа, которых на земле никогда не было, разве что в людском воображении. В своем ремесле Стефан непревзойденный мастер.

Вик вдруг резко согнулся, ухватившись левой рукой за правое предплечье и сжав зубы. Ван обернулся:

– Эй, Маршаль! Что с тобой?

Вик выпрямился, лицо его сразу осунулось.

– Нет... ничего... – произнес он, не разжимая зубов. – Рука разболелась. Я в последнее время много занимался греблей и, видимо, повредил мышцу или связку. Идите, я догоню.

– Вы уверены? – спросила Сильвия.

– Абсолютно.

Когда они отвернулись и пошли дальше, он раз десять с силой сжал кулак. Жестокая боль утихла, и он догнал остальных.

– Что за запах? – спросил он.

Сильвия зябко потеряла плечи: в подвале было холодно.

– Это аммиак, стабилизатор латекса. Я его уже не замечаю.

– Подвал просто огромный. Сколько здесь помещений?

– Пятнадцать. Вы идете сейчас по старинному охотничьему дому. В былые времена здесь располагалась интендантская служба для приема целой семьи аристократов. Прачечные, кухни, а также помещения, куда

свозили дичь, а потом ее свеживали и коптили. Отсюда и крюки для туш на потолке. Затем лет сорок этот дом арендовали для киносъемок. Некоторые комнаты наверху и здесь все еще приспособлены для этого.

Она открыла одну из дверей. Вик попятился. В окровавленные стены, изрезанные трещинами, были вделаны когти. Пол усеян клочьями волос, прилипших к какой-то коричневой жидкости.

– Зачем все это нужно? – резко спросил Ван, сразу насторожившись.

Сильвия вошла в комнату.

– Уверяю вас, кровь ненастоящая. Это просто старая кинодекорация. Но мы сделаем ремонт и все это постепенно ликвидируем.

Все двинулись дальше по коридору мимо деревянных дверей. На одной из них Вик заметил нарисованного ребенка с изуродованным тельцем. Он остановился и приготовился войти. Сильвия быстро подошла к нему и накрыла ладонью его руку:

– Нет, только не сюда.

Вик застыл на месте, удивившись. Сильвия отдернула руку и постаралась оправдаться:

– Мы с мужем... не можем иметь детей, он страдает... Нет, не надо туда входить, Стефан был в не лучшей форме, когда разрисовывал стены. Это очень, очень мрачное видение... человеческого рождения. Это не составит у вас хорошего представления о нем.

Вик ощутил, как по спине пополз холодок. На послезавтра у Селины назначена амниотическая пункция.

– Но мне все же хотелось бы взглянуть, прошу вас.

Сильвия нехотя кивнула:

– Тогда без меня. Это единственное место, куда я... не могу заходить. Выключатель слева.

Полицейские один за другим вошли в помещение. Вик закрыл дверь и включил свет. Лампочка потрескивала и гудела. На стенах, от пола до потолка, разворачивалась огромных размеров фреска. Сотни и сотни рисунков, сделанных углем.

– Да этот парень – псих, – прошептал Ван. – Если позабыть об алиби в ресторане, его надо задерживать.

Вик не ответил. Они стояли перед целым комплексом огромных чудовищных рисунков. На каждом был изображен ребенок-урод, а внизу стояла подпись с названием аномалии, которой ребенок страдал. Были тут и аномалии относительно простые: гемитексия, гермафродитизм, сиамские близнецы. Попадались и аутозиты^[54], такие как сирены, экзенцефалы,

отоцефалы, циклоцефалы с одним глазом посередине лба^[55]. Чем дольше они вглядывались в рисунки, тем более тяжкие уродства им открывались. Омфалозиты, соединенные своим крошечным телом с плацентой аутозита, то есть паразиты двойные...

Ван подошел к изображению сирены:

– Ты видел? Странное совпадение, правда?

Вик встал между двух зеркал и наблюдал, как множится в бесконечности его отражение.

– Да у нас тут с самого начала было полно совпадений, и, на мой взгляд, мы чересчур увлеклись, выискивая их. Я хочу сказать, что все эти сирены и прочие уродцы – еще не признак его виновности. Его мир вполне логично соответствует миру «Трех парок» или музея Дюпюитрена. Как говорит его жена, мы просто вломились на чужую территорию. Заметь, вломились мы, а не он.

Ван пристально вглядывался в рисунки своими маленькими черными глазками.

– А как тебе показалась жена? Как думаешь, она что-то скрывает, а?

– Похоже, у этой пары полно проблем. Она не знает, где он, и вообще говорит о нем как о чужом человеке. Знаешь, люди иногда поселяются в больших домах, чтобы избегать друг друга. Слушай, пошли, а? Что-то мне здесь не по себе.

– Я побуду еще минутку.

– Ладно, я тебя жду в коридоре.

Вик подошел к Сильвии, которая поджидала поодаль:

– Теперь я лучше понимаю, что вы хотели сказать. Очень впечатляющее зрелище.

Все еще оглушенный увиденным, он несколько секунд молчал. Нет, определенно сегодня... Здесь... В музее Дюпюитрена... Ему вспомнился разговор с хранителем музея. И в особенности его пояснения относительно того, что аномалии могут быть более или менее незаметны. И он спросил очень тихо:

– Я бы очень хотел узнать, каким заболеванием страдает ваш муж, что мешает ему дать жизнь новому человеку. Это останется между нами.

Сильвия заупрямилась:

– С какой стати мне сообщать вам, чем болен мой муж? Это вопрос сугубо личный.

Вик попытался пойти ва-банк:

– То, что я хочу сказать вам, – тоже вопрос сугубо личный. Мы с женой тоже не можем иметь ребенка. Определенно дело во мне, но пока мы

не знаем, откуда пришла беда. Я... я прошел целую кучу обследований, это ужасно – оказаться в такой ситуации... Вот почему меня это интересует.

Сильвия хотела сдержаться, но слова сами вырвались наружу:

– Мой муж страдает врожденным отсутствием семенных протоков.

Вик чуть прикрыл глаза.

– Это незаметное заболевание?

– Незаметное? То есть?

– Я хочу сказать... Внешне незаметное.

– Абсолютно незаметное.

Сильвия опустила голову и сразу же снова подняла:

– Сходите за вашим коллегой, и давайте закончим этот визит, если вы не против.

Минуту спустя они снова шли вдоль комнат. В одной из них на стенах висели афиши фильмов ужасов, в другой цветные фотографии разных насекомых в тысячекратном увеличении. Лапки блох, брюшки клещей, хоботки mosquitos. Не считая уже разбросанных повсюду отрубленных голов и рук, бидонов с искусственной кровью и рвотой.

– А кроме муляжей, ваш муж и запахи тоже моделирует?

– В каком смысле?

– Когда он, к примеру, делает муляж трупа, соединяет он его с запахом разложения или нет? Я полагаю, что некоторые из создателей американских фильмов прибегают к этой методике, чтобы добиться более реалистичной и выразительной игры актеров.

– В Америке, может, и прибегают, но здесь – определенно нет. Ведь вы же не ощутили никаких запахов, кроме запаха аммиака.

Она повела их дальше, в Страну Тьмы, и Вик снова почувствовал себя ребенком. Он трогал кончиками пальцев острые зубы, каучуковые веки, стеклянные глаза и резиновые уши чудовищ. Ван остановился перед рабочим столом:

– Но это же... Это же Карла Мартинес!

– Она самая. Мой муж сейчас работает над фильмом с ее участием, он называется...

– «Кровавая лощина», – завершил фразу Ван, бросив пристальный взгляд на коллегу. – Фильм снимают на студии «Календрум», в ста метрах от того места, где обнаружили жертву.

В помещении словно повеяло холодом. Ошарашенная, Сильвия опустилась в кресло на колесиках:

– И что?

Вик подошел к Сумраку, пугающему чудовищу, словно сделанному из

двух существ, где одно обитает в другом. Он с любопытством приложил к муляжу ухо, а Ван тем временем продолжал допрос:

– Пожалуй, пора все нам объяснить, не находите?

– Что я должна вам объяснить? Разве его ателье – не лучшее из объяснений? Мир моего мужа населяют монстры! Все это... не более чем совпадения!

– Я прошу вас, мадам Кисмет.

Она принялась нервно терев пальцы:

– Может быть, ваш убийца... фанат кино? Ведь может так быть? Я... Мне больше нечего вам сказать. Пожалуйста, уходите.

Вик заметил пару латексных перчаток и примирительно сказал:

– Там, на кухне, возле холодильника, я видел упаковку эффексора^[56]. Ваш муж принимает антидепрессанты?

Сильвия замкнулась, словно устрица в раковине.

– Это я принимаю... У меня некоторые нарушения...

Она чувствовала, как грудь сжимает все сильнее и сильнее. Ей не хотелось рассказывать историю Стефана двум чужакам, готовым на все, чтобы его уличить.

Ван надвигался на нее, как дорожный каток, продолжая допрос:

– Там в углу лежит одеяло и множество стаканчиков из-под кофе. Ваш муж ночует здесь, в подвале? Вероятно, у него расстройство личности? А к психиатру он обращался?

Сильвия отпрянула, у нее возникло ужасное чувство, что этот сыщик проник в ее мысли.

– Да что вы о себе возомнили?! Вы являетесь ко мне в дом, чтобы обвинить моего мужа! А теперь вы приписываете ему психическое заболевание!

Разговор прервала мелодия из «Рапсодии в стиле блюз». Сильвия схватила мобильник. На экране высветилось имя: Стефан. Она собралась уже открыть крышку, но Ван не дал и быстро сказал:

– Ведь вы же не выносите мобильных, вы их боитесь? Так вот, вызов вы примете и спросите у него, где он. И не вздумайте сказать ему, что мы здесь, иначе все это кончится очень плохо. Договорились?

Сильвия резким движением выдернула руку, включила громкую связь и ответила:

– Стефан? Ты где, черт побери? Уже почти семь часов!

– Послушай, мне надо, чтобы ты немного порылась в Интернете! И не задавай никаких вопросов!

Ван кивнул, чтобы она продолжала разговор. Сильвия подошла к

компьютеру и включила поиск:

– Я тебя слушаю.

– Зайди на киносайт, он отмечен как избранный. Набери «Тайны пропасти», это фильм 1988 года.

Сильвия набрала название. Она ощущала у себя за спиной давящее присутствие полицейских.

– Нашла? – сказал Стефан. – В полном составе исполнителей должно быть имя главного декоратора, скажи его мне.

Сильвия нашла имя в один клик. Ван стоял наклонившись у нее за спиной и сразу почувствовал, как она напряглась.

– Это... это Джон Лейн.

– Так и есть! Это он, вот кто...

– Чем ты занят? – прервала его Сильвия. – Возвращайся, прошу тебя, так хочется спокойно провести вечер вдвоем.

– Нет, я сейчас выезжаю из Мери и еду к Эктору Арье.

Сильвия закрыла глаза. А Стефан продолжал говорить:

– Ты ни за что не поверишь, но Мелинда...

Она поспешно отсоединилась. Но Ван набросился на нее:

– Почему вы отсоединились?

Ей становилось все хуже и хуже.

– Потому что не желаю выставлять перед вами свою частную жизнь. Я не знаю, законно ли ваше вторжение. А потому – уходите.

– Кто такие Джон Лейн и Эктор Арье?

– Это один и тот же человек. Джон Лейн – псевдоним.

– Допустим. Адрес дать можете?

Сильвия схватила карандаш и быстро написала адрес на бумажке. Вик заметил, что пальцы у нее дрожат. Антидепрессанты?

– Кто этот человек? – спросил он.

Сильвия больше не могла. Пусть они отсюда уберутся, и чем скорее, тем лучше.

– На сайте указано, что он декоратор в кино. Они со Стефаном много раз пересекались. И если Стефан к нему поехал, значит им есть что обсудить по работе.

Но Ван взял коллегу за плечо и отвел в сторону:

– Ты должен туда поехать.

– Ты что, шутишь? Не видишь, который час?

Ван посмотрел на Сильвию. Она сидела на стуле, скорчившись и обхватив голову руками.

– Я сказал, поедешь. Там всего-то километров тридцать. И тебе надо

успеть раньше, чем он приедет к этому Эктору Арье. Надо удостовериться, что все, что сказала его жена, соответствует действительности. А я останусь с ней и прослежу, чтобы она его не предупредила. Это пригодится, когда будем проверять алиби в ресторане.

– Ну, это уж слишком, черт возьми! У меня тоже есть своя жизнь!

– Ты только что говорил с женой! Ты же не в свите у нее состоишь!

Вик колебался. Если он откажется, дело дойдет до ушей Мортье.

– Ладно... Но мне нужен твой мобильник, мой разрядился. Я тебе его оставлю вместе с зарядкой. Если что – позвоню.

Ван недовольно поморщился:

– Смотри поосторожнее с этой игрушкой, а не то кишки выпущу.

Тут вмешалась Сильвия, обращаясь к Вику:

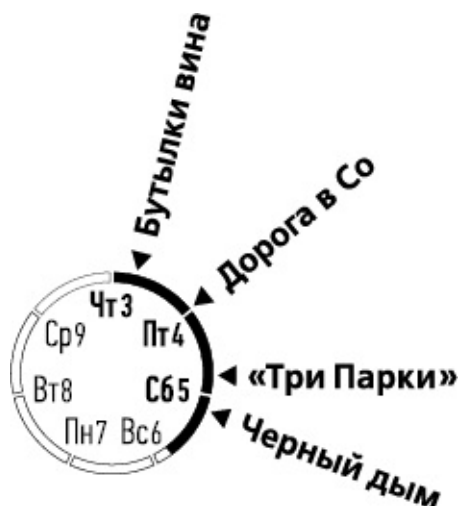
– Скажите...

Он обернулся:

– Да?

– У вас из кармана торчит латексная перчатка, которую вы стащили.

Гарантирую, что у вас обоих будут крупные неприятности.

Стефан припарковался за красным «порше» Эктора Арье. Беглый взгляд на номер – 8866 BCL 92 – сразу вызвал в памяти фрагмент сновидения под названием «Дорога в Со». Из глубины сознания поднялись слова, услышанные тогда по радио: извещение о расследовании гибели Мелинды. Он снова увидел розовый детский платочек у себя в комнате и *Стефана-из-будущего*, который выпрыгивал из автомобиля. Голова его была обрита наголо, лоб покрывали крупные капли пота, а в руке он сжимал пистолет.

– Стефан Кисмет? – удивилась Виктория Арье, открыв дверь. – Опять вы?

– Я должен видеть Джона. Немедленно.

Блондинка слегка отступила назад:

– Зачем он вам?

Стефан решительно шагнул к ней:

– Затем, что так надо.

Виктория смерила его подозрительным взглядом: волосы всклокочены, одежда измята, от него разит потом...

– Он работает. Входите, пожалуйста. Я пойду скажу ему.

– Нет, я пойду с вами. Мне надо поговорить с ним с глазу на глаз. Но сначала я должен задать один вопрос вам.

– Да?

- Вы в курсе графика работы вашего мужа?
- В общем, в курсе. А что?
- Что он планировал делать 8 и 9 мая?

Виктория задумалась.

– Не знаю. Сейчас он много работает над фильмом «Кровавая лощина». Зато точно знаю, что 9 мая мы празднуем годовщину свадьбы, шесть лет.

– Мои поздравления, – машинально отозвался Стефан.

Они прошли по богато обставленным комнатам к кабинету Эктора Арье. Виктория дважды стукнула в дверь и приоткрыла ее:

- Милый, со мной Стефан Кисмет. Он срочно хочет тебя видеть.
- Стефан Кисмет?

Они подождали несколько секунд, потом дверь открылась, и на пороге появился высокий человек с тонкими чертами лица и чуть искривленным носом. На нем были серые бермуды и зеленая рубашка поло «Лакост».

– Стефан!

– Здравствуйте, Эктор. Мы можем поговорить с глазу на глаз?

Арье явно был в нерешительности, и это легкое замешательство навело Стефана на мысль, что он не ошибся. Декоратор пригласил его войти и усадил в кресло, затем поцеловал жену и закрыл дверь в кабинет. Не говоря ни слова, он взял хрустальный графин и налил виски в два стакана толстого стекла. Стены кабинета украшали фото знаменитых игроков в гольф: Тайгер Вудс, Патрик Харрингтон, Зак Джонсон.

– У вас дрожат руки, – заметил Стефан. – Какие-то неприятности?

– Мне просто надо отдохнуть, я сегодня работал весь день, но так и не закончил. Отвечал на электронное письмо, которое вывело меня из себя. Что привело вас ко мне в выходной день и в столь поздний час?

Он говорил, повернувшись к гостю спиной. Стефан бегло окинул взглядом кабинет. В простой комнате везде царил порядок, никаких излишеств: окна чисто вымыты, все карандаши заточены, в углу в строгом порядке стоит аппаратура – видеокамера, штатив, фотоаппарат. Полная противоположность Стефановой Стране Тьмы с ее неопишуемым бардаком.

– А как вы думаете?

Эктор принес ему стакан. Лоб его был в испарине.

– Я помню, вы любите виски, – сказал Арье. – Это шотландский односолодовый «Аберфелди» двадцатипятилетней выдержки.

Стефан решил застигнуть собеседника врасплох:

- Расскажите мне о Мелинде Граппе.
- О ком?

– Мелинда Граппе. Девочка десяти лет, живет в Мерисюр-Уаз.

Эктор Арье еле заметно ухмыльнулся, и улыбка осталась бы незамеченной, если бы Стефан за ним пристально не наблюдал.

– Вы сюда приехали только затем, чтобы спросить, не знаю ли я некую Мелинду Граппе?

– Именно так.

– А по телефону вы этот вопрос задать не могли?

– Не мог.

Арье с отсутствующим видом поднес стакан к губам и с явным удовольствием подержал напиток во рту, прежде чем проглотить.

– Это имя мне ни о чем не говорит. Кто она? Актриса?

– Хватит издеваться! Девочка с курчавыми волосами и зелеными глазами, у нее еще нет переднего зуба.

Арье отступил на несколько шагов и выключил экран компьютера.

– Сожалею, но эту девочку я не знаю.

Стефан шумно втянул носом воздух, как бык перед броском.

– А карьер Хеннока знаете?

Декоратор медленно покачал головой:

– Нет. Но что вам, в конце концов, нужно? Виктория мне рассказывала о вашем, по меньшей мере странном, вчерашнем поведении. Мне кажется, сегодня вы тоже в нелучшей форме.

Стефан, не поморщившись, до дна осушил свой стакан.

– Вы даже представить себе не можете, насколько я сейчас в полном порядке. Вы не помните, так я вашу память освежу. Вы тогда ставили декорации на дне карьера Хеннока для фильма «Тайны пропасти». Вы были художником-декоратором.

Арье постучал себя пальцем по виску:

– Теперь, когда вы сказали... Я не помню всех мест, где я ставил декорации. А это давненько было, разве не так?

– Вы лжете! Я знаю, что вы лжете!

Стефан говорил все громче и громче. Арье занял оборонительную позицию:

– Может, вы наконец объясните свое появление здесь два дня назад и поведение, мягко говоря, экстравагантное, если не сказать неуместное? Вы не поладили с Эвераром? Он что-то говорил о бюсте Мартинес, которым вы сейчас заняты. Слишком напряженная работа? Я могу чем-нибудь помочь?

Стефан поднялся с места, со стуком поставил стакан на стол и приготовился к нападению.

– Да плевал я на бюст Мартинес! И никакого напряжения, я никогда не

был так расслаблен! Покажите ваше расписание! Я хочу знать о ваших планах на 8 и 9 мая!

– Вы что, смеетесь?

Стефан подскочил к столу и схватил ежедневник. Арье вырвал календарь у него из рук:

– Не трогайте!

Стефан угрожающе поднял палец:

– Вы в последнее время зачастили в Мери-сюр-Уаз, верно? Вы... вы туда ездите, чтобы следить за маленькой девочкой по имени Мелинда Граппе. И ездите не на «порше», нет, он слишком замечен, вы арендуете грузовичок, возможно под чужим именем. Под каким? Каков ваш псевдоним на этот раз?

– Да вы что, больны или как? Вы являетесь ко мне в дом, нападаете на меня! Вам лечиться надо, Кисмет!

Стефан совсем потерял над собой контроль:

– Я знаю, что у вас на уме, Арье. И я вам гарантирую, что ничего вам не позволю сделать. Вы пальцем не тронете эту девочку. То, что должно произойти, не произойдет.

Эктор Арье крепко схватил его за плечо, открыл дверь и вытолкнул в коридор.

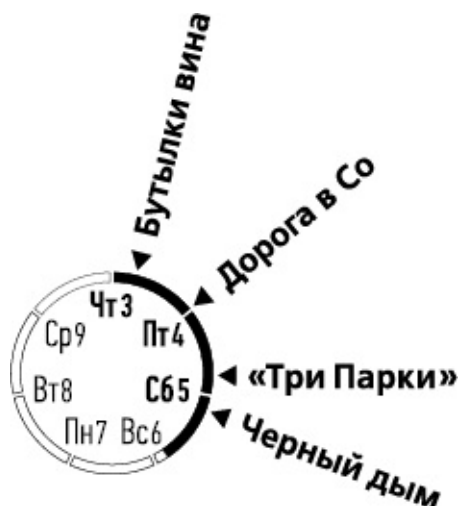
– Должно быть, ваша жена очень несчастна с таким психом, как вы! – сказал он. – Вам нужен не врач, а психиатрическая клиника! А теперь убирайтесь отсюда вон!

Стефан был красен, как раскаленное железо. Перед тем как уйти, он бросил Виктории Арье:

– Понаблюдайте за мужем, мадам! Он не тот, за кого себя выдает!

Он быстро подошел к «форду» и уже собрался тронуться с места, как пассажирская дверца распахнулась и рядом с ним, едва не раздавив валявшийся на сиденье цифровой фотоаппарат, уселся какой-то человек.

И Стефан вдруг сразу понял, что это и есть тот самый Виктор из его сновидений.

– Поставьте машину подальше, пожалуйста, – сказал Вик, убирая в карман удостоверение. – Вон туда, за мою.

Тот же цвет, те же трещины на ветровом стекле... Стефан узнал автомобиль, с которым разминулся на стоянке у «Трех парок».

– Как вы меня нашли?

Это была единственная фраза, пришедшая Стефану на ум. Вик удивленно на него уставился:

– Это так важно?

Стефан спросил себя, не сходит ли он с ума.

– У вас «зиг-зауэр»?

– Он самый. А вы откуда знаете?

– Я... его... его часто используют при съемках детективов.

Стефан не знал, что говорить и что делать. Возможно, пистолет из его сновидений принадлежал этому полицейскому. Но как он оказался у него самого?

– Как-то это странно, – сказал Вик, заметив, что Стефан сильно нервничает. – В вашу машину забирается полицейский, а вы не спрашиваете, как он там оказался, а спрашиваете, как он вас нашел. Неужели в вашей профессии так часто случается, что к вам в автомобиль садится сотрудник криминальной полиции?

Несмотря на все вопросы, которые его одолевали, Стефан решил вести

осторожную игру. Полицейские не относились к тому типу людей, с кем можно говорить о предчувствиях. С ними всегда был риск, что слово *предчувствие* станет созвучно слову *преднамеренность*. С другой стороны, надо как можно больше выведать у него о тех замученных женщинах. И Стефан принялся импровизировать:

– Портье в «Трех Парках» сказал мне, что меня, похоже, разыскивает какой-то полицейский. Я полагаю, вы ведете расследование и оно привело вас в это невеселое место. И теперь вы хотите допросить меня, потому что я тоже там оказался? Рабочая рутина?

Вик с улыбкой покачал головой. И в этой улыбке ясно читались его молодость и неопытность.

– Все так и обстоит, – ответил Вик. – Вы просто у меня с языка сняли слова. Можно подумать, что вы умеете угадывать будущее.

– Может, и умею. Речь идет об убийстве?

– Еще того лучше. Вы в курсе наших дел.

– Криминальная полиция редко занимается кражами сумочек. Но больше всего меня удивляет ваш юный возраст. И ваш выговор... Вы новенький?

Вик спрятал подальше свое хорошее настроение и постарался придать себе надлежащий строгий вид:

– Итак, вернемся к делу. Вы работаете над фильмом «Кровавая лощина», который снимают на студии «Календрум». Вы ведь недавно там были?

– Не меньше двух недель назад.

– А что вы делали вчера в «Трех Парках»?

Стефан постарался сохранить спокойствие в голосе:

– Я наблюдал.

Вик покосился на цифровой фотоаппарат, лежавший перед ним:

– Наблюдали... А что наблюдали? Перелетных птиц? Желуди на дубах?

– Полицейский с юмором? Я так и думал: вы начинающий. Я ищу вдохновения для создания новых монстров. Езжу по всем необычным местам, какие под руку попадутся. По катакомбам, биолaborаториям, по кладбищам и отелям, где селятся всякие чудики, а потом все это варится у меня в голове, и получается знатный суп...

Вик, прищурившись, смотрел куда-то вдаль.

– Этот тип с культей, Грегори Маше, утверждает, что вы ножом пытались в автомобиле пустить себе кровь. Странное поведение для простого наблюдателя.

Стефан наклонился, пошарил под сиденьем и вытащил одно из яблок, которые прихватил с собой, когда собирался в «Три Парки».

– Эта скотина залезла в «форд», когда я чистил яблоко, и стащил нож. Я им очень дорожил, он мне достался от приемного отца, отец им чистил рыбу.

– Понимаю.

– Скажите... В своих скитаниях по необычным местам я обнаружил очень впечатляющий музей врожденных заболеваний. Музей Дюпюитрена, знаете?

Вик незаметно стиснул челюсти. То, что говорил Кисмет, полностью совпадало с тем, что сказала его жена. А тем временем позвонил Ван: алиби в ресторане подтвердилось.

Стефан Кисмет был невиновен.

– Почему у меня складывается впечатление, что это вы меня допрашиваете, а не я вас? – подал голос начинающий сыщик.

– Человек, которого я не знаю, но который точно знает, где я в данный момент нахожусь, залезает ко мне в автомобиль и как ни в чем не бывало уютно там устраивается. Имею я право узнать о нем побольше, как думаете?

– Ладно, давайте продолжим. Вы давно ведете наблюдение за «Тремя Парками»?

– О, только со вчерашнего дня. Я порылся в Интернете и обнаружил это место. Оно мне показалось интригующим, и я туда поехал.

– Значит, вы были в музее Дюпюитрена сразу после обеда, а в «Трех Парках» вечером?

– Откуда вы узнали, что я был в музее после обеда? Так, значит...

Стефана обдало жаром. В мозгу вдруг прояснился весь ход событий.

– Ну конечно! Вы тоже там были! В связи с этим делом!

– Ну да.

Стефан щелкнул пальцами и беспорядочно заметался, как разлаженный двигатель.

– Так вот как вы меня разыскали... Я же оставил хранителю свою визитку! Вы отправились ко мне домой, и... когда я позвонил жене, вы все слышали. Вот почему она мне показалась какой-то странной.

– Конечно. От вас ничего не скроешь.

Стефан указал на желтый билет музея, который Сильвия положила на бардачок:

– Вы должны сказать мне, почему расследование привело вас в этот музей.

– Почему должен?
– Потому что... Потому что по неизвестной причине я имею к вашей истории какое-то отношение. Послушайте, Виктор, я думаю, что судьбе было угодно, чтобы мы встретились.

– Как вы сказали?

– Я сказал, что судьбе...

– Нет, перед этим. Как вы меня назвали?

– Виктор, а что?

Лейтенант полиции нахмурил брови:

– Откуда вы знаете, что меня зовут Виктор? Никто меня Виктором не называет.

У Стефана дрогнула верхняя губа.

– Но... но так было написано в вашем удостоверении.

Оба замолчали, оценивающе глядя друг на друга.

– А ничего у вас фотоаппарат. А я, должен признать, никак не могу выбрать между зеркалкой и бридж-камерой, ее еще называют псевдозеркалкой^[57]. Как думаете, они действительно друг от друга отличаются?

– Не трогайте, положите, пожалуйста, на место.

Вик взвесил аппарат на ладони, потом сделал вид, что заинтересовался оптикой, и включил.

– Экран действительно отменный. Очень яркий.

– Что вы делаете?

Он не дал Стефану забрать аппарат обратно и, несмотря на его протесты, включил режим просмотра слайдов на маленьком жидкокристаллическом экране. Сначала шли сплошные протезы, потом... появилась девочка на улице. Ее Кисмет явно снимал сквозь стекло автомобиля.

Вик поднял от экрана мрачный взгляд:

– Почему вы снимали девочку тайком?

– Я... я ничего не могу вам рассказать. Вы стали бы последним, кто верит мне на этой планете.

– Но вы можете хотя бы попытаться. И дело пойдет.

– Нет. Сначала скажите мне, что вы делали в музее Дюпюитрена. Скажите.

Полицейский взглянул на руки своего собеседника, судорожно вцепившиеся в руль. Кисмет что-то знал, и это знание было твердо как металл. Вот только Вик был абсолютно не способен понять, что это за знание.

Он почувствовал, что надо пойти на уступки, чтобы разобраться, в чем дело.

– Я работал по делу о краже.

– Взломанная дверь... Значит, хранитель мне соврал. А что за кража?

– Вам о чем-нибудь говорит слово *сиреномелия*?

У обоих словно искра пробежала из глаз в глаза. Вик понял, что Кисмет не ломает комедию и не притворяется.

– Ваш подследственный украл экспонат ребенка-сирены? Но зачем?

– К сожалению, это тайна следствия. А почему вас так заинтересовала эта история?

– Я... я разыскиваю сенсационные случаи – вот почему, – на ходу импровизировал Стефан. – Несомненно, тот, кто ворует уродов, – сам тот еще урод.

Он на секунду прикрыл глаза, чтобы восстановить целостность своих сновидений. Фото искалеченных жертв, послания на стенах номера 6, телефонный разговор с этим полицейским. Никакой связи с ребенком-сиреной.

– Теперь очередь за вашей историей.

Стефан играл с огнем, но лейтенанта надо было заставить говорить. И он принялся рассказывать:

– Моя жена ничего вам не говорила о моем прошлом? О моих... странных состояниях?

– Нет, мы разговаривали в основном о ваших работах.

– У меня с самой ранней юности бывают такие... вспышки, озарения. Я могу предвидеть события, заранее знаю, что они произойдут.

Вик ничем не выдал того, что почувствовал. Селина верила в эту чушь, в духовную силу, в карму и во все такое... А он не верил. Только не он, сыщик из криминальной полиции, увлеченный шахматами, родившийся в семье полицейских. И все-таки он в эту игру играл, хотя и без всякого смысла: у Кисмета было алиби на вечер убийства.

– Вы хотите сказать... Видения?

– Не совсем. Это не интуиция, не предчувствия. Я не знаю, как это назвать. Я никогда в жизни не видел снов. То есть я, как и все люди, их видел, но абсолютно ничего не помнил. Так часто бывает у лунатиков.

– И я тоже не могу вспомнить, что мне снилось, если вас это успокоит. А вы лунатик?

– С детства; правда, к счастью, это случается не каждую ночь и я не ухожу далеко от места, где сплю. Так вот. Когда мне было лет десять, мой приемный отец все время брал меня с собой порыбачить в горных речках

Вогезов. Вставать надо было очень рано, и, чтобы меня разбудить, он надевал старую маску Дракулы, ну, знаете, эти жуткие пластиковые штуковины с резинками. Где бы я ни спал – на полу, на кровати или в углу моей комнаты, – он наклонялся надо мной и легонько трепал по руке. А когда я открывал глаза...

– Странная манера будить ребенка.

– Уверяю вас, это действовало безотказно. Я всякий раз вскакивал. Он хотел воспитать меня в строгости, сделать из меня мужчину. Мой приемный отец был горцем, понимаете?

– Прекрасно понимаю.

– По вечерам, когда родители рассказывают детям сказки про принцесс, он говорил мне про всяких чудовищ, про волков-оборотней, которые меня утащат, если я не буду себя вести как мужчина, если буду бродить по ночам или плакать. Я был запуган и засыпал со спрятанным в душе страхом. Но я никогда не просыпался как от толчка, мне не снились кошмары, ничего такого. Ничто не выплескивалось наружу, все... собиралось и накапливалось.

– Так вот почему вы занялись изготовлением монстров. Все выходит теперь наружу через ваши руки.

– Так говорят и психиатры, к которым я ходил.

Он помолчал и снова заговорил:

– Это не сны, не видения, по крайней мере, я так думаю, но всю жизнь... я вижу, будто совершаю какие-то поступки, и вижу это настолько ясно, что потом неизбежно должен их совершить на самом деле. Это что-то вроде ощущения дежавю, только раз в десять сильнее.

Вик его перебил:

– Вроде как вы поднимаетесь по лестнице и говорите сам себе: «Но я уже шел по этой лестнице. Вот сейчас на площадку выйдет женщина». И в тот момент, как вы подумали, женщина действительно выходит на площадку, вот только вы не знаете, подумали вы заранее или в точности когда она вышла. Со мной это случается сплошь и рядом. Очевидно, это что-то из области физики, информация от каждого из двух глаз в мозг поступает со сдвигом во времени.

– Нет, со мной совсем другое. Я что-то делаю вне связи с логикой последовательности событий. Например, в 1998-м я ехал в экспрессе в Ренн. В то время еще разрешалось опускать оконные стекла. И вот в тот момент, когда я увидел красный дом с черной черепичной крышей, по которой белой черепицей было выложено «1918», я вдруг увидел сходящий с рельсов поезд. И это было настолько явно, что я рванул ручку

экстренного тормоза и выпрыгнул из окна.

– Ого!

– В больнице меня собирали по кускам: более десятка переломов и множественные гематомы. Кто-то, конечно, погиб, но не я. Я чудом остался жив.

– А поезд?

Лицо Стефана исказилось.

– Я выпрыгнул прямо на повороте, там, где путь закругляется. Те, кто выжил, рассказывали, что поезд резко затормозил и сошел с рельсов. Эксперты дали заключение, что тормоза были неисправны.

Вик откинулся на подголовник и несколько секунд молчал.

– Черт возьми... Но если вдуматься, то поезд сошел с рельсов, потому что вы сами это спровоцировали.

– Я... я поверил, что он сойдет с рельсов в любом случае. На самом деле, когда я заметил тот дом с разноцветной черепицей, я не *увидел* сходящего с рельсов поезда. Я *знал*, что он сойдет с рельсов. Какая-то часть меня знала. Словно... словно кто-то это шепнул мне на ухо. И у меня не было другого выбора – только рвануть ручку тормоза и выпрыгнуть. Потом, когда я пытался об этом рассказать, это стоило мне долгих сеансов у психотерапевтов. Все погибшие или раненные по моей вине пассажиры неотступно преследовали меня. Врачи произносили одни и те же слова: «зрительные галлюцинации», «склонность к суициду», «шизофрения». Но я не шизофреник. Все реально. Хотя и не могло быть на самом деле. И я...

Вик покачал головой:

– Ну ладно, господин Кисмет...

– Вы мне не верите?

– Видите ли, мне что-то стало нехорошо.

Стефан пожал плечами:

– Это нормально. Полицейские – реалисты, люди приземленные. Даже моя жена мне не верит. Единственное средство, которое она находит, – это отправлять меня к психиатрам. Можно подумать, я их чем-то очень привлекаю.

Вик глубоко вздохнул и выпрямился на сиденье.

– Предчувствия не в моем вкусе. По-моему, все объясняется множеством незаметных событий, что происходят вокруг нас. В лице преподаватель говорил мне об одном писателе, Робертсоне^[58], который в 1890 году...

– ...Опубликовал роман, описав трагедию «Титаника» за двадцать пять лет до события, я знаю. И я знаю, что сказал вам этот препод. Что

существуют сотни тысяч книг и разных происшествий, которые составляют столько же историй. И согласно закону случайности, вероятности и проходящего времени, какая-нибудь из историй неизбежно произойдет в тот или иной день. И чем больше будет книг, картин, спектаклей и происшествий, тем больше возникнет... предчувствий.

– Ну да, можно и так сказать. Предчувствия, совпадения – назовите как хотите.

Вик указал на фотоаппарат:

– Ну так что насчет фото девочки? Тоже видение?

Стефан прикрыл веки:

– Я знаю, что она должна умереть. Очень скоро.

Вик постарался не слишком обнаружить свое нетерпение и желание поскорей вернуться домой.

– Допустим... Как так – умереть?

– Утонуть в заполненном водой карьере Хеннока. И я думаю, что в этом замешан Эктор Арье.

– Ага. Вот зачем вы сюда приехали.

Теперь Вик лучше понимал объяснения портье из «Трех парок» и хранителя музея: оба говорили о странном, на грани агрессивности, поведении Стефана. И понятнее стала очевидная тоска Сильвии Кисмет. Похоже, ее муж сильно не в себе.

– Вы принимаете антидепрессанты? Нейролептики? Анксиолитики?

– Перестал... Эту дрянь я больше не пью. Скажите, вы займетесь расследованием по поводу Эктора Арье?

– К сожалению, не получится.

– Ах вот как... У вас дети есть?

– Нет.

– Если бы у вас была дочь в возрасте Мелинды, вы бы поняли.

Стефан смотрел на дорогу перед собой.

– Скоро? – вдруг спросил он.

– Что?

– Роды скоро?

Вик попытался скрыть удивление:

– Что вы такое говорите? Моя жена вовсе не ждет ребенка. Вы что, бредите?

– Ну зачем вы врете?

– Перестаньте, вам ясно?

– Беременность протекает тяжело?

– Да замолчите, я сказал! Или я просто дам вам по морде!

Это подобие допроса слишком затянулось. Вик протянул Стефану две визитки. У этого бедолаги явно было полно психологических проблем, слишком много неприятностей... Но все это никак не помогало расследованию.

– Если возникнет необходимость, у вас теперь есть мои рабочие и личные координаты.

– И это все?

– Это все! А что, вы хотите досказать, чем кончились приключения гадкого утенка? Если будет надо, я с вами свяжусь. И не будем больше об этом. На вашем месте я бы последовал совету жены и вернулся к общению с психоаналитиком.

Вик вышел из автомобиля. Стефан вылез за ним следом и преградил ему дорогу:

– Вы должны мне дать больше информации о вашем следствии! Вы еще раз должны меня допросить!

Вик не выдержал и рассмеялся:

– Нет, это оригинально! Кто-то хочет, чтобы полиция его допросила! Мы свяжемся, если будет необходимость, договорились?

– Послушайте, но ведь очень скоро произойдут ужасные вещи и...

– Ужасные вещи случаются каждый день. Посторонитесь, пожалуйста.

Стефан схватил его за плечо. Вик резко его оттолкнул:

– Да уберите вы от меня ваши лапы!

– Я... я не хотел... Извините... Скажите хотя бы, сколько убийств вы сейчас расследуете? Два?

– Одно. И одного вполне достаточно.

– Убита блондинка или брюнетка?

– А что об этом говорят ваши видения? – безнадежным тоном бросил Вик.

– Брюнетка?

– К сожалению, блондинка. Придется подать жалобу в бюро дурацких видений.

Стефан почувствовал, как его захлестывает волна безысходной тоски. Начни он сейчас рассказывать об утыканном иголками теле блондинки и о теле брюнетки, примотанном к шкафу колючей проволокой, то точно окажется в тюрьме.

Он смотрел на визитки и знал, что наберет номер Виктора Маршала на своем мобильнике с разбитым экраном. И что оба они еще встретятся, как бы то ни было. В его сне они были на «ты».

И еще он знал, что брюнетка с фотографии умрет и он ничего не

сможет сделать.

Молодой лейтенант уже трогался с места, когда Стефан вдруг бросился к его автомобилю и постучал в окно. Вик со вздохом опустил стекло:

- Ну что еще?
- Еще одна деталь, одна маленькая деталь.
- Только, пожалуйста, покороче!
- Числа сорок шесть или сорок семь вам о чем-нибудь говорят?
- А должны? До свидания, господин Кисмет.

Стефан попятился и сказал, не сводя глаз с лейтенанта:

- Ваша жена... вам надо сейчас быть с ней.

За ними вдруг послышалось протяжное карканье. Ветка согнулась под тяжестью ворона. Стефан внимательно на него посмотрел и сказал:

– Вон ворон, видите? В Индии его считают предвестником смерти. Он прилетает, чтобы возвестить о неизбежном несчастье.

Вик был на грани того, чтобы взорваться:

- Зачем вы мне это говорите?

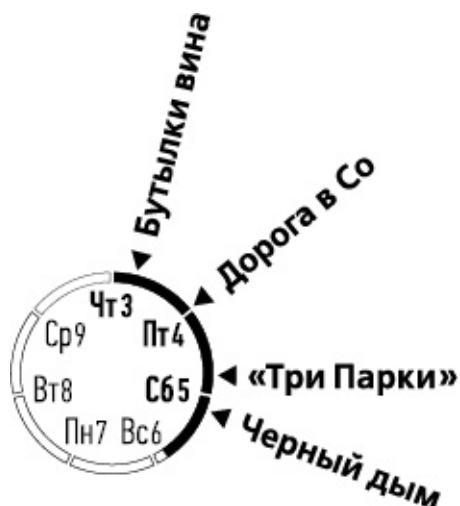
– Сегодня я потерпел неудачу. Нет никакой возможности что-либо изменить. А потому... мы очень скоро встретимся. Что бы ни произошло.

Доехав до конца улицы, взволнованный Вик в последний раз бросил взгляд на Стефана, неподвижно застывшего посередине шоссе.

И не смог отделаться от впечатления, что однажды уже проживал эту сцену.

35

Суббота, 5 мая, 20:55

Кассандра Либерман падала с ног от усталости. Она весь день бегала по магазинам и по разным учреждениям, чтобы закончить последние приготовления к поездке. Она собиралась ехать сначала в Буркина-Фасо^[59], а потом на Мадагаскар. Несомненно, это путешествие длиной в месяц ознаменует собой решительный поворот в ее карьере.

Приехав домой, она распаковала только что купленные новейшие объективы: специальный для портретов, широкоугольный и для макросъемки. Она потратила около пяти тысяч евро, но игра стоила свеч. Кассандра вернется из поездки с коллекцией фотографий, которая наверняка будет собирать толпы, как во времена «необычных зрелищ», где всеобщее внимание привлекали такие звезды, как Джон Дугс^[60] или безногий трубач Джеймс Элрой.

Кассандра нашла на настоящую золотую жилу: разыскивать, заносить в списки и фотографировать тяжелейшие из аномалий человеческого тела, а потом ставить под снимками свою подпись и выставлять их в престижных галереях.

Африка таила настоящие сокровища в плане уродства и всяческих эффектных наследственных заболеваний.

В этот вечер Кассандра заснула счастливой и полной радужных грез.

А вынырнула она из своих туманных сновидений с очень странным ощущением.

Ей почему-то стало невыносимо жарко.

Беглый взгляд, брошенный на радиобудильник, сообщил, что еще только 23:53. Но у нее было такое чувство, что она очень долго спала.

Лениво потянувшись, Кассандра зажгла ночник. Руки, лоб, простыни, подушка – все было в поту!

Откуда могла взяться такая жара?

Она откинула тяжелое пуховое одеяло, голышом подошла к окну и открыла его. На улице было не больше десяти градусов. Подставив грудь, виски и ямки за ушами струям холодного воздуха, она испытала настоящее блаженство.

Напротив окна, на фоне полной луны, трепетали темные ночные стражи – деревья. И все вокруг что-то враждебно шептало и шелестело в темноте.

Кассандра поежилась, закрыла окно и, накинув легкую черную рубашку, решила спуститься вниз. Должно быть, барахлит кондиционер. Дом был новый, и система терморегуляции, как говорится, соответствовала ультрасовременным стандартам, но, надо думать, все может случиться.

Все еще полусонная, она шла к гостиной и по дороге зажигала лампы за лампой. Вокруг царила какая-то тревожная тишина, и было слышно каждое потрескивание многочисленной электроаппаратуры. Компьютера, холодильника, морозильной камеры. Хотя Кассандра и любила все мрачное, это не помешало ей испугаться, как испугалась бы любая двадцатичетырехлетняя девушка, одиноко живущая на отшибе, у самой лесной опушки. Сказать по правде, она терпеть не могла вот так просыпаться среди ночи.

Она вошла в столовую. Термостат располагался на стене напротив, со стороны кухни. Жар буквально обжег легкие. Сколько там?

– Ого! Двадцать восемь градусов! Что за бред!

Кассандра нажала кнопку «убавить» и поставила регулятор на пятнадцать градусов. Ей нравилась прохлада. Чертовски удобная электроника, если только не барахлит.

Заодно включив экран компьютера, она сразу увидела, что Амандина в Сети. Грех было не воспользоваться случаем и не послать короткое сообщение со смайликом: «До завтра, моя куколка, я иду в постель с огромным желанием обсосать все двенадцать твоих пальчиков у „Парок”».

Сладко зевнув, она отправилась в кухню. От жары горло было как терка.

И в тот момент, когда открылась дверца холодильника, Кассандра почувствовала, что ступила ногой во что-то ужасно холодное, и опустила

глаза.

Крошечная лужица воды.

Нахмутив брови, она присела на корточки. Вода была ледяная, как... Она нагнулась еще ниже, почти уткнувшись лбом в плитки пола, чтобы заглянуть под холодильник. Что-то там виднелось... Она, поморщившись, пошарила рукой.

И вытащила кубик льда.

Ей вдруг стало страшно, и она резко вскочила. Вокруг ни души. Ни шороха. Всё вроде бы на месте.

Глупости! Ну конечно, кубик льда выпал из морозильника, когда она открыла дверцу. А в этой жаре начал быстро таять.

Она нервно рассмеялась. Вот дура!

Выпив полбутылки минералки, она смочила себе прохладной водой лицо и затылок. Сразу стало гораздо легче.

Возвращая бутылку на место, Кассандра взглянула на верхний отсек холодильника. Дверца морозилки была плотно закрыта. Но как тогда из фризера мог выпасть кусочек льда?

Ну и нечего открывать. Зачем пытаться понять непонятное? И зачем пугаться по пустякам? Надо закрыть холодильник и идти спать.

Но рука сама взялась за ручку морозилки. Она должна узнать. Просто ради того, чтобы доказать себе: никаких призраков не существует.

И она открыла дверцу. Сердце забило, она отступила на несколько шагов и, вся дрожа, схватилась за нож.

Контейнер для кубиков льда был на месте, вот только совершенно пустой. Но она точно помнила, что наполнила его накануне.

В доме кто-то прятался.

Непослушной, словно онемевшей, рукой она вцепилась себе в плечо, а в другой крепко держала нож.

Что происходит? Может, у нее паранойя? Да нет, она была уверена и в себе, и в том, что зарядила контейнер.

Холодильник вдруг загудел еще громче.

Кассандра вздрогнула. Если остаться на кухне, можно умереть со страху. Надо на четвертой передаче рвануть наверх, запереться в спальне и по мобильнику вызвать полицию.

Надо прорваться, и не обязательно допытываться, здесь еще тот, кто вторгся к ней в дом, или уже убежал.

На цыпочках она подкралась к выходу из кухни. Лестница наверх была слева, в трех шагах от нее. Она вдохнула и опрометью бросилась в гостиную, держа нож перед собой. Задышавшись, не оглядываясь, она

промчалась по лестнице, перескакивая через четыре ступеньки. А вдруг он за ней гонится? По коридору к спальне она пронеслась как молния и, очутившись внутри, бросилась к замку и дважды повернула ключ. Спасена!

И тут, едва она прислонилась лбом к двери и глубоко вдохнула, чтобы перевести дух, ей в ноздри ударил ужасный запах.

Жуткий запах падали.

Тот же самый, что она почувствовала накануне в саду.

Кассандра судорожно вцепилась в дверную ручку, не в силах пошевелиться.

Потому что позади нее скрипнула половица.

Она закричала, и ей наконец удалось преодолеть ступор и обернуться.

Рука с ножом уже замахнулась, но нож сразу же выпал.

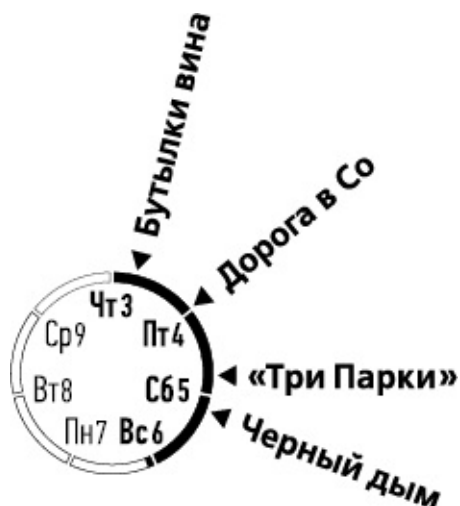
Ужас сдавил ей горло.

А потом все почернело.

Последнее, что она увидела, был монстр.

Ничего более ужасного она не видела за всю свою жизнь.

За всю свою короткую жизнь...

Скорчившись на диване, подтянув колени к груди, Сильвия дрожала всем телом.

Перед ней на экране телевизора крутилась старая кассета с записью ее свадьбы. Стефан, с приклеенной бородой, в расстегнутой рубашке, обнажавшей грудь, стоял на эстраде. Они с двумя братьями Сильвии и с небольшой компанией друзей разыгрывали спектакль. Приглашенные помирали от хохота. А Стефан весь лучился радостью жизни.

Но Сильвия уже не смотрела на экран, полностью захваченная другими видениями. Ей виделся муж, который давно закрылся в мастерской со своими монстрами, принимая совершенно абсурдные заказы. Они явно перегружали его психику и приводили его на грань безумия. Ради мужа она разорвала все связи: с близкими, с друзьями, с теми же братьями, никак не понимавшими, почему она остается с этим психом, с этим шизофреником, склонным к самоубийству. А муж все дальше и дальше отплывал к берегам безумия. Он стал совершенно... иным. Иным и нездоровым.

Сильвия услышала, как хлопнула входная дверь. Она вздрогнула, быстро вскочила и бросилась в гостиную.

Стефан, пьяный вдрызг, стоял на коленях перед фарфоровой статуэткой и ошеломленно на нее глядел. Еще одна деталь его сновидений встала на место.

Сильвия подбежала к нему и замолотила руками по его груди.

– Ах ты, дрянь такая! – выкрикнула она и расплакалась. – Я... я думала, с тобой что-то случилось! Ты не ответил ни на один мой звонок! Ну почему? Почему?

Стефан привстал, пошатываясь:

– Они все тут, во мне... Все эти образы... Они меня преследуют, утаскивают за пределы возможного, туда, куда ты и представить не можешь, они не оставляют меня в покое. Эти жуткие снимки изуродованных тел, эти голоса теснятся у меня в голове... Все эти аварии, мертвецы... Все смешалось... Я уже больше ничего не понимаю. Сильвия, помоги мне... Помоги мне, прошу тебя...

Сильвия опустилась рядом с ним:

– Как? Как я могу тебе помочь? Что мне сделать?

Стефан посмотрел на нее покрасневшими глазами. По щекам его текли слезы.

– Поверить мне... Просто поверить.

Она погладила его по голове и помогла встать.

– Это выше моих сил. Тебе надо лечиться. Врач поможет выкарабкаться, я убеждена. Ведь когда-то помог. – Она печально и протяжно вздохнула и сказала: – Прошлой ночью я заметила у тебя на бедре татуировку. Абсолютно бессмысленную.

– Для меня в ней есть смысл.

– И еще... Сегодня сюда приходила полиция. Они... они сказали, что тебя видели в местах, связанных с каким-то преступлением. Я как могла тебя защищала, врала им, изворачивалась. Но господи, Стефан, ты уже который день куда-то исчезаешь и не подаешь о себе никаких вестей. Ты съехал с катушек, увяз в каких-то непонятных бреднях. Мне страшно. Я боюсь, что ты мог что-нибудь натворить.

Стефан прислонился к стене.

– Но ведь ты не думаешь, что я способен совершить что-нибудь плохое?

Жена не отозвалась. Она отступила в тень, прижав ко рту стиснутую в кулак руку. Ситуация день ото дня все ухудшалась.

Стефан медленно сполз по стене на пол. От него пахло виски.

– Я знаю, что Эктор Арье собирается... убить девочку. Малышку Мелинду из моего сна... Все становится по местам, Сильвия. Все безжалостно и непоправимо становится по местам. И меня не покидает ощущение, что я всего лишь наблюдатель. Простой наблюдатель, который ничего не может сделать.

Сильвия старалась подавить рыдания, но у нее ничего не выходило.

В гостиной раздались радостные крики. Это на экране Стефан открыл бутылку шампанского, снес ей горлышко большим ножом.

– Слышишь? – снова заговорил Стефан. – Слышишь, какими мы были счастливыми? Помнишь, как мы познакомились, когда снимались в массовке? Ты изображала девушку на пляже, а я парня, который собирался утопиться...

– Все это теперь так далеко.

Стефан поднял глаза на жену:

– Не надо тебе было обрезать волосы. И покупать статуэтку. Зачем ты это сделала?

– Мне просто было нужно, чтобы ты обратил на меня внимание. Чтобы знал, что я существую.

Стефан вытер ей слезы.

– Я сегодня виделся с тем молодым полицейским. Ну, с тем, что сюда приходил. Похоже, он умный парень. Радостный, весь на взводе. Его жена ждет ребенка. Все у него хорошо. Вот видишь, могут же люди быть счастливыми. Или думать, что они счастливы.

– А мне он сказал, что не может иметь ребенка, – удивленно сказала Сильвия.

– Он тебе соврал, его жена беременна. Все мы врем, когда приходит день... А как ты думаешь, герои тоже врут?

– Герои?

Сильвия поднялась на ноги. Внутри была пустота.

– Думаю, я последую твоему примеру. Пойду и налью себе большущий стакан. Может, и я тогда начну себя принимать непонятно за кого. И кто знает, вдруг я угадаю наше будущее. Лично мне оно видится очень мрачным.

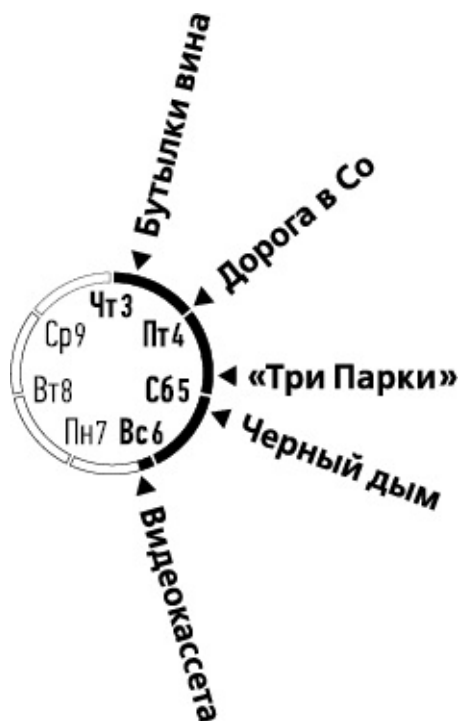
Когда спустя пять минут она вернулась, то обнаружила Стефана распростертым на полу.

Он крепко спал.

37

Воскресенье, 6 мая, 04:25

Сон пятый: Видеокассета

– Ну, ты идешь? – раздался голос Вика.

– Пару минут! Только отолю! – отозвался Стефан.

На левом бедре у него татуировка: «Расскажи мне о Мелинде. Мои послания начертаны на стене номера 6 в гостинице „Три Парки“. Оставь там же свои».

Пошатываясь, Стефан вышел из туалета и миновал просторный холл. Разбитая статуэтка по-прежнему валялась на полу.

Он прошел под портретом суровой баронессы де Рей и догнал Вика в гостиной. Сыщик уже несколько дней не брился.

Он курил «Мальборо».

На низком столике стояли пустые пивные бутылки.

– Умираю от жары, – сказал Стефан. – Со мной всегда так, стоит мне выпить пива. Мы с Сильвией...

– Может, тебе сейчас надо перестать. По-моему, ты перебрал. Уже на

ногах не держишься.

– Ну и наплевать. Зачем мне держаться на ногах? Ну скажи – зачем?

– Надо. Я немного отмотал назад. Смотри внимательно.

С сигаретой в зубах Вик нажал на видеоманитоне кнопку «Play».

Стефан взглянул в изображение. Качеством оно не блистало. Камера была расположена очень высоко, на углу, рядом с фонарем. На заднем плане угадывалось какое-то здание геометрической формы, видимо фабрика. Над ним виднелась высокая труба. Снизу на экране были обозначены число и время: суббота, 5 мая 2007, 22:09.

– Все то же самое, – выдохнул Стефан. – Не сработало...

– Подожди, вот сейчас... Смотри!

На видео шел проливной дождь. Вдруг в поле зрения появилась какая-то фигура и направилась к дырке в заборе. На ней был черный непромокаемый плащ, за спиной рюкзак, на руках перчатки. Вик остановил изображение точно в тот момент, когда силуэт проходил мимо фонаря.

– Вот он, наш убийца, – сказал Вик, допивая пиво.

– Ничего не изменилось. Абсолютно ничего...

Несмотря на дождь и нечеткое изображение, уродливое, одутловатое лицо незнакомца было видно хорошо. Складки кожи полностью закрывали глаза, волос тоже не было видно под капюшоном. Вик поставил яркость на максимум:

– Как по-твоему, на нем маска?

Стефан встал и подошел к экрану. На DVD-проигрывателе обозначались число и время: воскресенье 13 мая 2007, 0:20.

– Не знаю. На этой камере слежения ничего не видно. На улице темно, идет дождь. Но напоминает тот муляж, что я тебе дал, верно?

– Да, чем-то напоминает.

– Это все, что у нас есть?

– Все. Этот засранец улетучился, словно его сквозняком выдуло, – ответил Вик, опустив голову.

Он, похоже, смирился со своей участью.

Стефан открыл еще бутылку.

– За наши беды, – сказал он бесконечно грустным голосом.

Потом поднял перед собой бутылку и прибавил:

– Стефан, если ты нас видишь, держись. За тебя, мой бедный мальчик.

Стефан проснулся как от толчка. И сразу удивился: с чего вдруг он улегся спать на полу в холле?

Он попытался приподняться и вспомнить, чем кончился вчерашний день. Он беседовал с сыщиком перед домом Эктора Арье, потом завис в баре, перебрал виски, поссорился с Сильвией, а потом... черный провал.

Нестерпимо болела голова. Он вошел в гостиную и бросил внимательный взгляд на светящуюся строку хай-фай: воскресенье, 6 мая, 4:33.

И сразу вспомнил весь сон.

Виктор Маршаль, с усталым, растерянным лицом. *Стефан-из-будущего*, подходящий к телевизору. Стоп-кадр на экране. И дата на строке хай-фай: воскресенье, 13 мая 2007, 0:20.

Кулаки сжались сами собой. Теперь он точно знал сдвиг во времени между снами и реальностью. Шесть дней и двадцать часов.

Стефан запаниковал. Сны становились все конкретнее и конкретнее. И время, когда сбудется первый, приближалось с пугающей скоростью. Это

должно случиться в ночь со среды на четверг. Он попытался успокоиться и разобраться. С первым сном пришло убеждение, что в снах персонажи из будущего вели вполне реальную жизнь: они ели, спали, их раны заживали... Жизнь как жизнь, только со сдвигом во времени. В часе было шестьдесят минут, в минуте шестьдесят секунд.

Значит, если сны не врут, то эпизод, который они смотрели, камера отсняла вчера, 5 мая, около 22:00.

Вчера в 22:00 человек с жутким лицом что-то вынес в рюкзаке с какой-то фабрики. Пресловутый убийца, которого разыскивает полицейский. Убийца блондинки и будущий истязатель брюнетки. Ее тело, обмотанное колючей проволокой, вероятно, вскоре найдут.

Но что он украл на фабрике? Каким образом *Стефануиз-будущего* удалось раздобыть эту кассету?

В запредельном волнении Стефан спустился в подвал и закрылся в комнате, которую сам назвал Страной Тьмы. Там он быстро пробежал пальцами по левому бедру. Прием с татуировкой сработал. *Стефан-из-будущего* имел точно такую же, на том же самом месте.

Стефану удалось передать ему послание. Конечно, речь шла только о метке на теле, но зато персонаж из его снов теперь знал, что его поняли и наблюдают за ним.

«Стефан, если ты нас видишь, держись... За тебя...» Эти слова без конца вертелись у него в голове. Перед глазами стояло изображение: *Стефан-из-будущего* поднимает пивную бутылку за его здоровье. Его вдруг охватила ярость.

– Пьянчуга несчастный! – закричал он, в ярости разломав карандаш. – Тебе что, больше делать нечего, кроме как пиво тянуть? Почему ты не сказал мне, что за кассету смотрел? Что, непосильная задача для твоих хилых мозгов?

Он стукнул кулаком по верстаку и тыльной стороной ладони смахнул на пол бюст Карлы Мартинес. К черту Эверара и все остальное! В сравнении с тем, что он переживал, все остальное не имело никакого значения.

Но почему же *Стефан-из-будущего* ему не помогал? Почему не написал на стенах вокруг себя фразы, которые он мог бы прочесть и понять?

Стефан обхватил голову руками. Несомненно, его двойник из будущего не имел выбора. Он тоже жил в условиях, которые наверняка не давали ему поступать как хочется. К тому же он, скорее всего, не знал, когда снится Стефану, да и сны длились не дольше нескольких минут.

Смог ли *Стефан-из-будущего* вернуться в «Три Парки»? А вдруг ему что-то помешало? И что заставило его преспокойно распивать пиво дома, в компании с Виктором, когда его разыскивает полиция? Что же должно было произойти, чтобы ситуация до такой степени изменилась?

Может, причиной тому был он сам, Стефан, его предшествующие действия и расследования?

Он выпрямился, щелкнув пальцами. Да, может быть! А что, если его настоящие действия уже помешали убийству Мелинды? А что, если его расследования изменили запрограммированный ход событий и воздействовали на будущее?

Да, да! Угрозы в адрес Арье, безусловно, отбили у того охоту действовать.

Стефан схватил толстый черный маркер и принялся писать на стенах Страны Тьмы. Прием с татуировкой сработал. Значит, послания должны дойти. Если *Стефан-избудущего* снова живет дома, как позволял предположить последний сон, то большую часть времени он проводит в своей норе. И он обязательно увидит надписи.

И Стефан написал: «Ты должен рассказать мне ради Мелинды. Каким образом ты снова встретился с сыщиком Виктором? Кого он разыскивает? Что за кассету вы смотрели? Расскажи о расследовании. Я понимаю, что ты не знаешь, когда я снова тебя увижу во сне, но ради всего святого... Пиши на стенах и на всем, на чем можно писать, оставайся в комнате и смотри на стены. Твои глаза послужат мне камерой. Я должен знать! Ход событий можно изменить! Можно спасти людей!»

И он писал еще и еще.

Потом сел в кресло на колесиках. У него все получилось. Он задал все вопросы, которые жгли его изнутри. О себе, о *Стефане-из-будущего*, обо всех необъяснимых событиях.

Теперь надо было, чтобы *Стефан-из-будущего* ответил, тоже написал на стенах, и все прояснится окончательно.

Энергия переполняла его, била через край. Он допил остатки холодного кофе. Выходит, будущее не так уж и незыблемо, как считает Джеки, его друг-физик. Судьбу можно обуздать, в запрограммированный ход событий можно внести изменения. Ограничений нет.

Стефан достал записную книжку и занес последний сон на аккуратно подклеенные страницы. Описал изображения на кассете с камеры наблюдения, фиксировал все события час за часом. Потом перешел к описанию лица чудовища. Некоторые его замечания были очень точны, другие, наоборот, размыты. Вот, например, диалог между Виктором

и *Стефаном-из-будущего* получался каким-то бессвязным и непоследовательным. Оба говорили о маске. Видимо, незадолго до разговора *Стефан-из-будущего* отдал Вику маску, похожую на физиономию убийцы. Но где и когда? Сколько дней назад?

И тогда Стефану пришла невероятная мысль. Он отложил ручку и отправился в пристройку, где хранились заготовки для голов манекенов, пластиковые и полистироловые руки и ноги. Порывшись в них и найдя подходящую голову, он поставил ее на место бюста Мартинес.

Затем взял три баночки подвулканизированного латекса и принялся трудиться над муляжом. Руки с необычайной скоростью растирали, разминали и разглаживали материал. Выпуклости, впадины и изгибы обретали форму. Лицо искажалось и превращалось в чудовищную физиономию с видеокассеты. Носил ли этот человек маску? Что за болезнь до такой степени изъела его плоть?

В руках Стефан держал изуродованное природой лицо того, кто убивал. Лицо, которое, по его расчетам, он увидит только через несколько дней. Он забежал вперед, ему удалось опередить будущее.

Удалось изменить ход событий.

Он поднял глаза на это нечеловеческое лицо и отшатнулся. Перед ним было само воплощение зла. Демон, с которым предстояло сразиться. Может, именно для этого и был ему дан дар предвидения...

Часы показывали 9:45.

Он все оставил как есть, сполоснул под краном руки и быстро взбежал наверх.

В спальне крепко спала Сильвия. Рядом с ней стояла почти пустая бутылка водки. Макияж растекся по щекам, по одеялу и подушке.

На компьютере лежал его цифровой фотоаппарат. Но ведь он оставил его в «форде». С чего бы это жена им заинтересовалась?

«Следить за Сильвией», – написал на стене *Стефаниз-будущего* в третьем сне. Почему?

Он надел тенниску, черные джинсы, быстро провел щеткой по волосам и выбежал из спальни.

В одной руке он держал ключи от машины и зеленую маску персонажа из фильма «Маска», в другой – кухонный нож.

9:55. Он с большим запасом приедет в Мери-сюр-Уаз.

Месса начнется только в 11:00.

39

Воскресенье, 6 мая, 10:23

Вик был зол на весь мир. Всю дорогу от Булонь-Бийанкур до Шеврез он непрестанно думал о Селине, о том, как они расстались сегодня утром, не сказав друг другу ни слова. Вчерашний разговор, перешедший в бурную ссору, снова вынудил их спать порознь. Он улегся в будущей детской, скорчившись на надувном матрасе, а она осталась в спальне и всю ночь проплакала, завесившись своими длинными волосами. Она даже угрожала, что уедет на несколько дней к матери в Авиньон.

А наутро, когда Мортье не дал ему спокойно доесть завтрак в одиночестве, сообщив, что появилась очередная жертва, Вик выскочил из дому бегом. Он планировал провести воскресный день в попытках исправить ситуацию в семье, а вместо этого поехал к месту преступления.

Проработал всего-навсего три недели, а семейная жизнь уже вошла в штопор. Слава богу, что через несколько месяцев родится ребенок. Ван был прав: это дело не для новичков.

После четырех дней следствия Вик начал всерьез это замечать.

Молодой лейтенант свернул на дорогу к дому Кассандры Либерман,

красивому кирпичному зданию на опушке леса. Поблизости никаких соседей. Значит, свидетелей будет немного, если будут вообще.

Он вышел из своего «пежо» и принялся проталкиваться между сотрудниками разных подразделений, уже работавших на месте происшествия: Региональной судебной полиции Версальского округа, научного подразделения и жандармерии. Люди в синих кепи прибыли первыми. Их вызвала молодая рыжеволосая женщина по имени Амандина Гослен, которая обнаружила тело.

Ван и Жоффруа курили у входа. Мортье о чем-то разговаривал с капитаном Региональной полиции Версаля. Повсюду сновали люди, и каждый был занят своим делом: кто в саду, кто возле дверей и окон, а кто-то, видимо, и внутри дома. И все без исключения лица были сосредоточенны, замкнуты и неподвижны.

Вик подошел к лейтенантам из своей бригады и поздоровался:

– Ну что, кажется, убийца тот же?

– Да что ты говоришь? – сухо отозвался Жоффруа. – Надеюсь, на этот раз ты тоже явился натошак?

– Нет, я успел позавтракать. Не предвидел, видишь ли, что меня могут вызвать в воскресенье.

– Придется привыкать. А что, папаша тебе про это не говорил?

– Мой отец никогда не касался темных сторон работы.

– Значит, держал тебя за полного дурака.

Вик разглядывал их сигареты, и в нем поднималось опасное желание закурить. На этот раз ему предстояло войти в дом и увидеть место только что совершенного преступления, где, возможно, лежало еще теплое тело в луже собственной крови. Он засунул в рот жвачку и приготовился к худшему.

– А что произошло? – поинтересовался он.

Ван раздавил окурок каблуком. Даже ему, похоже, было не по себе.

– Ты должен сам это увидеть, парень. Потому что на этот раз я ничего объяснить не смогу.

– Сказано откровенно и обнадеживающе, – заметил Вик, потирая руки.

– Мы здесь не для того, чтобы тебя обнадеживать.

На площадку вышел бледный до синевы криминалист, жадно вдохнул свежий воздух и снова исчез за дверью.

Вик молча сглотнул.

– Две жертвы меньше чем за неделю. О чем это говорит?

– О том, что этому типу окончательно снесло крышу и он бросается на все, что движется, – ответил Ван.

– А какая связь у новой жертвы с Леруа?

Жоффруа постучал указательным пальцем по виску:

– Ты что, дурак или как? Мы только что обнаружили тело, V8! Сечешь? Теперь работу надо делать. Ты больше не зритель, хватит торчать перед теликом и ждать, пока что-нибудь произойдет!

Обычно Жоффруа таких колкостей не отпускал, но тут он побил все рекорды. Наверное, у него тоже своих проблем хватало. Вик обратился к Вану:

– Мо, проводишь меня туда, внутрь?

Тот покачал головой:

– Сначала выкурю еще сигарету. Как минимум. Иди к Демектен, она уже заканчивает с осмотром тела и взятием образцов, а потом тело увезут. Обычно она особенно не суетится, но в последние несколько дней у нее просто веселье до упаду.

Вик в нерешительности взглянул на Мортье, который беседовал с коллегой из Версаля, и все-таки решился войти. В вестибюле он выбросил жвачку в мусорную корзину и взял у одного из техников комбинезон.

– Так что же все-таки случилось? – холодно спросил он у техника, с которым не был знаком.

– Надо подняться наверх. И маску возьмите.

– Там пахнет гнилью?

– Да, вонь ужасающая.

Вик молча натянул защитные штаны, блузу, шапку, перчатки, бахилы и маску.

Надо идти. Позабыть обо всем. Об улыбках, о чувствах, а заодно и о человечности. И встретиться лицом к лицу со злом. Воздать должное этому жуткому ремеслу.

Наверху, как и в первый раз, от запаха свело желудок. Вик осторожно прошел вдоль заграждения, установленного научной бригадой. Он больше не был уверен, что хочет идти дальше. Черт возьми, ведь сегодня воскресенье, все люди отдыхают, занимаются спортом или мирно потягивают пиво перед телевизором.

Он позволил себе на несколько секунд задержаться перед дверью, зажмурился, снова открыл глаза, выдохнул и вошел.

Первым делом он взглянул на кровать с пуховым одеялом, но на сей раз резня происходила не на этой сцене. Невообразимое, патологическое полотно разворачивалось справа на стене.

Вик скривился, но ему удалось утихомирить рвущиеся наружу внутренности. К нему повернулись угрюмые лица, а потом все как один

вернулись к работе. Кто фотографировал, кто делал замеры, кто снимал показания приборов, кто что-то записывал. И все это составляло внушительный контраст со сценой беспредельного ужаса. Самые новые технологии против самого первобытного варварства.

Девушка была привязана колючей проволокой к массивному шкафу. Ее привязали стоя, руки жертвы беспомощно болтались по бокам, босые ноги, истерзанные проволокой, были связаны вместе. Последние фаланги пальцев отрублены, и с них свисали кровавые сталактиты.

Но самым страшным было не это, самой страшной была голова.

Она наклонялась вправо, череп был прикрыт коричневой тканью, а дальше до самых лодыжек спускалась синяя. Вместо лица бесформенная каша. Губы и язык отрезаны, а за нижнюю челюсть, проткнув подбородок и нижнюю губу, зацеплен огромный крюк. К оконечности железного крюка была узлом привязана веревка, и на ней болтались матерчатые мешки разного размера и веса. Своей тяжестью они выламывали нижнюю челюсть. Взгляд жертвы уходил куда-то в никуда, словно она отводила глаза от собственного страдания.

Вик не отваживался даже представить себе, какую муку испытывала эта женщина в последние секунды жизни. Проволока, впившаяся в кожу, крюк, истерзанное тело, но прежде всего – ужас.

К молодому лейтенанту подошла Жизель Демектен:

– Жуткая картина, верно?

Она махнула головой в сторону санитаров, входивших в спальню с носилками и кусачками. Над жертвой на шкафу было написано мелом: «82/100».

– Когда она умерла? – спросил Вик.

– Навскидку – между восемью и двенадцатью часами. Судя по точечным кровоизлияниям, она захлебнулась. Когда выломалась нижняя челюсть, она не смогла выплюнуть хлынувшую кровь, и жидкость проникла в легкие. Так что, можно сказать, ее утопили в собственном гемоглобине.

Запах стоял невыносимый. Вик старался дышать ртом.

– А на предплечьях есть следы от уколов? – спросил он Демектен.

Она кивнула:

– Да, можно предположить, что ей тоже ввели морфин. Взгляните на мешки с зерном, привешенные к ее нижней челюсти, и обратите внимание на их разный вес. Сначала он прицепил тяжелые мешки, чтобы быстрее раздвинуть челюсти и нагрузить челюстно-лицевые мышцы. Но потом «отрегулировал» нагрузку, заменив мешки на более легкие, чтобы подойти

к пределу эластичности мышц, перед тем как челюсть оторвется. Представляете, какую боль она испытала, когда морфин перестал действовать?

Демектен сняла очки и вытерла лоб платком.

– Эта часть лица особенно чувствительна к боли: в ней много разных мышц и нервов. Вторая жертва, как и первая, много потела, что позволяет предположить, что пытка была долгой. И уксусом ее тоже смачивали, как и первую.

Вик задыхался. Ему вдруг непреодолимо захотелось сорвать маску, швырнуть ее на землю, вернуться домой и прижать к себе Селину.

– А... ее насиловали?

– Нет.

Демектен стянула с рук перчатки и распорядилась, чтобы санитары унесли тело. Потом снова заговорила:

– Да, вот еще что. Как и в тот раз, возле правой руки жертвы находился предмет, он лежал на ручке шкафа. Объектив фотоаппарата «35–200».

Вик почувствовал, что за спиной кто-то появился. Ван.

– Ну как? – спросил тот. – Второй эпизод за четыре дня, и это притом, что в криминальной полиции ты меньше месяца. Парень, ты принимаешь участие в расследовании высшего класса.

– Знаешь, на этот раз я предпочел бы класс пониже.

Демектен попрощалась и вышла.

– Я спрашиваю себя, а создан ли я, мать вашу, для такой работы.

– Рано или поздно все задают себе этот вопрос. Только вот ты его задал что-то уж больно рано.

Ван достал из кармана забористую перченую конфетку.

– Этот вонючий идиот перебил все зеркала во всех комнатах, – сообщил он, перед тем как сунуть ее в рот. – Сверху донизу.

Вик нахмурился:

– Что?

– Что слышал. Ты мне недавно что-то говорил о «Красном Драконе». Очень похоже. Все зеркала вдребезги.

– А у Леруа он тоже так повеселился?

– Нет. Но мне вот что кажется, Матадору не нравится собственная рожа, потому он и уродует других: чтобы они становились на него похожи. И с этой он поступил так же. А надпись ты видел? 82 процента. Кто знает, может, это авторский знак, что-то вроде подписи, а может – индекс сходства? Сходства с ним, которое жертва приобретает, пройдя через пытки. Леруа удостоилась всего каких-то жалких 78 процентов. Он делает

успехи.

Ван указал на линолеум:

– Не знаю, заметил ты или нет, но и на квартире Леруа, и здесь в определенных местах имеются маленькие лужицы. На кухне, возле спальни и рядом с жертвой.

– Вода из-под крана?

– Надо обязательно уточнить. Но вот на кой черт она ему понадобилась, неизвестно.

– А мела там не было?

– На этот раз нет. И пока никаких отпечатков. В этом он тоже преуспел. Зато на ковре в комнате те же следы треноги. Он опять все снимал, и он хочет, чтобы мы об этом знали. Получается, что он может ставить свое оборудование, где ему заблагорассудится.

Вик никак не мог сосредоточиться и собрать всю эту информацию воедино. Он прислонился к стене.

– Что-то ты сегодня не особенно разговорчив, – заметил Ван.

– Я почти не спал. И потом, тут у меня все плывет перед глазами.

– Хочешь, еще кое-что скажу?

Вик протяжно вздохнул:

– Давай... Я слушаю... Выгляжу я, может, и не так... но слушаю...

– Нигде не горит свет.

– Предохранители?

– Их сперли, как и в доме Леруа. Должен признать, что тут мы застряли. Необъяснимо. Может, он света боится? Вампир, что ли?

– Можно я открою окно? – спросил Вик у санитара.

– Открывайте. Здесь уже все закончили.

Вик стащил с себя маску и опьянел от свежего воздуха. Он прикрыл глаза и улетел далеко-далеко. Авиньон, солнышко, кузнечики стрекочут... Он туда вернется, только не на такую горячую голову.

– Почему он ее так странно одел? Зачем эти тряпки на голове? Очевидно, он стремился придать ей определенную позу. По крайней мере, это было мое первое впечатление. И одежда, и поворот головы выглядели как-то неестественно.

– Если у тебя на челюсти висит двадцатикилограммовый груз, трудно естественно повернуть голову.

– Нет, я не то хотел сказать. Вспомни Леруа и этих кукол... Там все выглядело как театральная мизансцена. А тут он кладет рядом с телом объектив фотоаппарата. Она что, фотограф?

– Фотограф, и это ясно видно.

– Может, располагая предметы таким образом, он хочет нам что-то сказать?

– Твой приятель, врач, историк или как его там, нашел что-нибудь имеющее отношение к этим куклам?

– От него пока известий нет. Да еще этот фокус с мобильником, который взял и разрядился...

– Надо, наверное, подумать и купить новый. И лобовое стекло у тебя в автомобиле тоже надо сменить.

– Да? И когда же это?

– Да, у тебя куча забот, – сказал Ван, засунув руки в карманы.

– Все меньше, чем у нее. Черт, все меньше, чем у нее. А ее подружку, ну, ту, что нашла тело, уже допросили?

– Только начали. Там с ней психолог, Жоффруа и ребята из полиции Версаля. Я уж не говорю, что у нее шок. Посмотрим, что даст допрос, но... тут есть одна заковыка.

– В смысле?

– Жертва была фотографом, это выяснили. Однако на первый взгляд фотографом не совсем обычным. Пошли.

Они спустились по лестнице на первый этаж, миновали еще несколько ступенек и оказались в подвале. Оттуда они прошли в каморку, защищенную массивной деревянной дверью с крепким замком. Сотрудники делали фото и снимали отпечатки пальцев.

Войдя в каморку, Вик огляделся. Стены были увешаны постерами с искусно сделанными цифровыми монтажами. Микки Рурк с шестипалой рукой, Джонни Депп с лицом, очень напоминавшим физиономию Человека-слона, однорукий Брюс Уиллис...

– Снова монстры, – прошептал Вик, сжав кулаки. – Не может быть! – И пнул ногой пустоту перед собой. – Мо!

– Что?

– Дай сигарету.

– Ты уверен?

Вик кончиками пальцев нащупал в кармане спичечный коробок:

– Уверен... Давай...

Ван с нехорошей улыбкой протянул ему сигарету:

– Все знали, что ты долго не выдержишься.

– Кто это – все?

– Да все.

– И ты?

– А я в первую очередь.

Вик схватил сигарету, с ностальгией покрутил ее в руках, потом подошел к портрету Микки Рурка и приставил сигарету к лицу на глянцевой бумаге:

– Он гораздо круче выглядит с сигаретой, чем с этой шестипалой клешней, правда?

Он бросил сигарету в воздух, а Ван ее поймал.

– Да идите вы все... и ты, и все остальные! Ни за что снова не закурю. Даже если придется заглянуть дьяволу в глаза.

Стефан ждал уже двадцать минут, а Мелинда все не появлялась. А если она вовсе не пойдет к мессе? Как тогда к ней подступиться? В понедельник, на выходе из школы, с риском, что его заметят ее одноклассники?

Стефан принялся грызть яблоко, а из радио тем временем тихо доносилась песня «Роллинг стоунз». Вдалеке какой-то тип открыл капот своей машины, и оттуда повалил беловатый дым. Стефан не обратил на это внимания, зато взгляд его остановился на баре с табачным киоском, расположенным чуть слева. Бар был открыт, несмотря на воскресный день.

Он еще раз взглянул на часы и вышел из автомобиля, держа в памяти серию номеров. В конце концов, почему он должен получать из будущего только негативную информацию? Сон о «Трех Парках» выдал ему выигрышные номера тиража лотереи, который будет разыгран в среду, так почему бы не воспользоваться?

В кафе толклось несколько барных завсегдатаев. Стефан взял шестиклеточную карточку и вписал туда числа 4-5-19-20-9-14, чувствуя,

как давит на него груз неизбежности. Но разве лотерея не была всегда эмблемой азарта? Сорок девять шаров, крутящихся в сфере, в один прекрасный миг могут сложить точную комбинацию из шести чисел, и вероятность такой комбинации – примерно один на тридцать миллионов. И как только судьбе удастся контролировать такие мелкие и непредсказуемые детали?

– Всего одну карточку? – спросил продавец. – А вы самоуверенный.

Стефан положил перед ним банкноту в пятьдесят евро:

– У меня есть одно преимущество: я умею предвидеть будущее. Но, по правде говоря, мне не хочется, чтобы выпали эти числа.

– В том-то и выгода игры, – заметил продавец, кладя билет на стойку.

Стефан с беспокойством смотрел поверх его головы, туда, где стоял домик Мелинды. Вдруг сердце у него забилося. На крыльце появились родители девочки, они вышли ее проводить.

Мелинда миновала ворота и теперь бодрым шагом, одна, шла по улице.

Не раздумывая ни секунды, Стефан бросился к выходу.

– Эй! Вы забыли билет! – крикнул ему вслед кто-то из покупателей.

Но Стефан уже был на улице.

Он взял в автомобиле маску персонажа знаменитого фильма «Маска» и теперь бежал вровень с Мелиндой, но по другой стороне улицы.

Поначалу малышка его не заметила, потому что любила считать точное количество шагов от дома до церкви. Но тут что-то отвлекло ее от этой игры.

Слева от нее какой-то человек в маске из ее любимого фильма «Маска» выделялся нечто невообразимое: как сумасшедший размахивал руками во все стороны, вертелся и подпрыгивал. Входя в засаженный редкими деревьями парк, Мелинда старалась не обращать на него внимания. Но не тут-то было! Уж очень он был смешной в этой маске с большими белыми зубами, с зеленым лицом, цвета голливудской жвачки, и жабыми глазами.

Маска, присвистнув, пронесся перед ней и прошелся на руках, а потом тяжело шлепнулся на землю. Мелинда услышала, как он заворчал, и поняла, что Маска сильно ушибся. Она остановилась и прижала кулачки к губам.

Стефан, морщась от боли, снял маску:

– И поделом мне, нечего паясничать. Я уже староват для таких штук. Девочка ушам своим не верила:

– У тебя голос точно такой, как в фильме!

– Ну разве что я не Джим Керри! Джим Керри – тот настоящая Маска,

и он гораздо гибче меня!

Стефан украдкой огляделся. В парке никого не было видно, только вдалеке пожилая дама выгуливала собачку. Он присел перед девочкой на корточки. На ней было короткое голубое платье, белый жилет и черные ботиночки. Все это необычайно шло к ее красивым зеленым глазам.

– Послушай, Мелинда, Маска должен тебе кое-что показать.

– Ты знаешь, как меня зовут?

– Но ведь ты же знаешь, как зовут меня?

– Да, но ты знаменитый, это другое дело.

Стефан протянул ей латексную физиономию:

– На, поддержи. Только осторожно, она настоящая, и я ею очень дорожу.

– Настоящая-пренастоящая?

– На все сто: Джим Керри мне сам ее подарил. Ты знаешь карьер Хеннока?

Мелинда кивнула, с гордостью рассматривая маску, а потом ее надела.

– Знаю, это недалеко от моего дома. Но папа не разрешает мне туда ходить. Это опасно.

– Хорошо, Мелинда, очень хорошо. Ты абсолютно права. А вот мы с Маской хотим тебе там кое-что показать. Что-то очень для тебя важное.

Она замотала головой:

– Нет-нет-нет. Я иду к мессе. И потом, я никуда не хожу с незнакомыми людьми.

Стефан бережно снял с нее маску.

– А разве я незнакомый? И Маска тоже?

– Нет, но... Это странно, но мне кажется, я тебя уже видела. Ты раньше приходил в парк?

– Может быть. Кто знает? А месса... ну, скажешь родителям, что там была. Вряд ли от воскресенья до воскресенья там что-нибудь меняется.

Он снова натянул маску и принялся изображать кюре: спина его согнулась, ладони поднятых рук нацелились в небо, как у священника, читающего проповедь. Малышка залилась смехом.

– Ну что, пойдешь со мной? Мой сюрприз дожидается, чтобы его забрали.

Ему пришлось выдержать горячее сражение, но в конце концов они с Маской уговорили ее тайком сесть в «форд», чтобы никто не увидел. Стефан уже разведal местность вокруг карьера. Он оставил машину на узкой пологой улочке, взял Мелинду за руку и повел сквозь густой кустарник. За кустарником виднелась высокая решетка, но шагах в трех слева в ней была дыра, сквозь которую можно было проникнуть в карьер.

– А я и не знала, что можно пройти здесь, – удивленно сказала Мелинда.

– А ты что, пробовала?

– Нет, однажды ребята хотели взять меня с собой, но я не пошла. Мальчишки все время лезут куда не надо.

– Это верно. И тебе никогда не надо ходить в места, куда ходить запрещено.

– А я и не хожу.

– Это заметно.

Стефан взял с собой фонарик. А правую ногу под брючиной ему покалывал нож.

Там, где они находились, их никто не мог обнаружить. Их заслоняли деревья.

– Это мы, пираты! – крикнул он «пиратским» голосом. – Джек Воробей и вся его команда! На абордаж!

– На абордаж! – подняв руку, отозвалась Мелинда.

Стефан первый нырнул под скалу и, оказавшись в темноте, зажег фонарик.

– Давай сюда! – шепотом скомандовал он.

Мелинда обернулась, помедлила и пошла за ним.

– Ну что, это ведь лучше, чем месса? – спросил он.

Повсюду блестели капли воды. В тишине их голоса гулко отдавались в каменных стенах.

– Лучше.

– Ты меня просто удивляешь. Ты хоть знаешь, зачем каждое воскресенье ходишь в церковь?

– Если по-честному, то нет. Знаю, что надо ходить, и все.

Стефан осторожно продвигался вперед, держа девочку за руку. Путь становился опасным. Земля скользила под ногами из-за пробивающихся повсюду ручейков, из-за неровности камня, из-за незаметных уклонов. Перед ними ветвились пронумерованные галереи – 86, 87, 88... Их становилось все больше. Какая же из них затоплена? Куда идти?

Стефан никак не мог смириться с мыслью, что дня через три-четыре девочку, идущую с ним рядом, могут найти мертвой в этом карьере.

– А тут и правда красиво, – удивлялась Мелинда, доверчиво глядя на него своими детскими глазами. – Мы пойдем дальше?

Стефан положил между ними фонарик, нахмурился и опустился на колени:

– Нет, Мелинда, не пойдем. Все.

Он медленно завел руку под рубашку и вытащил нож.

Девочка хотела закричать, но он зажал ей рот рукой.

– Нет, нет! – заговорил Стефан. – О, прости меня! Не кричи, пожалуйста, прошу тебя! Выслушай меня и поклянись, что не будешь кричать. Договорились?

Мелинда кивнула.

– Этот нож – для тебя! Я не собирался причинить тебе зло!

– Что?

– Вот не умею я успокаивать... Нож я спрячу вот здесь, в углублении скалы.

Он встал и положил нож в небольшую лунку на уровне роста Мелинды:

– Ты его видишь? Запомни хорошенько это место. Если мы хотим спустаться дальше, мы обязательно мимо него пройдем. Запоминай его.

– А зачем тебе это? Зачем ты прячешь здесь нож?

– Мелинда, ты никогда, слышишь, НИКОГДА не должна никуда ходить с незнакомым человеком! Я незнакомый человек, и я могу причинить тебе большое зло.

– Но ты добрый, ты...

– Все незнакомцы очень добрые. Они могут тебя рассмешить, наобещать кучу интересного, подражать Маске, Дональду Даку, Микки-Маусу или другим персонажам, но все это притворство. Они притворяются, чтобы увлечь тебя за собой. Вот это я и хотел тебе показать, когда повел сюда.

– Да... Я понимаю.

Потом Стефан очень точно описал ей Эктора Арье и сказал:

– Если когда-нибудь этот человек силой затащит тебя сюда и станет плохо себя вести, возьми спрятанный нож и ударь его в живот. А потом беги что есть силы к выходу. Поняла?

– Поняла. Я хочу обратно. Мне холодно.

– Сейчас пойдем. Сегодня воскресенье, но во вторник или в среду остерегайся всех мужчин, которых встретишь. Договорились? Не забудешь, что тебе говорил Маска? Опасайся всех.

– Не забуду.

– Пообещай. И еще пообещай вообще сюда не ходить.

– Обещаю.

Они вышли из галерей. Прежде чем сесть в автомобиль, Стефан достал из сумки бумажные салфетки и вытер грязь с ботиночек Мелинды.

– И последнее, Мелинда. Не говори о нашей встрече ни родителям, ни

еще кому-нибудь. Не забывай, что ты была в церкви. Хорошо?

– Да, да, я поняла.

– Очень хорошо... Когда ты обычно возвращаешься?

– В четверть первого.

– Можно уже ехать.

Прежде чем высадить ее на углу улицы, Стефан ласково поцеловал девочку в лоб:

– Я тебя очень люблю, Мелинда. Когда я был чуть постарше тебя, у меня была замечательная подружка. Ее звали Людивина, и она была очень похожа на тебя.

– И ты с ней не видишься?

Стефан опустил глаза:

– Будь очень внимательна. Отдашь мне маску? Я ею очень дорожу.

Она с сожалением протянула ему маску:

– Ты ко мне еще придешь?

– Не думаю. Но я все время буду поблизости. Обещаю.

А ведь она могла быть его дочкой. Несбыточная мечта.

С чувством выполненного долга он смотрел ей вслед. Мелинда больше не пойдет ни с одним незнакомцем. Он только что решительно все изменил и был в этом абсолютно уверен.

Он увидел его, случайно бросив взгляд на пассажирское сиденье. Он выпал из кармана у Мелинды.

Маленький розовый платочек с вышитым медвежонком.

Окровавленный детский платок из его сновидения.

Из того самого, в котором по радио объявили, что он разыскивается как предполагаемый убийца девочки по имени Мелинда.

Мортье и Вик поджидали возле дома Кассандры Либерман со стаканчиками кофе в руках, когда к ним подошел Жоффруа. За его спиной садились в полицейскую машину Амандина Гослен и психолог. Рыжеволосая девушка куталась в просторную шерстяную накидку. Ее жизнь уже никогда не будет прежней.

– Ну что? – спросил майор Мортье.

Перед тем как ответить, Жоффруа достал из багажника «Пежо-407» термос и тоже налил себе кофе. Ван остался обследовать дом вместе с техниками из научного подразделения и еще с несколькими смельчаками.

– Эти две девицы не так давно встречались. И угадайте где?

– «Три Парки»?

– Бинго!

Жоффруа повел пластиковым стаканчиком в сторону дома и снова заговорил:

– По словам Гослен, Либерман была помешана на всяких уродствах. У нее на каждой ноге по шесть пальцев, так Либерман их без конца

фотографировала, гладила и даже... обсасывала. В ее компьютере должно быть больше ста снимков этих «копытец». Фетишистка до самых кончиков ногтей.

Мортье поморщился:

– Получается, Матадор выискивал себе жертв среди завсегдатаев заведения?

– Похоже на то, – ответил Жоффруа. – И интересовался не теми, у кого есть отклонения, а теми, кто этими отклонениями пользовался для удовлетворения собственных нездоровых фантазий. Теми, кто этим спекулировал... Он знал их клиентуру, их необычные интересы. Наверняка у него был кто-то, кто уже контактировал с этими девицами напрямую или косвенно. Может, в «Трех Парках», может, в другом месте.

– Слежку за «Тремя Парками» продолжают?

– Да.

Майор полиции выглядел довольным.

– Отлично! Что еще?

Жоффруа подвел их к той стороне дома, где было вентиляционное отверстие.

– Жертва вчера в мессенджере сообщила Амандине Гослен, что за ней через это отверстие кто-то следил, и упомянула трупный запах и какую-то серую машину.

– Есть следы на траве?

– Никаких.

Мортье наклонился и заглянул в отверстие, бормоча себе под нос:

– Ты спокойно явился сюда, чтобы поглазеть перед завтрашним визитом, а? Ты не торопясь вскрыл входную дверь... А потом так же спокойно поднялся наверх со всем своим оборудованием. Ты ее разбудил, привязал колючей проволокой к шкафу и вколол ей в руку морфин. А потом, сволочь, ты принялся за работу. Что же она такого сделала, чтобы заслужить все эти муки? Почему ты так ожесточенно уродовал ее лицо? Ты заставлял своих жертв смотреть на тебя, когда отрезал им фаланги пальцев? Что именно доставляло тебе наслаждение? Слушать их мольбы?

Мортье провел ладонями по лицу. И в этот момент Вик вдруг понял, что эта лысая скала, с лицом, словно высеченным из камня, была не только полицейским, а еще и человеком и у него были жена, дети, свои заботы, радости и печали. Командир со вздохом выпрямился. А Жоффруа продолжил разговор:

– Гослен появилась в «Трех Парках» из чистого любопытства около месяца назад. Она слышала, как кто-то говорил об этом отеле на

вечеринке. Там она и познакомилась с Кассандрой Либерман, которая платила или трахалась с увечными, чтобы добиться разрешения сфотографировать их уродства. Кассандра была чокнутой, одержимой и собиралась ехать в Африку, чтобы там снимать на пленку всевозможных монстров.

– Час от часу не легче.

– Больше рыжая нам ничего не сообщила. И у нее не сложилось впечатления, что за ней кто-то подглядывает или следит. В «Трех Парках» они с Либерман вели себя очень осторожно, подозрений не вызывали. Вот разве только накануне произошел странный эпизод, когда какой-то парень во что бы то ни стало хотел вселиться в шестой номер, который они занимали, и настойчиво требовал у них назвать свои адреса.

– Стефан Кисмет?

– Он самый.

Мортье повернулся к Вику и кивнул, чтобы он тоже что-нибудь сказал.

– Как я уже вам объяснил, – начал тот, – этот парень говорит странно и непоследовательно, он постоянно возбужден через край и явно находится во власти фантазий. Он рассказывал мне о своих снах, о том, что он может предвидеть события. На время первого убийства у него алиби: он был в ресторане. И машина у него не серая, а синяя.

– А у его жены – серая, – уточнил Ван.

– Как и у меня, и у майора, и у миллионов людей. У себя в доме Кисмет живет в подвале. Он занимается изготовлением муляжей для кинотрюков, и везде, где бы он ни появлялся, он очень заметен. Кроме того, я прихватил одну из его латексных перчаток и отнес в лабораторию, чтобы сравнить отпечатки с теми, что оставлены на кусочке мела. Перчаткой он пользовался, и отпечатков на ней много, но нет ни следа маисовой пудры. Это не наш клиент.

– V8 прав, – сказал Жоффруа. – По последним сведениям, он снял шестой номер в «Трех Парках» на неделю. Портье был очень зол, потому что этот... Кисмет разрисовал фломастером все обои. Подождите... – Он вынул из кармана листок бумаги. – Слушайте, оно того стоит: «Меня зовут Стефан, и я полагаю, что послание, которое ты написал из будущего на противоположной стене, адресовано мне. Сегодня пятница, 4 мая, почти полночь. А какое число у тебя? Я не смог прочесть все твои послания. Ты должен сказать, чем я могу тебе помочь, почему тебя разыскивают. Сюда, в „Три Парки“, заявила полиция. Почему?»

Все трое понимающе переглянулись.

– Ясно, – сказал Мортье. – Полностью погружен в себя, замкнут,

убеждения и мысли носят бредовый характер, внушил себе, что за ним кто-то следит или что он стал объектом заговора. У меня двоюродный брат шизофреник, картина похожая. Впрочем, если заглянуть в какой-нибудь дальний уголок нашего мозга, тоже можно кое-что увидеть... Ладно, так что насчет места преступления? Твои впечатления, V8?

Вик скомкал пластиковый стаканчик в ладони. Он все еще не отошел от того, что увидел.

– Давайте вспомним первую жертву, Леруа. Она своими фантазиями завлекала, притягивала к себе уродов. Она, как сирена-губительница, занималась любовью с безрукими и безногими. И наш убийца ее покарал тем же манером: соединил ее с ребенком-сиреной.

– Отплатил ей той же монетой.

– Вот именно. А в случае со второй жертвой, Кассандрой Либерман, он придумал нечто новое. Кассандра Либерман принципиально подходила к ужасам уродства только посредством фотоаппарата. Результат: убийца ее обезображивает, устраивает жуткую мизансцену и в качестве символа оставляет рядом с ней фотообъектив.

– Он приноравливается к характеру жертвы, а потом наносит удар.

– Да, он убивает, учитывая вид их занятий, их фантазий, и карает за презрение, что они питают к тем, кто отличен от них физически. Видимо, его эти отличия тоже затрагивают, как мы и заподозрили с самого начала. Ему отвратительны человеческие взгляды и точно так же отвратительно любое прикосновение, потому он и ликвидирует у жертв губы, кончики пальцев и языки. Скорее всего, он холост, плохо ладит с людьми и занимается той работой, которая позволяет избегать посторонних глаз. Ночной сторож, кладовщик, механик – в общем, невидимка. Он долго, слишком долго сносил пренебрежение, оскорбления и насмешки. А теперь, достигнув зрелости, и физической и умственной, стал убивать. Он крепкого сложения, уверен в себе, ему от двадцати до тридцати пяти лет.

– Но почему он не насилует своих жертв?

– Видимо, это его не интересует.

– А может быть, просто не способен. Может, он импотент, как Кисмет. И мстит за себя, отыгрываясь на других частях тела. Лицо Либерман он превратил в кашу, такое впечатление, что она прямой наводкой получила мину или шрапнельный снаряд. Но почему она, а не Леруа? Это ты можешь объяснить?

Вик помотал головой.

– Нельзя же сказать, что он совсем не повредил лицо Леруа, но... я не знаю. Либерман использовала больных людей в качестве моделей для

фотографий и получала от этого немалую выгоду. Матадор заставил ее заплатить им всем и больше всего постарался над лицом. Ведь мы прежде всего смотрим в лицо человеку и по лицу его узнаём и различаем. Вы заметили, что 78 процентов у Леруа перешли у Либерман в 82? Чего он добивается? Достичь в чем-то ста процентов? А по какому параметру? По признаку полного соответствия? Но у Леруа рот был сведен мукой, болью. Видимо, он придает этой детали лица большое значение.

Тут к ним подошел Ван с большим альбомом в руках.

– Либерман не ограничивалась фотографиями уродства, – сказал он. – Она изучала все жестокости, которые учиняла над человеческим телом история. У нее была куча книг о пытках, об инквизиции, о вскрытиях трупов, о хирургии, но самое поразительное – вот это...

Он поднял вверх альбом.

– Он хранился в ячейке, которую нам пришлось вскрыть. То есть убийца априори не мог этого видеть. И там же находилось множество черно-белых негативов, где запечатлены страшные вещи. По всей видимости, это документы из архивов Первой мировой войны, к которым Либерман удалось получить доступ.

– Там еще хуже, чем было в компьютере? – поинтересовался Мортье.

– Там побиты все рекорды. Удивительно, что к этому приложено благодарственное письмо. С этих негативов распечатывали фотографии для фотовыставки, которая работает сейчас в лионском Музее истории хосписов. Но прежде всего...

Ван открыл альбом, вынул один из негативов и передал Мортье.

Майор поднял его вверх, чтобы посмотреть на свет. Жоффруа и Маршаль подошли к нему, и у всех троих вытянулись лица. На негативе было раздробленное мужское лицо, все в клочьях кое-как пришитой кожи. На зацепленном за подбородок крюке болтались грузы: мешки разного веса.

Искореженный образ изуродованного лица Первой мировой войны.

То, что сделал Матадор с лицом Кассандры Либерман, полностью его копировало.

Стиснув лоб пальцами, Мортье обратился к Вику:

– Ты у нас завсегдатай музеев, вот и дуй на скором поезде в Лион. И делай любые сопоставления, какие пожелаешь, с материалами Дюпюитрена и с теми, что нарыли в «Трех Парках».

– Господин майор, но сегодня воскресенье, и я...

– Как, нынче воскресенье? Есть какие-то проблемы?

– Нет.

– Мне нужен этот засранец, и как можно скорее.

Вик вздохнул и твердо сказал командиру:

– У меня разрядился мобильник, не дадите свой, чтобы я мог позвонить жене? Не считите мою просьбу излишней, но я должен ее предупредить.

Оставшись один в большом доме, Стефан закрылся в своей Стране Тьмы. Единственную галогенную лампу он поставил на минимум. Здесь, на этом кладбище патологических существ, в окружении посланий, предназначенных *Стефану-из-будущего*, он чувствовал себя в безопасности, защищенным от окружающего мира.

Он внимательнейшим образом снова перечитал свою записную книжку, отыскивая там новые знаки, новые пути расследования. Он встретился с Арье, с полицейским, с Мелиндой, разыскал музей Дюпюитрена, побывал в «Трех Парках», в карьере Хеннока, видел кусочек белого мела, фарфоровую статуэтку и еще много чего. Теперь надо все снова привести в порядок. Надо постараться распутать этот клубок, развязать все узлы и начинать действовать.

Он мысленно проделал весь путь *Стефана-из-будущего*, как он его себе представлял, не обращая внимания на темные провалы в сновидениях. По его заметкам и расчетам выходило, что все началось 10 мая, в четверг, в 2:35 ночи. Меньше чем через четыре дня он, возможно, прибежит в этот

дом, в слезах, с окровавленными руками, и бросится вниз по лестнице к винным бутылкам. И вот тут чей-то «зиг-зауэр», несомненно Виктора Маршала, упрется ему в висок. Он много раз и так и этак прокручивал ситуацию и находил только один ответ на вопрос, откуда взялась кровь на руках. Мелинда...

Второй сон, «Дорога в Со». Того же 10 мая в 19:30 *Стефан-из-будущего* мчался к Эктору Арье с пистолетом полицейского. Но каким образом пистолет оказался у него? На окровавленном пассажирском сиденье его машины лежал маленький розовый платочек Мелинды и какая-то одежда. Несомненно, это был отцовский охотничий костюм, давно потерянный где-то в Вогезах.

Надо предотвратить все эти ужасы, вмешаться в безжалостный ход событий. Любой ценой.

Стефан тряхнул головой и побежал в подвал к винной стойке.

После первого сна он спускался сюда вместе с Сильвией, чтобы поменять местами бургундское и бордо и расставить их так, как они стояли во сне. Кто-то или что-то, какой-то невидимый кукольник делал все, чтобы сны сбывались вплоть до малейших деталей. Но Стефан твердо решил ему воспротивиться.

Надо перепробовать все способы, начиная с самого простого. Он переставил бутылки в первоначальном порядке: бордо внизу, бургундское наверху. Деталь пустяковая, но вдруг она сможет все изменить, обмануть сны и изменить порядок событий?

Теперь он поднялся на первый этаж, схватил азиатскую фарфоровую статуэтку и разбил ее об пол. Осколки он собрал и выбросил в мусорное ведро. Как статуэтка могла появиться на столике в его будущем, когда в то время ее в доме не было? Осталось выбросить платочек Мелинды. Он заколебался, а потом решил, что платок ему нужен: он обязательно вернет его хозяйке, когда весь этот бред кончится и все войдет в норму. Ему хотелось повидаться с девочкой, и платочек послужит поводом.

Стефан снова вернулся в Страну Тьмы и сосредоточился на том, чтобы вспомнить все сны и постараться их проанализировать. Второй сон: Стефан сидит за рулем своего «форда» и слушает радио. Дикторша заявляет, что Мелинда найдена мертвой: ее утопили в карьере Хеннока. По-видимому, его разыскивает полиция.

Стефан поднес к губам чашку с холодным кофе. Ну как мог он, вопреки всему, что знал, оказаться замешанным в убийстве девочки? А что, если его умело подставили? Ведь если он стремился помешать Арье убить девочку, то тем самым мог навлечь на себя подозрения. Да, это вполне

вероятно. Честно говоря, даже очень вероятно. И это объясняет, почему он явился к Арье с «зиг-зауэром». Чтобы отомстить.

Он понимал. Теперь он все лучше и лучше понимал, что может произойти, если он ничего не изменит. Если не попробует сразиться с судьбой.

Следующий сон. На другой день, 11 мая, около 14:00. «Три Парки». *Стефан-из-будущего* спрятался в номере отеля. Голова у него побрита наголо, на лице латексная маска, чтобы не узнали. По кровати разбросаны фотографии с места преступления. Обе жертвы, блондинка и брюнетка, были убиты с особой жестокостью. Как оказались у него эти снимки? Может, их ему передал тот полицейский, Виктор? Очевидно, *Стефан-из-будущего* впал в отчаяние, потому что засунул пистолет себе в рот и был готов нажать на спусковой крючок. Но что он такого сделал? В чем упрекал себя, прибежав в отель?

Стефан сжал кулак. Нет, он никогда не мог причинить кому-нибудь зло.

Но тем не менее его существование, как вехами, было помечено мертвецами. Людивина Кокель, Гаэль Монтё. И все, кто погиб при крушении поезда.

И в этом сне Стефан обнаружил послания на стенах. Почему: «Держаться подальше от Мелинды»? Теперь Стефан знал, что сделал все, что нужно. Оставалось надеяться, что девочка восприняла урок и никогда и никуда больше не пойдет за незнакомыми людьми. Он не мог ухудшить ситуацию, нарушив требование, начертанное на стене.

Гораздо больше его беспокоила фраза, относящаяся к его жене: «Следить за Сильвией». Зачем? Она-то тут при чем? Может, ей тоже есть в чем себя упрекнуть? Почему «Немедленно бежать вместе с Сильвией как можно дальше от дома»? Они что, в опасности? Им кто-то угрожает? И что означают надписи «Ноэль Сирбель» и «Твои послания в ПО 101»?

Он вспомнил, что так и не удосужился заполнить документы, чтобы открыть себе ящик в почтовом отделении № 101. Надо будет в ближайшие дни заполнить.

Оставался еще телефонный звонок *Стефана-из-будущего* Виктору из номера отеля. Разговор у них был какой-то непонятный и касался научной темы: чисел сорок шесть и сорок семь.

«Вот что странно: насколько судьба может измениться из-за сущего пустяка. Сорок шесть или сорок семь – что это меняет?»

Стефан закрыл глаза. В том сне *Стефан-из-будущего* спрашивал, как дела у жены сыщика. Судя по тону Виктора, в их отношениях что-то пошло

не так. *Стефан-из-будущего* тогда посоветовал ему вернуться к ней.

Почему Виктор скрыл от Сильвии беременность жены? Обычно мужчины говорят об этом с гордостью. Почему же он так необычно отреагировал? Что его пугало? «Почему ты этого не предотвратил?» – спросил тогда Виктор у *Стефана-из-будущего*. Предотвратить что? Их расставание? Несчастный случай? Ее смерть? Но он даже не был знаком с этой женщиной!

Он достал визитку лейтенанта. Может, ему туда съездить? В Булонь-Бийанкур?

Стефан вскочил как в лихорадке и поставил чашку рядом со страшной маской, слегка похожей на убийцу обеих женщин, каким его запечатлела камера слежения.

«Кто ты? Где ты прячешься? Что ты вынес тогда вечером с непонятной фабрики? Как же до тебя добраться?» – спрашивал он себя.

Воздуха, ему не хватало воздуха.

В коридоре он заметил, что дверь в его потайную комнату, ту самую, с рисунками на стенах, слегка приоткрыта. Нахмурившись, он вошел. Кто тут побывал? Определенно не Сильвия. Тогда кто? Полицейские? Виктор Маршаль?

Он остановился между двумя зеркалами, увидевшими его отражение в бесконечность, и убедился, что в комнате ничего не изменилось. Потом подошел к рисунку с ребенком-сиреной. Наверное, полицейские его тоже заметили и наверняка усмотрели странное совпадение. Но ведь это было всего лишь совпадение. Стефан не имел никакого отношения к краже в музее Дюпюитрена.

Он уже собрался выйти, как вдруг застыл посередине комнаты, уставившись на изображение ребенка с плоским и широким носиком, широко расставленными глазками и вытянутым черепом.

Ребенок с лишней хромосомой.

Сердце вдруг сильно забилося.

Сорок семь хромосом.

«Тем более что сорока семи никогда не было».

Число хромосом в клетке ребенка с врожденным отклонением. Двадцать три отцовские, двадцать три материнские и еще лишняя хромосома, результат генетической аномалии...

Стефан схватил мобильник и набрал номер сыщика. Номер был недоступен, ему предложили оставить голосовое сообщение. Может, разрядился телефон.

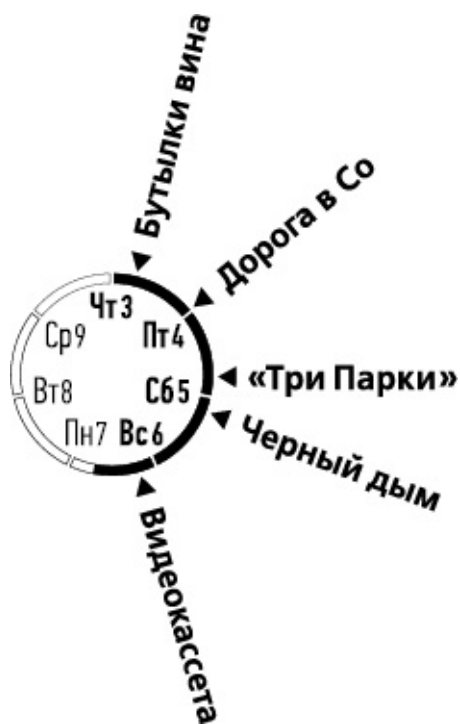
Он взлетел по лестнице, черкнул пару слов Сильвии и бросился к

автомобилю.

Направление – Булонь-Бийанкур.

Стефану-из-будущего не удалось предотвратить драму: возможно, смерть ребенка, а может, и матери.

Но у него все получится.

Через два часа после отправления парижский скорый поезд прибыл в Лион на вокзал Пар-Дье. Сойдя на перрон, Вик заметил несколько обнимающихся парочек, и ему стало очень грустно. Может, какой другой парень, помешанный на карьере сыщика и проводящий дни и ночи в участке и «на земле», спокойно воспринял бы такое воскресное путешествие, но только не он. Он не хотел подвергать жену и будущего ребенка тому наказанию, которому сам был подвержен в семье: постоянному отсутствию отца. Шагая по перрону, он вдруг понял, что ошибся профессией. Для таких людей, как он, образованных, упорных и дотошных, существует множество менее мрачных и разрушительных занятий.

Вик зашел в дежурную аптеку и купил тюбик гуронзана^[61]. Вообще он терпеть не мог всякие там возбуждающие, снотворные и прочие снадобья. Но сейчас выбора не было...

Он взял такси и назвал больницу Отель-Дье. Там у него была назначена встреча с Домиником Сертисом, хранителем Музея истории

хосписов.

Тот оказался человеком лет пятидесяти, невысоким, как Ван, но малый рост у него компенсировался беспримерным изяществом и элегантностью.

Вик сразу объяснил причину своего визита – жестокое убийство Кассандры Либерман – и попросил показать ему выставку. А мысль у него в голове была только одна: поскорее вернуться домой. Доминик Сертис предложил ему чашечку кофе.

– Выставка имеет большой успех. Посетителей тысячи, и мы даже решили продлить ее до конца июня.

Они не спеша прошли в музей и оказались в первом зале, где экспонировались медицинские инструменты и прочий инвентарь, относящийся к хирургии, урологии, акушерству и гинекологии, стоматологии...

– А как появилась идея выставки?

– Цель выставки – показать публике первые достижения восстановительной хирургии в начале двадцатого века. Мы очень быстро наладили контакт с мадемуазель Либерман, которая владела впечатляющей коллекцией подлинных негативов. В дополнение к этому уникальному собранию мы заказали еще восемь муляжей поврежденных лиц в натуральную величину. Их делали по фотографиям и воспоминаниям свидетелей. На выставке представлены методики, которыми пользовались для восстановления поврежденных лиц, и первые опыты протезирования и пересадки тканей. Как вы сейчас увидите, все это очень устарело.

Вик задавал стандартные вопросы, не понимая, где кроется главная, необходимая следствию информация. Получив несколько совершенно бесполезных сведений, он в сопровождении хранителя двинулся по музею дальше.

В конце второго зала, посвященного архивным материалам, располагалась небольшая экспозиция черно-белых негативов с короткими комментариями. И Вик почувствовал, что снова погружается в пропасть безумия. Кошмарные фотографии бросали вызов самому яркому воображению.

Кассандра обработала фотографии на компьютере, освежила их, увеличила четкость изображения. Великолепная работа.

– Вы хорошо ее знали?

– Мы виделись раза три, может быть, четыре, когда готовили выставку. Весьма интересная девушка, человек сильных страстей и высокого профессионализма.

– По всей видимости, эти страсти, пусть косвенно, ее и убили.

Вик подошел к увеличенным изображениям раненых солдат, совсем еще мальчиков. Искалеченные, обожженные, растерзанные лица. Осколки варварского металла смешались с человеческой плотью. Фрагменты кожи, взятые с других частей тела – рук, бедер, – служили «заплатками» для лиц. На одном из негативов Вик узнал тот самый расширитель челюстей, который использовали при убийстве Леруа.

– Расскажите мне о них, – взволнованно попросил Вик. – Расскажите об этих несчастных парнях.

Сертис со скрупулезностью часовщика поправил покосившуюся рамку.

– Первая мировая война привела к таким ужасным ранениям, которые раньше трудно было даже представить. Говорят о погибших в сражениях, но эти сражения были прежде всего грандиозной бойней с тремя миллионами раненых, из которых триста тысяч изуродованных. И знаете, кто за это в ответе?

– Люди? Командование? Армия? Мировой идиотизм?

– Артиллерия. 70 процентов ранений – результат взрывов артиллерийских снарядов. По сравнению с этим штыки и пули наносили гораздо меньший урон. Бризантные снаряды^[62] разрабатывались таким образом, что при взрыве осколки не теряли скорости даже при попадании в человека. Они могли поразить любую часть тела и лететь дальше на десятки метров, так что потом находили фрагменты тел одних солдат в телах других. Когда санитары с носилками выходили на позиции, а выходили они преимущественно ночью, чтобы не попасть под вражескую пулю, то не могли отличить мертвых от живых. И среди живых им приходилось выбирать. Бесчисленные раненые агонизировали на поле боя, потому что их сочли безнадежными. И еще потому, что даже санитары, привыкшие ко всяческим ужасам, не выносили этих апокалиптических видений. Читайте вот здесь, под этим портретом, свидетельство одного из них.

Вик прочел вслух:

– «Я отвожу глаза, но я это видел и не забуду никогда, проживи я хоть сто лет. Я видел человека, у которого вместо лица была кровоточащая дыра. Ни носа, ни щек – все исчезло. А в глубине этой пещеры шевелились органы глотки. Глаз тоже не было, одни обрывки век свешивались в пустоту...»

Молодой полицейский нервно провел рукой по лбу:

– Кошмар какой... А эти люди... Они распространяли запах? Я имею в виду, что их раны, язвы, рубцы...

– Конечно, самый настоящий трупный запах. У них без конца текла слюна, а раны очень быстро загнивались, несмотря на всяческие антисептики, поэтому вонь стояла ужасная. – Сертис пожал плечами. – Как видите, изуродованные лица – наихудшее из наследий войны.

Да уж, это было очевидно, и Матадор тоже хотел, чтобы его деяния заметили. Как и с сиреной из музея Дюпюитрена, здесь он стремился вызвать ассоциацию, провести параллель с этими изуродованными лицами и хотел доказать, что с ужасом не шутят и не выставляют его напоказ на потребу любопытным, охочим до зрелища чужой беды. Леруа и Либерман поплатились за свое презрение и пренебрежение.

Лейтенант подошел к другим фотографиям и застыл на месте, увидев ту, что была распечатана с негатива, который им показывал Ван. Хранитель пояснил:

– Это один из методов лечения патологического сжатия челюстей.

Несомненно, именно этот снимок вдохновил Матадора на его «работу».

– Первая мировая, – продолжал Сертис, – была войной импровизации. Никто не ожидал, что случится, что придется столкнуться с подобной бесчеловечностью. После артобстрелов госпитали заполнялись с невероятной быстротой. Некоторые из них закрывали двери перед такими ранеными – перед «слюнявыми», как их называли. Но с увеличением случаев ранений в лицо – от пятнадцати до тридцати тысяч – начала наконец развиваться челюстно-лицевая хирургия. Лечение с помощью грузов было одним из самых жестоких при реконструкции лица. В нижнюю челюсть под подбородком вводили крюк и подвешивали к нему груз, чтобы не произошло патологического сжатия... Только представьте себе, какие муки ежедневно терпел раненый.

Дальше шли еще сцены, одна ужаснее другой.

– Посмотрите на эти чудовищные инструменты: расширители, раздвижные груши, челюстные фиксаторы на винтах. Конечно, кому-то из раненых удалось выжить, но сколько из них покончили с собой в госпиталях? От скольких отказались семьи? Сколько умерли от отчаяния?

Ту же фразу сказал по поводу Джона Меррика Ашиль Дельсар из музея Дюпюитрена. И оба хранителя были единомышленны, словно встреча с подобными злодеяниями хочешь не хочешь, а учит смирению.

Молодой полицейский указал на зеркало на заднем плане одной из фотографий:

– Зеркало разбито?

– Вы наблюдательны. Многие раненые пугались своих изуродованных

лиц, большинство из них себя не узнавали или отказывались узнавать. Зеркала, эти «предметы зла», как называли их раненые, были запрещены в некоторых учреждениях.

Вик не мог прийти в себя. Матадор и эту деталь не упустил, обставляя место преступления.

Они перешли в следующий зал, где были выставлены восемь муляжей изуродованных лиц в натуральную величину. Одетые в военную форму манекены выглядели как люди из плоти и крови и представляли собой пугающее зрелище.

– Пробирает до костей, – заметил полицейский. – И ведь... ведь подумать только! Все так и было.

– Восковые фигуры выполнены несравненно, правда? – сказал хранитель. – Стефан Кисмет сделал работу на славу.

Вик показалось, что он сейчас упадет.

– Стефан Кисмет? Это тот, что работает для кинематографа? У него длинные черные волосы... и живет он где-то в районе Уазы?

– Он самый. У всех его работ на затылке клеймо «С. К.», можете удостовериться.

Вик подошел к восковой фигуре и взглянул на ее затылок. «С. К.».

– А... они с Либерман были знакомы?

Сертис отрицательно покачал головой:

– Нет, насколько я знаю, не были. Фотовыставки и восковые фигуры делались отдельно друг от друга. Знаете, Кисмет ведь работал не только у нас, он изготавливал множество муляжей и для других музеев, связанных с анатомией. Ничего удивительного, если вы встретите его работы, пройдясь по таким выставкам. В своем деле он эталон.

Молодой полицейский кивнул. Кисмет повстречался с Кассандрой Либерман в «Трех Парках», возле номера 6, однако, судя по словам портье и Амандины Гослен, они знакомы не были.

Неужели опять простое совпадение?

Вик внимательно оглядел стоящие перед ним восковые фигуры. Существует ли на свете страдание более жестокое, чем видеть, как у тебя отрывает пол-лица, как на мелкие кусочки разлетаются зубы, а потом в отчаянии дожидаться помощи на поле боя? И видеть, как рядом твоих однопольчан разрывает в клочья? Что же, спрашивается, лучше? Умереть или выжить?

Наверное, Леруа и Либерман, как и эти солдаты, молили, чтобы их прикончили, чтобы прекратилась невыносимая боль?

Наверное, им тоже хотелось умереть...

И вдруг Вик резко остановился, словно его поразила простейшая мысль:

– О господи! Так вот что он оценивал в записях на стенах!

– Простите?

– Боль! Он давал оценку боли!

Он принялся вышагивать взад и вперед между манекенами. Матадор вводил жертвам морфин и начинал священнодействовать: отрезал кончики пальцев и втыкал иглы в Леруа, подвешивал груз к подбородку Либерман. А потом ждал, когда восстановится чувствительность. И тут он садился напротив и оценивал волну боли, хлещущую из их глаз, звенящую в их криках, бьющуюся в содрогании тел.

Матадор пытался довести жертвы до высшей болевой точки, а потом отметить результат на стене как трофей. Боль нельзя рассказать или описать. Ее можно только пережить или увидеть. Рассмотреть на сто процентов: вот исказилось лицо, вот сквозь кляп прорвался крик, а за ним скрежет зубов.

«Я знаю, тебе больно. Очень, очень больно. Ну как, на твой взгляд? 70 процентов? 80? Кричишь ты отменно. По своей шкале боли я тебе ставлю прекрасную оценку».

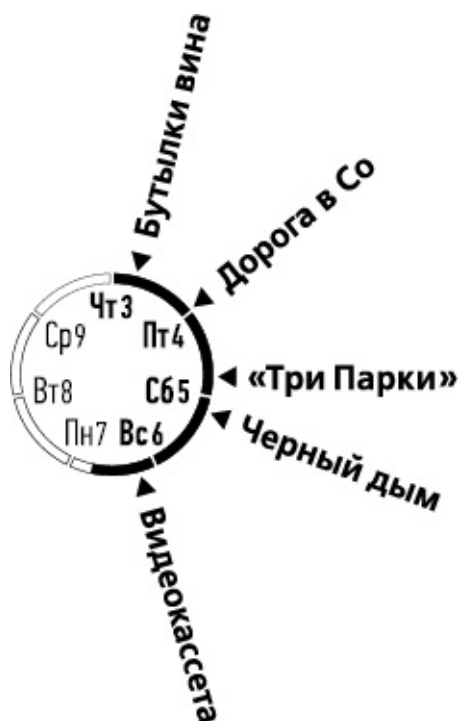
Измеряя и оценивая их боль, он, несомненно, страдал и сам. Ему действительно было очень больно, болезнь не отступала, и он уже не мог обходиться без морфина.

Сжав кулак, Вик поглядел на свою руку. И в его теле тоже ползала змея болезни. Шейно-плечевая невралгия, невидимая хворь, которую не определишь ни на МРТ, ни на электромиограмме, ни на рентгеновском снимке. Он никому о ней не говорил, кроме своего врача. И этот коварный зверь в один прекрасный день не позволит ему больше держать оружие.

А вот Матадору, наоборот, было нужно завладеть чужой болью. И была нужна бурная реакция жертвы.

Какой еще бесчеловечный прием он изобретет, чтобы превзойти 82 процента Либерман? Когда и где он нападет?

И против кого ожесточится на этот раз?

После поспешного отъезда Вика Селина решила убрать дом снизу доверху, чтобы чем-то себя занять. Мужа в очередной раз вызвали в бригаду, и он уехал, не сказав ей ни слова. Если он не установит границ, они потребуют от него достать луну с неба.

Она, как последняя эгоистка, молилась, чтобы он все бросил и они смогли бы наконец вернуться в Авиньон, пока не поздно.

Селина вытащила детскую коляску из картонной коробки, где она так и стояла со времени переезда. Потом разложила ее и гордо прокатила по гостиной, представляя себе первый лепет новорожденного. Поскорее бы он родился!

Потом навела порядок в детской, педантично разложив и расставив по местам плюшевые игрушки. Они все были оранжевые и желтые, чтобы подходили и мальчику, и девочке. И тут кто-то позвонил в домофон.

Она, слегка удивившись, взяла трубку. Может, это отец Вика?

– Мадам Маршаль?

– Да.

– Я друг Виктора. Могу я его увидеть?

– Он в отъезде в Лионе.

– Мне необходимо с вами поговорить.

Селина немного поколебалась, но потом все же нажала кнопку. Друг Вика? Здесь, в Париже?

Заглянув в ванную, она наскоро провела расческой по волосам. Спортивные штаны, никакого макияжа, грустные глаза опухли после бессонной ночи. Привет тебе, женственность! Она хотела плеснуть водой в лицо, но в дверь уже звонили.

– Сейчас иду!

Открыв дверь, она не смогла скрыть удивления. Пристальный взгляд, тонкие губы... Стоящий перед ней мужчина чем-то неувлимо напоминал ей мужа.

Стефан смущенно откашлялся и сказал:

– Можно... можно я войду на несколько секунд?

Селина откинула в сторону прядь волос.

– Дело в том... э-э... конечно входите, прошу вас. Извините за мой наряд, но я делаю уборку и...

– О, не беспокойтесь.

Прихожая была тесная, да и гостиная, куда она его провела, тоже. Ступив на личную территорию сыщика, Стефан почувствовал себя неловко.

Он украдкой взглянул на живот молодой женщины под голубой с белым туникой. Он не выделялся, более того, его вообще не было видно. Невозможно догадаться, что она беременна.

Селина усадила его на диван, сама уселась напротив и стала ждать, что он скажет. Стефан не знал, с чего начать и как подойти к сути. К тому же он и сам не понимал, о чем именно собирался с ней говорить.

Он вынул из кармана визитку Вика и положил на стол:

– Сказать по правде, мы с вашим мужем вовсе не друзья.

– Я тоже в этом усомнилась. Никто из друзей не называет его Виктором. Вы его коллега?

– И не коллега тоже. Он вчера приходил ко мне, чтобы допросить по одному делу. Уверяю вас, я всего лишь свидетель, но у меня есть для него очень важная информация.

Селина нахмурила брови:

– В таком случае я не понимаю, зачем вы пришли именно сюда. У вас есть номер его телефона, разве вы не могли позвонить?

– Я пытался, но дозвониться мне не удалось.

Селина со вздохом покачала головой:

– Да, его мобильник вечно разряжается. А они не дают ему времени даже его заменить.

– Вы говорите о его коллегах? О начальстве?

Стефан заметил, что она прячет глаза. Она явно была не в духе. Он встал и протянул ей руку:

– О, прошу прощения, я не представился. Меня зовут Стефан Кисмет, я работаю в кино. Точнее, я бутафор. Инопланетянин, Чужой^[63] и другие кошмарные существа – все это мои создания.

– Вы знаете, я не так часто смотрю телевизор.

– По счастью, не все разделяют вашу позицию, иначе я ходил бы отмечаться в фонд занятости.

Она натянуто улыбнулась. Стефан наклонился вперед:

– Ваш муж вам обо мне не рассказывал?

– Нет. Он вообще много о работе не рассказывает. Я знаю, что сейчас он расследует убийства, но вряд ли смогу сказать вам больше. Оставьте мне ваши координаты, и он вам позвонит, когда вернется.

Глаза Стефана загорелись.

– Я вижу, вы ждете ребенка?

На щеках Селины появились крохотные ямочки.

– Но еще же ничего не видно. Как вы узнали?

– О, на самом деле я заметил в кухне на столе упаковку детских бутылочек. И когда?

– По срокам в октябре.

– Мальчик или девочка?

Селина помедлила с ответом. Почему он не уходит?

– Я не хочу знать. Вик хочет, а я... я немножко суеверная и думаю, что это должно оставаться сюрпризом до самого конца.

– Во Вьетнаме существует один народный способ определять пол ребенка. Если зачатие произошло в понедельник, в среду или в пятницу, то будет мальчик.

Селина опустила голову. У нее возникло чувство, что этот человек знает больше, чем говорит. Сейчас вечер воскресенья. Почему он не подождал до понедельника, чтобы связаться с Виком? Зачем явился сюда? И зачем поднялся в квартиру, если мужа нет дома?

Она старалась придать голосу уверенность, но где-то глубоко внутри зашевелился страх.

– Похоже, вы знаете обычаи этой страны лучше, чем я. А ведь я уроженка Вьетнама, – сказала она.

– Правда? Я с детства обожаю эту страну. В первый раз я разбил свою копилку, чтобы купить книгу о Намдине^[64].

– Путешествие на юг...

Стефан кивнул:

– Мы с женой собирались поехать туда в отпуск.

– Собирались?

– Да. Простите меня, это очень сложный вопрос.

Селина вежливо поднялась с места:

– Я вам уже сказала, месье, мой муж вернется не скоро. И... Сожалею, но меня ждет работа по дому.

Стефан даже не пошевелился. И только тогда она поняла, что в нем есть что-то странное, ненормальное.

– Расскажите о муже, – попросил он. – Судя по вашему выговору, вы не коренная парижанка.

Селина чувствовала себя все более и более неловко. Вик считал, что, наблюдая за движениями рук, можно определить и чувства, и мотивацию людей. А этот человек без конца нервно потирал руки.

Селина немного отошла от него, больше всего ей сейчас хотелось, чтобы он поскорее ушел.

– Не могли бы вы сообщить мне цель вашего визита? И я тогда отправила бы мужу сообщение.

Стефан резко вскочил и посмотрел ей прямо в глаза:

– Я не с ним хотел поговорить, а с вами.

У Селины отчаянно забилося сердце.

– Со мной? Но...

– Может произойти серьезное происшествие, оно заденет вас или вашего ребенка.

Он сжал кулаки.

Селина пальцем указала ему на дверь:

– Прошу вас... Немедленно уходите.

Стефан подошел чуть ближе и замахал руками:

– Нет-нет, не бойтесь! Не бойтесь меня! Я, должно быть, очень дурно воспитан, неловок, поэтому со мной трудно чувствовать себя спокойно. Это... это недоразумение! Если вы будете бояться, это никогда не подействует.

– Я хочу, чтобы вы оставили меня в покое.

– Я... Послушайте, я знаю, мое присутствие здесь в такой час выглядит странно... Но скажите, нет ли у вас какого подозрения по поводу вашего ребенка?

– Что? По поводу ребенка? Да что вы такое говорите?!

– Вы делали обследования, которые показали бы, нет ли у него трисомии?

Селина прижалась к стене. На какую-то долю секунды с ней произошла странная вещь. У нее возникло впечатление, что фразу, которую она собралась произнести, она уже произнесла, только в ужасно замедленном темпе. И от этого она еще больше испугалась.

– Чего вы хотите? Скажите, что вам нужно, и уходите, прошу вас!

Стефан даже не пошевелился:

– Хочу, чтобы вы мне ответили. И гарантирую, что сразу же уйду.

– Почему вы...

– Отвечайте, прошу вас... Ваш ребенок...

И тут Селина взорвалась. Это было уже выше ее сил.

– Нет! Это слишком личное! Убирайтесь, или я закричу!

Стефан подошел к ней. Лицо его было очень серьезно. Он вспомнил слова, произнесенные в одном из снов:

«– Почему ты это не предотвратил?

– А что я должен был сделать? Похитить беременную женщину?»

Он снова заговорил, и от его голоса кровь стыла в жилах.

– Я без ответа не уйду, вы слышите?

Селина метнулась в сторону, но Стефан, не зная, как отреагировать, схватил ее за воротник туники. Она принялась кричать и расцарапала ему руку. Он сильно толкнул ее на диван, она упала на левый бок и сразу же испуганно села.

Стефан в ужасе поднял руки:

– Простите меня! Простите меня... я... я не хотел!

Он попробовал подойти к ней, но она отпрянула, прикрыв ладонями лицо.

– Да поверьте же вы мне, черт возьми! – повторял Стефан. – Я не собираюсь на вас нападать!

Селина сидела не шевелясь. Этот псих совсем слетел с катушек.

– А если... если я отвечу на ваш вопрос, вы поклянетесь не причинять мне зла?

– Но я вовсе не хочу причинить вам зло! За кого вы меня принимаете? За сумасшедшего? И вы туда же?!

Он проорал эти слова, окончательно выйдя из себя, потом глубоко вздохнул и почти прошептал:

– Даю вам слово... Только, хотя бы из сострадания, перестаньте принимать меня за монстра.

Она присела на ручку кресла, обхватив себя руками за плечи, и сидела так, оцепенев.

– УЗИ четвертого месяца беременности показало, что косточки носа не просматриваются и... имеется выраженная отчетливость затылочной зоны. Эти показатели наводят на мысль о трисомии 21^[65].

А откуда вы узнали, что у моего ребенка есть такие риски? Вы заглядывали к доктору Сенешалю, моему гинекологу? Или вам сказал Вик? А может, вы за нами следили?

– Да нет же! Я не был у вашего гинеколога и за вами не следил! Перестаньте!

– Тогда как вы узнали?

– Мне было видение.

– Видение?

Стефан, слегка раскачиваясь, покусывал себе кончики пальцев.

– Я только хочу понять. Понять, чтобы помочь вам. Не знаю почему, но я чувствую, что с вами может случиться какая-то беда. С вами и с вашим ребенком. Через несколько дней.

Селина вздрогнула. Этот тип наводил на нее ужас. Визит пора прекращать. Надо попытаться выбраться отсюда и сбежать.

– Какая беда?

– Несчастье, которое уничтожит вашего мужа. Он утверждал, что... что он ненавидит науку. Я полагаю, он хотел сказать о лишней хромосоме. А вы собираетесь вскорости проходить какое-нибудь обследование, касающееся вашей беременности?

Селина молчала. Этот псих желал зла ее ребенку. Шизофреник, явно сбежавший из клиники, каким-то образом раздобыл ее медицинскую карту и готов устроить ей вскрытие, лишь бы прекратились его видения. На столе в столовой она заметила ножницы. Если все сделать быстро, у него не будет времени отреагировать.

Но она вовремя одумалась. Он наверняка гораздо сильнее ее. И она решила ответить, чтобы выиграть несколько драгоценных секунд:

– Завтра утром мне будут делать амниотическую пункцию. У меня возьмут немного околоплодной жидкости для более углубленного анализа.

Стефан прищелкнул пальцами:

– Так и есть! Вот черт!

Он бросился к ней и крепко стиснул ее ладони:

– Вы не должны ходить на это обследование! Не знаю, где с вами случится беда, на улице или у гинеколога, но у вашего ребенка нет никакой трисомии! Тем более что у него никогда не было сорока семи хромосом!

Селина расплакалась:

– Вы делаете мне больно! Прошу вас...

Стефан еще сильнее сжал ей руки:

– Нет, вы не понимаете! Я не хочу причинить вам боль, а, наоборот, хочу вам помочь! Если вы пойдете к гинекологу на прием, то потеряете ребенка! Вы этого хотите? Взять на себя ответственность за его смерть?

– Нет! Нет!

Он отпустил ее.

– Я ничего не могу вам доказать, вы просто должны мне поверить.

– Я... я вам верю. Я не пойду на обследование. Клянусь... клянусь, что не пойду.

Лицо Стефана прояснилось и тут же вновь помрачнело.

– Вы лжете.

– Нет.

– Почему я должен вам верить?

Если этот больной в чем-нибудь уверен, то ни в коем случае не надо ему возражать. Селина тактично сказала:

– Потому что я так сказала. Ведь я же вам верю. И вы мне тоже должны поверить.

На этот раз уже она схватила его за руки и впилась в него горящим взглядом:

– Вы *должны* мне поверить.

Стефан попятился к выходу. Силы его были на исходе. Он стиснул кулак и сказал:

– Вы суеверны, вы верите во всякие такие штуки. У вашего малыша нет никакой трисомии. Не ходите завтра на обследование, не позволяйте судьбе украсть у вас ребенка.

И исчез, тихо прикрыв за собой дверь.

Постепенно снотворные начинали действовать. В прохладе подвала, среди своих монстров и надписей на стенах, Стефан чувствовал себя прекрасно. Почти что в облаках.

Сейчас начнется. Придет сон. Общение с будущим. Встреча с преисподней. Получил ли *Стефан-из-будущего* сообщения, начертанные на стенах Страны Тьмы? Ответил ли он такими же посланиями? Но вопросы уже расплывались в тумане. Приближалось сонное оцепенение.

И в тот момент, когда он почти заснул, тело его вдруг резко напряглось. Стефан рывком сел, сна как не бывало.

Шум. Стук. Он шел откуда-то сверху, явно от входной двери. Все еще оглушенный лекарством, он встал и поднялся на первый этаж. Кто это стучится так поздно? В голову сразу пришло худшее. Случилось что-то плохое? Полиция? Жандармерия? А если Мелинда...

Оказавшись в прихожей, он посмотрел вверх. На площадке лестницы, опершись руками о перила, стояла Сильвия, в халате, накинутом на синюю шелковую пижаму. Покрасневшие глаза говорили о бессонной ночи,

проведенной в слезах. Оба встревоженно переглянулись. Кто это там барабанит?

Не успел Стефан открыть дверь, как оттуда метнулась тень и повалила его на пол. Тупой удар, а потом еще один, куда-то в район левого глаза, отправили его почти в нокаут.

Сильвия закричала и, как была босиком, бросилась вниз по лестнице:

– Прекратите! Прекратите, черт вас возьми!

Удары градом сыпались на живот, на грудь, на ребра. Закрыв лицо руками, Стефан скорчился на полу.

– Сволочь! Негодяй! – орал незнакомец.

Сильвия схватила его за рубашку и оттащила назад. Это был Вик Маршалль. Он тут же ее оттолкнул и вне себя принялся беспорядочно молотить кулаками по воздуху. Похоже было, что он дерется впервые.

– Да что на вас нашло? – выкрикнула Сильвия, склонившись над мужем. – Вы что, с ума сошли?!

Вик тяжело дышал, как дикий зверь. Он изобличающе ткнул указательным пальцем в Стефана:

– Ваш... ваш ненормальный муженек явился к моей жене! Он... он вошел в дом и... можно сказать, напал на нее!

Стефан с трудом поднялся на ноги. Под левым глазом быстро набухал лиловый фонарь. Он поднес руку к губам и стер кровь:

– Черт! Ну вы и драться!

Сильвия дрожала всем телом.

– Я подам на вас жалобу! – выдохнула она. – Будете знать! Дешево не отделаетесь!

– Ничего ты не сделаешь... – прошептал Стефан. – Нет, ничего ты не сделаешь. Я жалобу подавать не хочу.

– Как! Ты что, бредишь? Нельзя же вот так позволять ему врываться к нам в дом и...

– Оставь эту идею, договорились?

Вик не унимался.

– Только попробуйте еще, – угрожающе проговорил он, – и, клянусь, я вас просто убью! Не смейте больше приближаться к моей жене!

– Да что, в конце концов, здесь происходит?! – снова выкрикнула Сильвия.

– Моя жена беременна! А этот псих заявил ей, что наш ребенок может умереть!

Сильвия в отчаянии глядела на Стефана, и в ее потухших глазах ясно читалось, что верит она не ему, а лейтенанту. Ей сразу стало холодно, и она

глубоко засунула руки в карманы халата.

– Скажи мне, что он лжет. Скажи, что ты не ходил к его жене... Что ты не говорил, что ее ребенок может умереть. Что ты не видел очередной сон.

Стефан опустил голову и ответил:

– Да, все так и есть. Ее ребенок может умереть.

Сильвия отпрянула от него и уперлась спиной в стену:

– Господи...

Стефан, поморщившись, помассировал себе бока и обратился к Вику:

– Вы должны мне поверить. Каким бы безумием это ни казалось, вам придется мне поверить. Если ваша жена пойдет на прием к гинекологу, ребенок погибнет. Зачем мне вам врать? Я, наоборот, пытаюсь вам помочь!

– Хуже всего то, придурок, что Селина почти тебе поверила. Она была потрясена, я нашел ее в слезах, забившуюся в угол. Чего мне стоило уговорить ее пойти завтра к этому чертову врачу!

Вик лихорадочно растирал больную руку.

– Но она собирается пойти. И уж поверьте мне, она пойдет!

– Вы об этом пожалеете. Ради бога, ведь речь идет о вашем ребенке!

– О чем я действительно жалею, так это о том, что не отправил тебя в больницу.

Стефан опустил глаза и обхватил руками голову.

– Что ж, не хнычьте потом, когда будет поздно, – еле слышно сказал он самому себе.

Вик медленно пошел к выходу:

– Я больше не желаю, чтобы ты попадался мне на пути. А вам, мадам, надо бы сделать соответствующие выводы. Таким сумасшедшим нельзя позволять разгуливать на воле.

Стефан промокнул себе уголок рта бумажной салфеткой:

– И не говорите мне потом, что я мог что-то сделать. Что я вас не предупредил.

Но Вик уже ушел. В ночной темноте раздался шорох шин.

Обернувшись, Стефан заглянул в глаза жены. В них не было ни понимания, ни сострадания, только несказанный, чисто детский страх.

– Ты тоже довольно скоро поймешь, что все это правда. Только будет уже поздно, – прошептал он.

И, понурившись, пошел обратно к себе в подвал.

Неохотно и равнодушно, с таким ощущением, что он не более чем марионетка, Стефан посмотрел на себя в зеркало. Никаких следов от уколов, никаких царапин на лице... А вот синяк под глазом уже появился.

Такой же синяк, как во сне.

Ничего не поделаешь. Нет никакой возможности остановить безжалостный ход событий.

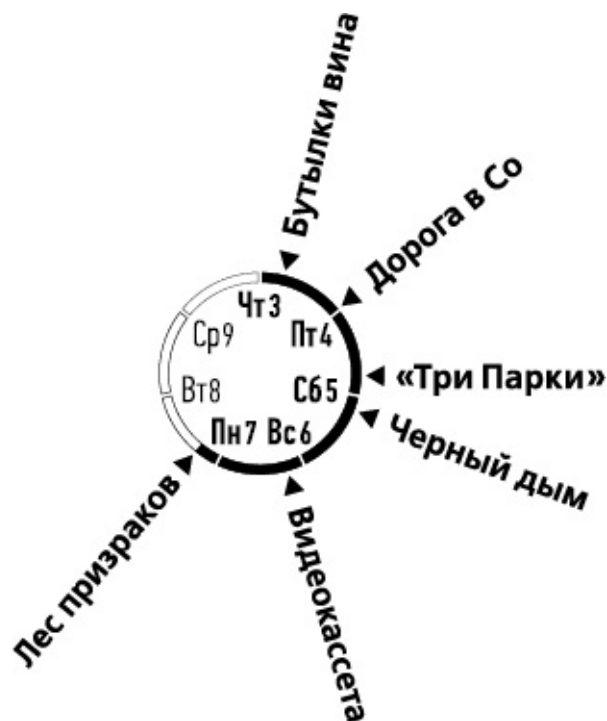
Что бы ни случилось теперь, он был уверен, что его первый сон сбудется целиком.

Заснул он с невыносимой мыслью, что через три дня жуткий механизм перепашет всю его жизнь.

46

Понедельник, 7 мая, 06:30

Сон шестой: Лес призраков

Стефан отбросил использованный угольный карандаш и взял новый. На рисунок рядом с «зиг-зауэром» шлепнулась капля пота. Он поднял голову, взял бутылку виски и прямо из горлышка выпил ее жадными глотками. Потом швырнул ее о стенку и разбил. Попал он как раз в то место, где висел радиоприемник, и тот тоже разлетелся на кусочки.

Теперь Страна Тьмы стала пустошью, из которой вымели всех обитателей, все образы, а вместе с ними и жизнь. Монстры теперь были свалены в угол и накрыты белыми простынями, даром что помещение именовалось Страной Тьмы. Все, кроме Сумрака. Ярко-красная краска была грубо и неряшливо размазана почти по всей поверхности стен.

Стефан, пошатываясь, подошел к остаткам своих посланий, еще видным под мазками: «...посмотреть кассету... Расскажи мне о рассле... ты не знаешь, когда мне снишься, но из милосердия...»

– Мы оба попытались, и ты и я, – прошептал он. – Действительно

попытались что-то сделать. И ведь надо было так немного, чтобы все получилось. Но именно этого *чуть-чуть* нам каждый раз и не хватало. Понять все это трудно, да и времени у нас было совсем мало. Я люблю тебя, мой друг. Если ты слышишь меня, я люблю тебя...

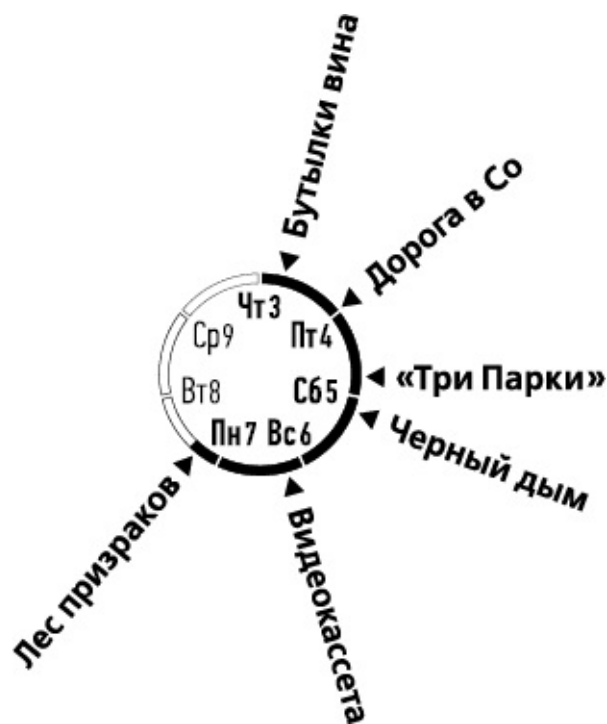
Стефан подошел к монстрам и одну за другой откинул простыни. Потом задержался перед Сумраком, муляжом с открытой черепной коробкой, и изо всех сил рванул на себя маленькую головку, сидевшую на месте мозга. Латексный шарик треснул в его руке.

– Теперь все кончено. Ты так и не смог мне помочь, а я так и не смог тебя понять.

Он медленно обернулся к портрету, который только начал рисовать на листе бумаги. Поначалу у Сильвии на портрете были короткие волосы и безмятежное лицо с правильными чертами. Но Стефан постепенно добавлял и добавлял угольным карандашом новые штрихи, и лицо деформировалось. Глаза стали больше, подбородок скривился, щеки покрылись какими-то шишками и морщинами. Теперь с портрета смотрел настоящий урод. Карандаш оставлял на бумаге какие-то бесформенные толстые линии.

– Почему? Почему?

Стефан в отчаянии выронил карандаш, положил руки на стол и упал на них головой. И так, в сантиметре от рисунка, он плакал, пока не заснул.

В ванной резко и неожиданно прозвучал голос Стефана, и каждое слово падало как нож гильотины.

– Куда это ты собралась?

Сильвия вздрогнула. Муж стоял на пороге. Спутанные волосы, воспаленные глаза, всклокоченная борода, вокруг левого глаза желтое пятно.

По лицу Стефана пробежала пугающая усмешка.

– Ты меня боишься? Да нет, это я должен тебя бояться.

Сильвия закрыла тюбик туши.

– Что ты болтаешь? Очередной сон приснился?

Стефан оперся на перила.

– Ты в последнее время что-то очень часто отлучаешься, тебя днем никогда нет дома. А по вечерам мы всегда ссоримся. Даже когда я сижу в своей Стране Тьмы. Я думал, ты в спальне, а ты наверняка была совсем в другом месте. Где ты была?

Сильвия хотела выйти, но он угрожающе преградил ей дорогу:

– Где ты была?

Она в упор посмотрела на него:

– У Натали. А тебе-то какое дело?

– Не надо сказок, я ей звонил. Она с тобой не виделась уже недели две.

Ну, что ты на это скажешь?

Сильвия опустила голову и попыталась пройти, но он схватил ее за руку:

– Говори, где ты была все эти ночи?

– Пусти меня!

– Тебе есть в чем себя упрекнуть? В чем? Какое отношение ты имеешь к малышке Мелинде? К этим жутким убийствам? Голова монстра – тебе это о чем-нибудь говорит?

– Пусти! Мне больно!

Движения Стефана становились все более нервными.

– Ты что, как-то связана со всем, что происходит вокруг меня?

– Нет!

– Ты покупаешь статуэтку, ты обрезаешь волосы! Ты делаешь все для того, чтобы мои сны сбывались! Ты устраиваешь меня на прием к психиатру, ты пытаешься доконать меня лекарствами. «Прими то! Выпей это!» Что ты там втихаря замышляешь?

Она отчаянно его оттолкнула, сбежала с лестницы, схватила сумку и исчезла за дверью.

Стефан подбежал к окну. Сидя в машине, Сильвия достала мобильник и сразу же приложила к уху.

– Вот дрянь! Шлюха! Кому это ты звонишь?

Он вспомнил о своих снах. Здесь, в доме. В отеле. О сне, где фигурировал сыщик... У него в этом сне на пальце не было обручального кольца... В кошмарах *Стефан-из-будущего* почти никогда не говорил о Сильвии. Где она была, когда *Стефан-из-будущего* и Вик смотрели видео в гостиной? Почему в последнем сне он перерисовал ее лицо и оно стало похоже на лицо монстра с кассеты? Он сделал это бессознательно, в бреду, или *Стефан-из-будущего* знал что-то такое, чего пока не знает он? «Следить за Сильвией»... Кто накрыл муляжи белыми простынями? Кто замазал его послания на стенах красной краской? Кто хотел помешать им переписываться? Она? Его собственная жена?

Он вошел в спальню и увидел цифровой фотоаппарат, подключенный к USB-порту, который она на этот раз заботливо унесла подальше от компьютера. Он схватил аппарат и попытался просмотреть фото. Но память была стерта.

Стефан включил компьютер, и на экране появилась просьба ввести пароль. Он набрал «эдельвейс», пароль, которым обычно пользовалась Сильвия, зашел в папку фотографий, но она тоже оказалась пуста.

– Куда же ты все переместила?

Дрожащей рукой он провел по губам. В опции «Мои документы» он вывел на экран скрытые файлы и запустил поиск с расширением «jpeg». И на этот раз у него получилось. Он кликнул на тщательно запрятанный документ.

Открыв изображения, он удивленно нахмурился. Сильвия сфотографировала его во всех ракурсах, пока он, съехившись, спал на полу. Здесь же были фотографии Страны Тьмы, разбитого бюста Мартинес и латексной маски, сделанной по изображению с кассеты. И еще много чего. Крупным планом – снотворные, лежащие рядом с ним, бутылка виски, сначала полная, потом наполовину пустая, потом совсем пустая. Татуировка на бедре. Заплывший подбитый глаз. Последний снимок датирован этой ночью. Эта дрянь за ним следила. В компьютере притулилось и фото Мелинды, сидящей у него в машине.

Что за игру затеяла его жена? Что она хотела доказать? Где-то в самой глубине сознания тоненький голосок ему что-то нашептывал. Нечто невероятное и невообразимое.

И он начал докапываться.

Двигаясь вверх по списку папок, он обнаружил еще один каталог. Это были аудиозаписи. Он кликнул на первый аудиофайл.

И ушам своим не поверил.

Сильвия все добросовестно записывала. Все их разговоры... Все, что он говорил, когда был один в Стране Тьмы... Даже его ссору с полицейским! «Скажи мне, что он лжет. Скажи, что ты не ходил к его жене... Что ты не говорил, что ее ребенок может умереть... Что ты не видел очередной сон». Стефан вспомнил: когда сыщик его дубасил, Сильвия засунула руки в карманы, а потом еще раз, как будто она собирала... доказательства, улики.

Весь дрожа, он открыл папку с сообщениями, но ничего подозрительного не обнаружил. Может быть, здесь она приняла больше предосторожностей, чем с фотографиями, и стерла все компрометирующие письма.

Стефан встал и огляделся. Поискал в бумагах на столе, потом взгляд его упал на ящик стола. Он попытался его открыть, но ничего не получилось: ящик был заперт на ключ. Тогда он резко рванул ручку, и замок выломался.

В одном из отделений он обнаружил крошечное записывающее устройство. Порывшись еще, он нашел под аудиорегистратором результаты радиографии, относящиеся еще ко времени происшествия с Гаэль Монтё: собственный мозг в разрезе на МРТ после черепно-мозговой травмы. Затем еще кучу всяких документов: фотокопии психиатрических обследований за много лет; справки с подписью лечащего врача; назначения антидепрессантов, анксиолитиков и успокоительных; видеозапись ДТП; множество бумаг из больниц и от различных врачей, у которых он наблюдался.

Стефану пришлось опереться на стол: он был близок к обмороку.

Жена собирала документы, чтобы доказать его психическую неполноценность. Она хотела, чтобы его признали сумасшедшим.

Он закрыл глаза. В мозгу снова ожили образы из снов. «Следить за Сильвией». Послание *Стефана-из-будущего* наконец обрело смысл.

Сильвия пыталась поместить его в психиатрическую клинику.

Ему сразу вспомнились следы от уколов на руке, которые он видел во сне.

Стефан попятился назад, натолкнулся на кровать и рухнул на постель. Он угодил в ловушку. Теперь он один в целом мире, и довериться ему некому.

Если он не убежит, как советовал ему *Стефан-из-будущего*, то очень скоро окажется запертым в одиночной палате. Но куда бежать? К приемным родителям? Нет. Если он скроется в Вогезах, ему снова придется натянуть эту ужасную рыбацкую робу, которую он считал потерянной, и так или иначе опять оказаться в подвале, с руками в крови.

Нет, никуда он не побежит. Его хотят запереть в психушку? Пусть запирают!

– Валяйте! – заорал он. – Валяйте, ищите меня! Запирайте на два оборота, банда сумасшедших! И все, что должно случиться, не случится! Я совершенно спятил, видите? Ну так засадите меня в психушку, я лучшего и не прошу!

Он скорчился на кровати и заплакал. Сильвия, его собственная жена... Но уж не ему было на нее сердиться. Разве она много раз не подавала сигналы тревоги? Но он ничего не замечал в своей одержимости... Эгоист! Она нуждалась в любви, а он докучал ей своим непониманием и нравственными терзаниями.

В дверь постучали. Очень громко. Все чувства Стефана обострились. Полицейский... А может, уже явились санитары?

Он пролетел вниз по лестнице, перепрыгивая через четыре ступеньки,

и распахнул дверь, размахивая молотком. Он был готов защищаться.

– Эй, ты бредишь, детка?

Перед ним, вытаращив глаза, стоял Эверар, в своей мешковатой замшевой хламиде.

– Ты что, напялил маску или у тебя рожа такая?

Несколько секунд Стефан никак не реагировал.

– Прости, я... я болен.

Продюсер «ZFX Méliés Films» застыл в дверном проеме.

– Оно и видно. Бюст Мартинес готов? Он мне нужен. Немедленно. Съемка завтра в десять.

– Послушай, мне очень жаль, но совсем не было времени...

Эверар напрягся:

– Стеф, Стеф! Эй, Стеф! Не говори того, чего мои уши не желают слышать, ладно? Ты сейчас пойдешь, найдешь бюст, отдашь его мне, и я сразу же уйду. Мать твою, я вовсе не обязан тратить время и приходить сюда. Ты себе даже не представляешь, сколько у меня дел.

– Поверь мне, у меня их не меньше.

– Да ну? И чем же ты так занят? Твой гребаный муляж ждут больше пятидесяти человек, а потому я тебе гарантирую, что ты мне его отдашь!

Стефан попытался его утихомирить:

– Сейчас принесу, идет?

Эверар похлопал его по плечу:

– Ну шутник! Нет, ты никогда не изменишься!

Когда Стефан поднялся из подвала, в одной руке он держал незаконченный бюст, а в другой стеклянные глаза.

– На, разбирайся с ним сам. А теперь уходи.

Эверар просто онемел. Потом кончиками пальцев взял отколовшийся кусочек латекса и сказал:

– Нет, но... Ты что, издеваешься?

– А что, похоже? У меня заразная болезнь. Я бы на твоём месте держался подальше.

Эверар побагровел от злости:

– Наркоман паршивый! Он еще осмеливается надо мной издеваться!

– У меня нет выбора. Клянусь, у меня нет выбора.

– Ну, парень, готовься заполучить кучу адвокатов в кильватер!

– Это меня заботит меньше всего. Дня через три за мою голову назначат цену, а сам я, может быть, окажусь в психушке. А еще я думаю, что скоро сдохну. Так что валяй, присылай своих адвокатов. Пусть они меня посадят в тюрьму. Ты даже не представляешь, насколько это меня

устроит. А теперь... – Он вытолкал продюсера на улицу. – Вали отсюда!

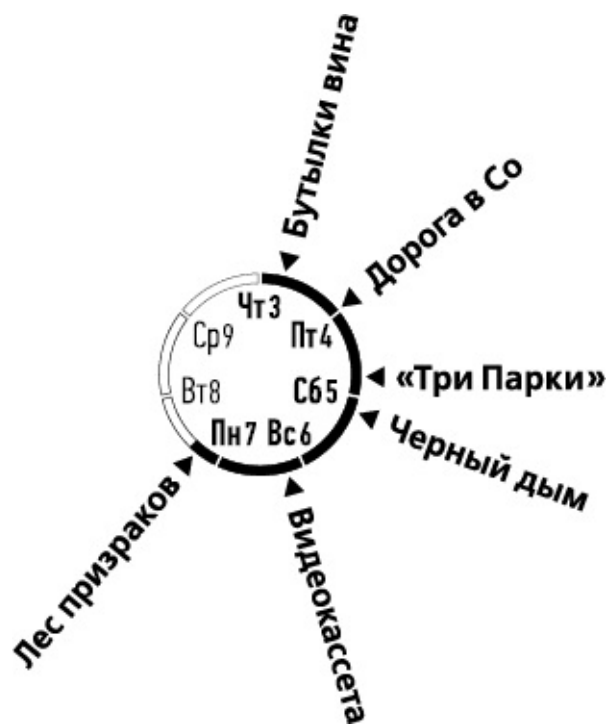
Эверар минуты две простоял перед закрытой дверью, ругаясь на чем свет стоит, а потом ушел.

Все еще в шоке от своих находок, Стефан налил себе большой стакан виски и уселся в кресло в гостиной. Потом взял мобильник с разбитым экраном и набрал номер родителей Мелинды. Трубку взяла мать. Он представился директором школы и разыграл маленькую сценку. Исключительно с одной целью: удостовериться, что девочка пока жива.

Слава богу, жива. Пока.

Наполовину успокоившись, он глубоко вздохнул. Оставалась еще проблема: пройдет несколько часов и жена сыщика, прелестная вьетнамка, возможно, переживет худшую драму в своей жизни.

Он это знал, но сделать ничего не мог.

– Поехали, Маршал! У меня идея, просто обалденная идея, и мне нужен автомобиль!

Вик поднял глаза от судебно-медицинского отчета по поводу Либерман и посмотрел на Вана:

– Слушай, мне уже осточертело быть при вас шофером. И потом, я жду очень важного звонка от жены: она сегодня проходит обследование. Я никуда не поеду.

– Тебя не для того взяли в бригаду, чтобы ты бездельничал. А твоя жена никого не интересуется. Шевелись!

Ван выдернул мобильник из зарядки, схватил Вика за руку, вытащил из кабинета, где их временно разместили, и указал на одного из сантехников.

– Посмотри на этого парня, взглядишь хорошенько, – говорил он, быстрым шагом подходя к лестнице и держа в руке какой-то пузырек. – Он потеет. Он потеет, потому что ему жарко. Газовая горелка сильно нагревается. Вот и наши жертвы тоже потели, до самой смерти.

– Я знаю. Знаю, что они долго мучились и им было очень больно. Ты меня слушаешь?

Но Ван уже сбегал через две ступеньки по лестнице, и Вик со вздохом пошел за ним на первый этаж.

* * *

Дом Кассандры Либерман теперь представлял собой жуткий кирпичный саркофаг. Это место в сознании еще многих поколений останется чудовищным жертвенным алтарем. В нем никто не захочет жить, его никто не захочет купить.

Ван сорвал с двери оградительную ленту, вставил ключ в замочную скважину и первым вошел внутрь. Когда порывом ветра за ними захлопнулась дверь, Вик вздрогнул. Из огромного помещения все еще не выветрился тяжелый запах падали.

– Ладно, – шепотом сказал Вик. – Ты наконец что-нибудь скажешь или тебе действительно был просто нужен шофер?

Мо направился в гостиную.

– Ты помнишь, что написано в судебно-медицинском отчете про температуру в комнатах? И у Либерман, и у Леруа?

– Не особенно. Я знаю, что температуру измеряют, чтобы определить время смерти.

– В обоих случаях температура в помещениях была 18 градусов. В точности и там и там одинаковая.

Вик пожал плечами:

– Ну и что?

– Если у тебя в спальне 18 градусов, ты не станешь заворачиваться в пуховое одеяло, чтобы заснуть. В такое, как в спальне Либерман.

– Гм... И это все?

Мо Ван подошел к термостату, засунув руки в карманы.

– Демектен в отчетах все время пишет о следах кукурузного крахмала на жертвах.

– Знаю. Наш убийца снимал латексные перчатки, чтобы прикоснуться к жертве, а потом снова их надевал.

Ван вынул из кармана новую перчатку:

– На, надень, потомними и снова надень.

Вик проделал все манипуляции, он был явно заинтригован. Ван показал ему кончики перчаточных пальцев:

– Что ты видишь?

– Порошок.

– Правильно. Когда ты снимаешь перчатку, у тебя все руки в крахмале. Значит, когда ты ее снова надеваешь и помогаешь себе другой рукой, следы невольно остаются на внешней стороне перчатки.

– Ну и?..

– И потому перчатка оставляет след на всем, что ты трогаешь.

Ван вынул из кармана пузырек и налил немного жидкости на кнопку термостата. Кнопка окрасилась в лиловый цвет.

– Бинго! Крахмал реагирует с йодом и окрашивается.

Вик потер подбородок.

– Следовательно, он поднял температуру в помещении, а потом, уже после убийства, снова выставил ее на 18 градусов?

Ван кивнул и достал сигарету, но закуривать не стал.

– Совершенно верно. Но это еще не все. погоди, держись за что-нибудь, сейчас обожжешься.

– Что-то мне не до смеха.

– Помнишь, некоторые волосы на голове Леруа обгорели?

– Помню. Но про волосы Либерман такого в отчете не сказано.

– Этот вопрос вертелся у меня в голове, но я ничего не понимал. Почему у Леруа волосы обгорели, а у Либерман нет?

– Ну?

– Потому что у Либерман были короткие волосы, а у Леруа длинные.

– Что-то я не въезжаю.

– И знаешь, как можно объяснить обгоревшие волоски? Электронагреватели. Убийца притащил с собой электронагреватели.

– Что?

– А ты помнишь Рере, того бомжа с монументальным носом? Так вот, он говорил, что видел, как убийца входил в дом со своими «жарилками». Это определенно были нагреватели. Наш убийца пододвинул их к жертве, а потом включил. И те волоски, что оказались вблизи от спирали, обгорели. Ему надо было устроить сильную жару, чтобы сбить с толку следствие насчет времени преступления.

Вик разинул рот:

– Вот черт! Точно подметил, это же очевидно!

– По поводу вывернутых и украденных предохранителей есть две версии. Версия первая. Он просто плюет на нас, потому и спер предохранители в качестве некоего символа, как бы говоря: «Вот и ломайте над этим голову, банда кретинов, а уж я повеселюсь от души». Версия

вторая, более логичная. Он все увеличивал и увеличивал нагрев, пока пломбы не расплавились. А уходя, забрал с собой не один предохранитель, а все сразу, чтобы запутать следы.

Мо принялся быстро расхаживать взад и вперед.

– Чтобы определить время смерти, у судебного медика есть выбор между номограммой Хенснге и измерением количества калия в стекловидном теле глаза. Демектен – сторонница первого способа, который считает более надежным. Она делает выводы, базируясь на номограмме, учитывающей множество факторов: внешние, внутренние, влажность окружающей среды и так далее. При температуре в помещении 18 градусов температура тела умершего почти не изменяется в течение двух часов, а потом быстро падает. Судебный медик учитывает все данные, чтобы определить время смерти. Но если ты сильно разогреешь и воздух в комнате, и тело перед смертью, то все показатели спутаются, потому что для снижения температуры тела понадобится гораздо больше времени. И ты заставишь всех подумать, что совершил убийство, допустим, в полночь, а на самом деле все произошло намного раньше. Утром мы ничего не увидели, потому что температура воздуха в комнате уже успела сравняться с заданной в термостате: 18 градусов. Известен случай, несколько лет назад, когда особенно хитрый убийца завернул тело в одеяло, но одеяло оставляет нитки. А вот электрический разогрев... невидим, разве что жертва обильно потеет.

Ван почесал ухо своим длинным ногтем.

– А уж если преступник – хитрец из хитрецов, то вполне может оставить рядом кусочек мела с отпечатком совсем другого человека. Короче, ты улавливаешь, что я хочу сказать?

Вик поднял голову:

– Ты думаешь, это все-таки Кисмет?

– Его алиби в ресторане летит ко всем чертям, поскольку преступление, несомненно, было совершено раньше, чем определил судебный медик. И если посмотреть с этих позиций, то все становится очень логичным. «Три Парки», уроды, Дюпюитрен, а теперь еще история с выставкой Либерман в Лионе. И в доме у него, когда мы пришли, среди всякого хлама стояли нагреватели.

– У меня тоже есть целых два.

– Да, но согласись, слишком много всего. Я думаю, этого типа надо допросить как следует.

Вик покачал головой:

– Нет, нет... С Кисметом это не вяжется. Я по-прежнему убежден, что

он тут ни при чем. Он какой-то уж очень... блаженный, что ли, он слишком замечен, где бы ни появлялся. Что в музее, что в «Трех Парках». Наш убийца организован, он ничего не пускает на самотек. А Кисмет по характеру человек безалаберный. – Он подумал и добавил: – К тому же, согласно отчету, вторая жертва была убита между 2:00 и 3:00 ночи. Даже если принять во внимание историю с нагревателями, то это отодвигает время убийства к 22:00, а может, и раньше. А ты знаешь, где был в это время Кисмет? У Эктора Арье, а потом встречался со мной. Хотя Со и не так уж далеко от Шеврез, невозможно за такое короткое время приехать сюда, все расставить по местам и заставить Либерман пережить все ужасы.

– Все это только приблизительные рассуждения.

Мобильник Вика зазвонил. Он сжал телефон в ладони. Селина...

– Извини.

Он вышел в кухню и ответил на вызов:

– Селина?

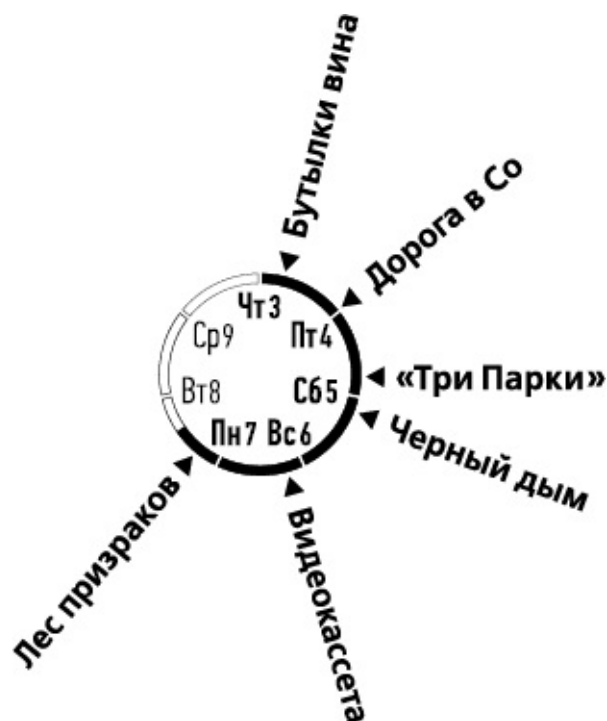
– Нет.

Это оказалась не жена, а какой-то мужчина.

Это был врач, и говорил он низким, монотонным голосом.

Вик рухнул на колени.

Прежде чем завывать.

Селина неподвижно лежала на больничной койке, и лицо ее было бесконечно печально. Неоновые лампы отбрасывали на него резкие блики. Рядом с койкой стоял гинеколог.

– Гистеротомия^[66] потребовала общего наркоза, – пояснил доктор Сенешаль. – Пройдет немного времени, и она проснется. Мы должны будем ее понаблюдать примерно до четверга... Психолог придет поговорить с вами обоими вечером.

Со слезами на глазах Вик ласково провел рукой по волосам жены. Потом поднял голову:

– Объясните, пожалуйста, что все-таки произошло.

Сенешаль сказал, что во время исследования случилось непредвиденное осложнение внутри плаценты. Случай редчайший, но осложнение привело к преждевременному разрыву околоплодного пузыря.

Совершенно сломленный, Вик погрузился в долгое молчание. В голове звучали слова Стефана Кисмета. Наконец он проговорил:

– Я хочу, чтобы вы произвели исследование околоплодной жидкости.

– Но... для чего?

Вик посмотрел врачу прямо в глаза:

– Я хочу знать, была у моего ребенка трисомия или нет. Я хочу знать, правду мне сказали или нет.

– Кто сказал? Что за правда?

– Я хочу знать.

Сенешаль окинул его сочувствующим взглядом:

– Назад уже ничего не вернешь. Зачем вам лишние страдания? Эту травму вы с женой должны перенести вместе и как можно скорее о ней забыть. В этом случае часто советуют...

Вик схватил его за руку:

– Пожалуйста, сделайте это! Для меня. Прощу вас...

Гинеколог помолчал несколько секунд, лицо его посерьезнело, и он ответил:

– Как только получу результаты, я вам позвоню.

Вик поцеловал Селину и задал последний вопрос:

– Мой... этот ребенок был мальчик или девочка?

– Мальчик. Это был мальчик.

Выйдя из палаты, Вик бросился в туалет и подставил лицо под струю холодной воды. Как же так получилось, почему все произошло так быстро? В каком состоянии проснется Селина? И как теперь она воспримет свою новую жизнь в Париже? А что же делать с приготовленной детской? С коляской, молочными бутылочками, слюнявчиками, пеленками?

Опустошенный, обессиленный, он вытащил заветный спичечный коробок и посмотрелся в зеркало. К чему держать себя в рамках, соблюдать дисциплину, если любой может вот так взять и умереть где угодно, когда угодно, даже в утробе матери, в самом безопасном и защищенном месте в мире? Зачем лишать себя радостей и мучить воздержанием, если все равно кто-то другой будет решать, жить тебе или умереть? Бывает, что люди курят по три пачки в день и спокойно умирают от старости. А бывает, что молодые, сидя за уроками, погибают от кровоизлияния в мозг. Маленькие дети заживо сгорают во время пожаров. Кто все это решает? И почему?

Выйдя в коридор, он достал мобильник и позвонил в Авиньон матери Селины. Та была потрясена.

Она сегодня же приедет на скоростном поезде.

Затем Вик разыскал Сенешаля и спросил:

– Когда проснется моя жена?

– Ну... думаю, проспит еще пять-шесть часов. К тому же, скорее всего, наркоз должен перейти в нормальный, естественный сон. Она выглядела

измученной, когда поступила к нам. Сколько она вообще не спала?

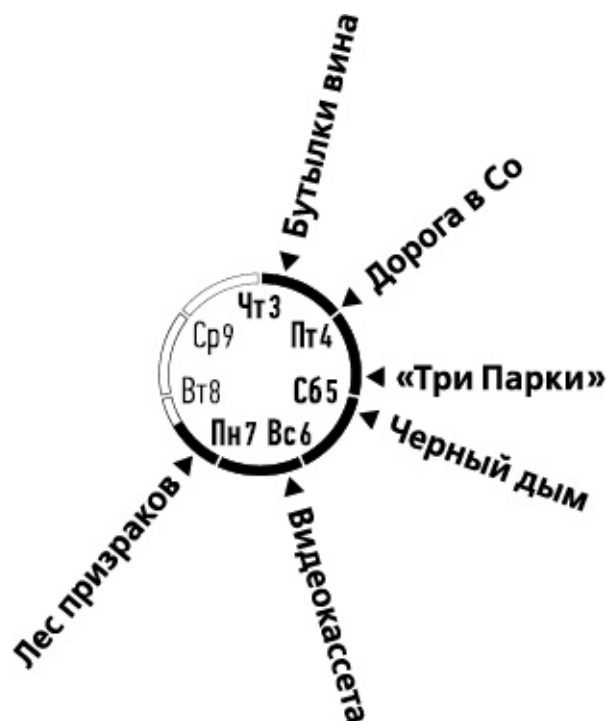
Вик отозвался только секунд через десять, он думал совсем о другом.

– Мы оба очень плохо спали в последнее время. Позвоните мне, если возникнет хоть малейшая проблема.

– А вы не останетесь?

Взгляд Вика затуманился и потемнел.

– Мне надо кое-кого повидать. Одного очень необычного человека.

– Значит, сбылось... Или я что-то не так понял?

Не дожидаясь ответа, Стефан пригласил Вика спуститься в Страну Тьмы.

Тот ошеломленно вертел головой, разглядывая десятки, сотни написанных на стенах фраз, которые сливались в какой-то гигантский водоворот. Таким способом Стефан Кисмет излагал события, лишённые всякой логики. Речь шла о датах, о смерти, о будущем, о Мелинде, Арье и болезнях. Кому они были адресованы? Некой невидимой сущности? Бесплотному духу? И для чего? Любой, кто заглянет в эту комнату впервые, наверняка решит, что здесь обитает сумасшедший. Может, Стефан Кисмет действительно сходил с ума и обрёл способность предсказывать будущее.

Застыв на месте, молодой полицейский опустил голову:

– Вы были правы. Абсолютно правы, черт возьми!

– Мне очень жаль, что так получилось с вашим ребенком.

Вик сделал ещё шаг в этот мир монстров и безумия. У него возникло впечатление, что он находится внутри мозга Кисмета, проник в его

подсознание, туда, где рождаются самые страшные кошмары. Сердце у него сильно забилося.

– Вы... вы еще раньше догадались, что моя жена беременна, что наш ребенок, вполне возможно, окажется трисомиком, вы назвали меня Виктором, и еще вы... предсказали, что мой ребенок умрет. Вы должны мне все объяснить. С самого начала.

Стефан достал из пластикового мешка бутылку виски:

– Налить вам?

– И побольше. Подумать только, еще три дня назад я ненавидел алкоголь... Но теперь я не сплю, не ем и принимаю таблетки, чтобы держаться. Недостает только сигареты.

Он вытащил еще не вскрытую пачку сигарет и коробок спичек:

– Вы позволите?

– Валяйте. Только не говорите мне, что снова начали именно сегодня.

Вик долго чиркал спичкой, пока ему наконец не удалось ее зажечь. Он поднес сигарету ко рту:

– Так оно и есть. У вас на глазах. И без малейшего сожаления.

– Не надо бы вам...

– Перестаньте. Мне уже столько людей говорили, что мне надо, а что не надо. На-до-е-ло!

– Я в одном из своих снов видел, что мы с вами вместе смотрим видеокассету и вы курите. Значит, вам было предназначено снова начать. И вами тоже манипулирует судьба.

Вик закашлялся, потом дым постепенно пошел глубже, в легкие. Особого удовольствия он не испытывал, но ему нравилось нарушать запрет, нравилось хоть раз почувствовать себя свободным.

– А как себя чувствует ваша жена? – спросил Стефан.

Вик отпил из стакана большой глоток, вглядываясь в страшную маску, лежавшую на верстаке.

– Пожалуйста, расскажите о ваших видениях. Все, что вам известно.

Стефан уселся в кресло на колесиках и скрестил руки на груди.

– Не знаю, смогу ли. Мне нужно, чтобы вы поверили, а такой уверенности у меня нет...

– Даже если я ничего не пойму, как я могу вам не поверить? Мой ребенок погиб, и вы знали, что это случится, хотя вероятность была почти равна нулю. Случись это в другом месте и будь это другой врач, другой сигнал светофора, плод остался бы в живых. А вы... вы все предвидели, и предвидели очень точно...

Стефан залпом осушил свой стакан, обернулся, взял записную книжку

и пошел к выходу из подвала:

– Поехали. Это всего в нескольких километрах отсюда. Там я вам все и расскажу. В том месте, где все началось. Давно началось...

* * *

Стефан взял направление на Куа-ле-Форе, выехал на шоссе и минут пять спустя остановился на обочине. Они с Виком вылезли из машины, прошли через рощу и оказались возле старой железной дороги. Стефан перелез через шаткую решетку и соскочил на рельсы.

– Ну что, вы идете?

Вик тоже перелез, и они пошли вдоль рельсов. И Стефан медленно заговорил:

– В июле 1992-го мне было пятнадцать лет. Мои приемные родители каждый год выезжали из Вогезов в Куа-ле-Форе, чтобы провести там отпуск с родней. Я этот город обожал, потому что мог там увидеться с подружкой, маленькой соседкой, которую звали Людивина Кокель. Мы знали друг друга с семи лет.

Он поднял с земли палку и забросил ее далеко, потом снова двинулся вперед по шпалам.

– Мы с Людивиной часто здесь играли. Железная дорога считалась заброшенной.

– Но на самом деле не была?

– Нет.

Стефан указал на поворот метров в ста впереди:

– Вот там все и случилось.

– Напрасно вы идете по рельсам.

– Ничего со мной не будет. По крайней мере, сегодня. У провидческих снов есть хотя бы это преимущество.

Он ускорил шаг и с волнением продолжал:

– Мы шли как раз по этому участку. Людивина шла впереди, балансируя на левом рельсе. Я до сих пор вижу ее руки, раскинутые, как крылья птицы, и развевающиеся на ветру волосы... Все врезалось в память... Я позабыл о миллионе всякой всячины, но не об этих минутах. И вдруг, в тот миг, когда мы шли...

Он прошел еще метров десять и поставил ногу на растрескавшуюся шпалу:

– ...вот здесь, возле этой шпалы, более светлой, чем остальные, у меня

в голове вдруг ясно сложилась картинка: вылетающий из-за поворота поезд.

Он закрыл глаза, было видно, что он очень волнуется.

– И тут я моментально прыгнул вправо и крикнул: «Уходи, Людивина! Спрыгивай! Поезд идет!» Она обернулась ко мне, засмеялась и крикнула: «Ну и пусть идет!» Не прошло и двух секунд, как махина поезда вылетела из-за поворота.

Вик остановился и покачал головой:

– Господи... Она осталась, а вы нет.

Стефан помолчал.

– Я спасся по какой-то невероятной случайности, – снова заговорил он. – Ни моя жена, ни теперешние знакомые ничего не знают об этой истории. Этот образ, как язва, разъедает мне внутренности. Когда я два месяца назад случайно убил малышку Гаэль Монтё, жандармы не стали искать связи с этим событием пятнадцатилетней давности. Но если бы нашли, я даже представить себе не могу, что бы они подумали.

– Но вы же были ни при чем.

– Я мог ее спасти, а не отпрыгивать в сторону. Надо было бежать к ней и столкнуть ее с рельса. – Он посмотрел вдаль. – Спустя шесть лет я попытался, рванув стоп-кран, предотвратить крушение поезда, которое промелькнуло в мозгу как вспышка. Но в тормозной системе были какие-то неполадки, и многие пассажиры тогда погибли. А я сам снова каким-то чудом остался жив. И они бы остались, если бы спрыгнули с поезда. И ровно шестьдесят два дня тому назад я пытался избежать еще одной аварии, объехать девочку на шоссе, но ничего не получилось, я ее все-таки сбил, но чуть дальше от того места. Я ударился о дерево, и меня спасло только то, что я был на «мерседесе», а не на «форде».

– Вы живете совсем близко отсюда... И только через пятнадцать лет вы попытались понять?

Стефан стиснул челюсти:

– Мы переехали сюда три месяца назад, и я пришел на это место, чтобы... вспомнить. Все это было так давно. – Он опустил глаза. – А всего несколько дней назад, после того как я вспомнил все свои сны, я узнал, что *Стефан-избудущего*, что-то вроде моего двойника, постоянно находился здесь. Тот маленький человечек, которого я все время рисовал, когда еще учился в школе, был он. Это он надоумил меня сорвать стоп-кран на поезде. Это он велел мне затормозить перед дорожным столбиком № 16. И это он приказал предупредить Людивину, что приближается поезд. Он пытается предотвратить катастрофы, которые видит, подавая мне знаки при

помощи снов. Но сны ничему не помогают, и несчастья все равно происходят, потому что судьба все делает для этого. А я остаюсь в живых, опять-таки потому, что судьба для меня такой смерти не предусмотрела. Эта чертова судьба не позволяет себя обмануть. Вспомните, что произошло с вашей женой... Я сделал все, чтобы она не пошла на обследование, и все-таки... Что бы я ни делал, мне не удастся изменить ход событий.

Стефан подошел к Вику и заглянул ему в глаза:

– Пришло время рассказать все, что я знаю о вашем расследовании. И если вы засадите меня в тюрьму, тем лучше. Уж лучше тюрьма, чем то, чему суждено сбыться. Я не хочу больше трупов на своей совести. Потому что я не смогу выбросить из головы ни их криков, ни их лиц. Понимаете?

Вик взял сигарету и хотел закурить, но не нашел спичек и в ярости швырнул ее на землю.

– Ничего не понимаю, но я вас слушаю.

– Начиная с четверга, – снова заговорил Стефан, – я вспоминаю все сны, которые преследовали меня, пожалуй, с самого детства. Во сне я вижу сам себя, и этот «я» живет и действует со сдвигом во времени в шесть дней и двадцать часов. Я все записывал в записную книжку. Прочтите. Там не хватает нескольких страниц, но все важное на месте. И про фингал под левым глазом, который вы мне поставили, и про разбитый экран мобильного. И про тот телефонный звонок, что вы сделали мне ровно через четыре дня. И про ваш рассказ о жене, и об этой истории с сорока шестью и сорока семью хромосомами, где сорок семь – число хромосом, говорящее о трисомии у ребенка. Сбывается все, абсолютно все. И я ничего не могу изменить.

Вик взял записную книжку:

– А что докажет мне, что ты не записал все потом, после событий?

– Читайте... Читай, и сам все поймешь. И заметишь, что там, в той записи, мы тоже на «ты». Еще один фрагмент пазла встал на место.

Вик отошел от путей, уселся, прислонясь к стволу дерева, и погрузился в безумный мир записей Стефана. Читал он очень внимательно.

– Боже милостивый!..

С каждой перевернутой страницей он все сильнее менялся в лице.

– Ты говоришь о фотографиях с места преступления, где в левом верхнем углу есть небольшой дефект пленки! Но это закрытая информация. Как ты узнал?

– Просто увидел, вот и все.

– Жертва, связанная колючей проволокой... Крюк во рту... О господи... Ты записывал это в пятницу, а Либерман убили в ночь с субботы

на воскресенье.

– Либерман... Эта фамилия мне смутно о чем-то напоминает...

– Это та самая девушка, которая готовила выставку изображений изуродованных лиц в Лионе. Брюнетка, ты с ней встречался в «Трех Парках». В шестом номере.

Стефан принял удар и впал в еще большее отчаяние:

– Все связано... Мы запутались в совпадениях, они нас оплели, словно нити из клубка шерсти.

Вик читал, покусывая себе ногти, и, совершенно сбитый с толку, отложил записную книжку.

– А те следы от уколов на правом предплечье, о которых ты пишешь...

– Они пока не появились. А ты что думаешь?

– Убийца вкалывал жертвам морфин в правую руку, в предплечье.

Стефан растерянно закатал рукав:

– А кровь у меня на руках, в первом из кошмаров... Значит, он пытался меня убить? А я от него удрал?

– Он устраняет всех, кто имеет отношение к твоему миру. Всех, кто выставляет уродство на всеобщее обозрение и пользуется этим для удовлетворения своих амбиций. Такими были Леруа и Либерман. Да ты и сам соответствуешь облику его жертв.

Стефан сильно побледнел. Вик встал и сделал несколько шагов.

– Да нет, пожалуй. Все это просто невозможно, – пробормотал он. – Никто не может знать наперед, что произойдет, и ты не можешь управлять будущим. Ведь тогда придется подвергнуть пересмотру множество вещей. Ты... ты...

– Что? Я псих? Или я и есть тот самый убийца, которого ты разыскиваешь? Ты думаешь, это я убил обеих женщин? Что я пожелал зла твоему ребенку и убил его сегодня утром? А дефект пленки? Ты же сам сказал! Как? Как я смог угадать?

Вик поднял тяжелый камень и запустил им в дерево.

– Вот черт! Но как такое может быть?

– Не знаю, Виктор. Ни черта я не знаю. Но это происходит со мной. И уверяю тебя, радости в этом мало. Я, правда, могу угадать номера ближайшего тиража лото, но это не стоит того ужаса, что идет с ним об руку. Это хуже проклятья.

Полицейский положил перед собой записную книжку:

– Ты здесь описываешь лицо убийцы! Ты приводишь факты, о которых могла знать только полиция! Как ты-то сам оказался замешанным во все это? Как смог получить информацию, пусть даже и из будущего?

Стефан развел руками:

– Но... неужели тебе еще не ясно?

– Что – не ясно? Что я спорю с ясновидящим во сто крат сильнее меня?

– Нет! Что мы движемся в петле времени! И я постоянно оказываюсь к чему-то причастным, потому что... это будущее вот-вот станет настоящим! Потому что фотографии с места преступления, как бы то ни было, ты мне покажешь! И я понял, что с самого начала, пытаюсь чего-то избежать, я на самом деле только создавал содержание следующего сна. Возьмем, к примеру, желтый входной билет в музей. Я увидел его во сне, и тут же случилось так, что я поехал в музей Дюпюитрена. А без этого мы бы, может, никогда и не познакомились, потому что ты вышел на меня только благодаря этому случаю.

Стефан напоследок мрачно оглядел железнодорожный путь.

– До того как начнет сбываться первый кошмар, осталось два дня. Послезавтра ночью, если ничего не предпринять...

Вик его перебил:

– И надо будет за один день разобраться во всей этой путанице? К тому же ты сам говоришь, что там не хватает страниц.

У Стефана заблестели глаза.

– Вы... вы могли бы подключить людей? Один следил бы за Эктором Арье, другой за Мелиндой. Ну и за мной тоже. Я не хочу ни умирать, ни... разделить судьбу тех несчастных убитых женщин.

– Чего ты от меня хочешь? Чтобы я явился к майору и как ни в чем не бывало доложил, что у меня имеется магическая записная книжка с точным описанием смерти многих жертв?

Стефан пристально на него посмотрел:

– По крайней мере, я теперь не один. Мы не случайно сегодня оба оказались здесь, на железнодорожных путях. Рельсы идут параллельно, как наши судьбы... они едины, и они друг от друга зависят. Мы с тобой были созданы для того, чтобы встретиться.

– Благодарю за такой подарок.

Стефан указал на записную книжку:

– Перечитай все. Ты наверняка поймешь многие вещи, которые мне ни о чем не говорят. Ведь расследование – твоя профессия. Ищи, ищи в этих записях! Нужен какой-то толчок, чтобы разбудить нервные клетки!

Вик принялся листать страницы. Часть из них выпадала, и он следил, чтобы они не перемешались.

– А эту странную татуировку на бедре... ты что, действительно

сделал?

Стефан приподнял край футболки.

– Так. Если верить твоим записям, то это означает, что убийца... что мы его поймаем только в будущем, а пока что идем по следу.

– Ну, если тебе удастся уловить смысл этой тарабарщины.

Вик поджал губы и углубился в чтение.

Спустя несколько минут Стефан заметил, что тот нахмурился:

– Ты взял след?

Вик вытащил из кармана листок бумаги с адресом, который дал ему Ашиль Дельсар из музея Дюпюитрена.

– Бог мой! Ты тут написал «Ноэль Сирьель»! А ты знаешь, кто такой этот Ноэль Сирьель?

– Понятия не имею.

– Он финансирует музей Дюпюитрена!

Вик откинул крышку мобильного:

– Я предупрежу бригаду.

Стефан подошел к нему и не дал набрать номер:

– Никого ты предупреждать не будешь. Ты сам только что сказал, что у тебя нет подходящих объяснений.

– Так что же, по-твоему, я должен ехать один? А если я по твоей милости вляпаюсь в какую-нибудь историю?

– Никуда ты не вляпаешься. Я поеду с тобой.

Вик решительно положил ему руку на плечо:

– Нет, ты пойдешь спать.

– Но я хочу тебе помочь! Я хочу поймать эту сволочь, я...

Вик посмотрел на него в упор:

– Разве ты до сих пор не понял, что самую большую помощь мне окажешь именно во сне?

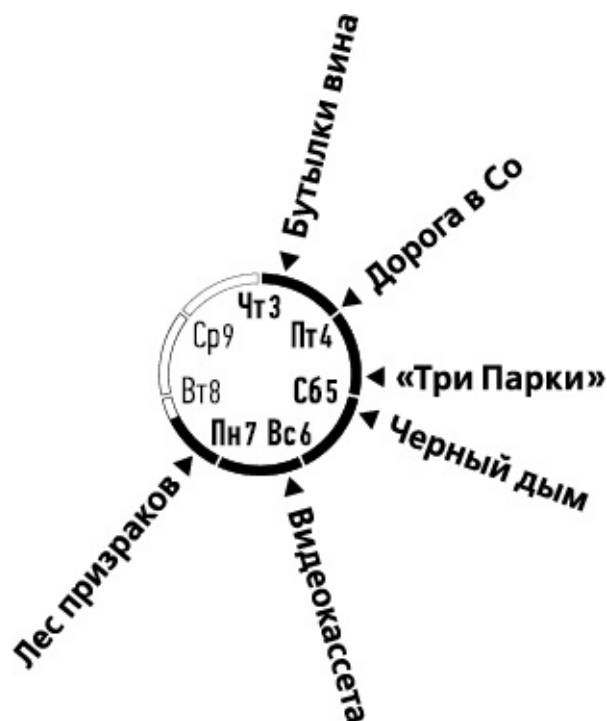
Записную книжку он оставил у себя:

– Я ее немножко подержу, она мне нужна. У тебя и так все в голове.

– Не уверен. Знаешь, в последнее время все очень быстро запутывается.

– Я ее скоро верну. И самое важное: с этого момента ты никому не должен говорить ни о Сирьеле, ни о нашей встрече, ни о твоих снах. Никому, только мне. Все это выходит за рамки тех законов, которым меня учили в школе. И выходит за рамки всякой логики. – И, уже отойдя довольно далеко, он прибавил: – Мы с Селиной всегда ловили себя на том, что начинали грезить, едва подходили к старому дому в Авиньоне, выставленному на продажу. Я потерял ребенка, его выкрала судьба. И

я боюсь возненавидеть свое ремесло. Там у тебя в книжке есть номера лото. Думаю, надо попробовать сыграть. Хотя я до сих пор не знаю, поверил тебе или нет.

Оставшись один, Вик отправился в густой Галатский лес^[67], расположенный к северу от Парижа. С автострადы он съехал на государственное шоссе, потом на муниципальное. Судя по адресу, указанному в записке, и по указаниям навигатора GPS, ему осталось несколько километров.

Вик посмотрел на часы. Мать Селины, скорее всего, уже добралась до больницы, потому что выехала из Авиньона три часа назад. Вик объяснил ей по телефону, что Селина проспит еще долго и он приедет, как только появится возможность. Объяснять причину своего отсутствия у него не было времени: мобильник разрядился и он снова оказался вне зоны доступа.

Глубокая рытвина на дороге вернула его к действительности. Оси клацнули, и машину резко бросило в сторону, но он успел выровнять руль. Солнце над ним исчезло, и необычно густой лес сомкнулся над головой, словно пытаясь раздавить. Может, в этом было скрытое предупреждение? Домов вдоль дороги становилось все меньше.

Вик и так и этак прокручивал проблему в уме, но все не мог понять, каким образом *Стефан-из-будущего* – хотя он отказывался даже допустить что-либо подобное – мог написать на стене имя Сирьеля. Какую роль играл старый коллекционер в этой мрачной истории? И откуда вообще берется мощный дар предвидения? Во всем этом не было никакой логики.

Он свернул на дорогу, уводившую метров на сто в лес. В конце дороги виднелись крепкие ворота и высились кирпичные стены с полукруглыми арками с каждой стороны. Дом был огромных размеров и на вид казался старым. Вик поставил машину возле решетки и позвонил в домофон, над которым виднелась маленькая камера.

Ему ответил хриплый голос:

– Да?

Вик поднес к глазку свое удостоверение:

– Вик Маршалль, судебная полиция. Я хотел бы поговорить с господином Сирьедем.

После короткой паузы домофон зашуршал.

– Открываю. Проходите через подъезд. Гостиная будет прямо перед вами.

Металлические створки разошлись в стороны и впустили Вика на очень широкий и очень зеленый двор. За аккуратным рядом деревьев был припаркован большой внедорожник. С крыши, обвивая весь дом, спускался плющ, а наверху дымила каминная труба. Почувствовав ком в горле, Вик подошел к входной двери. Никто, кроме Кисмета, не знал, что он собрался наведаться в эту зеленую нору. И он никогда не найдет подходящих слов, чтобы все объяснить начальству. Этот визит должен остаться в тайне. Любой ценой.

Он толкнул дверь и вошел в дом, держа оружие под рукой.

Стены просторного круглого холла, явно специально затемненного, были сплошь увешаны огромными картинами на религиозные и батальные сюжеты, и было в их чередовании что-то болезненное. Вик пробежал по ним взглядом. Собрание полотен, само по себе великолепное, вызывало пугающе мучительные чувства, поскольку на всех без исключения картинах были представлены смерть, насилие и боль. В них божественное соединялось с ужасным, и располагались они таким образом, что казалось, будто они хотят всю вину за войны и человеческое безрассудство переложить на Бога и религию. Осунувшиеся, искаженные болью лица говорили о безмерных страданиях. Вик дрожал от волнения. Обернувшись назад, он оцепенел перед одной из картин.

Под золоченой рамой ясно читалась надпись: «Избиение младенцев».

На переднем плане два обескровленных тельца зарезанных кинжалами малышей, на заднем – испуганные дети на руках бегущих матерей. Но самым страшным было выражение лиц этих женщин в пурпурных плащах, их широко раскрытые рты, выкрикивающие весь свой ужас прямо в небо.

Точно такое же лицо было у Аннабель Леруа. И восемнадцать кукол, расставленные в изножье кровати, очень напоминали этих детей на руках у матерей.

– Потрясающая картина, правда? Это Гвидо Рени.

Вик вздрогнул и оглянулся. В дверях соседней комнаты, довольно далеко от него, стоял человек лет шестидесяти-семидесяти в серых фланелевых брюках и синей рубашке. Разглядев его лицо, Вик с трудом скрыл удивление. Все оно было покрыто сероватыми бляшками, похожими на рыбью чешую. На вид человек был хрупким и слегка горбился. Вряд ли он мог бы поднять такое тело, как у Либерман.

А Сирьель продолжал говорить, не приближаясь:

– Рени изобразил акт любви в самом его отчаянном проявлении, когда матери пытаются защитить своих детей от рук убийц. Взгляните еще на подобные картины Беллини, Пуссена и других художников. Перед вами самые яркие примеры живописания страданий.

По-прежнему держась на расстоянии, Ноэль Сирьель пригласил Вика пройти дальше в дом:

– Входите, но не приближайтесь ко мне... Соблюдайте дистанцию, хорошо?

Вик пошел за ним, мало что понимая. У Сирьеля какое-то заразное заболевание или он сам боится контакта? Он двумя пальцами держал капсулу с каким-то лекарством и очень внимательно в нее вглядывался, как ювелир вглядывается в алмаз. Полицейский вошел в комнату с великолепными книжными шкафами, где книги соперничали друг с другом красотой обложек. Сирьель приблизился к камину с открытым огнем, стоящему посередине комнаты. В камине догорали поленья.

Сирьель предложил Вику сесть на приличном расстоянии от него, у другого конца стола, выделанного из цельного ствола дерева, а сам остался стоять. Справа маленький экран камеры слежения показывал, что происходит у ворот возле домофона.

– Могу я узнать, чему обязан визитом столь молодого и столь амбициозного полицейского?

– Почему же амбициозного?

– Иначе вы пришли бы вдвоем. Я полагаю, обычно вы работаете в паре.

Вик решил перейти прямо к делу:

– Я расследую убийства, совершенные с особой жестокостью и извращенностью. Расследование привело меня в музей Дюпюитрена, а затем я, естественно, вышел на того, кто его финансирует, то есть на вас.

– Логика неумолимая, – заметил старик. – Ну и?..

– И как мне кажется, я поступил правильно. По всей очевидности, убийца был вдохновлен одним из ваших полотен, картиной Гвидо Рени. Странное совпадение, не находите? Дюпюитрен, теперь эта картина...

Сирьель еле заметно улыбнулся. Под густыми седыми бровями блеснули голубые глаза.

– Ах, Рени. Несомненно, это мой любимец. К несчастью, у меня только копия. Очень хорошая, но все же копия. Оригинал недостижим^[68]. Но среди моих картин много подлинников. Я подобрал оптимальный режим влажности, освещения и температуры воздуха, чтобы моя коллекция сохраняла все свои достоинства. Она погибнет достаточно скоро, здесь, вместе со мной. Я не собираюсь никому ее завещать.

– Будьте добры, ответьте на мой вопрос. Как могло случиться, что убийцу вдохновила именно ваша картина?

– Моя картина? Но сюжет «Избиение младенцев» имеет десятки интерпретаций, на эту тему писал не только Рени. Разве вы не видите, что здесь имеется дело с чистой случайностью? С простым совпадением?

– Ну да, совпадение. Занятно, что вы мне говорите о совпадении.

Сирьель достал носовой платок, попрыскал на него из пульверизатора и осторожно промокнул губы. Вик не понимал, почему он стоит так близко к огню и почему не садится.

– Какого типа убийство вы расследуете? – спросил Сирьель.

– А вы не знаете?

– Конечно не знаю. Да и откуда мне знать? Может быть, вы явились сюда, потому что в чем-то меня подозреваете?

Вик и сам в точности не знал, зачем оказался в этом доме, но чувствовал, что напал на след. Имя Сирьеля в записной книжке Кисмета, а теперь еще и эти картины... Все находилось в прямой связи с ходом расследования. К тому же лицо Сирьеля было поражено какой-то болезнью кожи... и он явно чего-то опасался... Вероятно, он против воли оказался замешан в эту историю.

– Мы имеем дело с преступником, который оставляет на месте преступления сильный запах. Возможно, он страдает тяжелым физическим недугом, вероятно врожденным.

Сирьель закрыл глаза и протяжно вздохнул:

– Еще одна причина, чтобы меня подозревать... Пожалуйста, сообщите еще что-нибудь на эту тему.

– Зачем?

– Может быть, я смогу вам помочь? Как вы могли заметить, с врожденными недугами я знаком.

Вик колебался. Следует ли все выложить и раскрыть свои позиции или все же ничего не раскрывать? Но тогда есть риск, что Сирьель закроется, как устрица в раковине. В конце концов он выбрал первый вариант и решил быть искренним:

– Наш убийца обездвигивает жертвы и вкалывает им морфин, перед тем как мучить. Он разогревает тела, чтобы судебные медики не могли точно определить время смерти. Но это ему не помогло. Мы оказались хитрее его и сильно продвинулись вперед.

Сирьель смотрел на него тяжелым взглядом. Даже в такой близости от огня у него не выступило ни одной капли пота. Полицейский продолжал излагать факты:

– На настоящий момент у нас две жертвы, убитые с особой жестокостью. В обоих случаях удалены все наиболее чувствительные органы осязания, поскольку он, видимо, не выносит, когда к нему прикасаются. Наверняка это связано с перенесенной травмой. А ему, наоборот, нравится гладить своих жертв, и для этого он специально снимает латексные перчатки.

– Он их насилует?

– Нет. У одной из жертв был вскрыт живот, в тело воткнуты иглы, а лицо так же искажено, как у кричащих женщин на картине Рени. Вокруг нее были разложены восемнадцать кукол, причем одна из них изуродована. К другой жертве он прикрепил грузы, прикрепив их к нижней челюсти, как поступали при лечении лицевых травм в Первую мировую войну. И в каждом случае убийца оставлял на стене написанную мелом записку.

Сирьель буквально впитывал каждое слово собеседника:

– Какую записку?

– Мери их страдания.

– Страдания... Это еще вопрос...

– Почему?

– А знаете, что именно объединяет картины в моей галерее?

– Конечно же страдание?

– Крик. Крик Марии, когда у Нее вырывают из рук Христа. Крики матерей, у которых отнимают детей. Крики солдат, агонизирующих на поле боя. Крик – единственное средство передать страдание в сцене, лишенной

движения, это вам любой художник скажет. Крик берет на себя выражение и зрительных, и тактильных, и звуковых ощущений. Он позволяет измерить степень боли. Он возвращает человека в первобытное состояние – состояние зверя, у которого нет другого способа себя защитить, кроме как очень громко зарычать или завизжать. И тогда появится надежда, что хищник его выпустит и ему удастся выжить. Заставить кого-то кричать означает показать, что ты сильнее и что он в твоей власти.

Сирьель посмотрел Вику прямо в глаза, но на лице его не отразилось никаких эмоций.

– Мне кажется, вас и самого вдохновляет то, что я вам рассказал, – заметил лейтенант. – Поговорим теперь немного о вас, если не возражаете.

– О, моя жизнь не особенно увлекательна, знаете ли.

– Могу я узнать, по какой причине вы финансируете музей Дюпюитрена?

Сирьель рассматривал свою пилюлю на свет:

– Витамин D. Знаете, чем он полезен?

– Точно не знаю и не думаю, что...

– Основа витамина D синтезируется в коже под воздействием солнечных лучей. Он необходим для крепости костей и зубов, а его дефицит может вызвать образование склеротических бляшек, гипертонию, сердечно-сосудистые заболевания и все виды рака. У меня рак, господин лейтенант, неизлечимый рак костного мозга, и жить мне осталось, при самом оптимистическом прогнозе, не более нескольких недель.

Вик не унимался:

– Я весьма сожалею, но все-таки почему вы стали финансировать музей Дюпюитрена?

– Люди должны понять, что уродство и непохожесть на других – часть того разнообразия, которое задумал Господь на земле. Я хочу, чтобы они перестали смеяться, заведя человека с фибромой или кистой на лице. Я хочу, чтобы они уважали ближних своих, как бы те ни выглядели. Музей Дюпюитрена – живое свидетельство реальной природы вещей. Такие музеи должны существовать.

Вик встал и оперся ладонями на стол.

– Господин Сирьель, имеете ли вы какое-нибудь отношение к этим убийствам?

Сирьель медленно поднял подол рубашки. Вик внутренне съежился. Сероватая чешуя покрывала не только лицо старика, но и все тело.

– Я с рождения страдаю ихтиозом, наследственным заболеванием, из-за которого моя кожа выглядит так мерзко. Но болезнь – не самое

страшное. Она не вызывает никаких болей, от нее не умирают, а современная медицина предлагает лекарства, которые, скажем так, ограничивают урон. Нет, хуже всего...

Он сжал кулаки, и на лице его отразилась такая ненависть...

– ...людская злоба. Мое детство и юность были настоящим адом. Полная изоляция, неприятие, косые взгляды... Они не находили ничего лучшего, кроме как издеваться надо мной, показывать средний палец и считать меня монстром.

Он снова смочил губы сложенным в несколько раз платком.

– Для всех остальных мы – все равно что звери в цирке. Уродцы, диковины.

– Мы?

– Совершенно верно, мы.

– Кто же совершил эти жуткие убийства? Зачем?

Сирьель сохранял полное спокойствие. Казалось, его уже ничто не волнует.

– Не знаю.

– Лжете.

Старик указал ему на дверь:

– Не смею вас больше задерживать. Выход там... Я вас провожать не стану.

Вик метнул в него уничтожающий взгляд:

– Я еще вернусь. Уверю вас. И вернусь не один.

– Надеюсь. Мой дом всегда открыт для всех.

Вик уже направился к выходу, но Сирьель его окликнул.

Обернувшись, лейтенант полиции вытаращил глаза. Старик целился в него из пистолета.

– Как же так, вы хотите меня покинуть, не получив ответа? – сказал Сирьель. – Никудышный же вы полицейский. Сказать по правде, худший из всех, кого я встречал. Сядьте вон там, у стены. И поговорим еще немного. – Он покачал головой, словно ему стало жаль Вика. – Я полагал, что кожа ребенка-сирены, винный уксус, гангренозный запах на месте преступления, «Избиение младенцев» или этот Грегори Маше гораздо быстрее приведут вас ко мне. Я уж подумал, что вы никогда не придете и мне предстоит умереть, так и не воспользовавшись вашей неосведомленностью.

Вик почувствовал, как вокруг него стягивается страшная спираль. Сирьель все знал.

– Грегори Маше? Вы хотите сказать, что...

– Он просто управляющий. «Три Парки» принадлежат мне.

Сирьель взял кочергу и, зацепив горящее полено, бросил его на паркет.

– Вот и все, – сказал он. – Ваше присутствие меня наконец освобождает, моя история завершается, начинается другая. Как говорится, эстафета передана. Мой последователь прекрасно справится с работой.

С легким потрескиванием огонь медленно подбирался к деревянным панелям библиотеки. Вик хотел встать, но Сирьель сделал предупредительный выстрел: пуля прошла в метре от его правого плеча.

– Вы так и уйдете, не узнав?

– Не узнав чего?

– Ваша некомпетентность приводит меня в уныние.

Он снова стал выкатывать поленья из камина, рассыпая по полу множество искр.

– Тот человек, которого вы ищете, с болью знаком лично. Ему известно ее действие, ее история и все ее модификации. Он прослеживает весь ее путь сквозь века: картина Рени, изуродованные лица, Фрида Кало или Мадонна Бенताля^[69], закутанная в покрывало, как одна из ваших жертв... Разве вы не узнали ее в одной из этих девушек, Кассандре Либерман?

– Кто убийца? – спросил Вик.

Сирьель поднес пилюлю к губам и, поморщившись, раскусил. Вик снова попробовал встать. Прогредел еще выстрел, и на этот раз пуля прошла сантиметрах в пятидесяти от него.

– Кажется, этот яд действует через несколько минут и не вызывает ни малейшей боли. Что ж, посмотрим... Тот, кого вы ищете, вовсе не монстр. Монстры – это те, кто глазеет, кто жадно оборачивается на сбитого на улице человека, кто питается и упивается чужой болью. Общество – вот кто монстр. И общество должно платить.

Огонь уже пополз вверх по стенам и перекинулся на книги. Вик подтянул колени к груди. Деваться ему было некуда. У Сирьеля все было готово начиная с того момента, как Вик позвонил в домофон.

– И когда он отправится убивать снова? – спросил полицейский.

– Скоро... Очень скоро. Механизм отмщения запущен. Я видел следующую жертву. И в ином мире я устрою себе пир, наблюдая за ее страданиями.

Он вытащил из кармана диск и с улыбкой на него посмотрел.

– Здесь все, – пробормотал старик. – Обыкновенный диск с видео, которое только вас и дожидалось: в нем содержатся все ответы на ваши вопросы. – Он бросил диск в камин. – Вот, диск горит, улетает вместе с дымом, а вы ничего не можете сделать. А вам когда-нибудь удавалось воплотить зрительные галлюцинации в образы? Эту... неуловимую

субстанцию, которую не добудешь ни за какие деньги? А вот мне удалось... Я сам себе преподнес фильм... о своей галлюцинации. А мой исполнитель – о своих страданиях. Вот почему... мы с ним чувствовали такую близость друг к другу.

Сирьель вдруг согнулся пополам. Из рта потекла струйка желчи, и он вытер ее платком.

– Не так уж... это и безболезненно, черт побери...

– Скажите, о ком это вы! – выкрикнул лейтенант, отшатнувшись вправо, ибо огонь уже подобрался опасно близко.

– Вы... вы сказали, он разогревал тела... Аплодирую вашей дедукции... А воды вы, случайно, там поблизости не находили?

– Да! На полу были маленькие лужицы. Откуда? Откуда они взялись?

Сирьель прищурился. Теперь пламя достигло входной двери. Густые черные клубы дыма поднимались к потолку.

– Надо всегда... быть внимательным к деталям. Тела не разогревают, чтобы замедлить неизвестно что. Вы что, считаете его таким дураком? Да выйдите вы хоть чуть-чуть за пределы вашей полицейской науки и получше изучите то, что дала нам природа...

– Наши чувства?

– Загляните за пределы... наших пяти чувств, ищите еще дальше... Чем восполняется нехватка? Будь вы настоящим сыщиком, вы бы попытались... почувствовать то, что чувствовал... ваш убийца перед этими обжигающе горячими телами. Тогда вы бы поняли. Вы бы сыграли на противоположностях и сами бы очистились, сублимировались.

– Говорите, говорите! Говорите еще! Кто он?

Сирьель резко выпрямился в последней судороге, потом упал на пол, и глаза его застыли, глядя в никуда. Вик бросился к нему и принялся его трясти:

– Говорите же, черт побери!

Но старик был уже мертв.

Полицейский встал и посмотрел на камин. Диск обгорел и деформировался от жара. Вокруг все пылало: книги, документы, мебель. Спасти уже было ничего нельзя. Он бросился сквозь стену огня, поднявшуюся перед ним, и ему удалось выскочить из библиотеки. Куртка на нем горела. С криком он сбросил ее, помчался дальше по картинной галерее и наконец оказался на улице.

Свежий воздух. Лес. Жизнь.

Вику сразу стало холодно. Куртка осталась там, в пламени. А самое главное – в дыму потерялась записная книжка Стефана...

Задыхаясь, он побежал к воротам. Сирьель пожертвовал жизнью и коллекцией, чтобы ни одна тайна не вышла за пределы этого дома. Ужас своих деяний он унес с собой.

Однако перед смертью он позаботился передать свою ненависть. Убийца, заступивший на его место, уже не остановится.

Вдруг, находясь уже посередине двора, Вик поднял голову. Сзади что-то хрустнуло. Он обернулся. Перед ним сквозь мрак виднелись деревья. В листве шелестел ветер. Полицейский обвел дулом пистолета пространство вокруг и решил поспешить к автомобилю.

И тут ноздри у него затрепетали.

Запах. Трупный запах.

Он прятался где-то поблизости.

Вик принялся судорожно целиться в пустоту вправо-влево, вперед-назад. Кровь бешено пульсировала в шее.

Тихо зашуршали листья. Не раздумывая Вик сделал подряд три выстрела. Вибрация от выстрелов отдала в плечо, и предплечье тут же огнем пронзила боль. Он съежился, обхватив предплечье рукой и до хруста стиснув зубы. Было такое ощущение, что вместе с кровью внутри волнами бились тысячи иголок. Пистолет выпал из руки. А потом все перестало существовать, осталась только эта жгучая боль.

Когда она немного утихла, Вик понял, что лежит на земле, скорчившись, как собака, и дрожит.

Луна над ним исчезла, словно ее что-то загородило, хотя на небе не было ни облачка.

Трупный запах быстро усиливался.

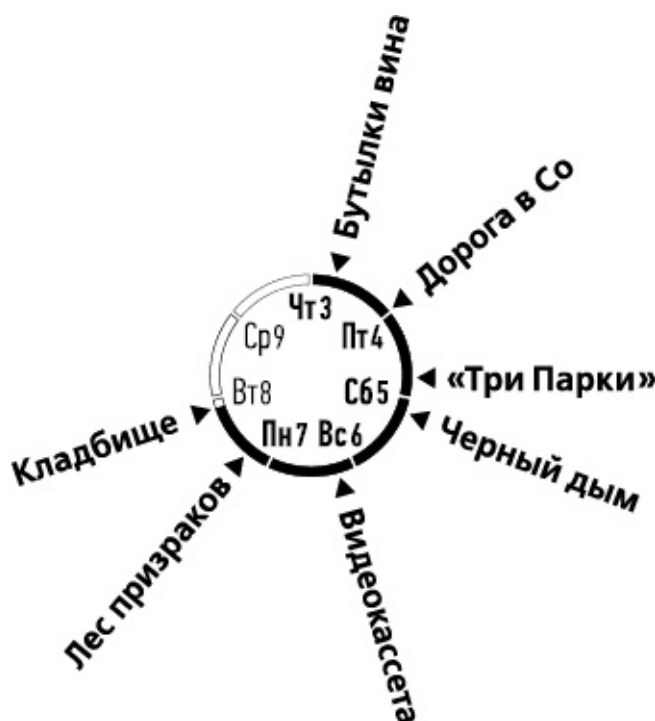
Слева снова зашуршали листья. Возле самого уха.

А потом ему по затылку ударили чем-то холодным.

52

Понедельник, 7 мая, 21:18

Сон последний: Кладбище

Шел дождь. Тот самый ледяной дождь, который льет стеной, заливает все вокруг и клонит к земле головки цветов. Стефан вернулся к воротам кладбища Ламорлэ и оттуда наблюдал за длинной процессией: люди в черных костюмах, в шляпах и с зонтиками рассаживались по машинам и уезжали в город.

Стефан стоял не двигаясь, сжав кулаки, и холод начал покусывать ему щеки, затылок, забирался в волосы.

– Вот видишь, все оказалось ни к чему, – сказал он. – Абсолютно ни к чему. Если бы мне удалось все выразить яснее... Но как бы я смог, со всей этой жутью в голове? Со всем, что произошло? Как тут не тронуться умом?

К нему подошел Вик Маршаль, в черном костюме, белой рубашке и темном галстуке, и раскрыл над его головой зонтик.

– Ты сделал все, что смог. Но все это настолько... нелогично. Во что же верить?

Потерянно глядя перед собой, он поднес к губам сигарету и спокойно закурил. Капли дождя молотили по зонтику у них над головой.

– Мы его поймаем, Стефан. Я тебе гарантирую, мы обязательно схватим эту сволочь. Теперь уже очень скоро.

– Это ничего не изменит. Она мертва. Он ее убил, и теперь ее уже не вернешь.

Стефан провел ладонью по мокрому лицу и горестно вздохнул:

– Хуже всего то, что я уже все это видел во сне... В последнем кошмаре я нас с тобой обоих видел здесь, перед могилой, под тем же ливнем, под тем же зонтиком, с теми же людьми. И те же цветы украшали ту же могилу, и мрамор на ней того же цвета, и вазы те же. Ну как можно видеть все с такой ясностью и не помешать этому сбыться?

– Тебе недостает чего-то очень важного. Невозможно сложить пазл, если у тебя не хватает деталей.

Стефан медленно вернулся к могиле, выложенной плиткой и покрытой цветами. Он наклонился, собрал упавшие на землю букеты и аккуратно уложил на холмик. Потом тыльной стороной ладони нежно погладил выгравированную на мраморе надпись: «Сильвия Кисмет – 1974–2007».

– Я видел эту эпитафию во сне. Я знал, что она умрет.

Он упал на колени:

– Почему, почему я не смог спасти тебя, любимая?

И заплакал, захлебываясь слезами. А дождь лил все сильнее и сильнее.

Стефан проснулся как от толчка, выскочил из Страны Тьмы и бегом поднялся на первый этаж:

– Сильвия! Сильвия! О нет!

Кровать пуста. Уже 7:24. Почему он проснулся только сейчас? Снотворное, ну да, он принял снотворное, чтобы быстрее заснуть... О господи!

Сегодня вторник. Завтра ночью он прибежит в этот дом с окровавленными руками. И теперь он уверен: это будет кровь Сильвии.

Где-то внутри, в животе, засел страх. Стефан подбежал к окну. Серого «ауди» не было. Он бросился к мобильнику, набрал номер жены. Ему ответил автоответчик. Тогда он в панике отправил сообщение:

– Ты в опасности, тебе надо немедленно идти в полицию.

Он схватил свою одежду, вмиг натянул джинсы и футболку. Ни мыться, ни причесываться он не стал: не было времени. Спутанные волосы разметались по плечам, всклокоченная борода торчала в разные стороны. На кухне он растер три таблетки снотворного и растворил в бутылке воды.

«Форд» стартовал как ураган.

Никогда еще он так быстро не ездил по городу. Он обгонял всех подряд, нарушая все правила, и ему со всех сторон гудели и мигали фарами. Потом он попал в пробку на Франсильен^[70], и продвинуться не было никакой возможности. Стефан снова и снова звонил, снова и снова отправлял сообщения на автоответчик. Из других автомобилей, тоже застрявших в пробке, за ним с любопытством следили вытаращенные глаза.

– Что? – заорал он. – Думаете, я псих? Меня что, всю жизнь будут считать психом? Так я и есть псих, больной на всю голову!

Наконец в 8:43 он прорвался на внутреннее кольцо Окружной дороги и въехал в город. Столица развернула перед ним все свои длинные авеню, все бульвары и улицы. Вот и агентство недвижимости. Стефан припарковался на тротуаре перед самым входом и бросился в здание.

– Сильвия! Я хочу видеть Сильвию Кисмет! Я ее муж, и мне срочно нужно ее увидеть!

Дежурная подозрительно глянула на него и не торопясь набрала внутренний номер.

– Никто не отвечает, – сказала она, положив трубку. – Если вы немного подождете...

Задыхаясь, Стефан вернулся на улицу и стал ждать у входа. Обычно Сильвия приезжала на Северный вокзал, потом садилась на метро, а остаток пути до агентства шла пешком. Она опаздывает, она просто опаздывает. Он принялся нервно расхаживать взад и вперед. Ему ничего не оставалось, только ждать.

Потянулись бесконечные минуты, и наконец он увидел ее в конце улицы. Она шла, затянута в свой безупречный бежевый костюм. Стефан бросился ей навстречу:

– Сильвия! Ох!

Сильвия бросила на него удивленный взгляд, который очень быстро стал испуганным.

– Оставь меня! – приказала она, не убавляя шага. – Поезжай домой! Сейчас не время, у меня сегодня трудный день.

Стефан заступил ей дорогу:

– Ты в опасности. Убийца за тобой охотится.

– Ну, это мы еще посмотрим.

– Ты должна мне поверить!

– Я тебе верю. Все, что угодно. Только возвращайся домой.

Поравнявшись с «фордом», Стефан схватил ее за руку:

– Ты должна поехать со мной! Надо бежать как можно дальше отсюда!

Надо...

Сильвия не выдержала. Щеки ее вспыхнули.

– Оставь меня в покое, или я устрою скандал!

Стефан не раздумывал ни секунды. Он огляделся по сторонам, потом дотащил Сильвию до машины и впихнул внутрь. На этот раз она закричала уже всерьез:

– Да что ты делаешь?! Прекрати! Прекрати сейчас же!

Стефану удалось захлопнуть и заблокировать пассажирскую дверцу. Снаружи, не веря своим глазам, останавливались удивленные прохожие. Сильвия отчаянно отбивалась и расцарапала Стефану лицо. На щеке остались глубокие отметины. Она изо всех сил дергала ручку, чтобы выйти, и ручка не выдержала и сломалась. Повинуясь злополучному рефлексу, Стефан дал ей пощечину:

– Прости, прости меня! Я не хотел...

Он тронул машину с места, доехал до конца улицы и остановился. С угрозующим видом прижав жену к спинке сиденья, он поднес к ее губам бутылку со снотворным:

– Выпей!

Сильвия расплакалась:

– Я... я прошу тебя... Не надо...

– Пей!

Она послушалась и посмотрела на него полными ужаса глазами:

– Только не делай мне зла...

– Никогда! Никогда я не причиню тебе зла! Я знаю, ты считаешь меня сумасшедшим, но я все это делаю, чтобы тебя защитить. Несколько дней... Всего несколько дней, и все снова будет нормально, как раньше.

– Ничего уже не будет как раньше. Отпусти меня, Стефан, прошу тебя. Мне страшно!

Стефан посмотрелся в маленькое зеркальце на противосолнечном щитке. На щеке царапины, на полу отломанная ручка дверцы. Все в точности как во сне.

– Как такое может быть?

Сильвии было бесконечно грустно видеть мужа в таком состоянии. Умственная деградация развивалась у него с ошеломляющей скоростью.

– Куда... – пробормотала она, – куда ты меня везешь?

– Не туда. Уж точно не туда.

Машина выпуталась из лабиринта парижских улиц, проехала мимо указателя «Лион» и свернула на шоссе А6. Сильвия боролась с дремотой. Потом Стефан увидел, что она заснула. Она была такая красивая во сне...

Он ее защитит. И никто не сможет ему помешать. Ничего не сбудется. На этот раз он одержит верх.

Вдруг он притормозил, охваченный болезненным желанием повернуть назад. Если он уедет из Парижа, то как будет наблюдать за Мелиндой? Как сможет и ее защитить? У него хрустнули пальцы. Либо малышка, либо жена.

И он сделал выбор. Принял самое страшное решение в жизни. Покинуть Мелинду, с ее курчавыми волосами и выпавшим зубом.

– Мне очень жаль, малышка. Прости меня. О, прости меня...

Спустя несколько часов он остановился в зоне отдыха на обочине автострады. Выпил полбутылки воды и вынул аккумулятор из своего мобильного. Потом поискал мобильник Сильвии в карманах ее костюма. Мобильника не было, как и ее сумочки, видимо потерянной во время борьбы возле агентства. Документы, деньги... Ничего не поделаешь... сейчас есть дела поважнее.

Он поехал дальше. Еще через три часа пути впереди замаячили первые горные вершины.

Но это не были Вогезы, где его, возможно, упорно ждала судьба.

Это были вершины Ардешских гор.

В больнице Вик Маршалль уже примерно с полчаса дремал в кресле у постели жены. Перед тем как прийти ее навестить, он прошел обследование в частном кабинете: ему сделали снимки головы. Никаких травм снимки не выявили. Врачам он сказал, что сильно ударился головой, упав на лестнице в своем подъезде.

На самом деле все обстояло гораздо хуже. Убийца сильно ударил его по затылку рукояткой пистолета, и он несколько минут пролежал на земле без сознания. Потом, с трудом поднявшись, добрал до машины. А дом Сирьеля тем временем уже полностью был в дыму.

И с того самого момента его начал мучить вопрос: почему убийца его только ударил, почему не убил? Может быть, он пощадил Вика, потому что считал себя выше всего и Вик просто не вписывался в его планы?

Он, Вик Маршалль, полицейский из Первого дивизиона, сын одного из самых уважаемых полицейских чинов страны, подвергся гораздо большему риску, чем отстранение от должности. Из-за него покончил с собой Ноэль Сирьель, ключевой персонаж дела. И этот факт мог стоить ему серьезных

неприятностей.

Старого садиста больше не было на свете, и все свои тайны он унес с собой. Это скверно. Скверно для следствия, скверно для его коллег и для будущих жертв. Вик должен все это сохранить в тайне. Любой ценой.

С тех пор как Вик пришел, Селина не проронила ни слова. Она просто прижалась к нему, глаза ее блуждали, губы пересохли. Никакими словами ее было не вывести из этого состояния. Этого ребенка она носила, чувствовала, как он шевелится внутри, и она его потеряла. Ничто не сможет теперь возместить потерю.

– Тот человек... – вдруг выдохнула она, – ну, тот, что приходил ко мне и сказал, что ребенок может умереть...

– Я его больше не видел, – соврал Вик. – Я не знаю, кто он, я вообще с ним незнаком. Забудь о нем. Обо всем забудь. О Париже, о моей службе, о ребенке. Мы с твоей мамой будем за тобой ухаживать. Договорились, малышка?

Она вздохнула, закрыла глаза и вскоре задремала.

Прошел час, и мобильник Вика, поставленный на зарядку, завибрировал. Вик осторожно встал и взял трубку. Это было повторное извещение о голосовом сообщении, которое он вчера не прослушал. Сообщение прислал его знакомый врач. Вик приложил трубку к уху.

«Вик, это Жиль. Прости за задержку, но я немного приболел. Я просмотрел твои снимки с места преступления и кое-что нашел. Женщина, проткнутая иглами, дети вокруг нее, лицо, искаженное страданием... Это все очевидно, просто бросается в глаза, а потому еще раз прошу прощения, что отвечаю с опозданием. Твой убийца черпал „вдохновение“ в двух источниках, в двух произведениях искусства, повествующих о страдании моральном и страдании физическом. При встрече я тебе все разъясню в деталях, а сейчас попытаюсь изложить в двух словах. Первое. Способ, каким была убита блондинка, и вся выстроенная вокруг нее мизансцена, как две капли воды похожи на автопортрет знаменитой мексиканской художницы Фриды Кало. Она изобразила себя проткнутой иглами^[71]. В восемь лет она перенесла полиомиелит, болезнь деформировала ей правую ступню, и с тех пор ее прозвали Фрида-калека. В восемнадцать лет, когда она возвращалась из художественной школы, автобус, в котором она ехала, столкнулся с трамваем, и железный прут проткнул ей живот и вышел в паху. После этого долгие годы ее мучили нестерпимые боли. Вот тебе и иглы во всем теле. Недаром говорят, что на этой земле все живое рождается, чтобы страдать. Позже у Фриды развилась фибромиалгия, постоянная мышечно-скелетная боль, которая не лечится и ни на секунду

не отпускает больного. Этот ад отныне присутствовал во всех ее полотнах. Твой убийца в ней узнал себя. Ищи соотношение невидимого хронического недуга и, возможно, физической боли с мукой моральной. Может, он тоже страдает фибромиалгией? Или каким-то внутренним заболеванием, которое невозможно определить на глаз? Теперь вернемся к твоим фотографиям, ибо это еще не все. Расположение драпировки, ракурс поворота лица девушки и куклы, разложенные рядом, навели меня на мысль о воспроизведении картины на библейский сюжет „Избиение младенцев“. Я не могу сейчас все тебе рассказать, позвони мне, если...»

В телефоне запищал параллельный вызов. Вик покачнулся и осторожно вышел из палаты. Звонил майор Мортье... Вик глубоко вздохнул и принял вызов.

– Ты где? – ринулся в атаку начальник.

– Я в больнице у жены. Мне следовало вам позвонить, но...

– Мы напали на след нашего преступника.

Вик нахмурился:

– Что?

– И задержим его достаточно быстро, это вопрос нескольких часов. Нам поступила жалоба. Какой-то тип посреди улицы силой втащил в свою машину женщину. А потом на этом месте нашли дамскую сумочку Сильвии Кисмет. Угадай, кто был этот тип?

– Стефан Кисмет?

– Бинго! Учитывая историю с обогревом тел, его алиби в ресторане теперь ничего не стоит.

– Но во время второго убийства он был со мной и...

– А кто тебе сказал, что он не придумал еще какую-нибудь увертку? Мы его об этом сами спросим с глазу на глаз. Ясно одно: этот мерзавец исчез с необыкновенной скоростью, и я не удивлюсь, если окажется, что он что-нибудь сделал со своей женой.

Вик потерял дар речи. Мортье кругом ошибался, – должно быть, Стефан Кисмет увидел во сне что-то очень важное, оттого и умчался.

– Эй, Маршаль! Ты здесь?

– Да, майор... Я просто несколько удивлен. Я не думал, что Кисмет...

– Ты не думал, эка важность! Я тебе звоню не ради удовольствия. В этом деле ты прокололся, так что жди неприятностей.

Вика била дрожь. Он послал сообщение на автоответчик Стефана, умоляя немедленно позвонить. Если нагрянут коллеги... Хорошо еще, что в сообщении он ничего не написал о Сирьеле.

– А... а вы знаете, где он сейчас?

– Пока нет. Пытаемся отследить его мобильник или мобильник жены, если удастся поймать сигнал. Проверим все пункты оплаты проезда, бензоколонки, станции техобслуживания... Но знаешь, в наше время тот, кто пустился в бега, далеко не уйдет. Главное – успеть вовремя, пока он не наломал дров.

– А мне что делать?

– Да что хочешь.

Майор отсоединился. Несколько секунд Вик простоял как парализованный, потом вышел на улицу выкурить сигарету. Зачем Кисмет силой заставил жену сесть в машину? Кого или чего он боялся? Почему не позвонил?

Он присел на скамейку и обхватил руками голову. Записную книжку со снами он потерял, а она, быть может, дала бы шанс понять причину такого поступка Кисмета. И шанс выиграть в лото. И шанс купить свой дом... Ему на память пришло предположение Стефана, что судьба противится, если попытаться изменить предначертанное.

Вику пришлось очень несладко. Надо было вести расследование, пережить утрату ребенка, расстаться со своими мечтами и принять тот факт, что можно заглянуть в будущее. Много, слишком много для одного человека.

Может быть, Стефан Кисмет и знал всю правду. Он знал, что должно произойти. Но он невиновен, а его вот-вот арестуют за убийство.

И Вик принялся молиться. Он молил Бога, чтобы бедняга Кисмет, если его все-таки арестуют, не проговорился о Сирьеле.

Деревня Лабом стоит на скале, на обрывистом берегу реки Бом, впадающей в Ардеш, и улицы в ней такие крутые и узкие, что на машине по ним не проехать. Время здесь, кажется, остановилось. На улицах ни души, ни одного открытого ставня, ни единого звука – только ветер шумит над каменными стенами. За двадцать лет ничто не изменилось.

Когда-то Стефан с приемными родителями приезжал сюда к Жюльену, брату отца, пока семейные неурядицы не порвали между ними все связи. Теперь, постучав в дверь, он втайне надеялся, что дом окажется пуст: дядя Жюльен, насколько он помнил, жил в основном в Провансе.

На стук никто не ответил. На этот раз фортуна ему улыбнулась: он получил прекрасное убежище. Стефан быстро сбежал по лесенке, высеченной в скале, и обогнул дом. Потом обмотал футболкой кулак, выбил окно и пролез внутрь. Он открыл засов на входной двери, через окно снова вылез наружу и пошел к машине, спрятанной в конце каменистой дороги.

В дом он вернулся уже ночью, неся на руках спящую Сильвию. Провизией он успел запастись на одной из стоянок. Он тихо, затаив

дыхание, закрыл за собой дверь, окончательно уверенный, что его никто не заметил.

Даже если его объявят в розыск, никому не придет в голову искать его здесь. Да и в глазах его родителей дяди Жюльена больше не существовало.

Часы показывали 22:39. До времени, когда начнет сбываться первый сон, «Бутылки вина», до того момента, когда он спустится в подвал своего дома и руки у него будут испачканы в крови Сильвии, оставалось меньше суток.

Он сидел в спальне, смотрел на лежащую на кровати жену, и сердце его наполнялось любовью и грустью. Странное чувство – сознавать, что именно в этот момент изменяется ее судьба. Она останется жива, хотя и должна была погибнуть от руки убийцы. Ну почему она? Ну почему, скажите на милость?

Сильвия проснулась, и глаза ее сразу наполнились страхом. Приоткрыв рот, она оглядывалась вокруг. Каменные стены, старинная мебель, повсюду пыль, ставни закрыты, освещение едва теплится...

– Где мы?

– В доме моего дяди. Впрочем, я тебе о нем не рассказывал. По той простой причине, что сам его с детства не видел. Здесь мы в безопасности.

Стефан накинул ей на плечи одеяло:

– Здесь холодно. Когда я был маленький, то боялся ночевать в этой старой хибаре.

Сильвия свернулась калачиком, плотно сжав губы.

Стефан зевнул и вдруг заметил на стене пожелтевшую фотографию. На ней дядюшка с гордостью поднимал вверх крупную форель. Он не помнил ни его лица, ни голоса. Остались только обрывки далеких воспоминаний. Взрывы смеха, споры... Он встал и открыл ящик комода. Там лежал альбом с фотографиями. Стефан с благоговением его достал, сдул с него пыль и открыл.

Дядю Жюльена по жизни вело одиночество. Ни жены, ни детей. На бледных, безжизненных фотографиях он всегда на берегу. И вдруг слезы подступили к глазам Стефана: на фото шли босиком по воде его приемные родители, Поль и Мари. Сколько же времени он им не писал?

Откинув назад волосы, он перевернул страницу и почувствовал, что сейчас потеряет сознание.

На следующем снимке стоял по колено в воде его отец, и на нем был тот самый рыбацкий костюм, будь он неладен, который считался потерянным. Скорее всего, отец припрятал его где-то здесь, в Ардеше!

Стефан весь напрягся и задрожал, охваченный внезапным ощущением,

что участвует в каком-то скверном фарсе. Он пробежал глазами по спальне и быстро подошел к громоздкому шкафу. С кровати за ним с тревогой наблюдала Сильвия. Слева в шкафу ничего не было, кроме шерстяных свитеров, пересыпанных нафталином, нескольких клетчатых рубашек и старых непромокаемых плащей. А вот справа в глубине он обнаружил тот самый рыбацкий костюм цвета хаки, с заржавленным металлическим кольцом на кармане, с дыркой на клапане и жирным пятном возле воротника. И Стефану в отчаянии вдруг показалось, что костюм ему улыбается.

Он стряхнул костюм с вешалки и хотел порвать, но у него ничего не вышло. Тогда он с вызовом натянул костюм и с вызовом крикнул, подняв голову к потолку, к небу:

– Видел? Видел? Я его надел! Все как ты хотел! Ну и что ты теперь со мной сделаешь? Телепортируешь?

Он бросился в крошечную кухню, выдернул из подставки большой охотничий нож и вернулся в спальню. Сильвия расплакалась навзрыд. Стефан наставил на нее лезвие ножа, глаза его вылезли из орбит.

– Думаешь, это для тебя? Ты что, и вправду боишься, что я собираюсь перерезать тебе горло? А знаешь, может, ты и права. Ты ведь очень старалась засадить меня в психушку, разве нет? Я нашел документы рядом с твоим компьютером! Может, я нарушил твои планы?

Тут раздался оглушительный стук во входную дверь, и через доли секунды в спальню ворвались вооруженные люди. Стефан не успел ничего понять, а уже лежал на полу лицом вниз. Запястья стиснули наручники, он отбивался и кричал.

Майор Мортье подошел к Сильвии, которую охватила паника:

– Вы в порядке, мадам?

– Да... Но отпустите его! Он не сделал мне ничего плохого! Это мой муж, черт побери!

Она подняла на полицейского затравленный взгляд:

– Как вы нас нашли?

– Ваш мобильный, мадам... По всей видимости, он у вас в машине. Мы засекли сигнал.

Мортье с суровым видом отвернулся, а Стефан не переставая кричал. Он был просто в истерике.

– Сделайте, что положено, мать вашу... Я не желаю восьмьсот километров ехать в машине с этим психом, который будет орать мне в самое ухо!

К ним подошел полицейский врач со шприцем и воткнул его в руку

Стефану. Тот дернулся изо всех сил, и игла тут же сломалась, обрызгав всех кровью.

– Держите его как следует!

– Нет! – надрывался Стефан. – Нет! Моя жена погибнет! Нет! Сжальтесь!

В него снова впились чьи-то пальцы, его схватили чьи-то руки, и в правое предплечье снова вонзилась игла.

И он почувствовал, что в вены что-то вливается.

Что-то грозное и ошеломляющее.

56

Среда, 9 мая, 17:32

– Я хочу его видеть.

– Не увидишь, Маршал. Сейчас нельзя. Он только что очнулся. Ему вкололи еще дозу по дороге. Его сейчас допрашивают. Пытаются выяснить причину его поездки в Ардеш.

Вик изо всех сил грохнул кулаком по стене:

– Проклятье!

Жоффруа невозмутимо загасил в пепельнице сигарету.

– Бесплезно из-за этого дергать всю бригаду. Ван занимается признательными показаниями. А потом по справедливости определит меру его вины. Этот подонок будет делать все, лишь бы не попасть в тюрьму. Станет притворяться сумасшедшим. А по мне, так пусть сгниет в тюрьме. Когда не сознают, что делают, таким способом не убивают. Так что пусть сдохнет!

Вику не сиделось на месте.

– Когда я смогу его увидеть?

– Езжай спокойно домой. Я думаю, закончат не раньше середины ночи.

Ван так быстро его не выпустит.

– Да перестаньте вы все отправлять меня домой, ладно?

Губы его слегка дрожали, когда он сказал:

– Этот парень ни при чем.

– Посмотрим. Он заявляет, что после вашей встречи в ту знаменательную ночь, когда убили Либерман, провел вечер за кружкой пива в баре. Я ему не верю ни на грош.

Вик с уверенностью взглянул на коллегу:

– Он невиновен.

Жоффруа пожал плечами:

– Нет, майор был решительно прав, когда говорил, что наше ремесло не для тебя. Мало того что ты идиот по жизни, тебе еще впаяют служебное взыскание, и не одно. Похоже, ты встречался с этим типом, не проинформировав нас. Ты отправил ему сообщение на автоответчик. Так как, что ты на это скажешь?

– Мы с ним сдружились, разве закон это запрещает?

– Странная дружба.

– Да не более странная, чем твои свинские фокусы. Ведь это ты подложил мне пипифакс в ящик стола. Я там потом нашел крошки от твоего печенья. Ну что, хорошо поразвлекся, кретин?

Лейтенант в черной косухе от Перфекто угрожающе нацелил на Вика указательный палец:

– Полегче, V8, полегче.

Вик был вне себя. На лбу у него вздулась жила.

– Скажи хотя бы, зачем он увез жену. Как он сам это объясняет?

– Ты погорел, V8. Но месяц продержался. Не так уж и плохо для блатного.

Жоффруа вышел из кабинета, хлопнув дверью. Спустя несколько секунд Вик уже сидел в автомобиле. Он в сердцах стукнул по рулю. Ну что за банда кретинов! Он всех их ненавидел. Но больше всего ненавидел самого себя. Он зажег сигарету и втянул ноздрями дым, потом тронул машину с места, нашел малолюдную улицу, остановился, опустил сиденье, чтобы его никто не увидел, и расплакался. Плакал он долго.

По радио передавали «Оне» группы «U2». По Стране Тьмы разлилось какое-то обволакивающее оцепенение. Стоя на стремянке, Сильвия старательно водила валиком во все стороны, замазывая красной краской пугающие фразы, написанные на стенах. Ей это было тяжело, но она должна была чем-то занять руки, освободить разум и покончить со сновидениями Стефана. Оставить комнату в прежнем состоянии означало для нее покориться безумию мужа. Все следы бреда должны исчезнуть, и как можно скорее.

Вдруг ей на глаза попало описание очень странного сна. Она замерла, внимательно его прочитала и озадаченно уставилась на валик с краской. Как такое могло быть? Ноги у нее задрожали, и ей пришлось ухватиться за стремянку, чтобы не упасть.

Клип закончился, и Сильвии показалось, что она слышит какой-то шум в глубине подвала.

— Там... там кто-то есть?

Нахмурившись, она положила валик и тихонько подошла к двери.

Потом выглянула в длинный, темный и пыльный коридор и пожала плечами. Ну конечно, это был кот.

Однако, когда она обернулась, у нее возникло ощущение, что за спиной кто-то есть. Отбиться она не успеет. Чья-то рука стиснула лицо. Она закричала.

– Да тише ты! Успокойся! – раздался мужской голос. – Это всего лишь я!

Сильвия отпрянула и сразу же прижалась к стоявшему за ней Эктору Арье:

– О господи, ты бы хоть постучал! Я думала, меня удар хватит!

– Дверь была открыта.

Она вздохнула с облегчением:

– Спасибо... Спасибо, что пришел. Я...

– Я не смогу остаться. Меня ждет жена: сегодня годовщина нашей свадьбы.

– О нет...

Он пылко ее поцеловал, и она ему ответила с той же страстью.

– Как мне тебя не хватало, – прошептал он. – Мне все время тебя не хватает.

– Скоро все это кончится. Я... я действительно сделала все, что могла, чтобы его спасти. Я так его любила... Так...

– Этот сумасшедший мог тебя убить. Ты все подготовила для его помещения в интернат?

– Да... Завтра подписываю документы.

Она опустила глаза. Губы у нее задрожали.

– Что случилось? – удивился Арье. – Что тебя так беспокоит в этом деле?

– Надписи на стенах. Пойдем.

Они дошли до середины комнаты. Сильвия выключила радио.

– Но это... чудовищно, – произнес декоратор. – Как он мог такое написать?

– Он всего лишь в деталях рассказывал сны, которые снятся ему уже целую неделю.

– Сны? А ты, случаем, от него не заразилась?

Она помедлила с ответом.

– Когда я сюда вошла, моим первым побуждением было собрать всех этих уродов в угол и накрыть их белыми простынями. Я не хотела их больше видеть. А потом... я нашла банку с красной краской и решила все замазать, чтобы не было ни одной записи.

– И правильно сделала.

Сильвия указала пальцем на одну из фраз:

– Читай... Читай то, что наверху. Я это увидела, когда уже собиралась замазать.

– «Кассета...»

– Нет, рядом.

– «Хищная Пасть, Reperbrain и Сумрак исчезли под белыми простынями. И все стены Страны Тьмы покрыты слоем красной краски».

Арье нахмурился:

– Ну и что?

– Ну и что? Я только собиралась замазать все слоем красной краски! Он написал это задолго до того, как я взяла валик. И я никогда эту запись не видела.

– Простое совпадение, вот и все.

– Есть и другие детали. Похоже, что... некоторые события сбываются именно сейчас.

Эктор подошел к муляжам и откинул простыни. Из-под них вынырнул Сумрак.

– В таком случае нарушим планы судьбы! Достаточно сорвать все покрывала, чтобы опровергнуть ее дурацкие штучки.

Сильвия подбежала и снова накрыла муляжи. Пальцы ее дрожали.

– Нет! Не надо, прошу тебя. Смотри, здесь написано, что все монстры закрыты, кроме Сумрака. А ты только что снял простыню именно с него. Тебе это не кажется невероятным?

Арье бросился к ней и прижал ее к столу. Она покорила его ласкам, и они занялись любовью в окружении баночек, бутылок и латексных масок.

– Ты была не такая, как всегда, – сказал Арье, поправляя одежду.

– А ты чего хотел?

Он нежно погладил ее по подбородку тыльной стороной ладони.

– Если хочешь, я опять приду дня через два. Завтра я весь день буду дома, с женой. Надо чем-то жертвовать. И потом, пока будет лучше не привлекать к себе внимания. Ты уверена, что с тобой все в порядке?

– Для женщины, чей муж утверждает, что она умрет сегодня ночью... Ты не можешь остаться? Придумай какую-нибудь отговорку, ну, я не знаю... В последнюю минуту вызвали на работу. Ты ведь всегда так делал!

– К сожалению, не могу. Сегодня вечером это невозможно... А почему бы тебе не отправиться спать в наш отель?

– Нет, нет... Я приведу в порядок все документы на завтра, а потом поживу неделю-другую у Натали.

Арье вдруг увидел запись второго сна, где Стефан пишет, как ворвался к нему в Со с оружием в руках. Это должно случиться завтра. Он застегнул куртку, неожиданно помрачнев.

– Я все-таки позвоню тебе завтра.

– У меня нет мобильного: его забрала полицейская бригада. Я тебе дам мой новый домашний телефон. Пишешь?

Он записал номер, Сильвия проводила его на первый этаж и долго смотрела вслед.

– Кстати! – крикнул он, уже садясь в машину. – У тебя здесь чем-то воняет. Проверь завтра утром, не сдохла ли в доме какая-нибудь зверюшка.

Фары он зажег, только отъехав подальше, перед тем как выехать на шоссе № 16.

Сильвия заперла замок на два оборота, и ее передернуло. Эктор был прав: по холлу разливался сильный запах падали. Может, прорвало канализацию?

Она сбежала в подвал, снова включила радио и принялась покрывать стены краской. Уничтожить, все уничтожить.

По радио объявляли недавний тираж лото. Сильвия замерла, потом быстро спрыгнула со стремянки и поискала глазами надпись на стене. Ага, вот. Слева. Вот они, номера.

– Лото, лото... Почему сейчас?

Выигравшие числа начали называть, и Сильвии показалось в этот миг, что на свете ничего не существует, кроме голоса диктора, разносившегося по комнате.

– Четыре...

Четыре. Ее словно что-то ударило в грудь. Тот самый номер, будь он неладен, тот самый. Она нервно провела по губам. Ничего страшного, просто еще одно совпадение. В конце концов, не такая уж и редкость иметь несколько номеров.

– Пять...

Эта цифра – как удар скальпелем. Сильвия пробежала глазами по еще не замазанным словам.

«Маленький розовый платочек с вышивкой... Больше не доверять Сильвии... Возможно, Эктор Арье собирается убить Мелинду...»

– Девятнадцать...

В ней вдруг поднялась и затопила все внутри волна горечи. Теперь она вспомнила все странные совпадения последних дней. Автомобильный номер, который Стефан видел во сне, был номером машины Эктора. Тогда она в ужасе подумала, что он обнаружил их связь, а на самом деле он

записывал свои сны, видения.

«Смещение во времени составляет шесть дней и двадцать часов. Следовательно, первый сон: четверг, 10 мая, 2:35 ночи... Кровь на руках».

Сильвия посмотрела на часы. Среда, 9 мая, почти 21:00. Она в бешенстве схватила валик и замазала эти слова толстым слоем краски. Больше ничего не должно остаться! Ничего!

«Двадцать, – подумала она. – Двадцать, двадцать, двадцать...»

– Двадцать...

В голове все мешалось, сталкивалось, билось друг о друга. Детали, незначительные детали. Статуэтка, точно такая же, как была. Вернувшись домой, она поставила ее на место. Стрижка, которую она сделала. Переставленные бутылки с вином. Кошмары... Начали сбываться кошмары.

– Девять...

Нет! Вся ее жизнь, словно в дымном мареве, пролетела перед ней вспышка за вспышкой. Стефан спрыгивает с поезда. Стефан тормозит на шоссе без всякой причины. Стефан, весь переломанный. Незнакомые места, которые казались ему знакомыми. А что, если он не сумасшедший? Если он действительно все это видел во сне?

«Ты в опасности, Сильвия. За тобой охотится убийца», – сказал он, силой заталкивая ее в машину.

– И наконец, номер четырнадцать...

Она бросила валик на пол, ринулась в погреб и в темноте быстро переставила бутылки местами, словно собиралась таким образом нейтрализовать сон, изменить ход событий, то есть сделать то, над чем ее муж бился долгие годы, пытаясь разобраться. Почему она поставила статуэтку на то же место, что и во сне, когда на самом деле муж разбил ее двойника? И вообще, почему она купила сразу две статуэтки? Может, в этом смысле не все было предвидено? Сильвия обхватила голову руками. Может, она и сама уже начинает сходить с ума?

И тут вдруг к ней пришла уверенность. Надо позвонить этому лейтенанту, Виктору Маршалю, и объяснить, что у Стефана нет никакого психического заболевания. Он, несомненно, обладает особым даром, особой чувствительностью. И что все его сны каким-то образом связаны с их историей, с теми жуткими преступлениями, которые они расследуют. Она бегом вернулась в Страну Тьмы, чтобы найти номер телефона полицейского в ящике стола, но что-то ее остановило. Запах. Ужасающий трупный запах, который теперь исходил именно от Сумрака.

Сильвия огляделась. Сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

Глаза пробежали по сумрачной комнате: баночки, бутылки, сваленные в кучу старые муляжи, монстры, накрытые...

У нее перехватило дыхание. Сумрак, любимый муляж Стефана, уставился на нее своими мерзкими глазищами. Покрывало с него исчезло. Точно как в послании на стене.

Не в силах пошевелиться, Сильвия принялась пересчитывать фигуры под покрывалом. Один... два... три... четыре... пять... и шесть.

Но их должно быть только пять.

Тут одна из накрытых покрывалом фигур пошевелилась и двинулась к ней, дергаясь, как марионетка.

Сильвия хотела убежать, но призрак набросился на нее и увлек в последний смертный танец.

58

Среда, 9 мая, 23:23

Взмыленные и хмурые, Ван и Мортье вышли из комнаты для допросов, мрачно глядя перед собой. Вик, засунув руки в карманы, ждал в коридоре.

– Ну что? – спросил он.

Ван пожал плечами:

– Никогда еще такого не видел. Он орет, что ему надо видеть жену, и без конца твердит, что она должна погибнуть. Этот тип хуже разъяренного зверя. Его хоть насмерть замучай, а он даже возраста своего не скажет.

– А тебе приходилось замучить кого-нибудь насмерть? Твоя лазерная татуировка, дракончик... Старинная китайская мафия...

– Заткнись!

Мрачно взглянув на него, Ван отошел, а Вик обратился к Мортье:

– Надо немедленно отправить кого-нибудь к жене Кисмета.

– И ты туда же? Придется отправить, чтобы его хоть сколько-нибудь успокоить. Ему разрешили позвонить. Сильвия Кисмет не ответила, но этот псих послал ей сообщение. Что-то вроде: «Полиция скоро приедет, но тебе

надо немедленно бежать, иначе он тебя убьет. Он убьет тебя еще до 2:35 ночи!» Просто какой-то одержимый, а?

Вик взглянул на часы: 23:41.

– Когда отбыл патруль?

– Скоро будут на месте.

– Ну почему его не отпускают, черт побери? Жоффруа мне сказал, что у Стефана алиби на момент смерти Либерман.

Мортье закурил сигарету. По полу тянулись электрические кабели.

– Мы час тому назад получили подтверждение, что в вечер убийства он находился в баре в Ламорлэ. Следовательно, он невиновен. Поскольку его жена отказывается подавать жалобу за эту эскападу в Ардеше, то его следовало бы сразу освободить. Она не хочет, чтобы судебная полиция вмешивалась в то, чем она сейчас занимается. Насколько я понял, завтра она собирается поместить его в клинику, точнее, в психушку. Не хватает всего одной подписи.

– Его надо освободить! Немедленно!

– Нет. Его жена не желает возиться с ним до момента помещения в клинику. Есть и повод для его задержания: взлом. А что это ты так о нем печешься? Звонил ему, посылал сообщение на мобильник... Что все это значит?

Деваться было некуда, и Вик решил играть в открытую. Внутри у него все кипело.

– Он предсказал, что мой ребенок умрет, а это неизбежно связывает людей. Вам не приходило в голову, что все его интуитивные предчувствия могут быть вполне реальны? Что его жена *реально* может быть в опасности?

Мортье стрельнул в него мрачным взглядом:

– Ты что, издеваешься или как?

– Стефан Кисмет в точности соответствует профилю всех жертв, он экспонирует уродства, чтобы получать от этого выгоду. И убийство его жены может стать способом заставить страдать его. Мучить, не убивая физически.

– Глупости!

Мобильник майора зазвонил.

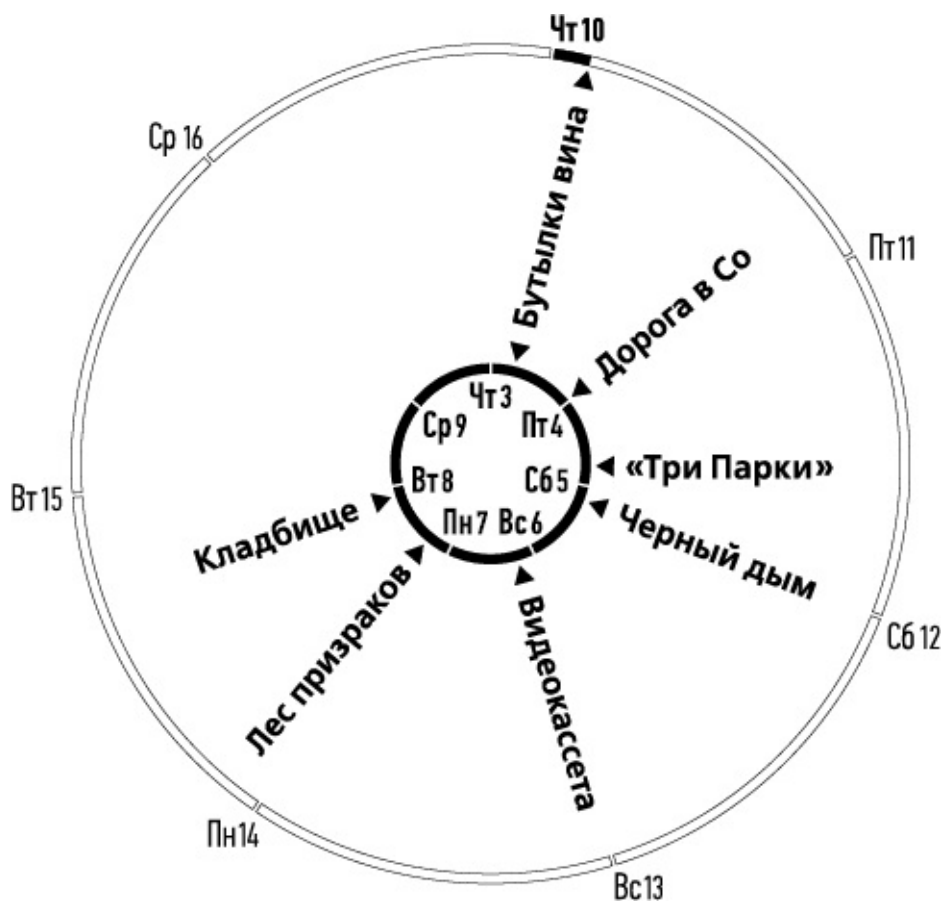
– Это патруль...

Едва ответив на вызов, майор изменился в лице. Он отсоединился, стиснув зубы, и в глазах его застыло отчаяние.

Объяснений не требовалось.

59

Четверг, 10 мая, 02:28

Стефан выскочил из машины Вика. Снаружи, на площадке перед домом, мигающие маячки полицейских машин красными и синими бликами освещали листву и стволы деревьев. Люди переговаривались по радиосвязи, машины отъезжали, на ветру хлопали ленты временного ограждения. Похоже, все уже закончилось.

Не раздумывая Стефан бросился в холл. Вик побежал за ним и на ходу сквозь окно «скорой помощи» заметил сидящую там Демектен. Тело, скорее всего, уже унесли. Разбитый, усталый до тошноты, Вик остался за ограждением, а Кисмет рвался в этот проклятый дом.

Стефан одним прыжком взлетел по лестнице в спальню, где техники в полном защитном обмундировании заканчивали взятие образцов.

– Эй, вы! – выкрикнул один из них.

Техники попытались его задержать, но он был уже возле кровати и с криком схватил окровавленную простыню. В спальне было жарко от нагревателя и стоял невыносимый запах разложения.

– Моя жена! Боже милосердный! Где... где тело моей жены?

Его схватили за руки, он кричал и вырывался. Но тут последние силы оставили его, и он, совершенно опустошенный, дал себя увести, не отрывая взгляда от своих окровавленных рук.

– К сожалению, месье, тело уже увезли в Институт судебной медицины, – объяснил один из техников. – Вот, возьмите фонарик: электричества нет. И позвольте нам закончить работу... Пожалуйста...

Прежде чем за ним тяжело закрылась дверь, он успел бросить взгляд на пути, на кровь... Оглушенный, заливаясь слезами, Стефан выпрямился, зажег фонарик и стал спускаться, оставляя за собой кровавый след на лестнице. Перед глазами все кружилось. Шатаясь, он нажал на выключатель. Никакого результата. Он прошел мимо портрета баронессы де Рей, дотащился до холла и заметил статуэтку из первого сна. Невредимую. В ярости он на мелкие кусочки расшиб ее об пол и направился к двери в подвал. Вот они, проклятые восемь ступенек.

Теперь он точно знал, что сделает. Это ему уже однажды приснилось, а теперь он это проживает наяву. Будущее со всего размаха обрушилось на него.

В зеркале промелькнул его уже пожелтевший фингал под глазом. Ошеломленный, одурманенный отчаянием, он остановился и хорошенько себя рассмотрел. Синяк под глазом, три царапины на щеке, рыбацкий костюм... Все, абсолютно все как во сне. Вне себя, раздавленный болью отчаяния, он стиснул кулак и изо всех сил саданул по прохладной поверхности.

И по мере того как он двигался от детали к детали, он постепенно начинал понимать.

Он постигал непостижимое.

В этот самый момент замыкалась петля времени.

Стефан становился *Стефаном-из-будущего*. Он всегда был единым существом. А тот, другой, Стефан из снов, вне его не существовал. Он стал настоящим Стефаном. Здесь и сейчас.

Он тряхнул головой и помчался в погреб. Бутылки не могли стоять, как стояли во сне, ведь он их переставил! Он всем сердцем молил Бога, чтобы позиция оказалась другой, чтобы хотя бы ничтожная часть его судьбы могла измениться. Доказать самому себе, что он не марионетка. Что он все-таки мог бы спасти Сильвию, вырвать ее из когтей монстра.

Луч фонарика медленно полз по бутылкам. Стефан следил за ним полными слез глазами.

Бордо сверху, бургундское снизу.

В точности как во сне. Чертовы бутылки снова стояли как во сне. Кто-то, может быть Сильвия, снова их переставил. Его жена... Может быть, в последнюю минуту она ему поверила.

Он упал на колени и протяжно застонал. Фонарик выпал у него из рук, и его луч осветил следы от уколов на руке. Один из них был совсем черным, – наверное, игла сломалась. Он заплакал, уткнувшись носом в пол, в рот забила пыль... И вдруг вскочил, охваченный яростью.

Он стал *Стефаном-из-будущего*! Он стал человеком из собственных снов!

И сейчас, попав в отчаянную ситуацию, он понял, что это означает: теперь его очередь сниться *Стефану-из-прошлого*. Тому самому Стефану, его точному двойнику, который отказался от антидепрессантов и отдал себе отчет, что во сне он видит реальное будущее. И который в конце концов ничего не смог изменить.

Теперь он – тот самый Стефан, что жил и действовал со сдвигом на шесть дней и двадцать часов в будущее.

Из *Стефана-из-прошлого* он превратился в *Стефана-из-будущего*. В того, кто ему снился.

В голове у него все перепуталось. Вечное возвращение. Вечное возобновление. Лента Мёбиуса.

Крохотной частицей своего сознания он услышал, как зовет на помощь его жена.

Как предупредить *Стефана-из-прошлого*? Когда у того начнутся видения во сне? Сколько секунд будет им отпущено?

И Сильвия...

Он посветил фонариком вокруг, на куче угольных брикетов увидел найденный когда-то кусочек мела и начал быстро-быстро писать на стене.

– Когда? Когда же ты это прочтешь?

Он записал все, что мог, не заботясь о связности, не размышляя, не обращая внимания на окровавленные руки и на нестерпимый запах падали. «Тебе снится будущее со сдвигом во времени в шесть дней и двадцать часов. Не обращай внимания на эти сны. На все эти сны! Забудь про Мелинду, про меня, про все, что можно забыть. 10 мая Сильвия должна погибнуть. Спаси ее! Спаси ее, ты понял?» Он понимал, что пишет в полной темноте и что фразы его будут восприниматься как чушь и бессмыслица. Но как *Стефан-из-прошлого* сможет не обратить на них

внимания, если там ясно написано, что Сильвия должна погибнуть? Он подчеркнул последнюю фразу «Сильвия должна погибнуть», и кусочек мела окончательно раскрошился у него в руках. В тот момент, когда он собирался поднять с пола фонарик, у него за спиной возникла чья-то фигура с пистолетом в руке.

Весь дрожа, Вик спрятал «зиг-зауэр» в карман.

– Я услышал твой крик и подумал, что... Ладно, бог с ним...

Стефан прислонился к стене. В его сознании больше ничего не существовало, кроме лица Сильвии.

– Моя жена... Что он с ней сделал...

Полицейский стиснул зубы. Он вдруг возненавидел и свое ремесло, и это место. Он понял, что ничего общего не имеет с полицейской бригадой, с этими людьми, что не приняли его, что целыми днями возятся в чужой крови и чужих внутренностях.

– Ее тело увезли в Институт судебной медицины, но наш судмедэксперт сделает все, чтобы обращаться с ним максимально уважительно.

– Уважительно?

Стефан скорчился, обхватив голову руками:

– Думаешь, я не знаю, как это все происходит?

– Ты сможешь ее достойно похоронить.

– Похоронить... Похоронить... День будет дождливый... И ты будешь рядом со мной там, у могилы.

Глаза его превратились в два бездонных колодца слез.

– Я не смогу с этим жить, Вик. С этим жить невозможно. Но в то же время... я знаю, что застрелиться мне не хватит мужества. Потому что... Потому что...

Лейтенант тоже опустился на колени и взял его за руки:

– Мы за что-то смогли зацепиться, Стефан. Впервые с самого начала расследования у нас есть конкретная зацепка. И все благодаря тебе. Благодаря тебе, слышишь?

Стефан поднял на него печальный взгляд:

– Больше уже ничего не имеет значения... Все, что мы предпринимали, чтобы избежать беды, послужило для того, чтобы ее накликать. И я всего лишь точка отсчета на бесконечном кольце.

– Нет, помнишь, как ты позвонил из бригады в 23:00? Телефон зазвонил у тебя в спальне, и убийца прослушал сообщение, отправленное твоей жене. Он запаниковал и наделал ошибок.

Стефан его не слушал, лицо его ничего не выражало. Сильвия...

Мертвая...

– И в панике оставил рюкзак с банкой, набитой тухлятиной. Кусочками полусгнившего мяса.

– Пададь... тухлятина...

– Вот откуда на всех местах преступления оставался запах падали. Ты изменил будущее, Стефан. Ты действительно изменил будущее. И возможно, предотвратил следующие жертвы.

– Я во сне видел фотографии других трупов, – еле слышно ответил Стефан. – И видел, каким истязаниям он подвергал этих женщин. Он то же самое сделал с Сильвией?

– Нет, на этот раз ничего подобного. Он не успел. Твоя жена не страдала, клянусь тебе.

Стефан захлебнулся в рыданиях, потом указал на фразы на стене погребя:

– Я все записал, но... но я знаю, что это бесполезно. Если я ничего не смог изменить, то это значит... что *Стефан-изпрошлого*, то есть я неделю тому назад, тоже ничего не изменит. Ничего нельзя ни избежать, ни отсрочить. Все это... пустое занятие.

60

Четверг, 10 мая, 06:54

Больше ничего не существовало. Только какие-то отдаленные звуки, которым вторили первые лучи рассвета. Стефан медленно встал с дивана. Голова болела, воспаленные глаза распухли. Когда он увидел перед собой бледное, осунувшееся лицо Вика, воспоминания лавиной хлынули в мозг. Он застыл не двигаясь, потом потянулся к бутылке виски, стоявшей на низком столике. Вик его остановил:

– Нет, Стефан.

– И что теперь? Кто я теперь? Меня отправят в тюрьму? В психушку? И даже не дадут похоронить жену?

Полицейский нервно потер руки. Все службы уже покинули дом.

– Думаю, никуда тебя не отправят. А делать нужно то, что обычно делают в таких случаях: связаться с органами помощи семьям...

– Нет, не хочу. Я не хочу больше слушать разговоры о психиатрах, лекарствах и больницах. Никогда...

– Разве у тебя нет семьи, друзей?

– Друзей? Семьи? Да я даже не знаю, кто я такой. Я вырос в чужой семье, у приемных родителей, которые решили, что я сумасшедший, и отказались от меня.

– А со стороны жены?

– Она мало с кем общалась. Из-за меня. Я позвоню ее брату, правда я с ним уже много лет не разговаривал. Надо, чтобы он занялся всем этим... Я не справлюсь. Один не справлюсь.

Лейтенант полиции провел руками по лицу. Он падал от усталости. А Селину сегодня к вечеру должны были выписать из больницы.

– Хотя у тебя и очень большой дом, тебе нельзя здесь оставаться, в том месте, где убили твою жену. Спальня опечатана, и это для тебя тоже не лучший вариант. Наверное, тебе надо на несколько дней поселиться в каком-нибудь отеле, ты...

– Я всю свою жизнь провел рядом с монстрами, я уже и сам стал монстром. Все, кто со мной сближается, либо ненавидят меня, либо погибают. Оставь меня, пожалуйста, в покое.

Стефан встал и пошел на кухню, чтобы взять две таблетки аспирина и упаковку антидепрессанта.

– Сильвия всегда сидела на этом стуле. Раньше я ее никогда не рассматривал, а теперь, когда она умерла, только ее и вижу. Я... я чувствую ее запах, вижу, как она проводит помадой по губам, как каждое утро, в одно и то же время. И на ней один из ее прелестных костюмов.

Он повернулся к полицейскому, а кот тем временем подошел к пустой мисочке, где когда-то было молоко.

– Что еще мне надо сделать? Когда? Когда я смогу забрать ее тело?

– Я позабочусь о том, чтобы Институт судебной медицины и похоронное бюро взяли все на себя.

– Возвращайся к жене, она ведь все-таки потеряла ребенка. Спасибо тебе, все в порядке.

– Нет, все далеко не в порядке.

– И потом, тебе надо работать, ты...

Вик вздохнул:

– Меня, скорее всего, отстранят от следствия. Они спускались в погреб, они видели фразы на стенах. То, как ты описывал жертвы, и эта история с испорченной пленкой... Я им сказал, что выложил тебе всю информацию, в том числе и конфиденциальную. Хотел тебя защитить.

– Как! Но...

– Я тебя прикрыл по всем направлениям: и с местом преступления, и с гипотезами, и с основными направлениями дела. В общем, везде. Учитывая надписи на стенах, это был единственный способ не превратить из тебя в сообщника убийцы. Майор уже сделал мне предупреждение за то... что я послал фото своему другу-врачу... Похоже, что для меня все кончено: не быть мне ветераном ни в Первом дивизионе, ни вообще в полиции.

– Прости, что поставил тебя в такое положение. Сначала с Сирьелем, а теперь вот здесь...

– Спасибо, что ничего не ляпнул на допросе.

– Это было нетрудно, ведь они и в самом деле приняли меня за сумасшедшего.

Вик стиснул челюсти:

– Сирьель все знал. Он знал, кто убийца, у него был фильм, который, несомненно, мог бы ответить на все наши вопросы. Этот человек был настоящим воплощением зла.

Стефан грустно улыбнулся:

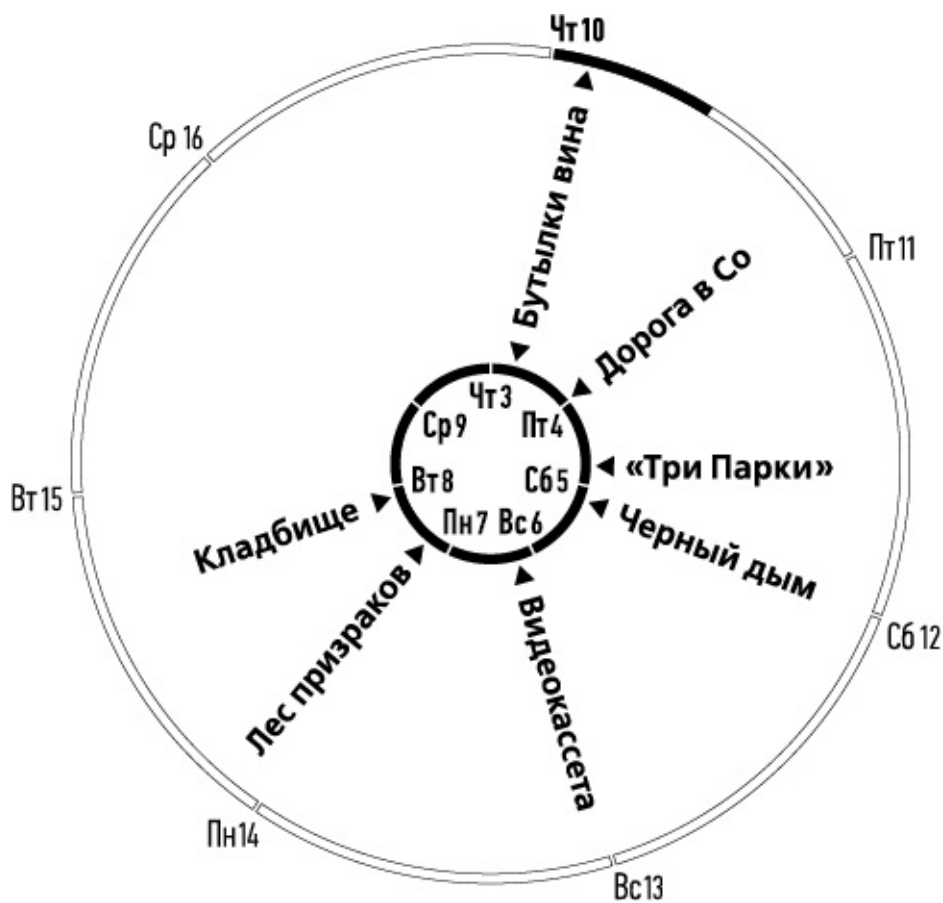
– Теперь нас объединило... несчастье.

Он бросил рассеянный взгляд на мобильник, который начал вибрировать, и на экране высветилось: «Дюваль».

– Это мой друг-физик. Он уже второй раз звонит. Наверняка выиграл в лото. Радио говорило о двоих победителях. Вот ирония судьбы! Но теперь оставь меня, пожалуйста. Мне надо побыть одному. Ведь это я убил жену. Я ничего не смог сделать, чтобы ее спасти.

61

Четверг, 10 мая, 10:12

Она умерла. Действительно умерла. И это больше не кошмар. Назад ее уже ничто не вернет. Никогда. Как вынести такое страдание?

Стефан сидел на ступеньках крыльца, держа в руках бумагу и ручку, но был совершенно не способен хоть что-то написать. У него было такое впечатление, что он только сейчас начинает понимать, что произошло. Он подставил лицо солнечным лучам, и это доставило ему огромное удовольствие. Встав с крыльца, он побрел по просторному поместью, а вокруг пели птицы, шумели деревья. Стоял чудесный весенний день. Он пошел дальше, в Ламорлэ, по тенистым лугам, под синью неба и зеленью листвы, по красноватой земле. У детей был урок верховой езды, и они прямо и уверенно держались в седле. Вдруг его как громом поразило воспоминание о Мелинде, маленькой девочке из Мери-сюр-Уаз.

Он взглянул на часы и пошарил по карманам. Записной книжки со снами там не оказалось. Вик объяснил, что она сгорела в доме Сирьеля. Стефан сжал кулаки, закрыл глаза и постарался припомнить то, что отчасти стерлось в памяти из-за таблеток и алкоголя. Во втором сне он ехал в Со, по радио передавали сообщение о розыске, солнце клонилось к закату, на небе всходила луна. Было примерно 19:00–19:30. До экстренного радиосообщения оставалось максимум восемь часов. Не исключено, что уже слишком поздно.

В панике он бросился на поиски ближайшей телефонной будки и нашел одну рядом с почтой.

– Мадам Граппе?

– Кто говорит?

Он задышался:

– Ваша... ваша дочь в опасности.

– Кто вы?

– Немедленно разыщите вашу дочь. Я гарантирую вам, что сегодня же ее украду. Ее зовут Мелинда, у нее курчавые волосы и выпал один зуб. Я рылся в ее досье, я взломал дверь школы. Спросите у директора. Все эти дни я следил за ней. Если вы меня не слушаете, ваша дочь умрет. Я убью ее своими руками. Идите и найдите ее.

И он повесил трубку, надеясь, что достаточно ее напугал, чтобы она отреагировала.

Сразу же после звонка Стефан ушел подальше в луга и, будучи уже совсем в невменяемом состоянии, уселся под деревом, достал листок бумаги и ручку и принялся писать длинное письмо *Стефану-из-прошлого*. Ясное дело, он его никогда не прочтет, но теперь это значения не имело. Чтобы понять непостижимое, Стефану сейчас надо было любым способом на что-то переключиться и освободить голову.

Поразмыслив над своей ситуацией, над ситуацией *Стефана-из-прошлого* и *Стефана-из-будущего*, и записав черным по белому свои жутковатые мысли, он вдруг пришел к поразительному выводу: ведь в прошлом Сильвия была еще жива. Их разделяло не расстояние, а время. Дело было не в километрах, а в днях.

И его вдруг охватила огромная радость. Он знал, что ход событий можно изменить. Разве он не помешал убийце своим телефонным звонком в бригаду? Разве он не сообщил полицейским новые детали расследования, используя информацию из снов? А что, если можно повлиять на ход вещей и что-то изменить в прошлом, отправляя послания *Стефану-из-прошлого*? Но ведь тогда, может быть, удастся предотвратить смерть Сильвии!

Это вполне возможно. У него есть шесть дней, чтобы найти убийцу и сообщить информацию *Стефану-из-прошлого*, а тот передаст ее Виктору-из-прошлого. Тогда Сильвию не убьют.

Он тщательно отредактировал письмо, и у него возникло чувство, что он все глубже и глубже погружается в непостижимое и бессмысленное. А перечитав свой опус, решил, что он похож на сочинение сумасшедшего.

Теперь он наконец понял роль пресловутого почтового ящика в отделении № 101. Несомненно, через него можно было передавать информацию *Стефану-из-прошлого*. Осуществлять сообщение прошлого с будущим. Или будущего с прошлым. Он пожалел, что не забронировал ящик раньше: тот мог бы стать ключом ко всему.

Сбегав домой за необходимыми документами и заполнив необходимые формуляры, Стефан подал заявку почтовому служащему. Спустя двадцать минут ему выдали ключ от ящика № 101.

Когда он открыл маленькую деревянную дверцу и уже приготовился положить туда письмо, у него вдруг перехватило горло. В ящике уже лежал сложенный листок бумаги. Он быстро закрыл ящик и подошел к окошку:

– Этим ящиком уже пользовались?

– Нет.

Служащий заглянул в реестр и прибавил:

– Честно говоря, его никогда никто и не бронировал. Вы первый.

Сбитый с толку, Стефан вернулся под дерево и осторожно развернул вынутый из ящика листок. И сразу же узнал свой почерк.

Он зажмурился, потом открыл глаза и принялся читать...

Четверг, 10 мая 2007

Стефан,

должен сознаться, что мне очень странно писать письмо себе самому.

Я не знаю, когда это началось, что было до этого и что будет потом. Я пишу это письмо, сидя под деревом, сразу после смерти любимой женщины, побродив по здешним лугам и позвонив матери Мелинды.

Я один из твоих предшественников. Мне тоже снился Стефан-из-будущего, так же как и ему снился Стефан-избудущего и так далее. Мы все Стефаны-из-будущего, все – отражения, пойманные в зеркало нашего существования. Мы бесконечно следуем друг за другом с интервалом в шесть дней и двадцать часов и ведем одну и ту же жизнь, секунда в секунду.

Как и ты в данный момент, я больше не вижу снов. Почему? Пока не знаю. Может, закрылось окно времени? Или это означает, что я скоро умру?

Мы так и не смогли вернуть Сильвию: ни Стефан, которому снился я (мой Стефан-из-прошлого), ни Стефан, которому снился ты (твой Стефан-из-прошлого), – не смогли ничего сделать, чтобы изменить ход событий. И ты не смог ничего сделать, как не смог ничего сделать я. Несомненно, если бы Стефану-из-прошлого удалось ее спасти, то произошло бы нечто невозможное. Но сегодня она мертва, и тело ее сейчас в руках судмедэксперта. В отличие от кота Шрёдингера, она не может одновременно быть и живой и мертвой. Судьба не любит парадоксов и делает все возможное, чтобы они не случались. То отказывает лампа, то надо куда-то бежать, то внезапно падаешь и так далее...

Ты наверняка думаешь, что некоторые события все же происходят между прошлым и будущим, принимая форму «трансмиссий» или парадоксов, которые можно подчинить своей воле. Но взгляни на свое левое бедро. Там татуировка, и появилась она не в результате «трансмиссии», как ты думал, сделав ее потом во сне несколько дней назад. Эта татуировка существует в будущем, потому что ты ее сделал в прошлом, только и всего. Так же как и все глупые послания, которые мы оставляли на стенах отеля или Страны Тьмы, адресуя их Стефану-из-будущего. Ты когда-нибудь задумывался над тем, насколько это абсурдно? Стефан-избудущего – это мы сами, только через шесть дней, и бессмысленно писать о вещах, которые мы уже знаем. Да и какой, в сущности, смысл в этом письме, когда ты написал точно такое же? Я же знаю... Но это не важно. У него есть одно достоинство: оно заставило меня задуматься.

Мы все время возвращаемся к той же точке. В этом мире Сильвия мертва, ребенок полицейского мертв, да и Мелинда, скорей всего, умрет, и мы ничего не можем с этим поделать. Такова уж наша короткая жизнь. Наша короткая история, до которой никому нет дела.

Ну вот... Прости, я сейчас действительно ничего не знаю. Я, как и ты, совсем растерялся. Почему это все происходит с нами? Кто поместил нас в эту проклятую ленту Мёбиуса?

Почему ничто не может измениться, как бы мы ни старались?

Может стать, у нас в руках неопровержимое доказательство того, что путешествия во времени возможны, а петли времени и параллельные миры существуют, но... я думаю, мы обречены никому об этом не говорить, разве не так? Иначе психушка распахнет перед нами свои широкие двери...

И еще одно... Возможно, это вселит в тебя надежду. Сильвия жива.

Ну да, она жива в прошлом, вы не так уж далеки друг от друга, твой Стефан-из-прошлого все еще с ней. В конце концов, всего каких-нибудь шесть дней... Вас разделяет не расстояние, а время. И достаточно иметь разум гораздо более широкий и восприимчивый, чем среднестатистический ум, и все пойдет лучше, вот увидишь...

Вот только через шесть дней... Она в очередной раз умрет.

Я, конечно, изрядный пессимист, но прими все, как оно есть.

Ладно... Похоже, нам больше нечего сказать друг другу... Что ж, мы и правда знаем друг о друге все. В конце концов, это письмо ничего тебе не даст, потому что это твои собственные мысли. Мне пора домой, вечером должна приехать семья Сильвии. Да и тебе тоже пора, по той же причине.

Когда будешь вглядываться в свои бесконечные отражения в двух зеркалах, вспомни обо мне. Я – одно из этих отражений. И в настоящий момент я, несомненно, умер.

До скорой встречи, может, в другом месте.

Р. С. 1: Мне бы хотелось, чтобы ты положил это письмо на место, для следующих Стефанов. Но прежде сделай для меня одну вещь: переверни листок и оставь на нем маленький крестик. Так ты будешь знать, сколько Стефанов были твоими предшественниками.

Р. С. 2: Я перечел это письмо и все больше и больше склоняюсь к мысли, что я все-таки сумасшедший.

Ошеломленный, Стефан медленно поднял голову. Ему показалось, что все его движения стали какими-то заторможенными.

Письмо слово в слово соответствовало тому, что он написал своему Стефану-из-прошлого.

Он встал и, прежде чем положить письмо в ящик, решил его

перевернуть и посмотреть, сколько Стефанов приходили в почтовое отделение № 101, сколько их вертелось в замкнутой ленте Мёбиуса, сколько отражений возникало в зеркале.

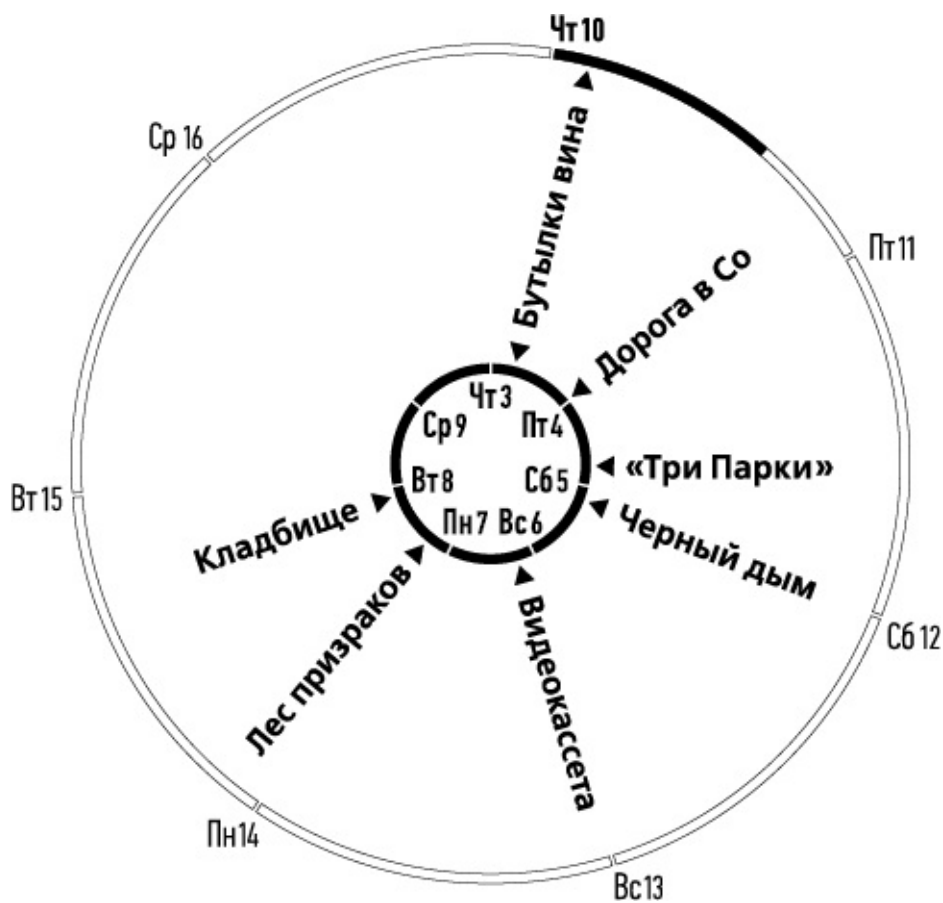
И снова почувствовал, что мир рушится.

Обратная сторона листка была черным-черна от крестиков.

Крестики уходили в бесконечность.

62

Четверг, 10 мая, 15:37

Когда Вик и Селина приехали домой, на лестничной площадке их ожидал неприятный сюрприз: возле двери их квартиры, скорчившись, сидел Стефан. Когда он поднял голову, Селина замерла, зажав рот рукой:

– Это он... Тот самый человек...

– Я знаю, – сказал Вик, нахмурившись. – Что ты здесь делаешь?

Стефан вскочил, пряча глаза и явно не выдерживая взгляда Селины.

– Мне... мне надо с тобой поговорить. Я пытался позвонить тебе на мобильный, но он опять разряжен. У меня... у меня для тебя важная информация.

Селина инстинктивно прижала руку к животу. Глаза ее все еще были красны от слез.

– Как? Как вы узнали, что наш ребенок...

Стефан наконец отважился на нее взглянуть:

– Видения во сне, вы помните?

Она тихо кивнула.

– Вам надо было мне поверить, – прибавил он.

С комом в горле, Селина пыталась открыть дверь. Потом прошла мимо нераспакованных детских бутылочек, сосок и еще кучи всякой всячины для грудных малышей и, не говоря ни слова, закрылась в спальне. Вик провел Стефана в гостиную:

– Какого черта ты сюда явился? Я только что с вокзала, надо было проводить мать Селины. А сейчас я нужен жене!

– Налей мне стаканчик?

– Нет. Еще раз спрашиваю: чего ты сюда приперся?

– Я тебя надолго не задержу, днем приезжает семейство Сильвии. Мне нужна вся информация о двух предшествовавших убийствах и об... убийстве моей жены. Фотографии, имена, адреса, детали – в общем, все!

– Послушай, на этот момент я не так уж много знаю. И я не знаю, если...

– Прошу тебя, пожалуйста! Я доверил тебе свою записную книжку, свою личную жизнь, я вообще тебе доверился! Теперь твоя очередь.

Вик очень внимательно на него посмотрел. Стефан выглядел гораздо менее убитым, чем утром, и был как-то странно возбужден.

– Хорошо.

Вик вернулся в гостиную с толстой папкой фотокопий и протянул ее Стефану:

– Возьми на хранение. Что ты задумал?

– Ты сказал, что убийца забыл свой рюкзак и банку с протухшим мясом там, где...

– Совершенно верно. К несчастью, больше я ничего не знаю. Завтра приду на службу, и, думаю, мне придется несладко.

– А ты помнишь мой сон о видеокассете? Тот, где мы с тобой смотрели кассету с камеры наблюдения и видели, как убийца пролезает сквозь дыру в решетке ограды какого-то завода?

– Да, я читал об этом в твоей записной книжке. Но помню не очень хорошо.

– У него за спиной был какой-то большой мешок. Несомненно, тот самый, что вы нашли у меня дома рядом с Сильвией.

Стефан вынул из кармана сложенный листок:

– Я тогда не знал, о каком месте шла речь, но теперь знаю.

– Ты что, шутишь?

– Это мясокомбинат. Убийца таскал протухшее мясо из отстойника скотобойни.

– Скотобойня... Черт, а ведь это логично.

– Я искал в Интернете такие места в районе Парижа и нашел четыре штуки. А порывшись еще, обнаружил и фотографии в персональных блогах. Окрестных жителей не устраивает невыносимый запах тухлятины.

Стефан развернул листок, распечатанный на цветном принтере, и положил его на стол:

– Расположен комбинат в Сен-Дени. Именно его скотобойню я и видел во сне.

Он бросил на Вика заговорщицкий взгляд.

– Ты уверен? – спросил полицейский.

– Почти. Насколько я помню, она больше всего похожа на то, что я видел. Форма строений, трубы... остальные сильно от нее отличаются.

Вик поскреб подбородок:

– Скотобойня, говоришь... Значит, он ворует тухлое мясо на скотобойне. Но не проще ли было купить кусок мяса и пусть бы протух у него дома?

– Ну а ты бы мог это сделать здесь, у себя в квартире? Не привлекая внимания жены и соседей? Я этот запах знаю, им пропитался весь мой громадный дом. Комбинат уже старый, так что пролезть в дыру в ограде и сделать свое дело большого риска для убийцы не составило. А камера, которая его засняла, расположена на другой стороне улицы и к скотобойне отношения не имеет.

– Ну и?..

– Мне нужна твоя помощь. Тебе надо поехать туда, провести расследование, опросить людей. Кто знает, может быть, тебе удастся разыскать кассету... А я, может, тоже добуду какие-то новые сведения. Ты из полиции, тебя примут сразу. А меня просто выгонят. Ты видел, как я выгляжу? Ни дать ни взять жмурик из могилы. Съезди, пожалуйста. Ну ради меня. Ради Сильвии.

Полицейский покосился на дверь спальни:

– Я... не могу. Я позвоню в бригаду, пусть они съездят.

Стефан покачал головой:

– Нет! Поехать должен ты! Если ты пошлешь туда своих ребят, информация от нас ускользнет и... мы уже не будем хозяевами положения. Ты же сам говорил, что они хотят отстранить тебя от расследования. Да и к тому же мы имеем дело с чем-то невероятным, нелогичным. И это уже не вопрос обычного расследования и обычных процедур, ты же знаешь.

Попытайся съездить один, а если не удастся ничего из этого вытянуть, дай им эту наводку, и все. Договорились?

Вик поразмыслил несколько минут.

– Хорошо, только туда и обратно. Но... я пока не въезжаю. Если ты видел во сне кассету, то...

– Сам знаю. Пресловутый ночной звонок из бригады спугнул убийцу, и он забыл на месте преступления рюкзак и банку с тухлым мясом. Я считал, что мне удалось изменить ход событий, но... кассета с видеозаписью снится мне уже четыре дня, и во сне она у нас в руках! Это значит, что мы вплотную подошли к этой чертовой скотобойне. И для того, чтобы подойти...

– ...Нам была нужна забытая банка с тухлым мясом и, соответственно, твой ночной звонок. Твой *Стефан-избудущего* уже сделал в точности то же самое, что и ты. Вот зараза эта проклятая петля времени...

– Но ничего не изменилось. Ночной звонок был запрограммирован судьбой, как и все остальное. Но... мне так хочется думать, что что-то можно изменить. Мне так хочется побороться за Сильвию. Ради ее памяти.

Вик потер себе виски:

– Безумие какое-то. Ну как все это можно запрограммировать? Это невозможно!

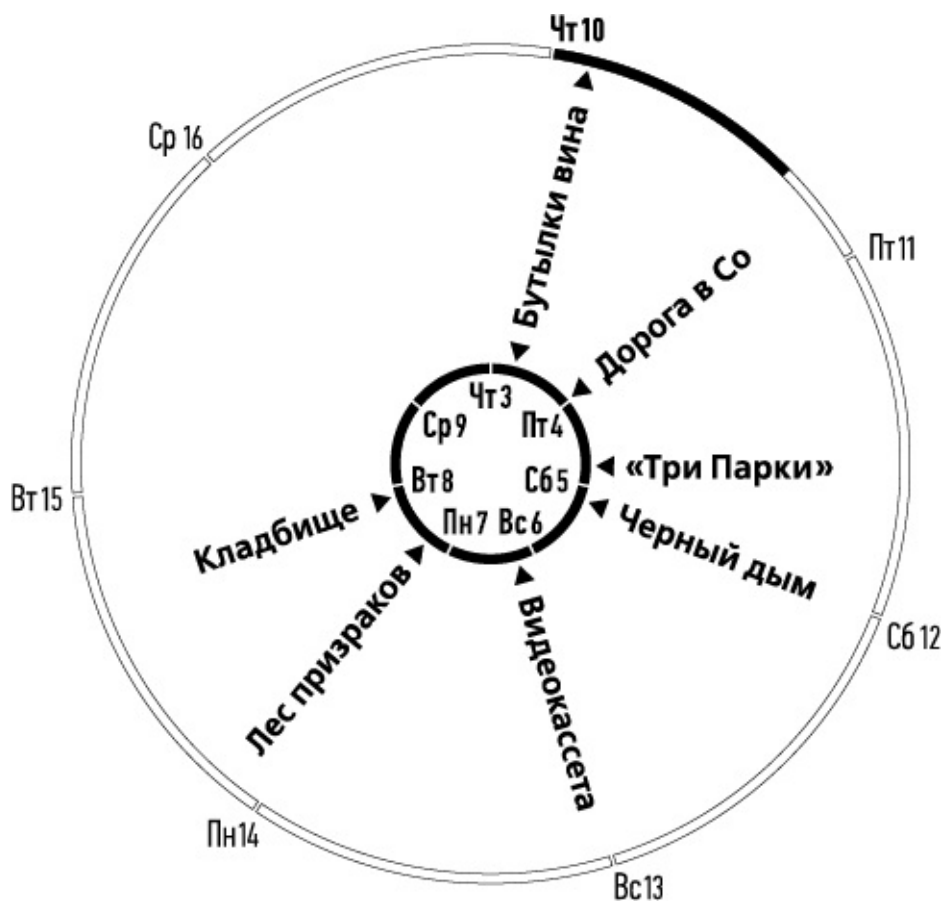
– К сожалению, возможно.

– Нет, но может быть, что на месте преступления, в твоём доме, мои коллеги и нашли что-то такое, что приведет нас к скотобойне даже без банки с тухлятиной. Может быть, что-то действительно вот-вот изменится и мы выиграем время. И будущее, которое ты видел во сне, действительно сможет измениться.

– Как хочется в это поверить... А сейчас поезжай на скотобойню... Окажись там раньше своих коллег. Сейчас мы с тобой хотим одного – поймать убийцу.

63

Четверг, 10 мая, 17:12

Устроившись в Стране Тьмы, Стефан не отрывал глаз от стены с надписями. Текст, написанный на стене, сопровождала аудиозапись, сделанная на цифровой диктофон Сильвии, лежащий тут же рядом. Благодаря полученному от Вика досье у Стефана теперь были точные описания убийств с обогревом помещений электронагревателями, адреса жертв, все разговоры в музее Дюпюитрена, в «Трех Парках» и на скотобойне. Все события, и те, что уже произошли, и те, что должны были произойти. Теперь надо попытаться, перепробовав любые средства, переправить в сны *Стефана-из-прошлого* как можно больше посланий. Стефан прекрасно знал, насколько велик риск ошибиться... Как бывший *Стефан-из-прошлого*, он это знал слишком хорошо.

Цель у Стефана была одна: устроить в прошлом пожар, все смешать,

натворить всяких несуразностей, несовпадений, и тогда, может быть, удастся остановить убийцу прежде, чем он возьмется за Сильвию. Он не знал, что это будут за несуразности, что за парадоксы или невероятные поступки, но надо было во что бы то ни стало переломить ситуацию.

Одно из длинных посланий заканчивалось следующим образом:

Тебе надлежит все это перекопировать в одно письмо и отправить полицейскому Виктору Маршалю. Вот его адрес: Булонь-Бийанкур, улица Пьера Гренье, 14, апартамент В-2.

Не говори об этом никому, даже Сильвии. Особенно ей. Я по возможности все тебе объясню в следующих снах.

Удачи тебе.

Вот так. Все очень просто: надо сидеть на месте и ждать. Может, Стефан-из-прошлого ничего и не поймет, но указания получит и начнет действовать.

Потом, когда от напряжения начали уставать глаза, до Стефана из гостиной долетел звук телефонного звонка.

– Вот черт...

Родственники Сильвии еще не приехали. Может, они заблудились? На индикаторе высветился номер, который был ему смутно знаком. Он на долю секунды закрыл глаза. Сомнений не было: это телефон Эктора Арье, которому он сам звонил несколько дней назад в Мери. Откуда же этот мерзавец узнал номер новой линии?

Дрожащей рукой он снял трубку, не сказав ни слова. Он вдруг понял смысл всех отлучек, взглядов, понял, почему так смущалась Сильвия всякий раз, как он произносил имя Эктора Арье.

Сильвия, Эктор Арье. Эктор Арье, Сильвия.

В трубке послышался мужской голос:

– Сильвия? Ну как, все закончилось? Его засадили?

Стефан все сильнее и сильнее сжимал в руке трубку.

– Сильвия? Почему ты не отвечаешь? Кто-то есть рядом? Ты не можешь ответить, да?

Ни звука.

– Я понял. Позвони мне попозже. Люблю тебя.

И он повесил трубку. Стефан в ярости швырнул телефон о стену.

Как он сказал? «Его засадили?» Засадили...

В этот миг Стефан почувствовал, что сам может убить кого угодно. Пока он блуждал в лабиринтах своего подсознания, этот ублюдок спал с его

женой. Как? Как они посмели?

Он снял обручальное кольцо и положил на ладонь. Сильвия... Почему? Тяжело дыша, он старался погасить вспыхнувшую ярость. На память пришел второй сон, «Дорога в Со»: он врывается к Арье с пистолетом в руке. Несомненно, в этом и заключалась ошибка *Стефана-из-будущего*: он легко выходил из себя. Нет, он спокойно вернется в Страну Тьмы и будет внимательно вглядываться в записи на стене. В первую очередь надо передать информацию. Отомстит он позже, гораздо позже, когда Сильвия будет окончательно спасена. Время еще есть.

Положив обручальное кольцо на стол, Стефан спустился в подвал.

Он их увидел, когда проходил мимо окна. Топая тяжелыми ботинками, к дому уверенно подходили жандармы. Стефан запаниковал, у него в мозгу словно щелкнуло: Мелинда.

Они разыскивают его из-за Мелинды.

Сердце отчаянно забилося. Он прижался к стене. Жандармы подошли к дому и постучали в дверь. У одного из них в руке был переносной таран.

– Национальная жандармерия! Откройте!

В следующие несколько секунд послышались громовые удары в дверь, и дверной замок сломался. Жандармы ворвались, наводя пистолеты во все стороны сразу, но Стефана уже и след простыл.

Дом был большой, и жандармам ничего не оставалось, кроме как разделиться. Двое побежали наверх, один по первому этажу и один в подвал.

Этот и получил порцию красной краски в физиономию и удар металлической банкой по голове. Застонав, он тихо сполз на пол.

Стефан в панике схватил пистолет полицейского. Руки у него тряслись, с пальцев стекала краска. Что он наделал? Однако, взяв себя в руки, он бросился в Страну Тьмы и быстро собрал все необходимое: машинку для стрижки волос, костюм Сумрака, латексную маску и папку лейтенанта Маршаля. Все это он покидал в старый рюкзак, потом вернулся в комнату с изображениями детей-уродов на стенах и вылез в маленькое окно над самой землей, выводившее в сад.

Через несколько секунд «форд» стартовал и быстро скрылся за поворотом дороги.

Стефан перевел дух. Еще бы немного, и... Но куда же теперь ехать? Его повсюду станут искать, проверят данные кредитной карточки, разошлют его приметы по телеканалам, объявят по радио. И не было никого, кто ему верил бы и мог бы его поддержать, кроме Вика Маршаля. Но полицейский есть полицейский.

Вопрос о том, чтобы сдать, вообще не обсуждается, пока не удастся спасти Сильвию.

Он посмотрел на лежащий рядом с рюкзаком «зиг-зауэр» жандарма, которому он дал банкой по голове. Потом достал из бардачка розовый вышитый платочек Мелинды и вытер запачканные краской руки. Мелинда... Что с ней теперь будет? Он изо всех сил стукнул по приборной панели.

Выехав в сторону Парижа по шоссе № 16, он остановился на обочине и прямо в машине переоделся в костюм Сумрака. Теперь на нем были черные брюки и рубашка в черно-белую клетку.

Потом не раздумывая, смотрясь в боковое зеркало, он погрузил машинку для стрижки в густые, красивые черные волосы и побрил голову наголо, пуская по ветру длинные пряди. Вглядевшись в свою гладкую белую голову, он понял, что теперь он – затравленная дичь и, если будет надо, в драку вступит не задумываясь.

От обочины Стефан отъехал со скрученной пружиной ярости внутри. Сейчас он страстно желал, чтобы хоть один из его кошмаров сбылся.

Застрелить Эктора Арье. Того, кто целовал его жену. Того, кто так или иначе спутал его мысли.

А потом он найдет себе укрытие, спрячется в такое место, где никто не станет задавать ему вопросы и он сможет спокойно отправлять свои послания.

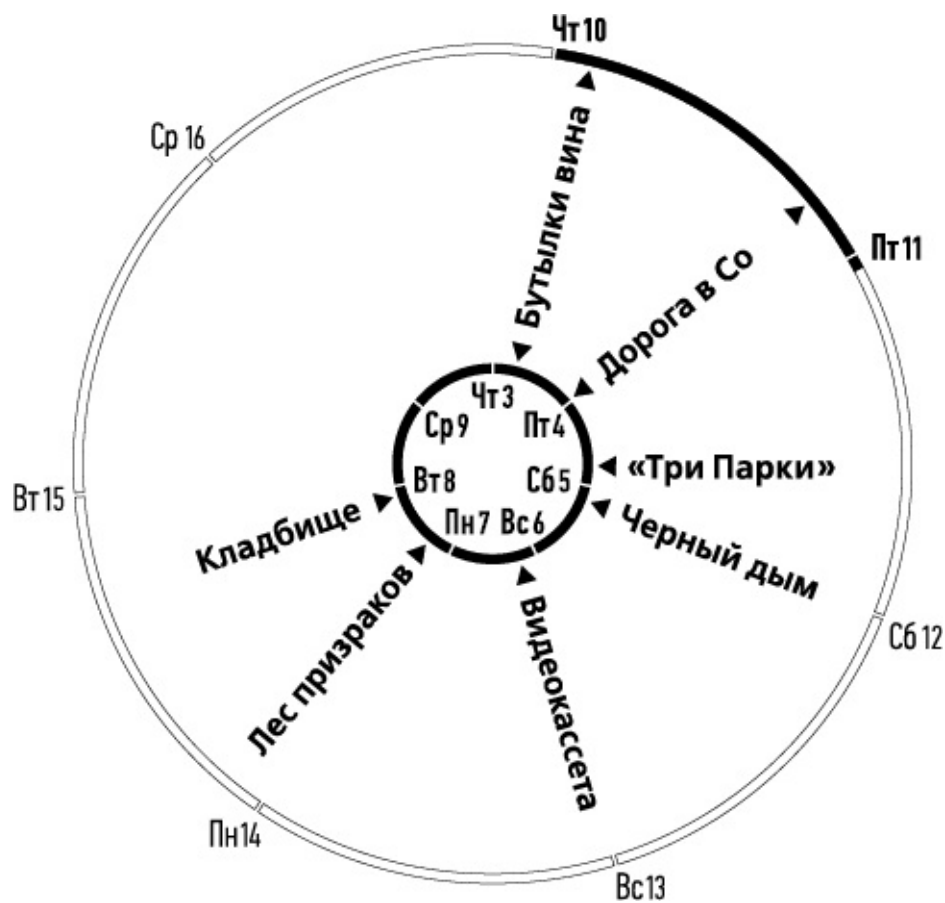
Он опустил противосолнечный щиток. У него же есть ключ от шестого номера в «Трех Парках», снятого на неделю. Там побывал *Стефан-из-будущего*, и у него получилось оставить надписи на стенах. Значит, ему тоже удастся туда прорваться. В конце концов, достаточно всего лишь следовать снам.

Когда он посмотрел на часы, они показывали 19:30.

Он включил радио и поставил звук на предельную громкость. В новостях говорили о том, что кто-то выиграл в лото, и о том, что в карьере Хеннока нашли тело маленькой Мелинды.

Стефан-из-прошлого явно не смог прочесть его послания в Стране Тьмы: ему помешали жандармы.

Но он прочтет его в гостинице, в следующем сне. Надо торопиться, ибо время идет, приближая жизнь *Сильвии-из-прошлого* к роковой развязке.

Вик почувствовал, что у него за спиной стоит Селина, и нажал кнопку «стоп» на кассете. Он обернулся и посмотрел на нее остекленевшими глазами. Коньяк в бутылке почти закончился.

– Они во всех новостях без конца говорят о малышке Мелинде, – выдохнул он. – Не понимаю, что могло с ней случиться. Вот Стефан знал. Он все предвидел.

Селина обвила шею мужа руками и положила голову ему на плечо.

– А если это действительно он? Если это он покушался на девочку?

– Нет, нет. Клянусь, если бы ты видела, какая паника была в его глазах, когда он говорил о своих снах, ты бы поверила. Завтра я постараюсь съездить в карьер и разобраться, что к чему.

Селина замерла у него за спиной, погрузившись в глубокую печаль.

Вик взял стакан и отпил еще глоток коньяка.

– Если бы я только мог с ним связаться. Но он, должно быть, отключил мобильник. Бедный парень...

Селина обошла диван и свернулась рядом, прижавшись к мужу. Перед ними на экране дрожало черно-белое изображение фигуры, которая только что пролезла сквозь дыру в ограде и перешагивала через обломки арматуры и труб, торчащие из бетона. Вик с сомнением вглядывался в экран.

– Самое странное заключается в том, что Стефан видел эту кассету во сне, а она существует на самом деле. Я ее отыскал перед корпусом химической обработки, с другой стороны скотобойни. Улавливаешь? Все, что с ним происходит, все, во что он заставил меня поверить, сразу же заставляет на многое взглянуть по-другому.

Он развернул к себе правую ладонь Селины и провел пальцем вдоль линии жизни.

– А что, если все с самого начала записано? И... мы ничем не можем управлять? Что, если мы всего лишь инструменты, подконтрольные неведомо какому невидимому воинству? Что, если где-то в какой-то книге было записано, что наш ребенок должен...

Селина еще больше съежилась, прижавшись щекой к его груди.

– Это словно не ты говоришь, – прошептала она. – Ведь ты веришь только в реальность вещей. По-моему, ты слишком много выпил...

– Я все время задаю себе один вопрос, который буквально мечется у меня в голове. Что было бы, если бы Кисмету удалось нас убедить не делать в тот день обследование?

– Не надо, Вик, не поворачивай нож в ране.

Он повертел перед собой янтарный напиток в стакане.

– Знаешь, я смутно помню из учебной программы теорию некоего американца Хью Эверетта^[72] о параллельных вселенных. Он утверждает, что всякий наш выбор расщепляет мир. И это лежит не в плоскости Бога, Сотворения мира или случая. Это что-то совсем другое. Тогда я считал эту теорию просто дебильной.

Селина украдкой вздохнула, но осталась сидеть, прижавшись к нему, и слушала очень внимательно.

– В момент зарождения Вселенная оказывается перед множеством возможностей: значение гравитационной константы, значение массы электрона... Фишка в том, что Вселенная разделяется каждый раз, когда одна из возможностей тормозится, отстает. И рождаются множества параллельных миров, отличных друг от друга в зависимости от значений основных констант. Большинство этих вселенных не способны дать начало

жизни. Они обладают либо повышенной плотностью, либо слишком горячи, либо слишком расширены, либо слишком... да все, что угодно. Но небольшая часть этих миров приспособлена для возникновения жизни, ибо в них все константы имеют необходимые значения. Мы существуем исключительно потому, что оказались в таком мире. И ни случай, ни Божественное творение здесь ни при чем.

Он допил коньяк. Рука его дрожала.

– При каждом решающем событии возникает параллельный мир. Один мир создается, если событие произошло, и совсем другой – если не произошло. Это... это как с котом Шрёдингера. Следовательно, в параллельном мире с другим прошлым ты не пошла бы на амниоцентез, потому что Стефан Кисмет смог бы нас в этом убедить, и наш ребенок был бы жив. Он...

Селина встала и посмотрела ему прямо в глаза. Она была на грани того, чтобы расплакаться:

– В том мире, где мы живем, наш ребенок никогда не родится, Вик. И тебе придется это принять.

Она помолчала несколько секунд, потом прибавила:

– Я уезжаю к маме на несколько дней, пока все не уляжется. Я должна уехать из этой квартиры, я больше не могу.

Вика это задело, но он не подал виду.

– Так ты... отказываешься от нашей новой жизни?

– Наша новая жизнь была бы с ребенком. Без него, с твоей профессией, которая поглощает тебя целиком, я пока не чувствую, что способна вынести все это. И никаких драм. Мне просто надо определиться, я так больше не хочу.

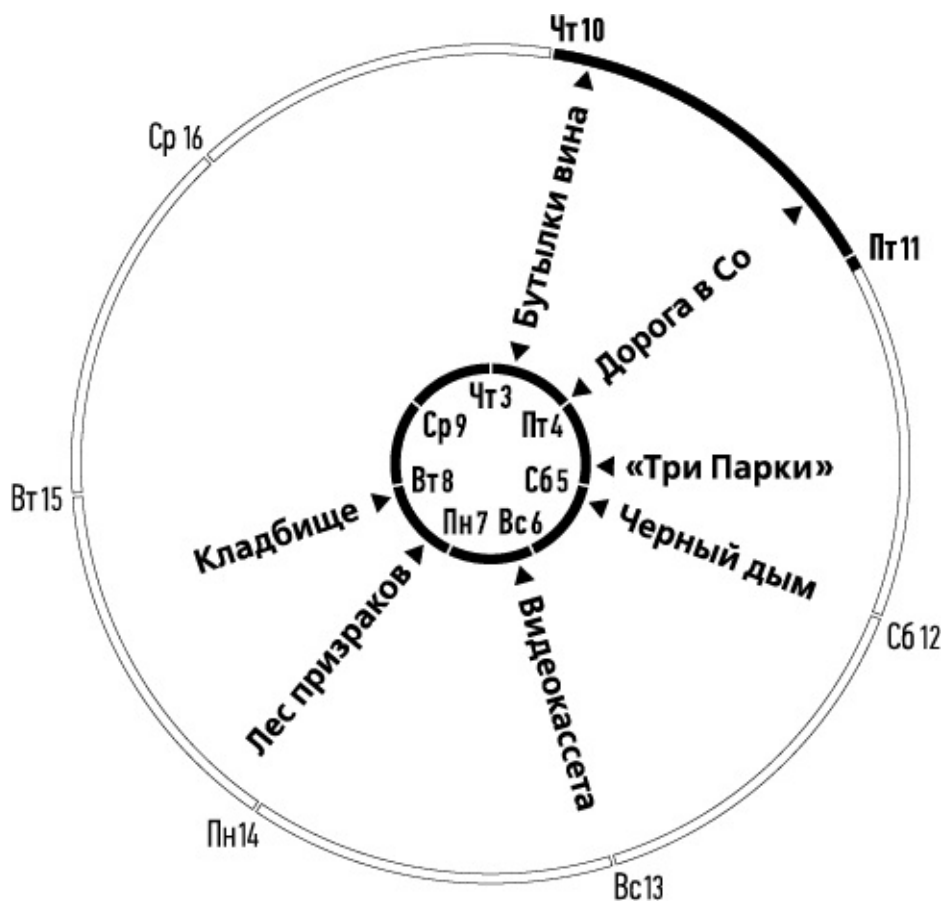
Она посмотрела на мужа, а тот даже не обернулся.

– Я уезжаю завтра утром. Не звони мне, я сама тебе позвоню, когда мне станет легче.

И она ушла в спальню, тихо прикрыв за собой дверь.

65

Пятница, 11 мая, 00:46

К парковке возле «Трех парок» медленно подъехала машина и остановилась напротив человека, который ждал в темноте, прислонившись к дереву. Сидящая за рулем женщина опустила стекло и вопросительно посмотрела на него. Человек с обожженным лицом кивнул, не вынимая рук из карманов. Если всмотреться в его глаза, то в них было что-то пугающее. Но в полумраке женщина не могла этого заметить. Вокруг царилась ночь, деревья отбрасывали резкие тени в лунном свете.

Парочка на одну ночь прошла под фонарем мимо вывески гостиницы. У мужчины в руке был старый рюкзак.

Портье возле стойки не задал ни одного вопроса, даже не поднял головы и не взглянул на лицо, отмеченное печатью огня. Он, видимо, ко всему привык. Женщина молча расплатилась и направилась в номер 24.

Весила она не меньше ста двадцати кило, а потому вид у нее был не особенно довольный. Вся в черном, с длинными ногтями, в остроносых туфлях – в общем, сулила бездну удовольствия. Обернувшись, она нахмурилась: за ней никого не было. Куда же делся тот, с обожженной физиономией, с кем она просто жаждала трахнуться?

Стефан достал из рюкзака ключ и вошел в шестой номер. В таком виде его тут никто не станет искать. На всякий случай он оставил «форд» в отдалении, за деревьями.

Сняв латексную маску, он задернул шторы, зажег свет и... удивленно вытаращил глаза. С прошлой недели обои заменили. Они были уже не синие, а зеленые в желтую полоску, как в третьем сне, «Три Парки». Стефан стукнул себя по лбу. Логично, чертовски логично! Должно быть, портье обнаружил исписанные маркером стены и велел сменить обои.

Стефан на несколько минут присел на кровать, держа оружие под рукой, и глубоко вздохнул. Приехав в Со, он поставил машину за «порше» Эктора Арье с номерным знаком 8866 BCL 92 и потихоньку вышел. Он позвонил в дверь, Арье открыл, но за ним стояла его жена... И у Стефана не хватило мужества застрелить любовника Сильвии. Он простонапросто разрушил его семью, открыв Виктории Арье, что муж ее обманывает.

Что же до родственников Сильвии, то они, наверное, уже приехали и им уже сообщили, что его разыскивают по обвинению в убийстве девочки.

Он включил телевизор, дожидаясь последних новостей. В отличие от *Стефана-из-будущего*, он не стал ставить звук на полную мощность, чтобы не привлекать внимания. Не хватало еще, чтобы его выгнали из номера.

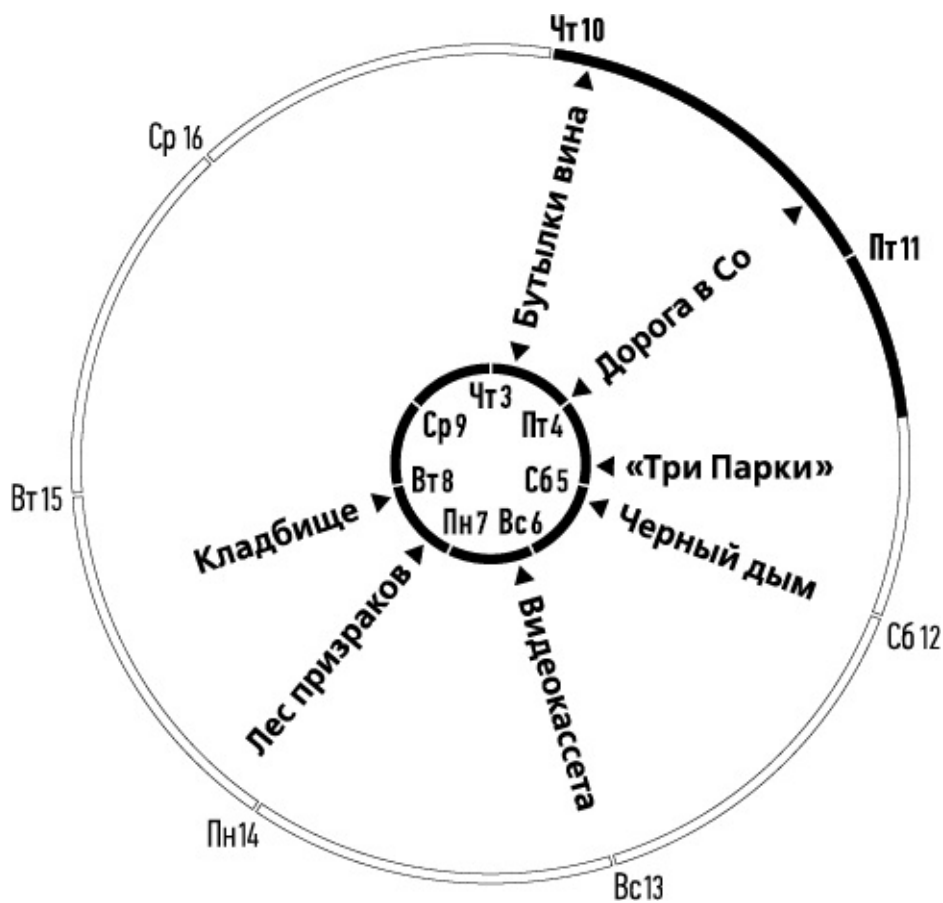
Рюкзак он положил на кровать, достал из него досье убийств и маркер и начал наносить на стены все, что уже нанес в Стране Тьмы, и к тому же содержание письма для передачи Виктору Маршалю.

Спустя час все было готово. Новые обои почернели от точных и последовательных пояснений. *Стефан-из-прошлого* поймет.

Подняв глаза на экран телевизора, Стефан вспомнил о Мелинде и не смог сдержать слез.

66

Пятница, 11 мая, 10:35

– Это официальное распоряжение, Маршал. Ты по этому делу больше не работаешь.

– Господин майор, я...

Мортье выпустил последнюю порцию дыма и раздавил окурок в пепельнице.

– Что – *ты*? Думаешь, тебе все дозволено? Думаешь, тебе можно отдавать конфиденциальные материалы кому попало, даже подозреваемым или каким-то там непонятым врачам? Ты натворил черт знает что, Маршал!

Мортье машинально вытащил из пачки другую сигарету и встал.

– Ты перешел все границы. Возвращайся в кабинет или пойді купи себе телефон, который будет работать, и дожидайся, пока я для тебя что-

нибудь не придумаю.

– Что-нибудь? А куда вы полагаете меня поставить?

– Куда поставить? – с иронией передразнил майор. – Тебе ничего не остается, кроме как помочь жандармам найти твоего приятеля Кисмета, вот так-то! Я так и знал, что этот парень в любой момент может вытворить что угодно. Например, похитить собственную жену, а теперь и эту девчушку. Жаль, что его жена не успела подписать документы для помещения его в интернат: девочка сейчас была бы жива.

Вику стало не по себе. Кассета с камеры видеонаблюдения, где был виден убийца, лежала у него в сумке. Отдать ее Мортье означало бы только ухудшить ситуацию. Его могут окончательно отстранить, и тогда неприятностей не оберешься.

– Скажите хотя бы, обнаружили ли вы какие-то новые улики в этом деле, новые следы...

– Хочешь знать? Ищем, путаемся!

– А тухлое мясо, которое нашли? А последняя информация?

– А с чего это ты впадаешь в такой раж?

– Ну пожалуйста.

Мортье вздохнул:

– Эксперты поработали над анализом концентрации бактерий, особенно этих... – он полистал отчет, – псевдомонад, которая возникает либо в пищеварительном тракте, либо при избыточной влажности. Здорово продвинулись, правда?

– При избыточной влажности? А вы не думаете, что эту тухлятину вынесли с мясокомбината или со скотобойни?

– Или выкопали в саду. Чтобы мясо сгнило, особых усилий прилагать не нужно.

Он смял листок бумаги и выбросил в мусорную корзину.

– К нам прикрепили эксперта-криминалиста, который способен все проанализировать и установить профиль преступления. Так вот, он считает, что первая сцена, с куклами и прочим, инспирирована религиозными соображениями.

– Да? И какими же?

– Слушай, Маршал, у меня нет времени точить с тобой лясы. Тем более что нам надо очистить помещение до понедельника. Ты заметил, что мы остались последние? Давай, вали отсюда!

Вик вышел, хлопнув дверью. Коридоры и правда быстро пустели, а на верхних этажах уже вообще никого не осталось.

Он зашел в туалет, поставил рюкзак на раковину и плеснул в лицо

холодной водой. Хотя он и испытал известное облегчение оттого, что больше не надо будет работать со всеми этими ужасами, он все-таки чувствовал, что его лишили владений. Это расследование и днем и ночью занимало его мысли.

Он лишился расследования. Лишился Селины. Неудавшийся сыщик. Неудавшийся муж.

Вне себя, Вик схватил сумку и выбежал вон. Оставалось прояснить еще одно дело. Возможно, самое непонятное.

* * *

Воздух был до жути холодный и влажный. Вик поднял воротник пальто и нагнулся, чтобы пройти под натеком. Шедший перед ним капитан Лафарг из жандармерии Мери-сюр-Уаз остановился перед крутым спуском, возможно самым опасным в карьере Хеннока.

– Будьте очень внимательны, здесь скользко.

Вик осторожно подошел. Земля здесь была сплошь покрыта тонким слоем воды. Держась за выступы на стенах, полицейские медленно дошли до затопленной галереи.

– Вот здесь вчера в 17:20 ее нашли трое спелеологов-любителей. Мы очень быстро приехали на место. Тело плавало в воде, на дне валялся разбитый фонарик. Первичный осмотр показал, что у девочки трещина в черепе. Вероятно, ее ударили по голове, а потом утопили.

– Вероятно?

– Я жду результатов вскрытия с минуты на минуту.

Держась за скалу, Вик указал вверх, где виднелся довольно безопасный проход:

– А она не могла сама удариться о камень, потерять сознание и утонуть? Здесь очень скользко. И это объясняет, откуда разбитый фонарик на дне.

– Может быть... И она сама сюда пришла? Десятилетняя девочка?

– А почему бы и нет? Перед тем как войти на территорию карьера, я заметил дырки в ограде. Вполне возможно, что дети здесь играют во всякие приключения.

Жандарм поморщился и отвернулся. Видимо, ему не нравилось, когда кто-то залезал в его огород.

– Ну, бывает иногда. Но очень редко.

– А несчастные случаи бывают?

– Чего вы, в конце концов, хотите?

– Хочу понять, как это у вас так быстро все связалось одно с другим. Хочу понять, чем оправдано распоряжение объявить Стефана Кисмета в розыск, если еще нет даже результатов вскрытия. В чем конкретно вы его обвиняете?

– Вы очень скоро поймете. Давайте поднимемся, и я вам вкратце все обрисую.

Лафарг посветил фонарем назад, как бы приглашая Вика вернуться. Оба с трудом преодолели скользкий подъем, и жандарм, отдышавшись, принялся объяснять:

– Вчера около 11:00 мадам Граппе получила странный телефонный звонок. Звонил мужчина. Он заявил, что собирается похитить и убить Мелинду. Мадам Граппе сразу же бросилась в парк, где Мелинда играла со своим приятелем Артюром, поскольку у них заболела учительница и урок отменили. В парке никого не было. Тогда она побежала к матери Артюра. Мальчик был дома. Он рассказал и потом это повторил много раз, что Мелинда поначалу играла с ним в парке, а потом собралась домой. Больше он ее не видел. По его словам, это было около 10:30. Домой девочка не вернулась.

– Значит, мадам Граппе позвонили спустя полчаса!

– Как знать? Может, Кисмет сделал свое черное дело до звонка, чтобы запутать ситуацию. Вскрытие определит время смерти. Короче, после звонка с угрозой все завертелось. Без тени сомнения объявили план-перехват. Почему так быстро? Да потому, что в конце прошлой недели кабинет директора школы был взломан и кто-то рылся в досье учеников. Как только объявили план-перехват, в полицейский участок сразу же поступило два звонка. Первый от директора школы: она сообщила, что какой-то человек с длинными черными волосами в прошлую субботу разыскивал Мелинду, причем вел себя очень странно. Второй от продавца из табачного киоска, который жил как раз напротив дома Граппе. Он вспомнил, что некто, полностью подходящий под описание внешности Кисмета, забыл у него выигрышный билет лото и поспешно убежал. Вы разве не слышали? Об этом говорили по радио.

Вик постарался сохранить бесстрастный вид. Разыгрывать сейчас сложные комбинации он был не способен.

– Нет... я ничего такого не слышал.

– Выиграли все шесть номеров. А билет попал в руки случайного человека, который просто проходил мимо, когда Кисмет выбежал на улицу! Значит, выигрыш у Кисмета – тью-тью? Есть от чего разозлиться.

– Пожалуй...

– Это и объясняет его поступок, как вам кажется? Мужик потерял выигрыш и теперь рвет и мечет.

– Ну разве что как предположение...

– Короче, параллельно мы установили, откуда был сделан звонок мадам Граппе. Из автомата в Ламорлэ.

Вик стиснул зубы, и это не укрылось от внимания капитана. Жандарм продолжал:

– Естественно, мы сразу связались с местной жандармерией. И тамошний начальник бригады тоже вспомнил человека, подходящего под описание, которое мы ему дали. Он нас немедленно отправил к Стефану Кисмету. Нам повезло: несколько дней назад Кисмет приходил в жандармерию по поводу странной кражи велосипеда. Мы быстро сопоставили факты.

Вику все больше становилось не по себе.

– Но это еще не означает, что он виновен, – заметил он.

– Не означает. Но это еще не все. Вчера около 17:00 четверо жандармов отправились к Кисмету, на одного из них Кисмет напал, после чего сбежал. Странная реакция для человека, которому не в чем себя упрекнуть, правда? Можно подумать, что количество улик еще недостаточно...

Он подошел к нише в скале:

– Вот в этом месте мы нашли нож. Некоторые отпечатки на рукоятке идентичны отпечаткам, найденным в доме Кисмета. И с такими уликами вы еще сомневаетесь?

– Некоторые отпечатки? Значит, были и другие?

– Это не важно. Вот арестуем его, тогда он нам сам все расскажет.

Вика словно оглушили. Он выбрался из карьера с таким чувством, будто ему не хватает воздуха. Согнувшись и упершись руками в колени, он сделал несколько глубоких вдохов. У него зазвонил мобильник. На экране высветилось: «С. Кисмет». Вик отошел в сторонку и нажал кнопку соединения:

– Стефан?

– Да...

– Какого черта? Ты где? Полиция тебя повсюду разыскивает!

Ослабевший, почти на грани обморока, Стефан сидел в засаде в отеле. Пальцы его уже с трудом удерживали телефон. Он умирал от жажды и голода, и ему очень хотелось спать. В голове у него все перепуталось, и он не знал, видел ли сон *Стефан-из-прошлого* и что ему теперь делать. А тут

еще Вик, с его призывами пойти самому в полицию. Он ведь наверняка не простил, что не удалось избавить его жену от всей этой истории с сорока шестью или сорока семью...

Стефан сонно поник головой. Сорок шесть, сорок семь... Хромосомы! Хромосомы кариотипа^[73] человека!

В этот момент, посреди разговора, сердце Стефана вдруг пустилось в галоп: где-то он уже это слышал, слово в слово. В каком-то из прошлых снов. Возможно, *Стефан-из-прошлого* сейчас видит сон!

Сильные удары в дверь не дали ему сказать ни слова. Он в панике отсоединился.

На другом конце линии Вик на секунду застыл, держа в руке телефон. У него за спиной капитан стучал о каменную стену ботинками, выбивая из них грязь. Вик взглянул на свои кроссовки, испачканные в той же грязи. И тут ему пришла мысль... ну все же очевидно!

Он подбежал к жандарму:

– А тот мальчишка, что играл с Мелиндой в парке, Артюр...

– Да?

– Дайте, пожалуйста, его адрес!

* * *

У женщины, которая ему открыла, было строгое лицо и тяжелый взгляд. Было в этом взгляде что-то жесткое и авторитарное. Вик представился и спросил, где Артюр.

– Мой сын не покидал своей комнаты с самого момента смерти Мелинды, – сказала она. – Это чудовищно, я надеюсь, что мерзавца задержат достаточно быстро.

– Я могу минуты две поговорить с вашим сыном? – спросил Вик, слегка продвинувшись вперед.

– Да, но, пожалуйста, недолго. Он все еще потрясен случившимся.

Вик наконец перешагнул порог.

– Мне бы хотелось взглянуть на обувь, в которой он был вчера, когда пошел в парк играть с Мелиндой.

Она нахмурилась:

– Зачем?

– Так, пустая формальность. Рутина.

– Ах уж эта полиция. Все сверяет и проверяет, когда беда уже случилась. Вам бы надо было оказаться в нужное время в нужном месте, а

не приставать к моему сыну.

– Может быть, мадам, может быть...

Она вышла и вернулась с парой кроссовок в руках. Вик сразу заметил, что они в грязи. И грязь на них еще не высохла.

– Земля мокрая... Вчера вроде бы дождя не было.

– Ну и что? Чего вы хотите?

– Мне бы сейчас повидаться с Артюром...

– Да, конечно.

Она провела его в комнату мальчика. Артюр играл в автогонки. Увидев Вика, он согнулся, сильнее вцепился в рукоятку управления, и синий автомобиль понесся по своей восьмерочной трассе.

– Поздоровайся с месье! – строго прикрикнула женщина.

Артюр поднял испуганные глаза. Вик обернулся к матери:

– Если вы не возражаете, я бы с удовольствием поговорил с вашим сыном наедине.

Она кивнула и закрыла за собой дверь.

– Артюр, я полицейский, и я пришел сюда к тебе только для того, чтобы понять, что вчера случилось на самом деле.

Мальчик еще ниже нагнулся над своим игрушечным шоссе и ничего не ответил.

– Артюр, ты играл вчера в парке с Мелиндой?

– Да, – отозвался он, не поднимая головы.

– Мелинда была твоей лучшей подругой?

– Лучшей...

Вик присел на корточки и принялся смотреть на синий автомобильчик, без устали вертевшийся по кругу на игрушечной дороге в форме восьмерки.

– А ты знаешь, что один человек рискует попасть в тюрьму, потому что все решили, что это он убил твою подругу?

– Так оно и есть.

– Я с этим человеком знаком, он очень добрый, необыкновенный и никогда не сделал бы зла ребенку. Но ты-то, наверное, знаешь, почему он так обошелся с Мелиндой?

– Нет.

Вик выхватил синий автомобильчик из бесконечной восьмерки. Артюр поднял на него свои синие глаза.

– Ты вчера ходил с Мелиндой в карьер Хеннока, ведь ходил?

Мальчик бросил быстрый взгляд на закрытую дверь. Губы его судорожно сжались.

– Неправда, не ходил! – понизив голос, запротестовал он. – Мама мне не разрешает туда ходить! А я всегда слушаюсь маму!

Вик обернулся, внимательно посмотрел на дверь и вновь обратился к Артюру:

– Мама сильно будет тебя ругать, если узнает? И сильно накажет?

Мальчик нервно крутил себе пальцы:

– Да. Мне нельзя туда ходить. Я не имею права.

Вик постепенно начинал понимать масштабы случившейся по недоразумению беды. Ужасно, невыносимо...

– Посмотри на мое удостоверение. Посмотри, посмотри.

Вик взял руки мальчика в свои и крепко стиснул их:

– Я тебе обещаю: никто тебя не накажет. Никто, ты меня понял?

Артюр едва заметно кивнул. И тогда Вик заговорил:

– Вот как было дело, по моему разумению: Мелинда рассказала тебе про карьер Хеннока. Она сказала, что недавно там была, что там просто здорово и она знает, как туда пройти. Она хотела все тебе показать и уговорила тебя. Отличное приключение, правда? Вы прошли через парк, пролезли в дыру в ограде и проникли в запретный туннель. У нее, конечно, с собой был фонарик. А там, возле грота, Мелинда, я думаю, показала тебе нож, чтобы тебя еще больше поразить. И ты этот нож даже потрогал.

Вик медленно продолжал говорить, а Артюр снимал на глазах.

– А потом вы подошли к длинному спуску, и там она поскользнулась. Она ударилась головой и упала вниз, в воду. И тогда ты запаниковал, очень испугался и убежал. Дома ты закрылся в своей комнате и никому этой тайны не выдал. Вот так, Артюр. А теперь... – Вик взял мальчика за подбородок, – ты мне скажешь, правда все это или нет.

Прошло секунд десять-двадцать, прежде чем Артюр произнес:

– Вы клянетесь, что не расскажете маме?

* * *

Вику удалось добраться до Стефана и убедить его самому прийти в полицейскую бригаду. Его невиновность была подтверждена свидетельством маленького Артюра, чьи отпечатки были найдены на ноже вместе с отпечатками Мелинды. Больше его никто не обвинял в убийстве.

На выходе из жандармерии Вик вдруг понял размеры того, что случилось: желая спасти Мелинду, Стефан Кисмет сам сложил пазл ее смерти. Ведь она вернулась в карьер только потому, что он ее туда

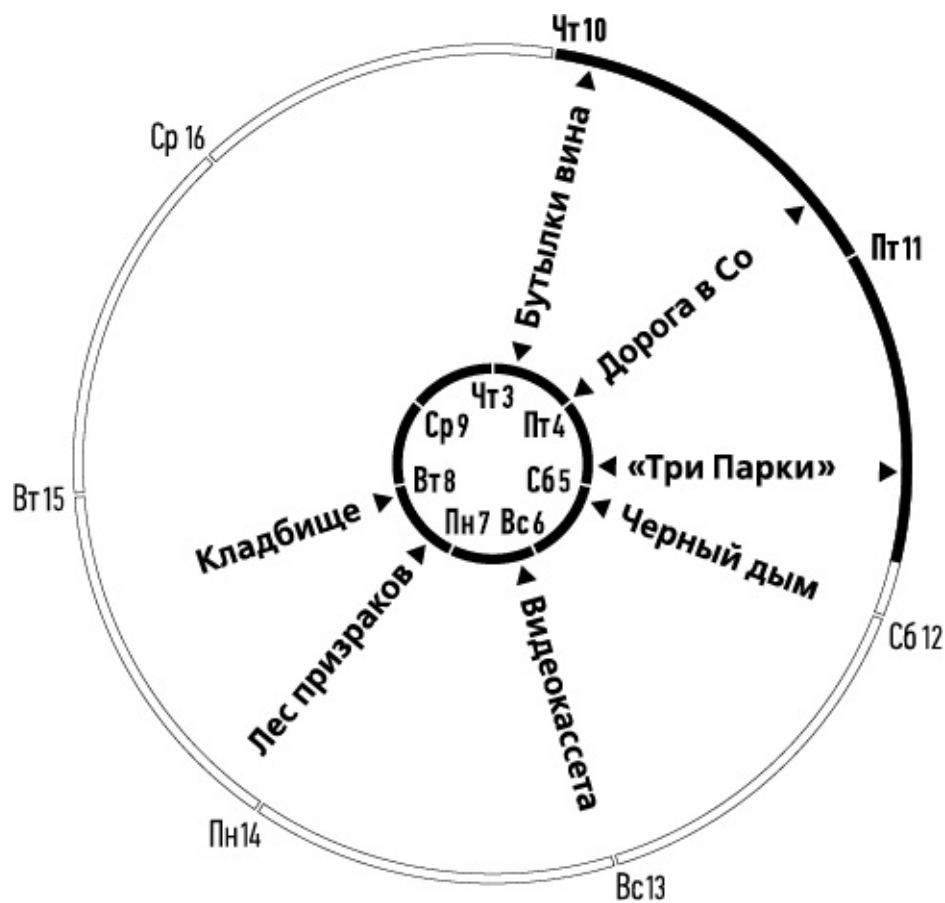
приводил.

Он убил ее точно так же, как убил Гаэль Монтьё на пресловутом повороте шоссе № 16, как убил Людивину Кокель на железнодорожных путях, как убил пассажиров поезда в 1998 году. Он убивал людей, делая все, чтобы они не погибли.

Стефан Кисмет не просто видел будущее. Стефан Кисмет был проклят.

67

Пятница, 11 мая, 20:23

Вик запер на два оборота дверь тесного кабинета отделения полиции и задернул шторы.

– Мы в комнате для допросов, на четвертом этаже. Ни здесь, ни этажом ниже уже никого нет, отделение переезжает, а потому нас никто не потревожит. Сделаем, как договорились, хорошо?

Стефан скорчился на стуле, пристально разглядывая свои руки. От бессонных ночей глаза его превратились в отекающие щелки.

– Ты уверен, что твои коллеги оставят меня в покое?

– Не волнуйся, я взял тебя под свою ответственность. Они уже согласовали все документы, чтобы выпустить тебя, задержка произошла только из-за этой истории с нападением на жандарма.

Стефан поднял голову:

– Я сделал все, что мог, Вик. И вокруг нас ничего не изменилось. Я больше не знаю, где нахожусь. Все перепуталось, смешалось. Прошое, будущее... Я не знаю, где теперь реальность. Мне кажется, я спятил.

– В таком случае мы спятили оба.

– Все мои усилия оказались напрасны, и усилия всех *Стефанов-из-будущего* тоже. Мы бесконечно ходим по кругу. Может, послание и дошло до «Трех парок», но мне пришлось оттуда бежать в самый важный момент, когда я понял наконец, что *Стефан-из-прошлого* видит меня во сне. Портье пересдал номер другим постояльцам, и они точно набили бы мне морду, если бы там застали. Та же история случилась накануне, когда ко мне заявились жандармы и не дали побыть с моими посланиями. Черт возьми, ведь сны такие короткие. Если бы не эти кошмары, Мелинда бы не погибла. Мне надо было держаться от нее подальше. «Держаться подальше от Мелинды». Все, что происходит вокруг меня, оборачивается катастрофой.

Вик расхаживал взад-вперед перед большим листом белой бумаги, приклеенным к зеркалу без амальгамы. В руке у него был красный маркер.

– Для того мы с тобой сюда и пришли, чтобы точно передать все, что необходимо. Надо, чтобы это сработало. Мы пойдем оба.

– И ты, и я? Но в прошлом мы не были знакомы! Как ты думаешь это осуществить?

– Мы познакомились в тот самый вечер, когда была убита Кассандра Либерман, то есть в субботу, 5 мая, около 20:00, перед домом Эктора Арье. Ты помнишь?

– Помню.

– Учитывая, что сдвиг во времени у тебя равен шести дням и двадцати часам, то в данный момент в прошлом у нас суббота, 5 мая, около часу ночи. Надо постараться точно схватить тот момент, когда твой двойник в прошлом будет видеть сон. Ты помнишь, что делал в это время? В ночь с 4-го на 5-е мая?

Стефан обхватил голову руками:

– Не знаю, я ничего не знаю, у меня отшибло память. И так было с самого начала. Если бы я все вспомнил и если бы не сгорела моя записная книжка, все было бы гораздо проще.

– А ты сделай над собой усилие!

Стефан старался вспомнить последовательность событий. Ему потребовалось какое-то время, прежде чем он ответил:

– Я... я ездил в музей Дюпюитрена вместе с Сильвией сразу после полудня, потом... потом в «Три Парки». Думаю, это был вечер, потому что я видел сон уже в номере отеля. В шестом номере.

Вик кивнул:

– Точно, там мы и пересеклись, не видя друг друга. Ты уезжал с парковки, поругавшись с Грегори Маше, а я приехал, чтобы разыскать того типа, у которого, вероятно, гангрена. Дальше?

– Дальше я поехал к Джеки, моему другу-физику. Он мне рассказывал истории про каплю воды в Роне и про ленту Мёбиуса. Потом... потом я вернулся в «Три Парки», чтобы записать на стене послание к *Стефану-из-будущего*.

– Очень хорошо, значит ты уже знал, что видишь будущее, и в это поверил. Для нас с тобой это важно. А потом?

– Я велел сделать себе татуировку на бедре... Потом вернулся домой. Должно быть, часа в два ночи. Я уже плохо соображал. Мы поссорились с Сильвией, как у нас часто бывало. Она швырнула мне в лицо фотографию и уехала. И еще: она остригла волосы, как в одном из снов, и это меня доконало. Я очень много выпил тогда и потом ничего не помню. Должно быть, заснул.

Вик посмотрел на часы и что-то быстро подсчитал в уме:

– В два часа, говоришь? Это отлично. Значит, в прошлом ты заснул около четырех-пяти часов утра. Ты помнишь, что тебе снилось?

– Нет, к сожалению. Сон был какой-то тягучий и серый. Помню шум шагов, крики. Какую-то лестницу...

– Что еще? А еще что, мать твою!

– Нет, нет... ничего не приходит в голову. Я ведь высосал с полбутылки виски!

Вик шумно вздохнул:

– Ну, будем надеяться, что твой *Стефан-из-прошлого* столько не выпьет.

– Нет причин, чтобы что-то изменилось.

Вик выложил на стол тубик с таблетками и рядом поставил пластиковый стаканчик и бутылку с водой:

– Гуронзан. Прими сразу две таблетки, это тебе поможет проснуться.

– Послушай, я совсем отупел, глаза жжет, я почти не спал все последние дни.

Вик налил в стаканчик воды, положил туда две таблетки и протянул Стефану:

– Пей.

Стефан, поморщившись, выпил. Лейтенант, похоже, остался доволен и подошел к большому белому листу, приклеенному к зеркалу:

– Итак... Прежде всего не надо разбрасываться и загружать тебя

лишней информацией, иначе ты рискуешь потерять способность правильно расставлять приоритеты, что-нибудь начудишь и спровоцируешь беду. Надо постараться быть предельно ясным и собранным.

И Вик написал на листе:

Я Вик Маршалль, мы с тобой встретимся в субботу перед домом Эктора Арье. Сидя в машине, ты расскажешь мне о своих снах и скажешь, что я всегда знал о том, что Жоффруа прячет пипифакс в мой ящик, потому что там полно крошек от его сухариков. Что я начал пить весьма мерзкий коньяк. Что Селина беременна и что ребенок, может быть, будет страдать трисомией. А дальше ты мне скажешь вот что:

Прежде всего Селине не следует ходить на амниоцентез, потому что во время обследования ребенок погибнет.

Скотобойня мясокомбината в Сен-Дени. Убийца придет туда 5 мая в 22:00.

Это то, что касается меня. Теперь то, что касается тебя. Ни в коем случае не води Мелинду Граппе в карьер Хеннока. Это ее убьет. Самое простое – вообще позабыть об этой девочке.

Стефан потер щеку. Его обритая наголо голова поблескивала в неоновом свете.

– И мой Стефан-из-будущего, и все Стефаны-из-будущего уже пытались это сделать, и у них ничего не вышло.

– Нет! На этот раз должно сработать. Судьба контролирует тебя, все, что ты делаешь, что пишешь. Тебя, но не меня. Тут она и проколется.

Стефан секунду подумал.

– Мы с тобой встретимся перед домом Арье около 20:00, то есть в то самое время, когда Стефан-из-прошлого отправит тебе всю информацию. А если тебе не хватит времени добраться до скотобойни? Если ты мне неверишь?

– У меня будет время, – ответил Вик. – И я тебе конечно же поверю, потому что ты расскажешь о том, что знаю только я.

– А почему бы тебе не записать мне еще раньше свой номер телефона? Чтобы Стефан-из-прошлого позвонил тебе сразу, как проснется? И мы бы выиграли время!

– Нет, не годится. Мой мобильник все время разряжается, и ты рискуешь до меня не дозвониться. И потом, как ты себе представляешь выложить все это по телефону?

Стефан перечел послание и покачал головой:

– С самой нашей встречи тогда, в моей машине, я пытаюсь ничего не выяснять, все держать в полном секрете и в одиночку распутывать все это

скопище узлов.

Вик вскочил и схватил его за воротник:

– Нет! Ты мне все скажешь, слышишь? Ты должен сказать!

– Ты волен сейчас говорить все, что хочешь, но что я с этим буду делать?

Вик дернул себя за волосы:

– Получается какая-то совсем уж сумасшедшая история!

– Я когда-то побывал в шкуре *Стефана-из-прошлого*, и я сейчас снова испытываю то, что испытал он, столкнувшись с видениями. Страх, непонимание, ощущение, что сходишь с ума. Он ничего тебе не скажет в машине, даже тех чисто личных подробностей, которые ты записал. Потому что ты его подозреваешь и он чувствует, что попал в западню. Самым лучшим выходом было бы отправить на твой адрес анонимное письмо, это могло бы...

– У нас нет времени, и меня никогда нет дома! Надо поймать преступника на скотобойне, поймать любой ценой! Это должно сработать. С этой минуты постарайся расслабиться и подготовиться. Тебе надо собрать все свое внимание.

И он уселся, не двигаясь, приготовившись к долгому ожиданию.

Четыре часа спустя, уже около полуночи, Вик потряс головой, чтобы не заснуть. Стефана тоже клонило в сон, но он изо всех сил старался не закрывать глаз.

Еще чуть погодя они услышали, как на нижнем этаже кто-то резко начал передвигать стулья и зазвенело разбитое стекло. Потом раздались крики:

– Горим! Выходите все!

Полицейский в панике обернулся. За закрытыми ставнями уже полыхали красноватые отсветы. Из-под двери повалил дым.

– Дьявол! Не может быть! Пожар!

Он закашлялся и прикрыл нос рукавом:

– За мной!

Стефан остался сидеть:

– Нет, я остаюсь. Я все это видел во сне! Видел, как все заволокло чем-то серым! *Стефан-из-прошлого* начал видеть сон! Мы бежали по коридору и...

Вик вернулся к нему и схватил его за руки:

– Если останешься – погибнешь!

Он спихнул Стефана со стула и потащил к двери. В коридоре становилось все жарче и жарче. Они перепрыгнули через лежащие на полу

электрические кабели и, кашляя, помчались вниз по лестнице. Клубы серого дыма выедали глаза, не давая дышать. Им навстречу попадались еще люди, от которых в дыму были видны только черные форменные ботинки. У Стефана вдруг возникло острейшее ощущение дежавю. Он уже однажды видел во сне эти грубые ботинки! И дым, и огонь! *Стефан-из-прошлого*, несомненно, вот-вот увидит сон!

Он резко развернулся и собрался уже вбежать в допросную, но Вик схватил его за воротник:

– Ты что, спятил? Валим, черт тебя побери!

Стефан обернулся. Вокруг все горело, не было видно почти ничего.

– Несколько минут! – выкрикнул он. – Только еще несколько минут в допросной! Он должен знать! Ему надо объяснить!

– Через несколько минут будет уже поздно! Хочешь сгореть заживо? Времени больше нет! Пошли!

– Нет!

– Пошли!

Огромная вспышка пламени охватила дверь, стихия разбушевалась не на шутку. Стефан боролся с огнем и выскочил из огненного кольца.

– Видишь? – выкрикнул он. – Судьба делает все, чтобы помешать мне войти. Но на этот раз у нее не выйдет! Я скорее сдохну!

Он вбежал в допросную и, шатаясь, запер дверь на два оборота. Густой дым ел глаза, заползал в ноздри. Он ощупью добрался до зеркала, а в дверь тем временем отчаянно барабанил Вик. Уже ничего не было видно, ни предметов, ни надписей.

Вдохнув изрядную порцию двуокиси углерода, Стефан сплюнул, но все-таки успел предупредить:

– Жена... Виктора... пусть не ходит на амниоцентез... ин... иначе ребенок умрет... тебе она... совет... удержи ее... во что бы то... ни стало...

Голова кружилась, он согнулся, уже на грани обморока. Вокруг бушевало пламя. Но надо было бороться. Любой ценой. И только сейчас. Надо качнуть качели, побороться с судьбой. И он с трудом выговорил:

– Скотобойня... Сен-Дени... суббота, 5 мая, в... 22:00... Убей человека, который... пролезет в дыру... в ограде... Он убийца... Убей его!

Он не выдержал и упал на колени, схватившись одной рукой за грудь, а другую протянув к ручке двери. Последним усилием он попытался встать. Но не смог. Он чувствовал, что умирает. Судьба пыталась его уничтожить.

И тогда он вдруг услышал звон разбитого стекла, и чья-то сильная рука подняла его и потащила в самое пекло.

И когда Вик вытаскивал его, он уже знал, что все получилось. Что *Стефан-из-прошлого*, которому он сейчас снился, получил его послание.

Он переиграл свою судьбу. Переиграл эту гнусную наперсточницу.

Спустя несколько секунд, едва выбравшись наружу, Вик и Стефан одновременно потеряли сознание и тяжело упали на землю, словно на всем бегу на что-то натолкнулись.

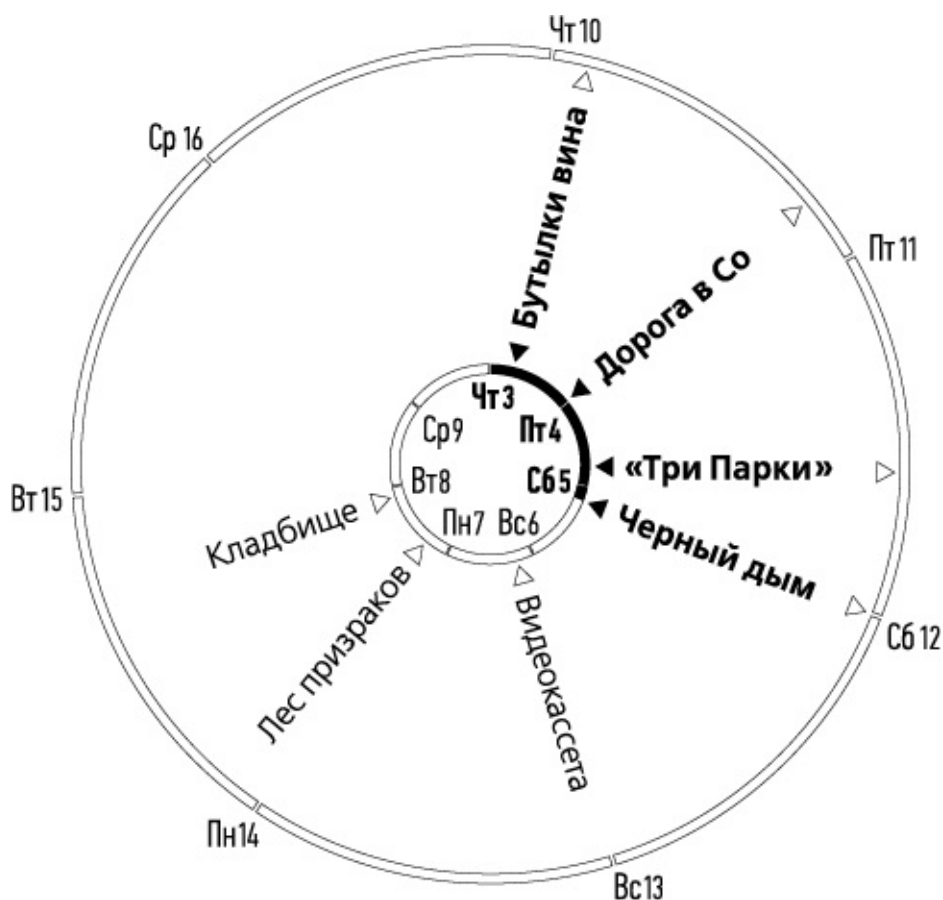
В больнице Вик рассказал о странном ощущении внезапного шока, но врачи объяснили это тем, что он надышался дымом и отравился угарным газом.

Однако анализ крови ничего такого не подтвердил.

68

Суббота, 5 мая, 04:12

За шесть дней и двадцать часов до...

Стефан проснулся, лежа калачиком на полу возле кровати. Накануне он ездил в «Три Парки», встречался с Джеки, своим другом-физиком, да к тому же вечером изрядно выпил. Голова болела, и где-то в глубине сознания стучали страшные слова: «Убийца. Убей его. Суббота, 5 мая. 22:00. Скотобойня. Сен-Дени».

Что означала вся эта тарабарщина? Стефан из его сна, находясь на грани агонии, говорил о каком-то Викторе. О его беременной жене. О том, чтобы она не ходила на амниоцентез. Это Виктор, наверное, был тем самым парнем, с которым он разговаривал по телефону в предыдущем кошмаре, в «Трех Парках». И Виктор упомянул какие-то непонятные числа:

46, 47. Кто он такой? Как его найти, если не известно ни имя, ни фамилия?

– Ну ты и идиот, *Стефан-из-будущего*! Чего ты там ползал на карачках в дыму?

Он встал, но не удержал равновесия и оперся рукой на кровать. В голове еще был туман после выпитого, и от предыдущего кошмара в памяти остались только какие-то обрывки, но слова, его собственные слова впечатались в мозг очень точно: «Убийца. Скотобойня. Убей его».

Убить? Кого? И зачем?

Перед ним на кровати лежала фотография Сильвии, сделанная поляроидом. Волосы у нее были коротко острижены. Стефан был один в просторной спальне. Он осмотрел свою сделанную накануне татуировку. «Расскажи мне о Мелинде. Мои послания написаны на стене номера 6 в гостинице „Три Парки“. Оставь там же свои». Он надел брюки, спустился в Страну Тьмы и сразу бросился к записной книжке, где было вырвано несколько страниц. Надо найти четвертый сон. Предыдущие три привели его в музей Дюпюитрена, затем в «Три Парки», и там он написал свое послание на синих обоях. Но на этот раз он увидел сам себя в агонии, в дыму, когда он уже почти не мог ни говорить, ни дышать. Где же это могло быть? Очевидно, в этом сне он написал какие-то важные фразы на большом листе бумаги. Но прочесть их было невозможно из-за густого дыма. Несомненно, это было послание *Стефана-из-будущего*, адресованное ему.

Но что же произошло? И как этот дурак *Стефан-избудущего* оказался в такой ситуации?

Стефан проклинал парня из собственных снов. Если бы только *Стефан-из-будущего* догадался дать ясную и понятную информацию!

Удивленный и потрясенный, он прочитал все, что было написано. «Убийца». Что за убийца? Кого он убил? Тех двух девушек, чьи изображения были на пленке с дефектом? И при чем тут скотобойня?

Он посмотрел на часы. Почти 5:00 утра, суббота. Все это требует выяснения. Надо понять смысл чертовых снов, понять, как случилось, что через шесть дней он будет умирать в горящей комнате и бормотать все эти несуразности.

Но сначала надо попытаться разыскать малышку Мелинду. Поехать в Мери-сюр-Уаз, объехать все школы и понять, какую роль она играет в этой невероятной интриге.

А потом, уже вечером, отправляться в Сен-Дени на встречу с загадочным «убийцей». И там надо быть перед 22:00.

Что делать, он будет решать на месте, на этой чертовой скотобойне. Но убивать кого-то он не готов.

По дороге в Мери он получил звонок от кинопродюсера Эверара – тот спрашивался, как обстоят дела с муляжом. Стефан его заверил, что муляж будет готов к понедельнику, то есть через два дня. И попросил дать ему телефон Эктора Арье, который тут же и занес к себе в аппарат.

Затем, выяснив, что жандарм Лафарг действительно существует, и встретившись с неприветливой директрисой, он разбил окно и проник в помещение начальной школы. Несколько листков из записной книжки улетели, а экран мобильного разбился, когда он неудачно перелезал через забор. Но ему удалось выяснить, что Мелинда – это Мелинда Граппе, девочка десяти лет. У нее зеленые глаза, один зуб выпал и крестик на шее. Он сразу понял, что это именно она, та самая девочка из снов.

Он дожидался ее возле табачного киоска, но поговорить с ней не смог: помешали ее родители. Завтра воскресенье, – наверное, она пойдет к мессе, и он отвезет ее в карьер Хеннока, напугает и убедит ни в коем случае больше туда не ходить.

Около 19:00 он припарковался возле дома Эктора Арье, поскольку был убежден, что тот как-то связан с Мелиндой. Главный художник-декоратор действительно ставил декорацию в Хенноке в 1988 году, для фильма «Тайны пропасти». Они выпили виски в кабинете Арье, разговор быстро перешел в ссору, и Стефан открыто обвинил Арье в том, что тот украдкой следит за малышкой.

В 20:00, когда он уже вышел от Арье и спешил в Сен-Дени, к нему в машину сел полицейский, некто Виктор Маршаль, вооруженный «зиг-зауэром». Он явился, чтобы допросить Стефана и выяснить, что тот делал в музее Дюпюитрена и в «Трех Парках».

Это наверняка был тот самый Виктор из его снов.

Пока они разговаривали с полицейским, Стефан все время поглядывал на часы. Сен-Дени, Сен-Дени, сказал *Стефан-из-будущего*, надо туда поехать и убить.

Оба отнеслись друг к другу очень недоверчиво. Стефан признал, что его интересуют все места, связанные с природными уродствами людей, и заявил, что в «Трех Парках» оказался по чистой случайности. Лейтенант ничего ему не сказал об убийствах. И Стефан ничего не рассказал о своих снах. Он слишком боялся, что его заподозрят в том, чего он не совершал, и еще, не дай бог, арестуют. Кто же скажет лейтенанту криминальной полиции, что некий воображаемый персонаж отдал приказ убить человека?

Но все же он упомянул несколько эпизодов из прошлого, так, разные случаи, но быстро понял, что полицейский принял его за психа, и больше ничего говорить не следует, чтобы не нарваться на неприятности.

Однако, когда полицейский уже пересел в свою машину, Стефан его спросил, о чем ему говорят числа сорок шесть и сорок семь. Но лейтенант, похоже, в этом вопросе не разбирался.

Стефан долго колебался, говорить ему или нет про скотобойню, про то место, где, вероятнее всего, можно встретить убийцу. Но потом решил пока помалкивать.

Он сам во всем разберется.

* * *

Когда Стефан подошел к приземистым строениям из черной жести и бетона, последние отблески закатного солнца таяли за высаженными в ряд деревьями.

Он снова нахлобучил бейсболку на длинные волосы, огляделся по сторонам и проскользнул в дыру в заборе, в ту самую, что видел во сне. Стараясь не пораниться об острые колючки ограды, перемешанные со строительным мусором, он забежал за какую-то вагонетку и спрятался там.

С этой точки ему были видны разные участки территории: разгрузочные бункеры, зона мойки, котельная, огромные шланги для слива отработанной воды... В засаде он просидел довольно долго, не двигаясь с места, сжимая в руке нож. В голове у него все звучало слово «убийца», произнесенное *Стефаном-из-будущего*.

Небо затянули тяжелые облака, ветер понемногу усиливался, свистел в трубах и нагромождениях металла.

Вдруг он заметил тень, которая обогнула кучу строительного мусора и пролезла в дыру в ограде. Он сильнее стиснул нож. Силуэт сразу свернул вправо, к отстойнику, накрытому пластиковым тентом. Незнакомый огляделся по сторонам и исчез под черным пластиком.

Стефан в панике вскочил. Значит, информация, переданная *Стефаном-из-будущего* во сне, была точной. Незнакомый действительно проник на территорию скотобойни через дыру в ограде, и произошло это около 22:00.

«Он убийца. Убей его», – произнес в агонии *Стефаниз-будущего*.

Стефан подошел к тенту и осторожно приподнял его. В глубине отстойника в землю уходил туннель. Запах стоял невыносимый.

Начался дождь. По черному пластику застучали тяжелые капли.

Стиснув зубы, Стефан ухватился за привинченную к стене лестницу и бесшумно спустился. Кроссовки сразу увязли в вонючей жиже. Теперь он оказался в полной темноте. Единственным источником света был тусклый луч фонарика незнакомца. Стефан прижался к стене и замер.

Неизвестный был метрах в десяти от него. Его изувеченное лицо набухло подушками отеков, а губы свисали, как кисты. Тень наклонялась, вырезая, выдирая куски гнилого мяса, зачерпывая жижу и раскладывая все это по герметичным банкам.

Стефан держался с трудом. У него было такое чувство, что сейчас его вывернет наизнанку. Мимо с писком пробежала крыса.

Силуэт застыл, выпрямился, быстро закинул за плечи рюкзак и направил луч фонарика в сторону крысы. В этот момент время, казалось, остановилось. Стефан был убежден, что незнакомец слышит удары его сердца. Он еще теснее прижался к стене и перестал дышать. И тут вдруг луч света попал прямо на его лицо.

В один миг незнакомец прыгнул вправо и исчез в темноте.

Не раздумывая, с ножом в руке, Стефан помчался по вязкой жиже из внутренностей, нервов и крови. Он тоже прыгнул вправо, но слишком поздно понял, что там тупик. Последнее, что он успел увидеть, был незнакомец, который из всех сил швырнул его о стену. Боль была оглушительная.

Придя в себя, Стефан поднялся на ноги, но шаги уже чавкали по жиже далеко позади. С трудом он дотащился до лестницы, собрал все свое мужество, чтобы подняться, и побрел к ограде. Дождь лил как из ведра, и в сплошных струях невозможно было ничего разглядеть.

Когда он, еле дыша, весь провоняв дохлятиной, доковылял до улицы, там уже никого не было.

Злодей исчез.

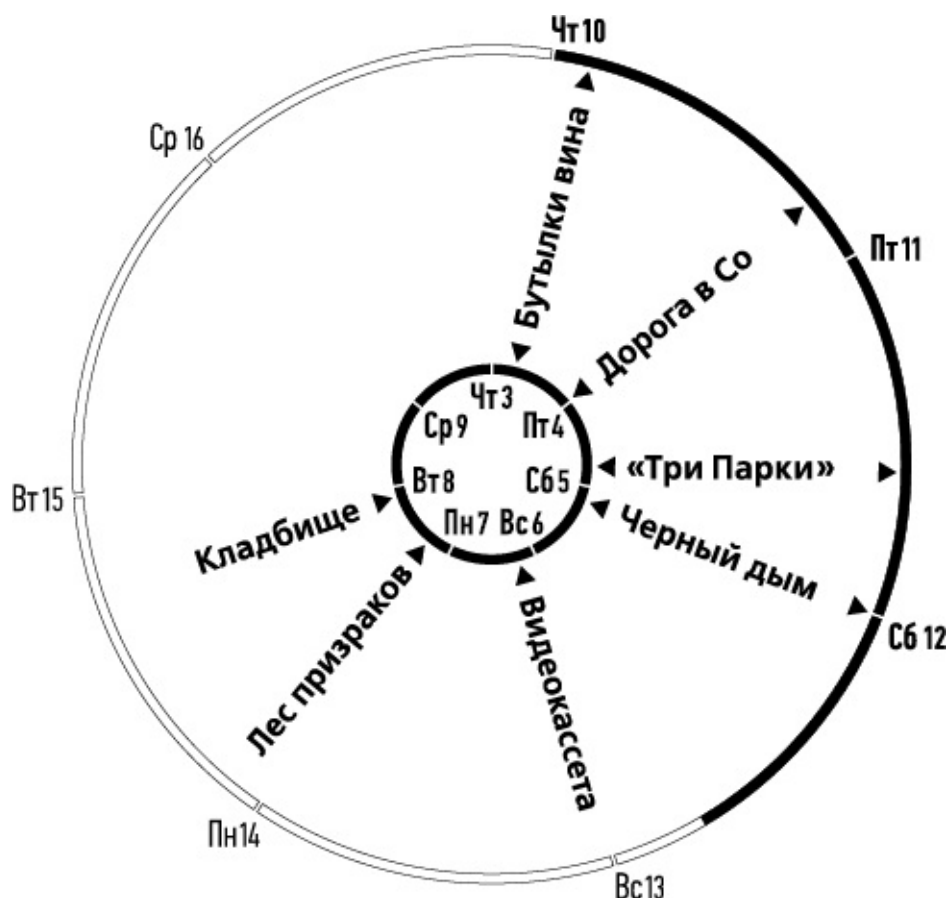
Стефан провалил эту встречу, не использовал шанс изменить судьбу.

Он потерпел поражение.

69

Суббота, 12 мая, 18:45

Спустя шесть дней и двадцать часов

Сидя в «пежо», Вик и Стефан вглядывались в суровые очертания здания Института судебной медицины на набережной Рапе. Они только что выписались из больницы после обследования, которое не выявило ничего серьезного. Оба точно помнили, что обо что-то сильно «ударились», выбравшись из горящего помещения полицейской бригады, потеряли сознание, а потом очнулись уже в какой-то незнакомой комнате. Медики все это объяснили отравлением продуктами горения.

Стефан снова взглянул на часы. В прошлом, за шесть дней и двадцать часов до настоящего момента, убийца уже вошел на территорию скотобойни.

Наступил час, когда *Стефан-из-прошлого*, если он решился и сделал все как надо, уже уничтожил убийцу своей жены. И тем самым изменил ход событий.

– Хочется верить, что все сработало. Когда загорелось помещение бригады, я понял, что судьба разгневалась. И увидел, что она пытается помешать мне идти к цели до конца. Но я дошел, в отличие от моего *Стефана-из-будущего*.

Вик протяжно вздохнул:

– Ты уверен, что хочешь туда пойти вместе со мной? Я могу и один.

Стефан сжал губы и упрямо помотал головой:

– Я хочу увидеть сам.

Они вышли из машины Вика и пошли к зданию. Оба были одновременно возбуждены и напуганы. На улице дул легкий ветерок. Стефан расстегнул пальто.

Лейтенант предъявил служебное удостоверение и повел Стефана в подвал Института судебной медицины, где хранились тела жертв. Они вошли в просторное помещение, освещенное неоновыми лампами. На стенах виднелись ряды узких металлических дверей.

Вик подошел к служителю морга и попросил открыть ячейку № 88, где, судя по отчету вскрытия, покоилось тело Сильвии Кисмет.

Стефан подошел, крепко стиснув руки. Сердце у него сжалось. Странно, но в этот момент он подумал о коте Шрёдингера. Не открыв камеру, никто не мог знать заранее, жив или мертв находящийся в ней кот. Вот и Сильвия могла оказаться мертвой, а могла и живой.

Пока служитель выдвигал ячейку, Стефан закрыл глаза и принялся что-то быстро шептать, словно молился.

Он надеялся на чудо. Но оказался перед лицом жестокой реальности.

На пластине из нержавеющей стали лежал черный пластиковый мешок. В нем ясно угадывалось человеческое тело. Вик печально взглянул на Стефана и стал медленно расстегивать молнию на мешке.

Стефан почувствовал, что желудок его выворачивается наизнанку, и выбежал из морга.

Вик остался стоять неподвижно, опустошенный и обессиленный. Он ведь тоже надеялся. Надеялся, что Сильвия все-таки жива, это само собой. Но и Селина, и их ребенок... Он чувствовал себя полным идиотом. Ну как можно надеяться, что зародыш, который вытащили из материнской утробы, сможет снова там оказаться? И каким, интересно, образом женщина, чье тело уже стало разлагаться, сможет выйти из этого страшного черного мешка?

Он покорно застегнул молнию на мешке и попросил потухшим голосом:

– А теперь сто четвертый, пожалуйста.

Это было бессмысленно, но он хотел увидеть собственными глазами.

И тут тоже никаких чудес. Он сразу узнал изуродованное лицо Кассандры Либерман.

Выйдя во двор института, Вик закурил. И вспомнил, как всего каких-нибудь несколько дней назад вошел сюда в первый раз, полный решимости, с тайным желанием стать безупречным полицейским, которым все будут гордиться. На сегодняшний день он не стал ничем. Он подошел к автомобилю и увидел Стефана, который стоял, опершись на капот, и плакал. Еще бы, ведь он так верил, что чудо все-таки произойдет. Для него сегодня жена умерла во второй раз.

Вдруг Стефан сорвался с места и побежал ему навстречу, тыча куда-то указательным пальцем. Палец указывал на камеру слежения Института судебной медицины.

– Кассета! – крикнул он. – Кассета с камеры слежения напротив скотобойни еще у тебя?

– Она у меня в багажнике, в сумке. А зачем она тебе?

– Надо поехать ко мне и еще раз ее просмотреть.

Вик вздохнул:

– Вот уже почти сутки, Стефан, почти двадцать четыре часа, как мы находимся в состоянии какого-то коллективного безумия. Я хочу, чтобы это прекратилось.

– Эта кассета позволит нам увидеть, действительно ли *Стефан-из-прошлого* получил послание. А может, и позволит понять, почему у него ничего не получилось.

Вик постоял в нерешительности, потом кивнул в сторону автомобиля:

– Возьми, если хочешь, я тебе не нужен, чтобы ее просмотреть. А я поеду домой.

Полицейский открыл багажник и нахмурился:

– Это еще что за новости?

– Что там? – спросил Стефан.

– Ни сумки, ни кассеты. Но я ведь вчера их туда положил! Я уже совсем было хотел отдать ее майору, но, поскольку он меня отстранил от следствия, я испугался огрести неприятности и не отдал. Я точно помню, что положил сумку в багажник.

Стефан скептически поскреб подбородок:

– Ты, наверное, плохо закрыл багажник. И сумку вытащили, может,

пока мы были в больнице. В любом случае сумка тю-тю. И это скверно!

Стефан принялся нервно расхаживать возле машины. И вдруг щелкнул пальцами:

– Ты, конечно, разозлишься на меня насмерть. Но придется съездить в Сен-Дени, и ты попросишь другую копию. А потом – что есть духу – в Ламорлэ.

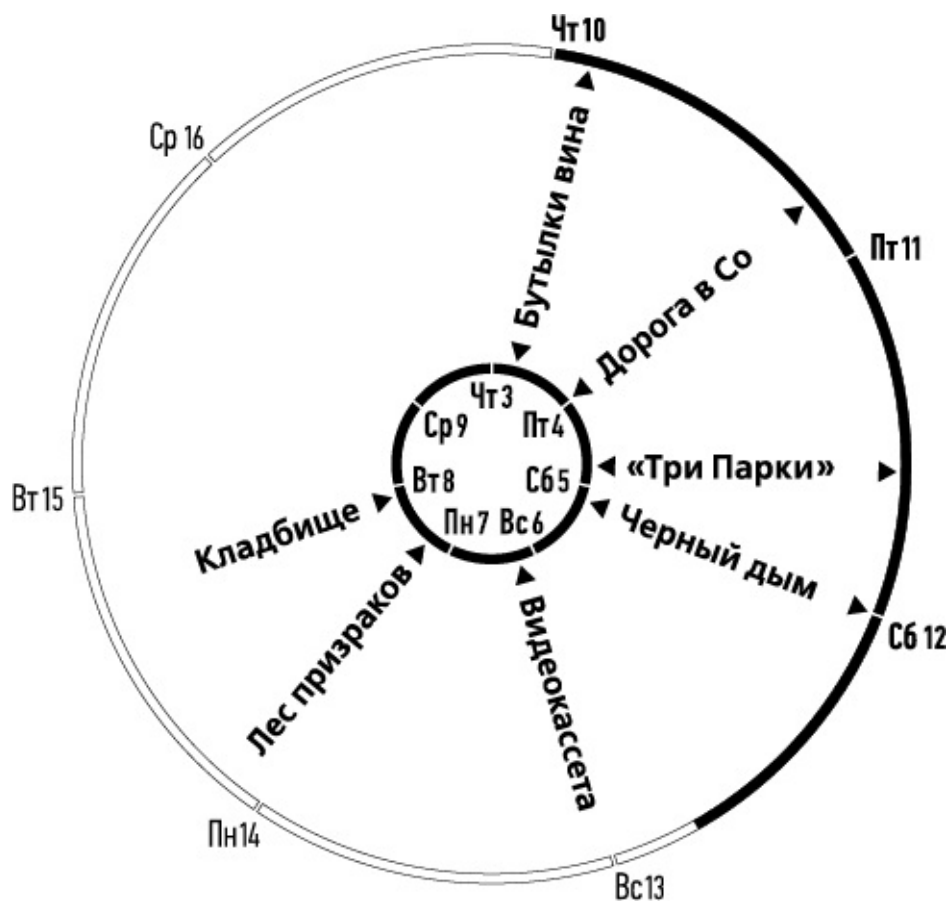
Взгляд у Вика помрачнел.

– Ты что, издеваешься?

– Прошу тебя, ну сделай это ради меня. Клянусь, я больше ни о чем не буду просить. Эту кассету надо просмотреть, и как можно скорее. Сейчас она – наш глаз, глядящий в прошлое. На *Стефана-из-прошлого...*

70

Суббота, 12 мая, 19:00

В дверь крошечной клетушки, не более шести квадратных метров, служившей одновременно и фотолабораторией, и видеомонтажной, постучали.

– Можно войти? – спросил женский голос.

Мужчина снял аудиошлем и резко обернулся. Лоб его сразу покрылся каплями пота.

– Закрыто, я собираюсь уходить. Две минуты, ладно? Снимки еще проявляются.

Он поспешно извлек из монтажного блока диск, убрал его в металлический контейнер и запер на ключ. Потом собрал три отснятые восьмимиллиметровые пленки, рентгеновские снимки, медицинские документы и все это сложил в ящик стола. Позади него висели

пришпиленные прищепками к веревке черно-белые фотографии с изображениями пейзажей и животных. Вот только они давно уже высохли.

Мужчина вытер лоб краем футболки и подошел к двери.

– Ты погасила свет?

– Да, все в порядке.

Он отодвинул засов, вышел и закрыл за собой дверь. Затем подошел к выключателю и зажег свет, который озарил просторное помещение с очень высоким потолком, похожее на старинную мастерскую с полным комплектом инструментов для любой работы. Оборудование для пайки и сварки, различные пилы, топоры, всякие железяки. Окон в комнате не было, только лестница на верхний этаж.

Он повернулся к жене:

– Я тебе уже сколько раз повторял, чтобы ты меня здесь не тревожила.

Она протянула ему набор антисептиков:

– Вот, возьми, я принесла.

Он даже не поблагодарил. Спустил брюки военного покроя, снял компресс и осмотрел длинный порез на левом бедре. Несмотря на четыре аккуратно наложенных шва, верхняя часть раны немного нагноилась. Он тщательно промыл рану и наложил на нее салфетку, пропитанную бетадином.

– Тебе бы надо сходить в больницу, – с упреком сказала жена. – Ты ведь не врач. И через неделю все бы отлично зажило.

– Знаешь, я видал раны и похуже.

Он наложил новую повязку с препаратами, которые жена принесла в маленькой кожаной сумочке, висевшей на поясе.

– Ты получила новые наборы для наложения швов?

– Пока нет.

Женщина нервно расхаживала по комнате, и вид у нее был озабоченный.

– Я беспокоюсь, – сказала она. – Ты раз за разом то порежешься, то оцарапаешься, и раны становятся все опаснее. Сегодняшний порез мог тебя просто убить.

– На то и существуют операционные наборы.

– Но ты только представь себе, что...

– И нечего представлять. А теперь уходи, мне надо поработать с фотографиями.

Жена хотела к нему подойти, но он вытянул вперед раскрытую ладонь:

– Я сказал, иди и не мешай.

Она не стала настаивать. Его сейчас лучше не трогать.

Как только она ушла, он снова закрылся в лаборатории. На снимки, развешанные на веревочках, он даже не взглянул. Его дура-жена даже не заметила, что они висят там давным-давно.

Нет, его больше всего интересовал диск. Он снова вытащил его из контейнера и вставил в гнездо.

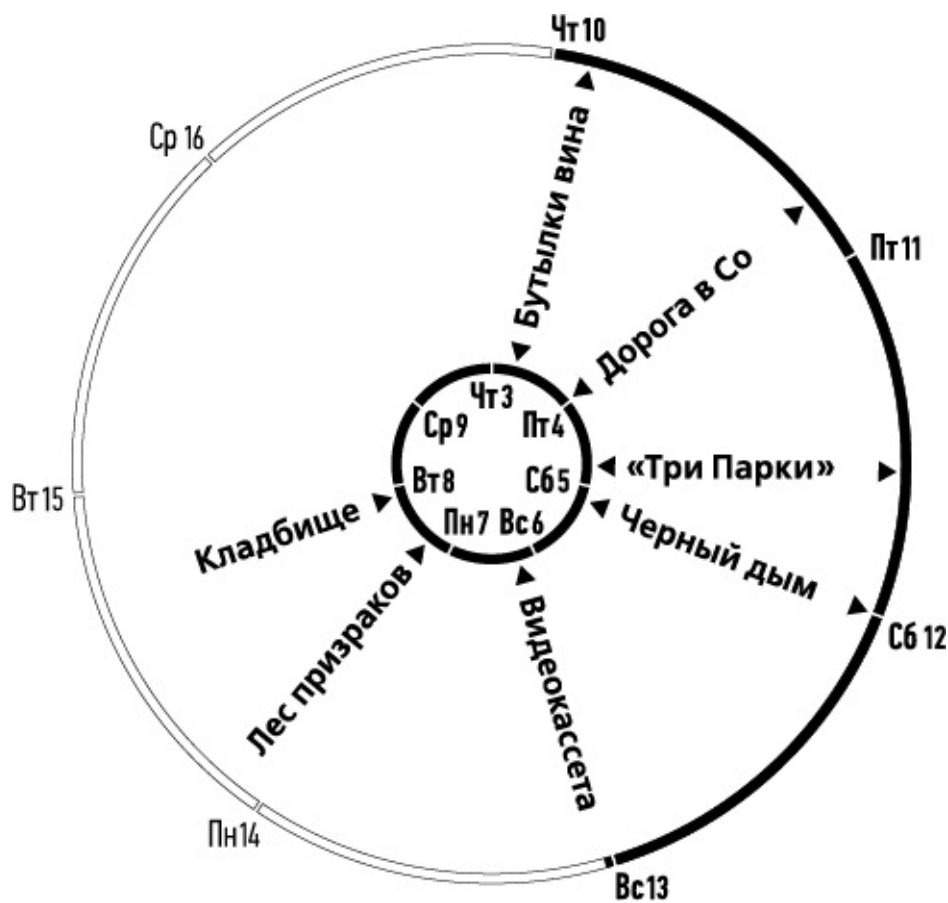
Потом надел шлем, прибавил звук и стал смотреть уже смонтированный фильм.

Язык пробежал по губам.

Фильм получился отменный.

71

Воскресенье, 13 мая, 00:10

Было уже около полуночи, когда Вик и Стефан вошли в дом в Ламорлэ, имея при себе копию с кассеты видеонаблюдения. Вик не понимал, как Стефан Кисмет до сих пор может жить в доме, где была жестоко убита его жена. Похоже, он успел запастись алкоголем. Холодильник был забит бутылками с пивом, а на кухонном столе стояли четыре бутылки виски, причем одна уже пустая.

Стефан открыл две бутылки пива и одну протянул Вику, который стоял рядом, с видеокассетой в руке.

– Чем больше я думаю о наших изысканиях, тем чаще говорю себе, что в них нет никакого смысла, – сказал полицейский. – Мертвых не вернешь. Точно так же, как не изменишь то, что уже однажды было записано на этой кассете.

Стефан с поразительной скоростью осушил бутылку пива и открыл еще одну.

– А вот это мы сейчас посмотрим. Проходи.

Войдя в гостиную, Вик снял куртку и уселся на диван. Он закурил сигарету и выдохнул дым через нос. Стефан не сдавался, ему все еще хотелось верить. Он вставил кассету в видеомаягнитофон и перемотал пленку, прежде чем нажать кнопку «Play». По телеэкрану побежали изображения со стабилизатора. Стефан чуть ускорил перемотку вперед, пока внизу не появилась надпись 21:55. Ровно в 22:00 они увидели убийцу, пролезавшего в дыру в ограде завода. Он сразу же исчез из кадра.

– Я эту запись уже выучил наизусть. Никаких изменений, – сказал Вик, вставая с места. – Еще через несколько минут начнется ливень, а потом наш парень выйдет с территории и исчезнет. И все шито-крыто.

Он взял еще одну бутылку пива и осушил ее наполовину.

– Видишь? Действительно никаких изменений. То, что уже произошло, изменить невозможно.

Он сделал еще одну длинную затяжку, а потом с явным отвращением загасил сигарету в крышке от бутылки.

– Хочу вернуться в Авиньон. Похожу год-другой на лекции по психологии, а потом стану работать в кабинете брата Селины. Брошу пить, курить и вообще перестану себя убивать. Я... я не могу больше служить в полиции после того, что произошло с Сирьелем, после всего, что я скрыл... Не говоря уже о жуткой боли, которая укорачивает мне жизнь всякий раз, как я берусь правой рукой за оружие. Из этого города надо уезжать. Надо подороже продать квартиру и купить маленький домик на юге. А с теми деньгами, что останутся, мы авось продержимся до лучших времен.

Стефан не ответил, но по его глазам было видно, что он понял. Вик допил пиво и кивнул на телеэкран:

– Сейчас он снова появится.

Когда внизу экрана появились цифры 22:10, в дыру в ограде снова пролез человек, только теперь в обратную сторону. По дороге он оглянулся назад, и было видно, что он запыхался. Возле самой ограды он не заметил кусок металлической арматуры, торчавший из куска бетона, и тяжело плюхнулся на землю, зацепившись за него. Он исчез из кадра, и было непонятно, встал он на ноги или нет.

Вик, нахмурившись, наклонился вперед:

– погоди! А ведь этого не было на той пленке, что я смотрел в первый раз! Ну-ка, отмотай назад!

Но Стефан не сводил с экрана глаз, потому что как раз в этот миг в

кадре появился его двойник из прошлого, хотя узнать в нем Стефана было нелегко из-за бейсболки и из-за того, что он не смотрел в камеру. Он тоже пролез в дыру и зашагал, держась руками за ребра, а потом исчез из кадра.

Стефан вскочил:

– Сработало! Он пошел-таки на эту чертову скотобойню! Хоть он и упустил убийцу, послание он понял! Он знает, что все было правильно!

Потрясенный, Вик тоже вскочил, а Стефан открыл еще бутылку и высоко поднял ее:

– Отлично сработано, парень! У тебя получилось! Твое здоровье!

Он смотрел на Вика, и в глазах его светилась надежда.

– Ведь что-то все-таки изменить удалось!

Лейтенант застыл от изумления.

– Может, и удалось, – проговорил он, взволнованный тем, что только что увидел. – Но убийства-то произошли. И с этим нам придется смириться раз и навсегда. Кто умер, тот умер. И для тебя, и для меня. Я передам кассету майору, – может быть, она поможет им распутать дело. Если убийца поранился, он наверняка оставил следы крови, а значит, можно будет сделать анализ ДНК. Но перед этим я должен кое-что выяснить...

Он взял пульт и отмотал кассету назад. На отметке 21:32 появился человек в каскетке и пролез в дыру в ограде.

– Тебя никто не узнает ни когда тыходишь, ни когда выходишь. Так что мои коллеги тебя не потревожат.

Энтузиазм Стефана поубавился. Вик был прав: часть послания, несомненно, дошла до адресата, но в конечном счете ничего не изменилось.

– Я поехал, – сказал полицейский, вынимая кассету из видеоманитфона. – У меня еще впереди дорога, я падаю от усталости, а в башку мне словно железный прут вбили. Мне надо поспать.

– Ты можешь переночевать здесь...

– Нет, спасибо, я, пожалуй, поеду домой.

Когда Вик натягивал куртку, Стефан сказал:

– Похороны Сильвии в понедельник. Я знаю, ты с ней не был знаком, но...

– Я приду.

* * *

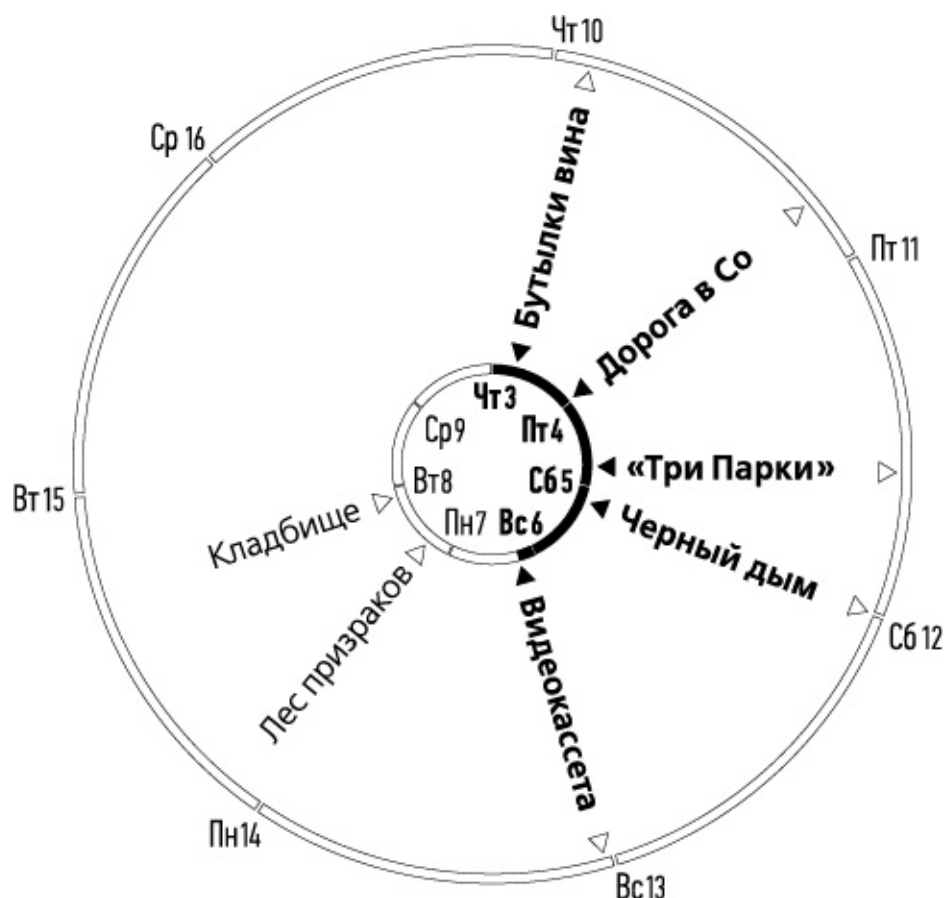
Приехав домой, Вик налил себе коньяка, чтобы заснуть без Селины. Ему ужасно ее не хватало.

Он не заметил, что по сравнению с прошлым разом коньяка в бутылке таинственным образом стало больше.

72

Воскресенье, 6 мая, 05:32

За шесть дней и двадцать часов до...

Сон был удивительный. Просто невероятный. Стефан увидел *Стефана-из-будущего*, который сидел на диване в гостиной рядом с Виком Маршалем. Они потягивали пиво из бутылок и собирались смотреть видеокассету с той камеры, что стояла напротив скотобойни! И на этой кассете он сам гнался за каким-то типом с чудовищным лицом!

Похоже, ему приснилась вчерашняя поездка. И на пленке тот, за кем он гнался, напоролся на стальную арматуру. Стефан ничего не заметил: шел сильный дождь, вода заливала ему глаза и отчаянно болели отбитые ребра. Но тогда на этой арматуре должны были остаться улики. Он быстро побежал к «форду» и умчался на всех парах.

Оставив машину в пустынной промзоне, Стефан перешел через дорогу и увидел обломок стального прута, который торчал возле ограды. Заметив камеру слежения, он повернулся к ней спиной и, прежде чем подойти к ограде, нахлобучил на голову бейсболку. На арматурине болтался кусочек окровавленной ткани. Может, он пригодится полиции как улика? Но каким образом его передать? Как дать им понять, что это обрывок окровавленной штанины убийцы? И тут ему в голову пришла мысль: надо отправить анонимное письмо этому парню из полиции, Вику Маршалю, и назвать точное место преступления. Он вернулся к автомобилю, взял свой цифровой фотоаппарат и сфотографировал это место.

Попытка найти следы крови на земле ни к чему не привела: прошедший накануне ливень все смыл.

Потом, уже сидя в машине, он все лучше и лучше понимал, что произошло. *Стефан-из-будущего* попросил его отправиться на скотобойню и перехватить преступника, и возможно, что он просмотрит потом на кассете запись, сделанную 5 мая около 22:00, чтобы все увидеть напрямую. Хитроумный способ проникнуть сквозь время и наблюдать за прошлым.

Стефан представил себе, как будет разочарован *Стефан-из-будущего*, сидя перед экраном. Ведь даже располагая фотографиями для полиции, он все равно не смог устранить убийцу. Но уж в другом деле он не промахнется. Сегодня вечером он поедет к жене этого полицейского и сделает все, чтобы она не ходила завтра на обследование. Если будет надо, применит силу.

Он вернулся домой около 7:00 и сразу принялся лепить муляж с лица убийцы, как оно осталось в памяти.

Позже он съездил в Мери-сюр-Уаз, перехватил малышку Мелинду, когда она шла к мессе, отвез ее в карьер Хеннока и так напугал, что она теперь наверняка никуда не пойдет с незнакомым человеком. Хотя он и должен был «держаться подальше от Мелинды», он не мог позволить, чтобы что-то пошло совсем плохо.

Дальше, уже после полудня, он опустил письмо на имя Вика Маршала в почтовый ящик, висевший возле караульного помещения полицейской бригады. В твердый конверт он вложил снимок кусочка окровавленной ткани и несколько слов, набранных на компьютере: «Убийца, которого вы ищете, поранился металлическим прутком на территории скотобойни в Сен-Дени. В конверте вы найдете фотографию оторванного лоскута от его брюк. На скотобойню он проник, чтобы взять очередную порцию протухшего мяса. Доказательство того, что я не вру, вы найдете на кассете видеонаблюдения».

Теперь надо было заняться историей с амниоцентезом. Надо было убедить жену Маршалья, что, если она решится на это обследование, ее ребенок погибнет.

Приехав к ней, он узнал, что Маршаль уехал в Лион и она в доме одна. Это облегчало задачу, но встреча все равно прошла из рук вон плохо. Он вышел из дома Маршaley разочарованный и взбешенный. Она уверяла, что ни за что не пойдет на обследование, но он знал, что она врет. Опершись рукой на дверцу машины и глядя на окна четвертого этажа, он задумался, что же делать. Разве мог он сейчас спокойно уехать домой и позволить, чтобы малыш погиб? Он и так позорно прокололся на скотобойне, дав убийце уйти, а потому не разрешит себе промахнуться снова. *Стефан-избудущего* был предельно ясен: надо любой ценой помешать жене Маршалья пройти это обследование.

Когда он садился в машину, у него в голове постоянно вертелось одно имя. Его несколько минут назад произнесла Селина Маршаль: Сенешаль, так звали ее гинеколога.

Доктор Сенешаль.

Стефан снова нахлобучил каскетку, завязав волосы узлом и заправив их под пуловер.

Тридцать пять минут спустя он припарковал машину на маленькой улочке, прошагал по ней метров пятьсот, стараясь не задевать стены, и постучал в дверь красивого и добротного дома на юге Исси-ле-Мулино.

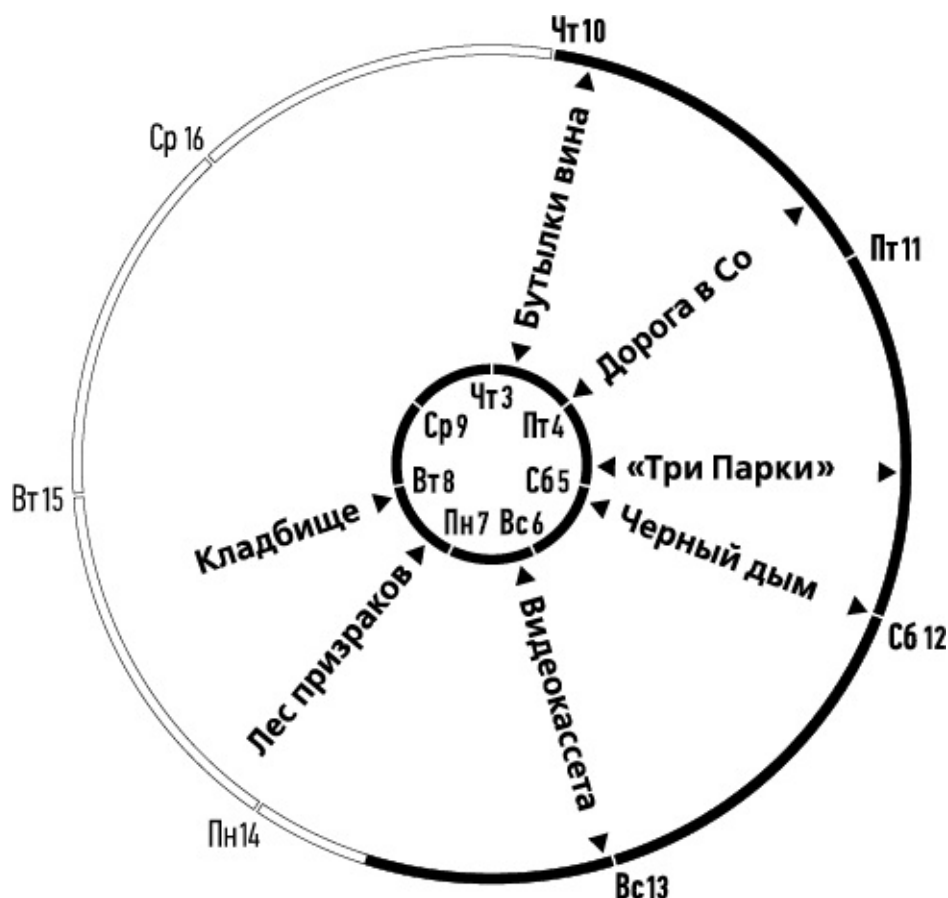
Челюсти его были стиснуты крепко, как никогда.

В руке он сжимал тяжелую палку.

73

Воскресенье, 13 мая, 15:32

Спустя шесть дней и двадцать часов...

Зазвонил мобильный телефон, и Вик посмотрел на радиобудильник: который час? Было 15:32. Вчера крепкий сон буквально свалил его, и теперь ему потребовалось время, чтобы вернуться к действительности. На дворе стоял ясный воскресный день, сквозь шторы пробивалось солнце, по улице прогуливались люди. Жизнь продолжалась.

Он в панике выскочил на кухню, где накануне поставил мобильник на зарядку, моля Бога, чтобы это оказалась Селина и чтобы она сказала, что возвращается.

Но это была не Селина, это был Мортье.

– Маршаль, а можно узнать, чем ты занят?

Вик провел рукой по взлохмаченным волосам.

– Господин майор? Что случилось?

– Матадор – тебе это имя о чем-нибудь говорит? Сегодня к вечеру предстоит работа, и я тебе звоню, чтобы напомнить. Новый адрес знаешь, нет? Если прежнее отделение в Бессьер сгорело, это не значит, что все отменяется. Так что шевелись!

Он быстро отсоединился, как всегда. Воскресенье, о господи!

Вику уже до смерти надоело, что с ним обращаются как с пешкой. То его отстраняют от расследования, то он вдруг оказывается очень нужен. Ну ничего, сегодня все это кончится.

* * *

Четырехэтажное здание Центрального полицейского управления сгорело. Теперь оно походило на обуглившийся металлический остов. Во дворе за караульным помещением Вик увидел несколько автомобилей своей бригады и ребят из научного отдела, наверное из пожарно-взрывной службы. Они явно пытались выяснить причину возгорания. На первый взгляд огонь возник на третьем этаже, ночью, и все, к счастью, обошлось без жертв. По последним сведениям, подозревали неисправность электропроводки.

Следуя указаниям GPS-навигатора, Вик выехал на улицу Рима, потом свернул на улицу Лежандр и чуть дальше снова повернул. Въезжая в просторный, мощный плиткой двор, где полицейский в форме попросил предъявить документы, Вик сразу увидел приземистую фигуру Мортье, прислонившегося к стене из белого камня. Здание с остроконечной башенкой и слуховыми окошками по краю черной шиферной крыши очень напоминало уменьшенную копию знаменитого Центрального управления уголовной полиции на набережной Орфевр, 36. Неделю назад Вик был бы чрезвычайно горд сюда войти, но только не сегодня.

Он подошел к майору и протянул ему видеокассету, которую держал в руке.

– Вам было бы хорошо на это взглянуть, – с горечью бросил он, не поздоровавшись со старшим по званию.

Мортье смерил его холодным взглядом:

– А что это такое?

– Это имеет отношение к тем кускам тухлятины, которые обнаружили в доме Стефана Кисмета. Когда вы отстранили меня от расследования, я

доложил вам, что их, возможно, принесли со скотобойни, и я не ошибся. Здесь доказательства.

Он отступил назад, держа руки в карманах. Мортье как-то странно на него уставился. Прежде чем заговорить, Вик облизал пересохшие губы. Слова, которые он собрался произнести, были, может быть, самыми трудными за всю его жизнь.

– Я подаю в отставку.

Мортье застыл на месте. В его глазах вместо торжества воина, который наконец-то может избавиться от давно надоевшего врага, Вик прочел непонятное удивление.

– Что за чушь ты несешь, Маршалль? Эта твоя кассета – шутка или издевательство?

– Никак нет.

Мортье погладил себя по лысому черепу.

– Хуже всего то, что ты говоришь вполне серьезно. Разве ты не в курсе, что у нас уже с неделю имеется копия этой кассеты?

В последние дни Вик привык постоянно осмысливать что-то невероятное, но это было уже слишком. У него перед глазами возникла какая-то черная пелена, и, если бы Мортье его не поддержал, он бы упал.

– Эй, Маршалль!

– Да, господин майор... Видимо, мое вчерашнее падение и обморок бесследно не прошли. Думаю, у меня провалы в памяти.

– И не только провалы в памяти. Ты ни с того ни с сего решил подавать в отставку, а ведь ты один из моих лучших сыщиков. Говоришь, я отстранил тебя от расследования... Будем считать это временным помрачением, чем-то вроде бреда. А потому я сделаю вид, что ничего не слышал. В порядке исключения можешь отправиться домой. Выглядишь ты неважно.

Вик оперся на подоконник. Он не был уверен, что правильно расслышал, Мортье не мог произнести такие слова. Кто угодно, но не Мортье, который так подло отстранил его от расследования. Он поднял свои черные глаза и спросил:

– Как к вам попала эта кассета?

Мортье смял окурок и выбросил в урну.

– Благодаря гениальной мысли, посетившей твою головешку.

– То есть?

В глазах Мортье появилась неожиданная тревога за подчиненного.

– На другой день после убийства Либерман, то есть в прошлый понедельник, ты позвонил нам из Сен-Дени, со скотобойни. Ты провел

собственное расследование и обнаружил, каким образом убийца добывал себе протухшее мясо. Более того... – Мортье поднял вверх кассету. – Благодаря тебе мы смогли получить его морфологию и профиль ДНК.

Вик был ошарашен. Неужели *Стефану-из-прошлого* все-таки удалось до него добраться и передать послание?

– Его... его профиль ДНК? – повторил он.

– Я так понял, тебе надо заново все пересказать?

– Да, пожалуйста...

– Уходя с завода, Матадор напоролся на прут арматурины. Поскольку шел сильный дождь, никаких следов не осталось, но, к счастью, при обработке люминолом^[74] мы увидели, что кровь из него буквально хлестала. Светящиеся капли привели нас за пакгауз, расположенный в нескольких десятках метров отсюда. И там мы нашли нечто весьма любопытное: иглу с хирургической нитью и флакон с дезинфицирующим средством.

– Он что, сам себя зашил?

– Привалившись к металлической стенке, судя по пятнам крови. Но меня удивило не то, что он сам себя зашил, а то, что он это проделал, воспользовавшись обычным пакетом первой помощи. Словно он... заранее знал, что поранится. И несмотря на серьезное ранение, тут же рванул убивать Кассандру Либерман.

Вик не поверил своим ушам. Все это было недоступно пониманию.

– Я... я что-то начинаю вспоминать, когда вы рассказываете, – сказал он. – А еще кто-нибудь был на кассете?

– Был. И вот это пока для нас большой вопрос. Мы сначала решили, что это кто-то из рабочих, но след с самого начала оказался ложным. Может, парень просто ошивался в этом месте. Мы ведем следствие. Давай, Вик, выкарабкивайся. А то я еще за тебя боюсь.

Вик... Он назвал его Виком...

– И... как продвинулось дело на сегодня? – спросил он Мортье.

Начальник нахмурился:

– Да, плохо, что я не учитывал твое вчерашнее приключение. Или я что-то не так понял? Почему ты ничего не сказал в больнице? Почему врачи не знают, что у тебя неполадки с памятью?

– Как продвинулось дело, господин майор?

Мортье вздохнул:

– Мы прежде всего отрабатываем линию ДНК, опрашиваем огромное количество народу в окрестностях промзоны Сен-Дени, в больницах, в пунктах первой помощи, опрашиваем поставщиков пакетов первой

помощи. Делаем все, что можем. Нам нужны руки, их катастрофически не хватает.

Прежде чем зайти в здание, майор вернул ему кассету и сказал:

– Я впервые слышу от себя такие слова, но сходил бы ты к врачу. Ты на прошлой неделе каждый вечер засиживался даже позже, чем Ван. На мой взгляд, это настоящий подвиг.

Дверь за ним закрылась. А совершенно обалдевший Вик остался один посередине мощенного плиткой двора. Он абсолютно не помнил ничего из того, о чем говорил майор, он никогда раньше, до этой ночи, не был на скотобойне и в том готов был поклясться. И был уверен, что никогда поздно не засиживался на работе и уж тем более не замечал у себя никаких провалов в памяти. Но тогда что же с ним произошло? Откуда у майора оказалась кассета с двумя людьми? И неужели присутствие *Стефана-из-прошлого* на заводе могло до такой степени изменить судьбу? И как могли одновременно существовать два мира: мир, где Вик был худшим из худших в глазах бригады, и мир, где он считался одним из лучших?

Он в сомнении подумал о том, что когда-то сказал Стефан относительно пожара в здании бригады. У него тогда возникло ощущение, что он увидел в пламени разгневанное лицо судьбы.

Прошлое...

Сердце у Вика вдруг отчаянно забилося. Он вытащил мобильник и набрал номер Селины. Она не ответила, и он наговорил сообщение на автоответчик: «Я знаю, милая, что ты меня слышишь, и я знаю, что это ты должна была бы мне позвонить. Но если ты любишь меня так же, как я тебя люблю, садись на ближайший поезд и приезжай».

* * *

Была уже ночь. Вик метался по квартире, с опаской поглядывая на конверт, лежавший в кухне на столе. Он нашел его в почтовом ящике вместе с фотокопиями досье Матадора. В конверте были фотографии окровавленной арматурины, но самое главное – анонимное письмо: «Убийца, которого вы ищете, поранился металлическим прутом на территории скотобойни в Сен-Дени. В конверте вы найдете фотографию оторванного лоскута от его брюк. На скотобойню он проник, чтобы взять очередную порцию протухшего мяса. Доказательство того, что я не вру, вы найдете на кассете видеонаблюдения».

Вик начинал понимать. Понимать что-то, что ускользало от разума и

заставляло переоценить все, что он знал и чему научился. И это что-то его пугало.

Вдруг он услышал, как в замке входной двери повернулся ключ. Он вскочил с дивана и бросился в прихожую. Когда вошла Селина с чемоданом на колесиках, он обнял ее.

– Я так ждала твоего звонка, – прошептала она. – Я так надеялась, что ты позвонишь раньше, чем я. И ты позвонил...

Вик прижал ей палец к губам, снял с нее пальто, жакетку и принялся расстегивать блузку. Пальцы у него дрожали, и он все никак не мог справиться с маленькими пуговками. В этот момент он понял, что должен был чувствовать Стефан Кисмет, стоя перед ящиком в морге, и до какой степени его друг одновременно и умирал от страха, и был переполнен надеждой.

Селина не сопротивлялась. Сколько же времени он к ней вот так не прикасался? Наверное, целую вечность. Вот показался пупок. Вик опустил на колени и приподнял кромку ткани.

То, что он увидел, впечаталось ему в память до конца дней.

У Селины не было никаких следов кесарева сечения.

Его охватила сумасшедшая радость. Он изо всех сил прижал к себе жену и расплакался, уткнувшись ей в шею. И, всхлипывая, шептал ей что-то, что она едва понимала. А потом, подняв на нее полные слез глаза, он сказал:

– Завтра утром пойдем делать УЗИ. Я хочу увидеть ребенка.

Селина улыбнулась, радуясь такому порыву и такой любви:

– Но... но зачем?

– Затем, что я... Что я хочу начать новую жизнь. И каждый день посвящать только вам двоим.

– И ты не позволишь больше работе поглощать тебя целиком?

Вик замотал головой.

– Разве не из-за этого ты уехала к матери? Не из-за того, что я почти перестал бывать дома и мы начали ссориться? Не из-за ребенка?

– Ну конечно нет, не из-за ребенка. И что это тебе в голову пришло? Я просто хотела дать тебе понять, что я существую, только и всего.

Вик бережно поднял ее на руки и унес на кровать.

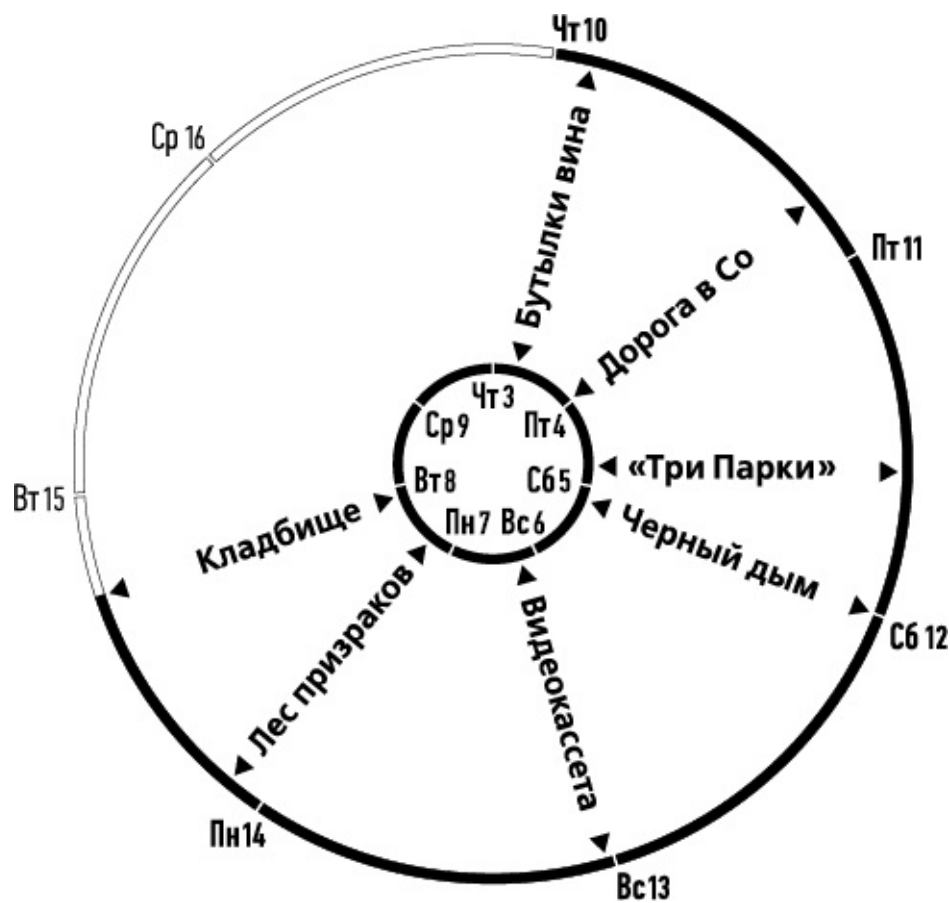
И позабыл обо всем на свете. Забыл, как плохо сейчас Стефану, который закрылся в своей Стране Тьмы, все ближе и ближе подходя к пропасти безумия. В своем эгоизме он думал только о себе, о Селине и о ребенке. И был не в состоянии воспринять что-либо, кроме настоящего момента. Они любили друг друга до самого рассвета.

Они смогли записаться на прием к врачу только на вечернее время. На доктора Сенешаля напали в его собственном доме, и его замещал другой гинеколог. Он смазал живот Селины гелем для ультразвуковой эмиссии и медленно поднес к нему датчик.

Вику казалось, что все движения врача замедленны и каждое кончается где-то в бесконечности. Он вглядывался в маленький черно-белый монитор и по блеску в черных глазах Селины догадывался, что она тоже ждет этого момента с тем напряжением, какое известно только будущим матерям.

И вот на мониторе возникла вспышка жизни. Тот самый четырехмесячный плод, который Вик своими глазами видел уже извлеченным из тела матери, был жив и здоров и благополучно соединялся с матерью пуповиной.

Будущий отец и смеялся, и плакал. Он слышал каждый удар крохотного сердца, который передавал аппарат, различал каждое крохотное движение. Селина приподняла голову и положила руки на живот. Она была счастлива. Счастлива оттого, что муж так внезапно переменился и теперь будет так любить будущего ребенка.

Шел дождь. Тот частый и холодный дождь, что сразу затопляет землю и клонит головки цветов. Стефан отделился от остальных и шагнул вперед. Глаза его были полны слез. Он опустился на колени перед могилой, когда на крышку гроба возложили цветы. Капли дождя падали, разбиваясь, на его обритую голову и на спину костюма.

Никто не подошел, чтобы помочь ему подняться. В глазах всех Стефан Кисмет был больным человеком, опасным и для себя, и для других.

Тогда какой-то человек, который только что подошел и которого никто не знал, протиснулся вперед, поднял Стефана и поддержал его. Этим человеком был Вик Маршалль. Они молча обменялись взглядами и стояли рядом, пока на могилу устанавливали тяжелую мраморную плиту.

Все было кончено. Могилу обложили цветами, а потом длинная

процессия людей в черном медленно двинулась прочь, не говоря ни слова и не глядя друг на друга.

Стефан не отрываясь смотрел в землю:

– Ты все-таки пришел?

– Как видишь...

– Вот видишь, все было напрасно. Если бы только я смог обрести ясность ума... Но как? Как ее обретишь со всеми ужасами, что мечутся в голове? Как тут остаться в здравом уме?

Он взял цветок и один за другим оборвал лепестки.

– Это был мой последний сон, тогда, в прошлом. Мы с тобой стоим здесь, перед могилой. Теперь у нас больше нет способа войти в контакт со *Стефаном-из-прошлого*. Я все сказал, все написал, что хотел, *Стефан-из-прошлого* проснется и постарается сделать все, чтобы спасти Сильвию. Но куда бы он ни пошел, где бы ни спрятался, его схватят. Бороться невозможно, судьба все равно сильнее.

Вик посмотрел Стефану прямо в глаза:

– Мой ребенок жив. Ты смог изменить ход вещей.

По телу Стефана прошла волна энергии, которую он до сих пор никогда не ощущал. Он печально улыбнулся. Вик взял его за руки:

– Это мальчик. Всего несколько часов назад гинеколог сказал, что он развивается абсолютно нормально. Ты спас ему жизнь.

– Значит, я могу вершить не только зло?

Вик обнял его за плечи и отвел от могилы.

– Я не совсем понимаю, – сказал Стефан, глубоко вздохнув и вытерев платком глаза. – Каким образом твоя жена могла снова так быстро забеременеть?

Вик помотал головой:

– Нет, все было совсем не так. То, что я тебе скажу, может показаться невероятным, но Селина никогда не ходила на амниоцентез. Потому что *Стефан-из-прошлого* разбил физиономию ее гинекологу. Слушай меня внимательно. Когда ты не побоялся войти в огонь во время пожара, я думаю, тебе удалось нейтрализовать судьбу, и с того момента ход вещей поменялся. *Стефан-из-прошлого* получил во сне послание, то самое послание, которое он ни за что не мог бы получить. И из-за этой непоследовательности, некогерентности в настоящем *Стефана-из-прошлого*, когда он проснулся, все пошло не так, и мир словно раздвоился, как в случае с котом Шрёдингера. Тот мир, где *Стефан-из-прошлого* не получил послания, – это мир, где мы с тобой действовали до сих пор. А тот мир, где он получил послание, – это мир, где напали на гинеколога, где

Селина не потеряла ребенка, где на кассете двое и где убийца напоролся на арматуру. Это тот мир, в котором мы с тобой находимся сейчас!

Стефан задумчиво следил за струями воды, льющимися с неба.

– То есть ты хочешь сказать, что благодаря *Стефануиз-прошлого* мы перенеслись из нашего старого прошлого в новое?

Вик провел рукой по волосам.

– Вот-вот! Именно так! Это невероятно, но... мы словно перенеслись. Ну да... Мы оба перенеслись из старого мира в новый, в тот мир, где *Стефан-из-прошлого* получил послание. И думаю, это произошло в тот момент, когда мы выскочили из горящего здания бригады. Я тащил тебя на спине. Ты помнишь? Мы тогда оба почувствовали, словно обо что-то ударились. И после этого оба потеряли сознание.

Стефан слушал молча, явно оглушенный таким оборотом дела.

– Тебя... тебя просто куда-то всосало, – продолжал Вик, – и меня втащило за тобой, потому что мы все время были вместе. В физическом смысле мы с места не сдвинулись, но так или иначе пересекли невидимое измерение: ни время, ни пространство. Но ты... Ты человек необыкновенный, ты обладаешь способностью, которую никто не может осмыслить.

Стефан потухшим взглядом смотрел на могильную плиту.

– В любом случае никакой это не дар, это проклятье.

– Нет, Стефан, мой ребенок родится.

– Зато у меня никаких шансов, в отношении меня ничего не изменилось. И Мелинда, и Сильвия погибли в обоих мирах. И в старом, и в новом.

– Это потому, что изменения были недостаточно важными. Убийца серьезно поранился, но не был убит. И он свою миссию продолжит. И то, что предпринял *Стефаниз-прошлого*, не смогло помешать Мелинде пойти в карьер, а зданию моей бригады загореться, потому что нарушилась причинно-следственная связь. Мы сейчас живем в другом мире, очень близком к прошлому. Оба мира почти перепутались, смешались друг с другом.

Вик и сам не верил в то, что говорил, но это был единственный способ объяснить необъяснимое. И он прибавил:

– Когда я увидел ребенка во чреве моей жены, мне на ум пришло другое, и это меня мучает. Ты помнишь, какое событие привело меня к тебе и заставило тебе поверить?

Стефан медленно покачал головой и сказал:

– Я предсказал гибель твоего ребенка. Я уже засел в Стране Тьмы и

писал послание, но тут снова явился ты, готовый выслушать мою историю и помочь.

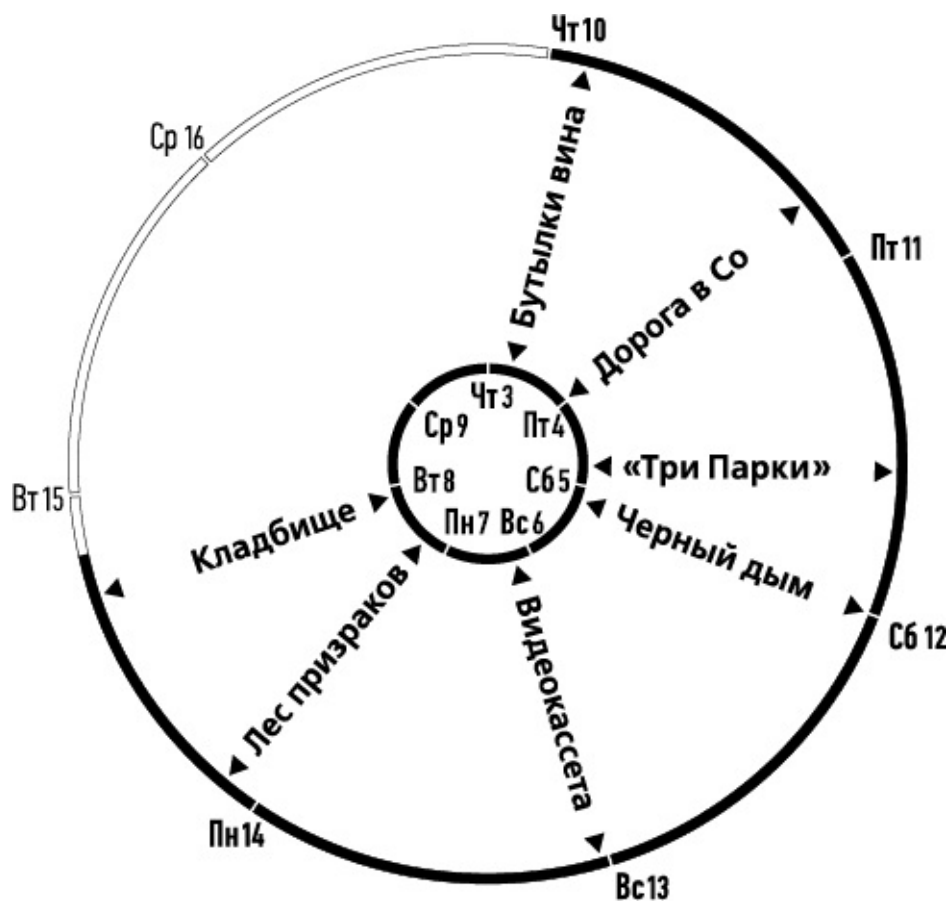
– Вот именно. Но в этом нашем мире ребенок не умер. А это значит, что мой *Вик-из-прошлого* не пошел к тебе, перед тем как ты похитил собственную жену, потому что ему не было смысла к тебе идти. И я в этом мире еще не прочел твою книжку с записью снов. И я еще не ездил к Сирьелю и с ним не общался. А потому...

Стефан в упор посмотрел на него, и кулаки его сжались сами собой.

– ...этот старый садист, может быть, еще жив.

75

Понедельник, 14 мая, 20:10

Снова въехав в Галатский лес, в то место, куда поклялся себе никогда больше не возвращаться, Вик узнал обиталище Ноэля Сирьеля и остановил машину на обочине.

– Это какое-то безумие, – сказал он Стефану. – В тот же час, в прошлый понедельник, я здесь был. И дом почти полностью сгорел.

Из кабины «пежо» он внимательно оглядел домофон.

– Сирьель ждет, что рано или поздно полиция к нему явится. Он вооружен. И будет начеку, готовый в любой момент покончить с собой и поджечь дом. Но для меня важнее всего забрать у него кассету, которую он всегда носит при себе. Ты оставайся здесь, и если через десять минут я не выйду, то заходи в дом.

– Договорились. Будь осторожен.

– Ты тоже будь осторожен и не двигайся с места. Когда я здесь был, убийца шатался где-то поблизости. Он меня тогда порядком избил.

– Это успокаивает. Но в принципе, судя по моим снам...

– Я знаю, ничего случиться не должно.

Вик вышел из машины. Он позвонил в домофон и, как и в первый раз, поднес свое удостоверение к маленькой камере видеонаблюдения.

Хриплый голос спросил:

– Да?

– Вик Маршалль, судебная полиция. Мне хотелось бы поговорить с господином Сирьелем.

После короткой паузы домофон зашуршал.

– Открываю. Проходите через подъезд. Гостиная будет прямо перед вами.

Створки ворот разошлись, и Вик быстро вошел. Это было действительно невероятно: не ощущение дежавю, а самое настоящее дежавю.

Он прошел через сад и вынул пистолет из кобуры. Сирьеля надо было застать врасплох, и как можно скорее.

Входная дверь была открыта, и лейтенант, держа перед собой «зиг-зауэр», вошел в холл, увешанный теми же великолепными картинами. Посреди галереи он на секунду остановился, надеясь, что Сирьель появится в поле его зрения, как в прошлый раз. Но этого не произошло.

Вик осторожно пошел дальше и вошел в гостиную. Сирьель стоял в другом конце комнаты у камина, держа в руке DVD-диск.

– Так это он, – произнес он, кивнув на глазок камеры видеонаблюдения. – Тот самый брюнет с длинными волосами, который застал моего друга на скотобойне в Сен-Дени.

Вик бросил короткий взгляд на экран. Этот балбес Стефан вылез из машины и торчал как раз перед глазком видеокамеры. Вик быстро взял Сирьеля на прицел:

– Немедленно положите диск на пол и отойдите, или я выстрелю.

– Вы что, явились только из-за этого диска? И у вас нет никаких вопросов? И ответов вы тоже не ждете?

– У меня уже есть все ответы.

Ответ, похоже, сбил Сирьеля с толку.

– Да вы хоть знаете, что на диске?

– Ваши галлюцинации плюс страдания убийцы.

Сирьель кивнул, поджав губы, и в его глазах промелькнуло удивление, смешанное с ненавистью. Он резким движением бросил диск в камин и

собирался схватить лежавший перед ним пистолет, когда раздался выстрел. Пуля прошла его в самой середине груди, и он упал на пол.

Вик быстро подбежал, кочергой достал диск из камина и схватил его. На первый взгляд он был цел.

Он обернулся к Сирьелю, который валялся у его ног в луже собственной крови. Губы его еле заметно задвигались,

– Как... как вы узнали... – прохрипел он.

Стиснув челюсти, Вик ботинком ударил его по лицу:

– Я уже однажды видел, как ты умер, мерзавец. И на этот раз тебе тоже не будет пощады.

Старик испустил дух.

Со стороны двери послышался шум. Вик обернулся, сам не свой от нервного напряжения, держа палец на взведенном курке.

В гостиную, задыхаясь, влетел Стефан. Вик не сдвинулся с места. И тогда тот, у кого все отняли, все украли, набросился на тело старика, как изголодавшийся волк, и бил, бил его без остановки. Тощее тело подпрыгивало от ударов.

– За что, за что? Мразь! Пададь!

Вик вложил пистолет в кобуру и схватил друга за руки:

– Оставь его. Это уже делу не поможет.

Стефан выпрямился, глаза его были налиты кровью от ярости. Он кивнул на диск, который Вик держал кончиками пальцев, и повернулся к широкому экрану на стене:

– Поставь.

– Разреши мне сначала самому это посмотреть.

Стефан выхватил диск из рук Вика и вставил в гнездо дисковод.

Экран засветился.

И началось нечто немыслимое.

Потянулся поток коротких вспышек подсознания, череда эпизодов, среди которых были и стоп-кадры, и более-менее длинные фрагменты, и короткие перебивочные вставки, которые вторгались, как удары скальпеля. На экране шли попеременно черно-белые и цветные кадры и кадры в режиме сепии. Съемка то ускорялась, то замедлялась, то возникали наплывы и затемнения. На экране возникали жертвы в разных стадиях мучений. Изображения чередовались с рентгеновскими снимками переломов, фотографиями всевозможных ран, язв и ожогов. Оба зрителя морщились, трясли головой, смотрели не видя и слушали не слыша. Все изображения сопровождалось звуками: визгом пил, треском молотков, криками, гудением огня. На экране то брызгала кровь, то вылетали

внутренности, то кто-то кричал от боли. Но когда на миг появилось изображение кричащего рта, в который запихивали тряпичный кляп, Стефан рухнул на пол.

Это был рот его жены.

Через несколько секунд в череде чудовищных кадров появились ее большие голубые глаза, потом грудь. А потом снова бесконечный поток пыток и мучений других жертв. За ними опять переломы, рентгеновские снимки. Череп, берцовая кость, раздробленная на мелкие кусочки кисть. И все это сопровождалось детским смехом, дразнилками, издевательством, свистом. Потом возникли фотографии детского тела, проткнутого иголками. Чей-то плач, чей-то гогот. Факир, протыкающий себе язык, индийцы, которые ходят по углям и ныряют в битое стекло.

Друзья замерли. На экране появилось чудовищное лицо, потом рука, придвигающая электронагреватель к смоченному водой телу. Потом другая рука, в перчатке, начала мять и ощупывать это тело. И протяжный вздох наслаждения смешался с криками жертвы. Сильные пальцы погружались в миску со льдом, а потом рвали и терзали человеческую плоть. Крики. Сверкание скальпеля. И кровь повсюду.

Фильм длился две минуты двадцать четыре секунды.

А потом на экране запестрили синеватые помехи.

Вик, на грани того, чтобы вывернуться наизнанку, подошел к экрану и остановил дисковод. В висках стучала кровь. Он прижал руки к лицу, не в силах произнести ни слова. Стефан лежал на полу, скорчившись и глядя в пустоту. Наконец он разжал губы и спросил:

– Что это? Что это было?

Вик посмотрел на него полными слез глазами:

– Галлюцинация... Мы видели галлюцинацию... Сирьеля вперемешку со страданиями... убийцы...

Стефан поднял голову:

– Страдание... убийцы? Какое страдание?

– Не знаю. Ничего я не знаю, господи боже ты мой...

Еще несколько секунд они не двигались. Наконец Вик все-таки решился и вынул диск из гнезда дисковода и сунул в карман. Потом подошел к телу Сирьеля, перевернул его, разодрал на нем рубашку и засунул палец в рану от выстрела. Дыра была глубокая. Тогда он отыскал на письменном столе нож для разрезания бумаги и, сморщившись, выковырял кусочек металла. После этого схватил кочергу и принялся разбрасывать горящие головешки и угли по полу.

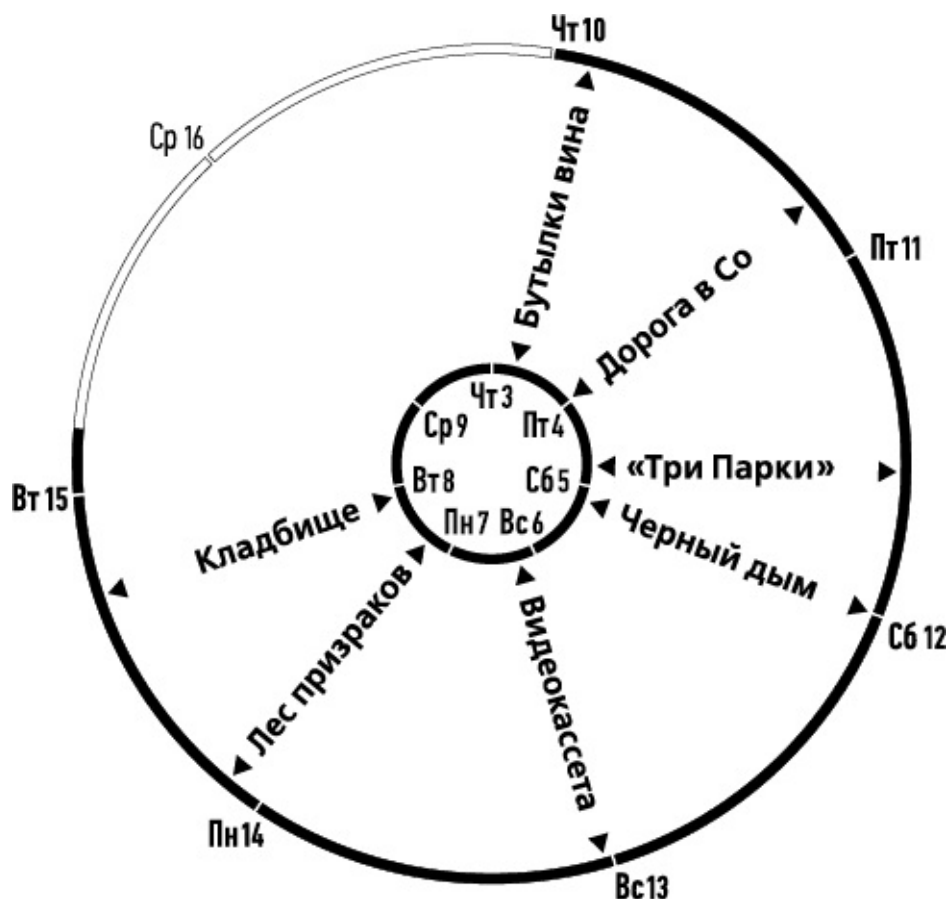
Стефан схватил его за руку:

– Зачем? Зачем ты хочешь все сжечь? Почему не позвонить в бригаду?

– Потому что я в очередной раз перешел все границы. А я не хочу по вине этого монстра оказаться в тюрьме, в разлуке с женой и будущим ребенком. Я хочу вернуться в Авиньон и жить нормальной жизнью. Скажи мне, что ты меня понимаешь, Стефан. Ну скажи.

Вместо ответа Стефан выпустил его руку, и Вик довершил свое разрушительное дело.

– В другом прошлом этот дом уже однажды сгорел. Давай возвратим судьбе то, что ей принадлежит.

Надо было подождать. Подождать, пока Селина заснет, а потом уже вынуть копию видеодиска и вставить в дисковод видеоманитона в гостиной. Прежде чем нажать кнопку на пультике, Вик закрыл все двери, залпом выпил большую рюмку коньяка и на несколько секунд прикрыл глаза. Какие странные и противоположные ощущения... На прошлой неделе он уже терял ребенка и Селина лежала в больнице в депрессии. А сегодня... Все было совсем по-другому. Конечно, они не смогли вернуть Сильвию Кисмет, но ребенок, его ребенок, его плоть и кровь, рос в утробе жены.

Когда экран ожил, изображения снова поразили его своей необычайной жестокостью. Но Вик заставил себя выдержать это жуткое зрелище. Он доискивался до ключевой детали. Кто мучил этих несчастных

женщин? Что хотел сказать убийца своим дьявольским произведением? Скрывалась ли за этим жутким монтажом его личность, его подпись?

Вик чуть не спасовал. А что, если отправить DVD-диск в бригаду анонимно? Они там все проанализируют, продвинутся в расследовании, откроются новые версии... А почему бы и нет?

Но сейчас он ощущал настоящую потребность довести все до конца. Ради Стефана. Ради бедняги Стефана, который наверняка тоже внимательно изучает копию всей этой гнусности, сидя один в своем огромном доме.

И тогда Вик абстрагировался от всего и постарался на все посмотреть глазами сыщика. У него билет в один конец. В ад.

И видеоряд, и звуковая дорожка фильма были смонтированы очень профессионально. Поставлен фильм весьма изощренно. Работал профессионал или любитель? Ясно одно: он работал в потайном месте, скрытом от посторонних глаз.

Вик прищурился. Разглядеть лицо Матадора было невозможно: он носил латексную маску, очень похожую на ту, что по памяти сделал Стефан. Он никогда не появлялся в кадре во весь рост или на общем плане. Фильм был смонтирован таким образом, что без специального программного антропометрического оборудования невозможно было понять, какого он роста и сложения. Этот мерзавец принял все меры предосторожности.

Вик многократно просмотрел фильм в замедленном режиме, проанализировал эпизод за эпизодом и надолго «зависал» на стоп-кадрах. И кое-что его поразило. Рентгеновские снимки, разбросанные по ходу фильма, появлялись всегда после какой-нибудь кровавой сцены и все имели общую особенность. Кости на них были короткие, намного короче, чем у взрослого человека. Вик поглубже устроился в кресле. Сломанные большая берцовая кость, бедро, ключица были костями ребенка. И интуиция подсказывала Вику, что они принадлежали одному и тому же ребенку. Рентгеновские снимки искаленного скелета делались на разных стадиях роста ребенка. Без малейшего сомнения, это был скелет убийцы. Но откуда столько травм? На одном из снимков Вик насчитал восемнадцать переломов. Он нахмурился, наклонился к экрану и максимально увеличил изображение в правом нижнем углу.

Сердце у него сжалось, – похоже, он что-то ухватил.

Дата. Он разобрал: «1987».

На других рентгенограммах, дальше по ходу фильма, он прочел: «1989», «1990», «1992».

Больше ничего, только даты.

Прежде чем вернуться к видео, Вик налил себе еще стакан. Ребенок рос, без конца ломая себе кости. Почему? Может, он страдал заболеванием, при котором кости делаются хрупкими, вроде синдрома «стеклянных костей»? Может, его жестоко избивали? Или он все время попадал в какие-то переделки?

Вик невольно подумал о Стефане. Его прыжок с поезда, бесчисленные аварии на улицах, постоянные лежания в больницах...

Но он прогнал эту мысль и стал думать о словах, которые Сирбель произнес перед первой своей смертью: «Я сам себе преподнес фильм... о своей галлюцинации. А мой исполнитель – о своих страданиях». Если рентгенограммы с таким постоянством появляются на протяжении всего фильма, значит в этом должен содержаться какой-то смысл. Может, в них представлены страдания самого Матадора?

Вика заинтересовал и другой кадр, регулярно возникавший во всем этом нагромождении ужасов. Старик-факир, который невозмутимо прокалывал себе язык, глядя прямо в камеру. Он ни разу не поморщился, даже бровью не повел. А в следующем кадре появлялась фигура, медленно шествующая по горящим углям. И еще дальше – человек катался по битому стеклу, постепенно заливаясь кровью. Вик отмотал назад, к тому кадру, где человек шел по горящим углям, и максимально увеличил изображение. Несомненно, это был один и тот же человек, индеец лет шестидесяти, который проделывал свои отчаянные трюки на камеру. То есть для Матадора собственной персоной.

Кто был этот человек? Почему убийца им так заинтересовался?

Еще несколько долгих минут Вик вглядывался в изображения, не понимая, что же связывает их друг с другом. Везде присутствовало физическое насилие, страдание, боль. Но что именно было определяющим?

Страдание... Это слово присутствовало везде, на всех этапах следствия.

На экране ясно была видна рука убийцы, сначала в перчатке, потом без нее. Голая рука опускалась в миску со льдом, а потом гладила покрытые потом животы жертв, пылавшие от жара нагревателя. Интересно, какое лицо было в этот момент у убийцы? Что давала ему эта странная ласка? Зачем он чередовал жар электронагревателей с холодом кусочков льда? На память пришли маленькие лужицы воды, которые оставались на всех местах преступления. Кусочки льда...

«Загляните за пределы... наших пяти чувств, ищите еще дальше... Чем восполняется нехватка?» – сказал тогда Сирбель.

– А чем, черт возьми? – взвился Вик. – О каком восполнении ты говоришь?

В голове до сих пор звучал хриплый голос старика.

«Будь вы настоящим сыщиком, вы бы попытались... почувствовать то, что чувствовал... ваш убийца перед этими обжигающе горячими телами. Тогда вы бы поняли. Вы бы сыграли на противоположностях и сами бы очистились, сублимировались».

Что за противоположности? Жар и холод? Огонь и лед?

Вик встал и включил термостат на полную мощность.

Надо попробовать.

Он еще раз просмотрел фильм, впустил в себя все образы сумрачного мира монстра. Затем отправился на кухню и наполнил мисочку кусочками льда из морозилки. Стараясь не шуметь, принес все имевшиеся в доме переносные нагреватели и расставил их на полу. Приборы заработали, задули горячим воздухом. 27 градусов, 29... 35...

Вик снял футболку и сел рядом с ними таким образом, чтобы до раскаленных докрасна спиралей оставалось не больше нескольких сантиметров. Тело его сразу покрылось прозрачной пленкой пота. Капли выступили на лбу, на щеках, на плечах. Он представил себе убийцу, глядящего на привязанную между двумя нагревателями жертву. Что же он испытывал? Может, бурную эрекцию?

В голове прошли кадры с факиром на раскаленных углях, лицо которого было абсолютно бесстрастно. Жар все усиливался, и мысли его вернулись к жертвам с вырезанными языками, губами и отрезанными кончиками пальцев. И он вспомнил о наборе для наложения швов, который Мортье нашел возле скотобойни.

Лед в мисочке начал таять. Жар становился невыносимым. Взмокший от пота, Вик нагнулся и запустил пылающую от жара руку в миску со льдом. И его пронзила острая боль. Холод, как электрический разряд, ударил по пальцам, прошел через всю руку и поразил грудь.

Холод... Холод вызывал такую же боль, как ожог.

А контраст только увеличивал боль.

Рентгенограммы, сломанные кости, эти непонятные отметки на стенах... Убийца хотел впитать в себя боль своей жертвы. Он желал знать, что она чувствует.

Он стимулировал терморецепторы, попеременно воздействуя на них то жаром, то холодом, чтобы приблизиться к болевому порогу.

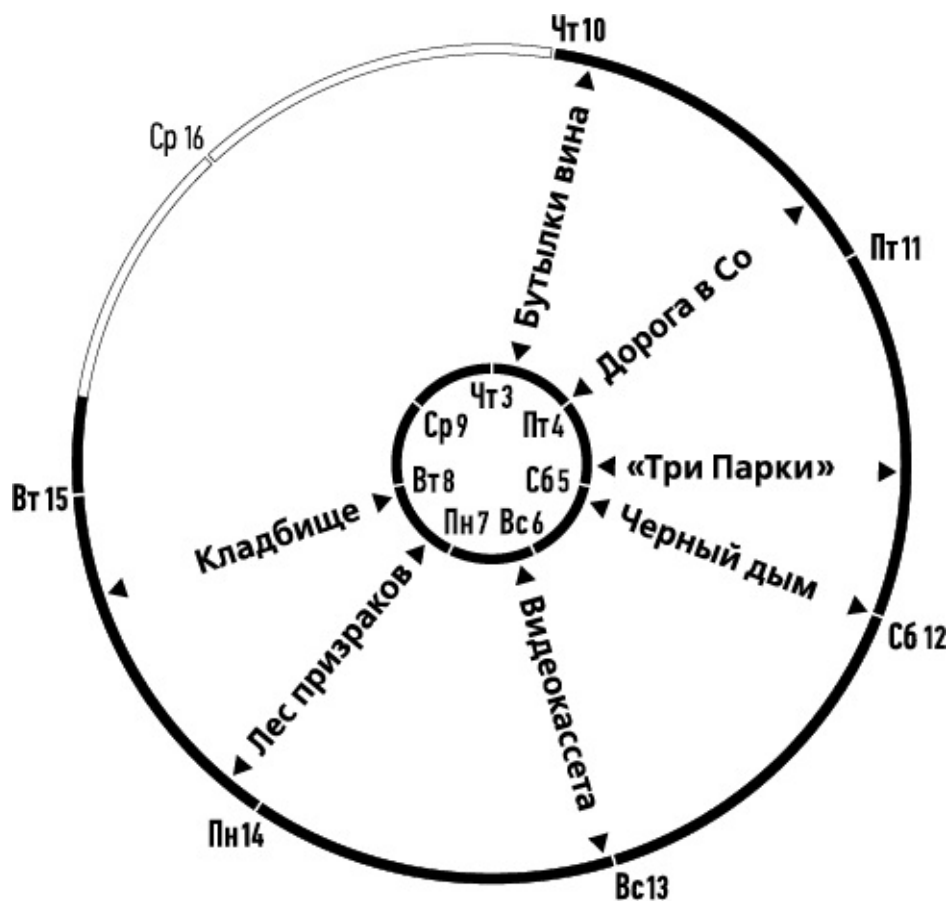
И по этой игре крайностей Вик догадался.

Теперь он знал, какое чувство в чистом виде хотел получить убийца

своими кусочками льда и нагревателями и что за нехватку он пытался восполнить этим вихрем насилия.

И еще он понял, почему тот всегда имел при себе набор для наложения швов.

Теперь это было яснее ясного.

Стефан сидел, забившись в угол дивана в гостиной, стиснув в руках копию DVD и не решаясь включить телевизор. Вокруг стояла тишина. Его неотступно преследовали страшные кадры: крики, окровавленные лица. Он знал, что больше никогда не обретет покоя.

Неподвижно сидя перед початой бутылкой виски, он силился понять – и не мог. Почему именно Сильвия? Что у нее общего с остальными жертвами? Почему убийца выбрал ее?

Этим вечером больше, чем когда-либо, ему стало ясно, что все его проклятые сны, все так называемые предвидения всегда служили основанием для подлинных трагедий. Люди, которые не должны были умереть, погибали. И в этот цикл затянуло Сильвию. Стефан понурился, глаза его погасли.

Он силился снова и снова продумать последние дни, весь этот поток времени, который, как река в дождь, вздувался от ужаса, муки и страданий. Каким же образом в поток его сновидений оказалась вовлеченной его жена? Как все эти кошмары изменили ее судьбу? Проще сказать, как они спровоцировали ее смерть?

Стефан нервно вертел в руках злополучный диск. Несомненно, разгадка здесь, в этих жутких кадрах, от которых до сих пор стучало в голове.

Он был убежден, что сам увлек жену за собой в сумрак. Но что послужило спусковым механизмом, сигналом? Сильвия, несомненно, недавно где-то пересеклась с убийцей, хотя и вовсе не должна была. Кто это мог быть? Продюсер? Врач? Психиатр? Ну да, психиатр, этот самый Робовский, на прием к которому он так и не попал, потому что наблюдал за Мелиндой. Может, да, а может, и нет.

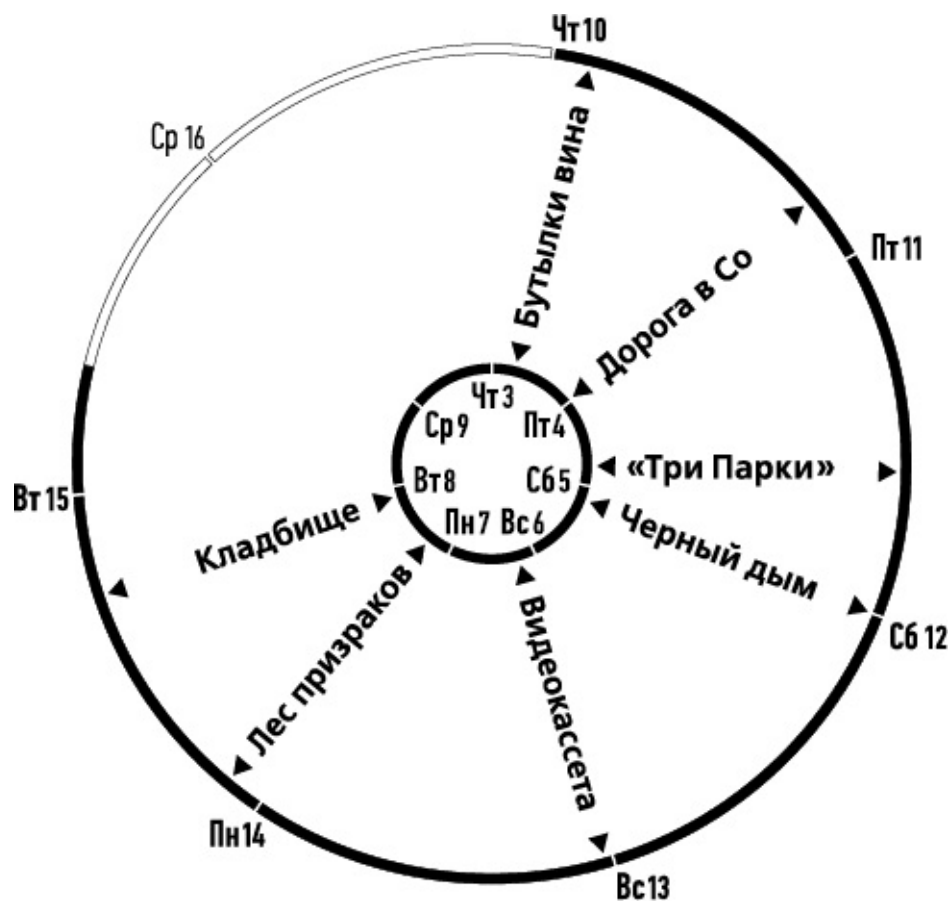
Стефан закрыл глаза, и перед ним поплыли лица: Арье, Маршаль, Эверар, портье из «Трех парок», Маше... По большей части это были люди незнакомые, которые появились на его пути только в снах.

И один из них снимал на пленку гнусные убийства. Он и создал тот дайджест ужаса, что лежал сейчас у Стефана в руках.

Вдруг одно из лиц отделилось от других.

Стефан поднял диск и поднес его к глазам. На него смотрел убийца.

Пятью минутами позже, найдя среди заметок и записок нужный адрес, он уже мчался из дому, и шины автомобиля визжали на поворотах.

Приехав в Пятнадцатый округ к больнице Некер^[75], куда его привели поиски в Интернете, Вик с большим риском припарковался на площадке приемного отделения и выскочил из машины. В числе прочих эта больница занималась и врожденными заболеваниями у детей.

Стефан был недоступен и по домашнему, и по мобильному телефону. Почему он не отвечает?

Вик не без труда нашел дорогу в лабиринте коридоров и оказался в отделении детской психиатрии. Найти того, с кем можно было поговорить, тоже было нелегко. Им оказался профессор Шафран. Лейтенант торопливо разложил перед ним кадры рентгенограмм, распечатанные с диска на компьютере. Качество их было не ахти, но множественные переломы просматривались хорошо.

– Мои выкладки привели меня к вам, – объяснил он. – Я разыскиваю этого пациента.

Шафран, человек лет сорока, вертел в руках ручку.

– И это все, чем вы располагаете? Фотокопии рентгеновских снимков?

– Да, это снимки ребенка, который, может быть, много лет назад лечился в вашей клинике.

– Может быть?

– Если не ошибаюсь, у вас лечатся дети с редкими заболеваниями?

– Да, в числе других. Но это не основное, чем занимается наша клиника.

– А врожденной нечувствительностью к боли вы занимаетесь?

Выражение лица Шафрана изменилось. Он взял фотокопии в руки и нахмурился:

– Да, здесь налицо врожденная нечувствительность к боли. Снимки, к несчастью, типичны. Какие там стоят даты?

– 87, 89, 90, 92-й.

Шафран разложил листки по столу:

– Прошло почти двадцать лет, и вполне возможно, что пациент уже умер. Мне очень жаль.

– Он жив.

Профессор скептически взглянул на Вика:

– Знаете, пациенты с этой патологией редко доживают до взрослого возраста. Взгляните на снимки, они сами за себя говорят. Такие переломы... И ведь это еще не все. В раннем возрасте дети, страдающие этим синдромом, откусывают себе язык, обгрызают пальцы до костей и кладут ладони на горячие сковородки, даже не замечая. Я знаю случай, когда десятимесячный малыш продолжал ползать на четвереньках, имея переломы обеих ног. При неусыпном контроле родителей дети выпутываются из опасных ситуаций. Но представьте себе, каково им в школе, на улице, где их повсюду окружает агрессия, а они даже не знают, что это агрессия? Не чувствуют? А теперь представьте их, уже взрослых, один на один с реальным миром, где любая царапина может их убить. Что бы там ни думали, а боль – вещь полезная. Она предупреждает наш организм об угрозе.

Вик вспомнил эпизод на скотобойне, который упоминал Мортье. Серьезная рана, полученная Матадором, глубокий порез торчащей из бетона арматуриной не помешал ему бегом пробежать несколько десятков метров, заскочить за здание склада и там самостоятельно зашить себе рану.

– У больных ведь сохраняются тактильные ощущения, они реагируют

на тепло или механическое воздействие?

– Сохраняются. У них нарушены функции ноцицепторов, то есть болевых рецепторов нервных окончаний, а тактильные рецепторы работают.

– Но из-за такой своей особенности они могут себе представить, что такое боль, хотя бы приблизительно? Ну, например, окунуть руку в ледяную воду, а потом в кипящую?

– При температуре выше 45 градусов или ниже нуля терморецепторы перестают давать дополнительную информацию. Обычно эту функцию берут на себя ноцицепторы, принимающие эстафету. Но вы правы: если положить руку на очень горячую поверхность, а потом сразу на очень холодную, то можно косвенно воздействовать на терморецепторы и узнать, на что похожа боль. Ну все равно что натянуть до предела резинку, но так, чтобы она не порвалась. С другой стороны, эти пациенты обожают все трогать, ощупывать, это позволяет им компенсировать свой изъян, чувствовать, познавать собственное тело и опасности, которые его подстерегают.

Вик выпрямился и оперся ладонями на стол:

– Вы располагаете картотекой этих пациентов?

– Разумеется. Вы мыслите в правильном направлении, но это конфиденциальная информация.

Полицейский вынул из кармана три фотографии и выложил на стол перед профессором:

– Вот что натворил этот милый мальчик, и он готовится к следующим подвигам. И пожалуйста, не говорите мне о врачебной тайне, когда речь идет о досье двадцатилетней давности. Мне нужны имена и фамилии. Немедленно.

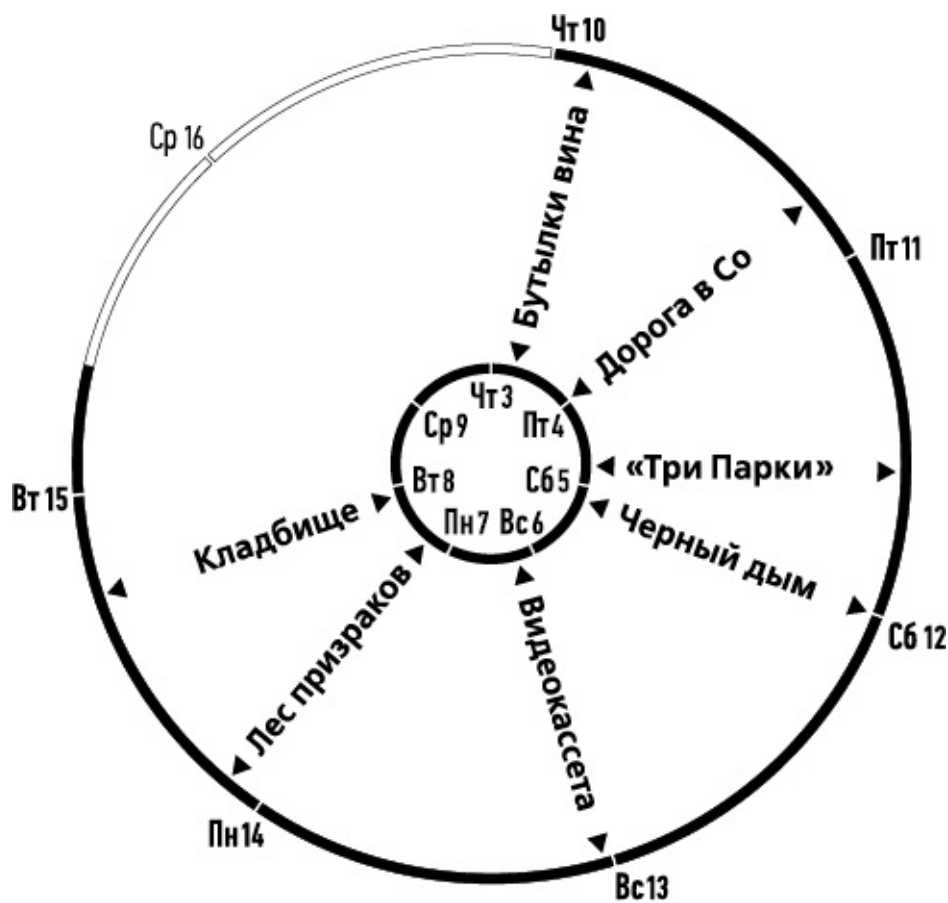
Шафран поморщился и сдвинул фото на край стола. Казалось, он пребывал в нерешительности. Однако отбросил колебания и взялся за мышку своего компьютера.

Он быстро набрал код, открыл одно досье, потом другое... И вскоре на экране компьютера появился список примерно из тридцати человек.

Вик сразу же остановился на одном из них, точнее, на одном из имен.

На имени, которое не могло не быть знаком судьбы. На совпадении, которое возвещало, что страдание существует.

Вик исчез так быстро, что профессор даже не успел поднять голову от экрана.

Этот адрес ему дала жена убийцы, место находилось метрах в ста от скотобойни в Сен-Дени. Там располагалась старая производственная мастерская.

По ее словам, здесь ее муж проводил все свое свободное время. Реставрировал старинную мебель, занимался фотографией и видеосъемками. Это были две его страсти, сказала она. Страсти...

Он был женат. Монстр, с такой жестокостью убивавший людей, был женат.

Стефан перелез через ограду и на заднем дворе обнаружил разбитое окно. Он осторожно вынул острые осколки стекла и проскользнул внутрь.

С ножом в руке он медленно шел по какому-то мрачному и пыльному помещению.

Вдруг раздался звук, очень похожий на хруст разбитого стекла под подошвой. Он замер. Вокруг никого. Ни шороха, ни дуновения. Он снова двинулся вдоль грязных стен и увидел лестницу. Спустившись и осторожно пройдя по коридору, Стефан вошел в мастерскую без окон, где горело только несколько ламп аварийного освещения.

И тут он почувствовал, что за спиной у него кто-то есть. Но обернуться уже не успел.

Боль в икре была такой невыносимой, что он упал на пол и чуть не потерял сознание. Схватившись руками за ногу, он скорчился на полу и перед самым носом у себя увидел синеватый огонек газовой горелки. Кто-то ногой выбил у него нож, схватил за воротник и посмотрел прямо в глаза.

– Ты? – удивился незнакомец.

Стефан почувствовал, что его подняли с пола и тащат к стулу. Он закричал от боли.

– Ожог икры, который ты получил, не дает тебе ни двигаться, ни думать, он тебя парализует в той же мере, что и страх. Ты не можешь ходить и ничего не сможешь мне сделать.

Он поставил горелку рядом с электропилой и пальцем указал Стефану на кресло, утыканное длинными стальными шипами. Спинка и подлокотники были снабжены ремнями.

– Как тебе моя меблировка? Я ее, правда, готовил для другого мерзавца, но раз уж ты сам пришел...

Он порывлся в ящике стола и секунд десять спустя опустил на колени перед Стефаном, закатал ему рукав и сделал укол.

– Ну вот... Морфин... Ты будешь как в тумане, но вот увидишь, боль быстро исчезнет. Ненадолго.

– Зачем? Зачем вам все это? – простонал Стефан.

Не обращая внимания на вопрос, человек выпрямился.

– Я услышал твой звонок и принял твое сообщение, когда занимался твоей женой. Как ты догадался, что я именно в это время к тебе заявлюсь? И как ты вообще меня нашел?

Укол уже начал действовать. Стефан чувствовал себя оглушенным, но боль в ноге стала утихать.

– Та фотография девочки с четырьмя ногами и... четырьмя руками, что вы мне показывали в музее Дюпюитрена... Вы ездили в Индию... Так это там вы и засняли старика, который протыкает себе язык... на диске.

– Нет, ты просто великолепен, хотя это и не объясняет, как тебе удалось заполучить этот диск и как ты нашел скотобойню в Сен-Дени.

– Да пошли вы... Плевал я на вас... Монстр!

Ашиль Дельсар что есть силы ударил его по лицу:

– Нет, это ты – монстр! Как и все те, что приходят восхищаться омерзительным зрелищем. Те, что издеваются, отворачиваются! Я смотрю на тебя и вижу взгляд твоей жены, который она бросила там, в музее, на этих несчастных созданий. От этого взгляда у меня волосы встали дыбом, не хотел бы я еще раз его увидеть. И я этот взгляд покарал.

Он ближе придвинул пыточное кресло.

– Я стал для них объектом эксперимента. В школе во всех стычках и драках меня всегда ставили впереди. Я этим гордился, мне это льстило, я ощущал себя важной персоной. А на самом деле меня просто использовали как подопытного кролика. Меня пихали, меня щипали, кололи иглами, жгли зажигалками, просто так, чтобы попробовать, ради игры... Я все покорно сносил, ведь я не чувствовал боли, но хуже всего были мои душевные мучения. А потом Сирьель указал мне путь. Он объяснил, что в глазах других я ничем не отличаюсь от Джона Меррика. На этой выставке я и отметил для себя и Леруа, и Либерман. Ведь они приходили полюбоваться, насладиться и подпитаться зрелищем Человека-слона...

В его глазах сверкнуло что-то, не поддающееся определению. Быть может, проявление абсолютного зла.

– Должен сказать, что твоя жена была исключением. Если так можно выразиться, она погибла по твоей вине. Если бы ты не пришел в тот день в музей Дюпюитрена, я бы с ней никогда не пересекся. И она была бы жива. Печальный удар судьбы, правда?

Ашиль посмотрел на часы и повернулся к своему пыточному креслу:

– А вот теперь начнутся вещи серьезные. Мне бы не хотелось, чтобы действие морфина кончилось раньше, чем ты там устроишься, это будет неэкономно.

Стефан попытался встать, но потерял равновесие и упал. Тогда он попробовал на четвереньках уползти вправо и убежать.

– Настало время с тобой покончить! – выкрикнул Ашиль, включая электропилу.

Лезвие завертелось, мотор взвыл.

– Ну что, хочешь попробовать?

Он положил инструмент на пол и схватил Стефана за плечо, чтобы силой усадить в кресло. Стефан чувствовал себя каким-то ослабшим, инертным, словно чужим собственному телу. Но он из последних сил всем весом навалился на палача и обхватил его обеими руками.

От неожиданности Ашиль споткнулся, запутался в проводе пилы и тяжело рухнул на пол. Круглое лезвие глубоко вонзилось ему в левое бедро.

В лицо обоим брызнула кровь.

– Ах ты, гаденьш! – рявкнул убийца, нечувствительный к боли.

Они покатались по полу. Циркулярный круг хрипло жужжал, разбрызгивая вокруг себя пурпурные капли. Ашил без труда подмял Стефана под себя. А у того уже не было сил, он стал мягкой, бесформенной кучкой плоти.

В полутьме Матадор шарил руками вокруг себя, пытаясь нащупать пилу. Ему удалось за нее схватиться, но поднять ее он уже не смог. Он бледнел на глазах, жизнь покидала его, кровь рекой хлестала из бедра. Он обессилел и сдался.

Стефан, шатаясь из стороны в сторону, сидел на нем верхом, с его лица, с одежды каплями стекала кровь. Теперь вряд ли кто-нибудь смог его узнать.

Обеими руками он схватил пилу.

– За мою жену, – прохрипел он, поднося зазубренное лезвие к самым глазам убийцы. – За нее и за всех остальных.

И в тот самый момент, когда Стефан уже собрался его обезглавить, прогремели два выстрела. Стефан застыл на месте, и пила выпала из его рук прямо на Ашиля. Циркулярный круг с глухим шумом все продолжал и продолжал вертеться...

Стефан рухнул на бок и почувствовал щекой ласковую прохладу плиток пола. Он плыл в тумане, и ему было хорошо, он больше не страдал. В груди виднелась маленькая красная дырочка.

Недалеко от него, сморщившись от боли и зажав рукой правое предплечье, на коленях стоял Вик.

Полицейский поднял голову, и по всему зданию разнесся вой:

– Не-е-е-ет!!!

Он бросился к Стефану. В темноте, увидев два барахтающихся тела, пронзенный отчаянной болью, он ошибся мишенью и застрелил того, кого принял за агрессора. Своего друга...

Стефану удалось изобразить улыбку на окровавленном лице.

– Так это... так это ты положил конец моим сновидениям...

Он закашлялся и снова заговорил:

– Так было надо, чтобы и я сам... подпал под свое... проклятье... В конце концов, я же снился сам себе...

– Стефан! Нет! Прошу тебя, останься со мной!

Последним усилием Стефан обнял склонившегося над ним Вика и сцепил пальцы у него на спине.

– Я знаю, что когда-нибудь... всего этого... не будет... Я знаю, что у

тебя... и у одного из... *Стефанов-из-прошлого...* все получится и Сильвия будет жить...

Он протяжно вздохнул, а потом словно искра пробежала у него в глазах.

И Вик почувствовал, как ослабели руки Стефана у него на спине.

Тогда он с нежностью отпустил ангела, который спас его сына.

И поцеловал его в лоб.

Эпилог

Спустя четырнадцать месяцев

– Вот уж никогда не думала, что снова увижу этот город, – прошептала Селина с горечью в голосе.

Вик, сидевший за рулем, потрепал ее по затылку, и они свернули с автострады.

– Ну, причина-то радостная. Завтра будем во Вьетнаме... Увидишь бабушку и дедушку. Ты счастлива?

– Очень. Правнук, представляешь?

Она с улыбкой обернулась к ребенку. Лицо ее сияло.

– Стефан вот-вот проснется.

Вик пощипал себя за щеки и потер глаза. Конечно, дорога из Авиньона была нелегкой, салон машины накалился от жары, и он нынче необычайно сильно потел. Несомненно, это от волнения перед полетом. Да еще приснился кошмар, от которого осталось только смутное воспоминание: число 880, врезанное в пол, вместе со знаком бесконечности, который медленно поворачивался. И когда 0 превратился в 8 и сформировалось число 888, с неба обрушилась огненная буря, и их с Селиной лица обуглились. Он проснулся с криком.

– Давай воспользуемся пока возможностью посидеть спокойно, – отозвался он.

Оставив машину на парковке аэропорта, они достали чемоданы и усадили ребенка в коляску. У мальчика были черные, красивые, как у матери, волосы и темные отцовские глаза.

Самолет подали вовремя, отлет был назначен на 17:12. В этот день, 9 июля 2008 года, аэропорт Руасси-Шарль-де-Голль был битком набит. На табло отлета сменялись пункты назначения. Отпускники, ожидавшие рейсов, нервничали, со всех сторон раздавался то плач, то смех. Шум стоял невообразимый.

15:25.

Регистрация багажа началась без задержки.

У Вика и Селины было еще время выпить чего-нибудь прохладительного в кафе. Пальцы у Вика дрожали, по рубашке расплзались темные пятна от пота. Он делал все, чтобы Селина ничего не заметила, но с ним явно было что-то неладно.

16:45.

В тот момент, когда семейство уже прошло на посадку, вдруг объявили задержку рейса 796 на неопределенное время.

– Что происходит? – спросила Селина. – Ты без конца теребишь себе руки.

Вик не сводил глаз с табло.

– Не нравится мне эта задержка, – сказал он, грызя ногти. – Почему задерживают только наш рейс, причем перед самой посадкой? Смотри! Вон наш самолет, прямо перед нами. Почему нас так хотят оставить в аэропорту? Можно подумать, что это делается нарочно.

Селина вздохнула:

– Да нет, вряд ли нас хотят оставить в аэропорту, и вряд ли рейс задерживают нарочно. Здесь такие опоздания сплошь и рядом.

– Нет. Происходит что-то необычное. Я... я в этом уверен.

Селина сжала его руки в своих. В последнее время Вик стал каким-то напряженным, замкнулся в себе.

– Прошу тебя, перестань везде видеть какие-то странные совпадения, все время подозревать, что тебе что-то угрожает.

Вик принялся наблюдать за людьми в холле. В нем все еще жил сотрудник криминальной полиции. От шума у него разболелась голова. И тут у них над головой на табло появилась надпись: «Рейс 796 задерживается до 18:14»

– Черт возьми, что же это такое? – уже в панике проговорил Вик.

– Да ничего страшного, – со вздохом отозвалась Селина.

Вику не сиделось на месте. Он отправился к автомату выпить еще прохладительного и в одну секунду осушил стакан. Но легче ему не стало, он дрожал всем телом. Жара стояла невероятная. Еще через полчаса ребенок принялся плакать.

Время вылета на табло снова поменялось: «Объявляется посадка на рейс 796».

– Ну вот видишь, – сказала Селина.

Пассажиры быстро скопились возле выхода к самолету. Семейство Маршалль встало со всеми в очередь.

Вик никак не мог успокоиться и расслабиться. Он все вглядывался в лица пассажиров. Сдвинувшись немного в сторону, он заметил лысого человека, сидевшего неподалеку и развлекавшего ребенка карточными фокусами. Но вот тот встал, взял свои два рюкзака и направился к очереди. На нем была черная футболка с рекламой сайта покерного клуба: «www.888.com».

888.

Молниеносным движением Вик схватил коляску с сыном, крепко взял за руку Селину и потащил их в сторону:

– Отсюда надо выйти. Скорее!

Он бегом бросился к главному залу с коляской и сыном. Ошеломленная, Селина не отставала ни на шаг:

– Что случилось? Вик!

– Скорее, я сказал!

Он миновал контроль в обратном направлении, под предлогом, что не может вылететь сегодня по внезапным семейным обстоятельствам, пробился сквозь толпу и помчался все быстрее и быстрее.

– Скорее! – кричал он. – Поторопись!

Селина бежала за ним, безуспешно пытаясь его урезонить, но он ее не слушал. Как ураган влетели они на стоянку такси.

Вика охватила безграничная тоска, ощущение беды. Все выходы были загорожены, из аэропорта никак не выбраться, не убежать. Он вынул сына из коляски, бросил ее на площадке и помчался дальше. Селина еле за ним поспевала.

Наконец они добежали до огромного бетонного блока, отмечающего зону подземной парковки. Здесь Вик заставил Селину сесть на корточки и пригнуться. Оба совсем обессилели.

18:08.

Земля внезапно задрожала.

От взрыва оконные стекла выдуло, как ветром. Осколки долетали до самых ног Вика и Селины.

Повсюду слышались крики, стоны, вопила автомобильная сигнализация, хлопали двери. Зал аэропорта потонул в облаке искр и пыли.

Прижав к себе сына, Вик медленно поднял голову. Рядом с ним ни жива ни мертва съежилась Селина. Он нежно погладил ее по щеке и заплакал.

Вот оно. Вот оно с ним и случилось.

Он вдруг понял, почему оказался замешан во всю эту странную историю.

Ведь он всегда был таким же, как Стефан. И сегодня вспышка произошла.

Дар. Проклятье.

Я приношу свою благодарность издательству «Passage» за поддержку.

Благодарю Яна, который сумел погрузиться в текст и прошел со мной вместе по ленте Мёбиуса. Эта история – штука непростая.

notes

Примечания

Булонь-Бийанкур – один из самых густонаселенных западных пригородов Парижа. (Здесь и далее примеч. изд.)

Здесь игра слов: по-французски *piston* может означать и *клапан*, и *блатной*, взятый на работу по блату. Коллеги будут дразнить новичка *блатником*, потому и придумали такое прозвище.

«Зиг-зауэр» – тип пистолета на вооружении французской полиции.

Mad Movies – жанр клиповой мультипликации, где в качестве материала для видеоряда используются фрагменты уже отснятых фильмов, произведений живописи, фотографий и т. д.

«*Darkland*» («Страна Тьмы») – известная компьютерная игра, сочетающая в себе элементы квеста, «стрелялки» и ужастика.

Профессор Мабулов – персонаж фильма Жоржа Мельеса «Завоевание полюса».

«*White Zombie*» – американская метал-группа, основанная в 1985 г. в Нью-Йорке. Специализировалась в жанре индастриал-грав-метал с лирикой, основанной на фильмах ужасов.

«Рикар» – анисовый аперитив, очень популярный во Франции; закусывают его оливками.

Панама – сленговое название Парижа.

Названия рок-групп 1990-х – начала 2000-х гг.

«Дет-метал» (от английского *deth* – «смерть») – экстремальный поджанр метал-рока.

Речь идет о персонажах аниме «Грендайзер», приключенческого анимационного сериала режиссера Кацуматы Томохару. Основная тема – роботы. В России известен под названием «Гольдорак».

«Бенарес», «Юнан» – самые распространенные бренды опиума, названия связаны с провинциями, где их производят.

Одностороннее зеркало – оптическое приспособление, устроенное таким образом, что, к примеру, свидетель не может видеть обвиняемого, а судья или кто-либо из следственной бригады – может. Используется при допросах, опознаниях, при работе с детьми, чтобы избежать психологической травмы ребенка.

Акротофилия – сексуальное влечение к людям с ампутированными конечностями.

Суккуб – демон-соблазнитель в женском обличе. Инкуб – демон-соблазнитель в мужском обличе.

«Золотая пальмовая ветвь» – приз Каннского кинофестиваля.

Музей Дюпюитрена – Музей патологической анатомии, в котором содержатся образцы всевозможных уродств. Назван по имени основателя, французского хирурга Гийома Дюпюитрена.

Номограмма Хенсге в судебной медицине – система расчета точного времени смерти по показателям температуры различных органов трупа, учитывая при этом температуру в помещении, где проводится исследование.

Трисомия – добавочная хромосома в хромосомном наборе;
амниоцентез – пункция жидкости из околоплодного пузыря.

Цервико-брахиальная невралгия – боль в руке, обусловленная нарушениями в шейном отделе позвоночника.

Гемостатика – учение о способах остановки кровотечений; гемостатики – лекарства, призванные увеличить свертываемость крови и тем самым уменьшить кровопотери.

Речь идет об известной французской писательнице, историке и археологе Фред Варгас (наст. имя Фредерик Одуан Рузо). Кроме нескольких серий детективных романов, ее перу принадлежит исследование о чуме «Дороги чумы».

Фиброматоз – врожденное заболевание, которое проявляется в виде различных разрастаний соединительной ткани и может локализоваться в любых тканях организма: в костях, в жировой клетчатке, в железах и т. д.

Пигонаги – близнецы, сросшиеся в области крестца.

Ишиопагия – срастание близнецов в области промежности.

Сифилитический остеопериостит развивается в результате врожденного сифилиса.

Глиоматоз – опухоли нервной ткани.

«Остальное не важно» (*англ.*) – рок-баллада американской треш-метал-группы *Metallica*, выпущенная в 1991 г. в альбоме «Metallica».

«Красный Дракон» (англ. Red Dragon) – триллер 2002 г. режиссера Бретта Ратнера, снятый по одноименному роману Томаса Харриса 1981 г. По хронологии событий второй фильм в серии о Ганнибале Лектере: «Ганнибал: Восхождение» (2007), «Красный Дракон» (2002), «Молчание ягнят» (1991), «Ганнибал» (2001). В начале фильма Ганнибал Лектер предстает в образе блистательного врача, светского человека и мецената.

17 во Франции – номер диспетчерской службы полиции, эквивалентен номеру 02 в России.

Халк (англ. Hulk); настоящее имя доктор Роберт Брюс Бэннер (англ. Dr. Robert Bruce Banner) – вымышленный персонаж, супергерой комиксов издательства «Marvel Comics». Халк был создан Стэном Ли и Джеком Кёрби, он впервые появился в комиксе «Невероятный Халк» («The Incredible Hulk») (май 1962 г.). С тех пор он стал одним из самых узнаваемых персонажей.

Николас Кейдж (р. 1964) – американский актер, продюсер и кинорежиссер. Лауреат премий «Оскар» и «Золотой глобус» 1995 г.

Норман Бейтс – маньяк-убийца, персонаж романа Роберта Блоха «Психоз» и фильма Альфреда Хичкока «Психо».

Имеется в виду молекулярный аналог механической реечной передачи (кремальеры), который может использоваться в нанотехнологии.

Кот Шрёдингера – герой мысленного эксперимента Эрвина Шрёдингера, который стремился показать неполноту квантовой теории в условиях, когда речь идет о совмещении макро- и микрообъектов. В ходе эксперимента кот мог с одинаковой вероятностью оказаться и живым, и мертвым.

Квантовые колодцы – скачкообразные переходы квантовой системы из одного возможного состояния в другое.

«До свидания, детка» (*исп.*) – ставшая крылатой фраза киборга Терминатора из фильма «Терминатор-2: Судный день», произносимая Арнольдом Шварценеггером. Попала в список ста известных цитат из американских фильмов за сто лет по версии AFI.

Французские названия шахматных фигур более прозрачно доносят смысл метафоры Вика: «...доблестному королю под защитой своей башни, рыцаря (всадника) и королевы...»

Кремлен-Бисетр – психиатрическая больница в Париже.

Болезнь Дюпюитрена (ладонный фасциальный фиброматоз) – наследственное заболевание ладони, при котором разрастание соединительной ткани приводит к контрактуре и пальцы теряют подвижность. Болезнь поражает, как правило, правую руку у мужчин пожилого возраста.

Болезнь Леддерхозе сходна с болезнью Дюпюитрена, только поражает не ладонь, а стопу. Пальцы стопы также оказываются обездвижены контрактурой.

Болезнь Пейрони – искривление мужского полового члена вследствие разрастания фиброзной оболочки.

«*Smashing Pumpkins*» («Классные Тыквы», «Обалденные Тыквы») – англо-американская рок-группа.

ПЦР – полимеразная цепная реакция, один из экспериментальных методов молекулярной биологии, применяющихся в медицине для диагностики наследственных заболеваний.

Ежик Соник (Sonic hedgehog, *англ.*) – ген Sonic hedgehog, который назвали в честь героя компьютерных игр ежика Соника; hedgehog участвует в развитии конечностей человека, определяет формирование каждого пальца.

Гаструляция – сложный процесс морфогенетических изменений, сопровождающийся размножением, ростом, направленным перемещением и дифференцировкой клеток, в результате чего образуются зародышевые листки.

А также, точно так же (*лат.*).

«Уродцы» (англ. «Freaks») – мелодрама из жизни цирковой труппы, в которой разнообразные уродцы выступают вместе с нормальными актерами. Фильм, в котором снималась самая впечатляющая группа актеров с физическими отклонениями за всю историю кинематографа, нес гуманистический и нравственный заряд высочайшего накала, но публика оказалась не готова к предложенному Браунингом уровню откровенности. Никакие сокращения не могли спасти фильм от провала в прокате, и он на три десятилетия оказался похоронен в студийном архиве.

Очень жестокие серийные убийцы конца прошлого века. Имеется в виду книга «Джек-потрошитель. Кто он. Портрет убийцы» Патрисии Корнуэлл, американской писательницы, наиболее известной как автор серии детективных романов о судебно-медицинском эксперте докторе Кей Скарпетте.

Синдром Протея – очень редкое генетическое заболевание, которое проявляется в аномальном и очень быстром разрастании костной или мышечной ткани на разных участках тела.

Синдром Стерджа-Вебера – врожденный ангиоматоз, поражающий кожу, органы зрения и центральную нервную систему. Проявляется множественными врожденными ангиомами лицевой области. (Вспомним «винное пятно» портье в «Трех Парках».)

Алькатрас – остров в Сан-Франциско, где расположена знаменитая тюрьма.

Аутозит – существо, на поверхности или в теле которого имеются один или несколько близнецов-паразитов.

Речь идет о тяжелых врожденных пороках развития. *Экзенцефалия* – расположение головного мозга плода не внутри черепной коробки, а вне ее; *отоцефалия* – летальный порок, при котором у плода отсутствует нижняя челюсть, а глаза и уши настолько сближены, что зачастую голова превращается в одно огромное ухо, а глаза либо находятся в одной орбите, либо трансформируются в один большой глаз посередине лба (*циклоцефлия*).

Эффексор – сильный антидепрессант, имеет международное название *венлафаксин*.

Псевдозеркальный фотоаппарат (англ. Bridge camera) – класс любительской фотоаппаратуры, заполняющий нишу между компактными и однообъективными зеркальными камерами потребительского сегмента.

Речь идет о Моргане Эндрю Робертсоне (1861–1915).

Буркина-Фасо – государство в Западной Африке.

Джон Дугс – цирковой артист с недоразвитыми конечностями. В сущности, у него была одна правая рука и короткая левая нога, остальные конечности в рудиментарном виде.

Гуронзан – один из современных антидепрессантов. Действует как успокоительное, применяется при лечении различных зависимостей.

Бризантные снаряды – снаряды, разлетающиеся при взрыве на множество осколков.

ЕТ (*англ.* Extra-Terrestrial) – «Инопланетянин» (художественный фильм, реж. Стивен Спилберг, 1982) и «Чужой» – «Alien» (художественный фильм Ридли Скотта; существует несколько эпизодов).

Намдинь – город в дельте реки Хонгха, столица одноименной провинции.

Болезнь Дауна.

Гистеротомия – вскрытие матки.

Галатский лес – предместье к северу от Парижа, бывшие королевские охотничьи угодья.

Подлинник картины хранится в Болонье, в Пинакотеке.

Мадонна Бенталя (Пьета Бенталя, Алжирская Пьета, Мадонна в аду) – фото, сделанное во время гражданской войны в Алжире 23 сентября 1997 г.

Франсильен – в данном контексте – внешнее кольцо Парижской окружной дороги.

Имеется в виду картина Фриды Кало «Сломанная колонна».

Хью Эверетт (1930–1982) – американский математик, физик-теоретик, программист, занимавшийся квантовой механикой. Эверетт первым в 1954 г. предложил многомировую интерпретацию квантовой механики, которую назвал «относительностью состояния».

Кариотип – совокупность признаков полного набора хромосом, присущая клеткам данного биологического вида.

Люминол – специальный химический состав, позволяющий заставить светиться то место, где есть следы крови. Работа научной бригады с люминолом очень впечатляюще представлена почти во всех детективных сериалах.

Больница Некер – многопрофильная детская больница в Париже, которая уделяет большое внимание врожденным патологиям.